

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 11 (152)
Ноябрь 2017 года

В номере:

НОВОЕ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- 4 Федеральный закон от 14.11.2017 № 321-ФЗ
О внесении изменений в статью 117 Семейного кодекса Российской Федерации и Федеральный закон «Об исполнительном производстве» в части совершенствования процедуры взыскания алиментов
- 5 Федеральный закон от 14.11.2017 № 322-ФЗ
О внесении изменений в статьи 78 и 79 части первой Налогового кодекса Российской Федерации
- 6 Федеральный закон от 27.11.2017 № 359-ФЗ
О внесении изменений в статьи 242 и 243 Трудового кодекса Российской Федерации

СУДЕБНАЯ И АРБИТРАЖНАЯ ПРАКТИКА

- 7 Обзор практики Конституционного суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2017 года
(утв. 09.11.2017 г.)
- 14 Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 4 (2017)
(утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017 г.)
- 80 Обзор практики рассмотрения в 2016 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации
(утв. Президиумом ВС РФ 01.06.2017 г.)

- 88** Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прохождением службы федеральными государственными служащими (сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками следственного комитета российской федерации, сотрудниками иных органов, в которых предусмотрена федеральная государственная служба) (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2017 г.)
- 125** Постановление Конституционного суда РФ от 14 ноября 2017 г. N 28-П
По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М.И. Бондаренко
- 135** Постановление Конституционного суда РФ от 21 ноября 2017 г. N 30-П
По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского
- 140** Постановление Конституционного суда РФ от 21 ноября 2017 г. N 32-П
По делу о проверке конституционности статей 21 и 211 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горovenko
- 147** Постановление Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. N 44
О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав
- 154** Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 ноября 2017 г. N 46
О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судьями дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях
- 157** Постановление Пленума Верховного суда РФ от 30 ноября 2017 г. N 48
О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате
- 164** Постановление Верховного суда РФ от 30 октября 2017 г. N 30-АД17-2
- 168** Определение Верховного суда РФ от 26 октября 2017 г. N 305-ЭС17-8225
- 172** Определение Верховного суда РФ от 25 июля 2017 г. N 18-КГ17-68

175 Определение Верховного суда РФ от 31 октября 2017 г. N 18-КГ17-188

177 Решение Верховного суда РФ от 10 ноября 2017 г. N АКПИ17-867

ИНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

180 Письмо МИНФИНА РФ от 4 октября 2017 г. N 03-05-04-03/64446

181 Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

Над выпуском работали:

Президент Адвокатской палаты Красноярского края **И.И. Кривоколеско**

Секретарь Квалификационной комиссии Адвокатской палаты Красноярского края **И.А. Оберман**

Подготовлено с использованием справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Адрес редакции: 660135, г. Красноярск, ул. Взлетная, 5г.

Тел./факс: +7 (391) 277-74-54. Тел.: +7 (391) 277-74-52

E-mail: advokat_palata@mail.ru

Индексация алиментов, взыскиваемых в твердой сумме организациями, выплачивающими должнику периодические платежи, будет осуществляться при поступлении исполнительного документа не только от взыскателя, но и от судебного пристава-исполнителя.

14 ноября 2017 года

N 321-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬЮ 117 СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
«ОБ ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ»
В ЧАСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ
ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ**

Принят
Государственной Думой
27 октября 2017 года

Одобен
Советом Федерации
8 ноября 2017 года

Статья 1

Пункт 1 статьи 117 Семейного кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 1, ст. 16; 2011, N 49, ст. 7041) изложить в следующей редакции:

«1. Индексацию алиментов, взыскиваемых по решению суда в твердой денежной сумме, производит организация или иное лицо, которым направлен исполнительный документ (копия исполнительного документа) в случаях, установленных частью 1 статьи 9 и пунктом 8 части 1 статьи 47 Федерального закона от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», либо судебный пристав-исполнитель в рамках исполнительного производства пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии в соответствующем субъекте Российской Федерации указанной величины пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в целом по Российской Федерации.»

Статья 2

Внести в Федеральный закон от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, N 41, ст. 4849; 2011, N 29, ст. 4287; N 30, ст. 4573; N 49, ст. 7041, 7067; N 50, ст. 7352; 2013, N 14, ст. 1657; N 52, ст. 7006; 2014, N 11, ст. 1099; N 19, ст. 2331; 2015, N 10, ст. 1393, 1427; N 48, ст. 6706; 2016, N 1, ст. 13, 45) следующие изменения:

1) часть 6 статьи 30 после слов «постановление судебного пристава-исполнителя» дополнить словами «о расчете и взыскании задолженности по алиментам в случае прекращения исполнительного производства в соответствии с пунктом 9 части 2 статьи 43 настоящего Федерального закона»;

2) часть 2 статьи 43 дополнить пунктом 9 следующего содержания:

«9) прекращении алиментных обязательств по основаниям, предусмотренным абзацем вторым пункта 2 статьи 120 Семейного кодекса Российской Федерации.»;

3) часть 2 статьи 44 изложить в следующей редакции:

«2. Одновременно с вынесением постановления о прекращении основного исполнительного производства, за исключением прекращения исполнительного производства по основаниям, установленным пунктами 4 и 5 части 2 статьи 43 настоящего Федерального закона, судебный пристав-исполнитель возбуждает исполнительное производство на основании постановления о расчете и взыскании задолженности по алиментам, а также по не исполненным полностью или частично постановлениям о взыскании с должника расходов по совершению исполнительных действий и исполнительского сбора, наложенного судебным приставом-исполнителем в процессе исполнения исполнительного документа.»;

4) в статье 102:

а) в части 1 первое предложение изложить в следующей редакции: «При повышении величины прожиточного минимума судебный пристав-исполнитель в рамках исполнительного производства либо организация или иное лицо, которым направлен в случаях, установленных частью 1 статьи 9 и пунктом 8 части 1 статьи 47 настоящего Федерального закона, исполнительный документ (копия исполнительного документа), производит индексацию алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в соответствующем субъекте Российской Федерации по месту жительства лица, получающего алименты, а при отсутствии в соответствующем субъекте Российской Федерации указанной величины пропорционально росту величины прожиточного минимума для соответствующей социально-демографической группы населения, установленной в целом по Российской Федерации.»;

б) часть 2 изложить в следующей редакции:

«2. Размер задолженности по алиментам определяется в постановлении судебного пристава-исполнителя о расчете и взыскании задолженности по алиментам исходя из размера алиментов, установленного судебным актом или соглашением об уплате алиментов.»

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
14 ноября 2017 года
N 321-ФЗ

Федеральный закон от 14.11.2017 № 322-ФЗ

С одного месяца до трех лет увеличен срок, в течение которого можно подать заявление в налоговую инспекцию о возврате излишне взысканных платежей в бюджет.

Срок исчисляется со дня, когда налогоплательщику стало известно о факте излишнего взыскания с него соответствующих сумм. Одновременно исключен специальный трехлетний срок для обращения в суд с исковым заявлением о возврате излишних платежей в судебном порядке.

14 ноября 2017 года

N 322-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬИ 78 И 79 ЧАСТИ ПЕРВОЙ НАЛОГОВОГО
КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
25 октября 2017 года

Одобен
Советом Федерации
8 ноября 2017 года

логоплательщику стало известно о факте излишнего взыскания с него налога.

В случае, если установлен факт излишнего взыскания налога, на основании указанного заявления налоговый орган принимает решение о возврате суммы излишне взысканного налога, а также начисленных в порядке, предусмотренном пунктом 5 настоящей статьи, процентов на эту сумму.».

Статья 2

Настоящий Федеральный закон вступает в силу не ранее чем по истечении одного месяца со дня его официального опубликования.

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
14 ноября 2017 года
N 322-ФЗ

Статья 1

Внести в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, N 31, ст. 3824; 1999, N 28, ст. 3487; 2003, N 22, ст. 2066; 2004, N 27, ст. 2711; N 45, ст. 4377; 2006, N 31, ст. 3436; 2010, N 31, ст. 4198; 2011, N 47, ст. 6611; 2012, N 27, ст. 3588; 2013, N 30, ст. 4081; 2014, N 26, ст. 3372; N 45, ст. 6157; 2015, N 24, ст. 3377; 2016, N 27, ст. 4176, 4177; N 49, ст. 6844) следующие изменения:

1) статью 78 дополнить пунктом 17 следующего содержания:

«17. Правила о возврате сумм излишне уплаченных налогов, установленные настоящей статьей, применяются также в отношении возврата сумм ранее удержанного налога на прибыль организаций, подлежащих возврату иностранной организации в случаях, предусмотренных пунктом 2 статьи 312 настоящего Кодекса, с учетом особенностей, установленных настоящим пунктом.

Решение о возврате суммы ранее удержанного налога на прибыль организаций принимается налоговым органом по месту учета налогового агента в течение шести месяцев со дня получения от иностранной организации заявления о возврате ранее удержанного налога и иных документов, указанных в пункте 2 статьи 312 настоящего Кодекса.

Сумма ранее удержанного налога на прибыль организаций подлежит возврату в течение одного месяца со дня принятия налоговым органом решения о возврате суммы ранее удержанного налога.»;

2) пункт 3 статьи 79 изложить в следующей редакции:

«3. Заявление о возврате суммы излишне взысканного налога может быть подано налогоплательщиком в налоговый орган в течение трех лет со дня, когда на-

Положения ТК РФ приведены в соответствие с КоАП РФ в части замены термина «административный проступок» термином «административное правонарушение».

27 ноября 2017 года

№ 359-ФЗ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

**О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТАТЬИ 242 И 243 ТРУДОВОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Принят
Государственной Думой
10 ноября 2017 года

Одобрено
Советом Федерации
22 ноября 2017 года

Внести в Трудовой кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 1, ст. 3; 2006, № 27, ст. 2878) следующие изменения:

1) в части третьей статьи 242 слово «проступка» заменить словом «правонарушения»;

2) в пункте 6 части первой статьи 243 слова «проступка, если таковой установлен» заменить словами «правонарушения, если таковое установлено».

Президент
Российской Федерации
В. ПУТИН

Москва, Кремль
27 ноября 2017 года
№ 359-ФЗ

Конституционным Судом РФ проведен анализ наиболее важных решений, принятых им во втором и в третьем кварталах 2017 года.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

РЕШЕНИЕ
от 9 ноября 2017 года

**ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ОБЗОРА
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЗА ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ КВАРТАЛЫ 2017 ГОДА**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

заслушав информацию Председателя Конституционного Суда Российской Федерации о подготовленном Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации Обзоре практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2017 года,

решил:

1. Утвердить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2017 года.

2. Разместить Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2017 года на официальном сайте Конституционного Суда Российской Федерации.

3. Опубликовать Обзор практики Конституционного Суда Российской Федерации за второй и третий кварталы 2017 года в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Председатель
Конституционного Суда
Российской Федерации
В.Д. ЗОРЬКИН

**ОБЗОР
ПРАКТИКИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА ВТОРОЙ И ТРЕТИЙ
КВАРТАЛЫ 2017 ГОДА**

Настоящий обзор посвящен наиболее важным решениям, принятым Конституционным Судом Российской Федерации (далее - Конституционный Суд) во втором и третьем кварталах 2017 года (постановления, определения по жалобам и запросам).

I

Конституционные основы публичного права

1. Постановлением от 13 апреля 2017 года N 11-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 2 статьи 40, частей 10 и 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», пунктов 2 и 3 части 1 статьи 128 и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку:

служат основанием для принятия Центральной избирательной комиссией Российской Федерации (далее - ЦИК Российской Федерации) решения об отказе в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, в случаях, когда в некоторых одномандатных избирательных округах оказались выдвинутыми более одного кандидата (часть 2 статьи 40 и часть 10 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»);

на их основании разрешается вопрос о наличии права на судебное оспаривание отказа ЦИК Российской Федерации в заверении списка кандидатов в депутаты Государственной Думы, выдвинутых политической партией по одномандатным избирательным округам, у отдельных кандидатов, включенных в данный список (часть 11 статьи 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и часть 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Оспоренные положения части 2 статьи 40 и части 10 статьи 42 указанного Федерального закона были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой позволяют ЦИК Российской Федерации отказывать в заверении такого списка кандидатов в случае, когда решения о выдвижении кандидатов по другим одномандатным избирательным округам приняты политической партией в рамках установленных правил выдвижения и позволяют достоверно определить поименный состав кандидатов и их распределение по соответствующим одномандатным избирательным округам.

Кроме того, оспоренные положения части 11 статьи 42 указанного Федерального закона и части 10 статьи 239 Кодекса административного судопроизвод-

ства Российской Федерации были признаны не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку не препятствуют кандидату, выдвинутому политической партией по одномандатному избирательному округу, участвовать в качестве заинтересованного лица в возбужденном по административному исковому заявлению политической партии деле об оспаривании решения ЦИК Российской Федерации об отказе в заверении такого списка кандидатов и не исключают возможность самостоятельного судебного оспаривания им указанного решения в части, непосредственно затрагивающей его пассивное избирательное право.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений ЦИК Российской Федерации при заверении выдвинутого политической партией списка кандидатов в депутаты Государственной Думы по одномандатным избирательным округам, а Верховный Суд Российской Федерации - при оспаривании отказа в заверении такого списка обязаны руководствоваться правовыми позициями Конституционного Суда, выраженными в настоящем Постановлении.

Признание оспоренных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации, а также не противоречащими ей в их выявленном конституционно-правовом смысле не затрагивает результаты выборов в Государственную Думу седьмого созыва, состоявшихся 18 сентября 2016 года, и не может служить основанием для их пересмотра, что не исключает для заявителей по настоящему делу возможность использовать для защиты своих прав компенсаторные механизмы в соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

2. Постановлением от 23 мая 2017 года N 14-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статей 31.7 и 31.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о содержании в специальном учреждении, предусмотренном Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», лица без гражданства, которому назначено административное наказание в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации, в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии фактической возможности исполнения постановления о его административном выдворении за пределы Российской Федерации.

Оспоренные положения были признаны не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой не позволяют разрешить в судебном порядке вопрос о правомерности дальнейшего содержания такого лица в указанном специальном учреждении.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений лицам без гражданства, помещенным

в целях обеспечения исполнения назначенного им административного наказания в виде принудительного выдворения за пределы Российской Федерации в специальные учреждения при выявлении обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии фактической возможности их выдворения, во всяком случае по истечении трех месяцев со дня принятия постановления о назначении такого наказания, должно быть предоставлено право на обращение в суд с заявлением о проверке законности и обоснованности дальнейшего содержания в соответствующем специальном учреждении. Этим не исключается принятие судом решения об отказе в его удовлетворении, если основания для помещения в специальное учреждение сохраняются, а реальная возможность выдворения за пределы Российской Федерации не утрачена.

3. Постановлением от 5 июля 2017 года N 18-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку на его основании решается вопрос о принадлежности конкретному муниципальному образованию обязанности по организации бесплатной перевозки обучающихся до образовательных организаций, реализующих основные общеобразовательные программы, и обратно, включая финансовое обеспечение расходов на осуществление данной обязанности.

Конституционный Суд признал оспоренное положение соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им предполагается обязательность организации бесплатной перевозки обучающихся в таких муниципальных образовательных организациях, если с учетом обстоятельств, определяющих их транспортную доступность в конкретном муниципальном образовании, возможность осуществления обучающимися конституционного права на получение общедоступного и бесплатного основного общего образования существенно затруднена или не может быть обеспечена.

При этом спорная норма была признана не соответствующей Конституции Российской Федерации в той мере, в какой она возлагает на муниципальный район или городской округ - учредителя образовательной организации, в которой обучаются лица, проживающие в другом муниципальном районе или городском округе, организацию их бесплатной перевозки до образовательной организации и обратно за счет средств своего бюджета - без предоставления ему средств из бюджетов вышестоящих уровней бюджетной системы или без компенсации соответствующих расходов из бюджета муниципального района или городского округа, в котором проживают обучающиеся, - если необходимость их зачисления в данную образовательную организацию обусловлена тем, что на территории муниципального района или городского округа, где проживают эти лица, возможность осуществления ими конституционного права на получение общедоступного и бесплатного основного общего образования с точки зрения обеспечения территориальной доступности образовательных организаций су-

щественно затруднена или не может быть обеспечена. Однако данное предписание подлежит применению с 1 июля 2018 года.

Конституционный Суд указал также на право заявителя обратиться с требованием о возмещении соответствующим муниципальным образованием расходов на осуществление до 1 июля 2018 года перевозки обучающихся, проживающих в данном муниципальном районе, в образовательную организацию на своей территории и обратно.

4. Постановлением от 10 июля 2017 года N 19-П Конституционный Суд дал оценку конституционности подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации и Перечня кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации.

Оспоренные положения были предметом рассмотрения в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о возможности применения в отношении прямо указанного в данных нормативных правовых актах товара для детей - колясок детских ставки налога на добавленную стоимость в размере 10 процентов при ввозе их на территорию Российской Федерации в случаях их поставки в определенной комплектации.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они не могут служить основанием для отказа налогоплательщику в исчислении налога на добавленную стоимость по ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации детских колясок в комплектации, согласующейся с обычным использованием товара и включающей как саму коляску, так и соответствующие принадлежности к ней.

5. Постановлением от 11 июля 2017 года N 20-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Предметом рассмотрения являлись выраженные в оспоренных положениях правила о распределении судебных расходов постольку, поскольку на их основании решается вопрос о распределении судебных расходов по делам об оспаривании - путем предъявления требования об установлении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере, равном их рыночной стоимости, - результатов определения кадастровой стоимости этих объектов.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой ими при отсутствии возражений ответчика, административного ответчика на требования истца, административного истца фактически исключается возможность присуждения судебных расходов лицу, чье исковое заявление, административное исковое заявление об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости

в размере его рыночной стоимости удовлетворено судом, даже в тех случаях, когда:

ранее определенная в порядке массовой оценки кадастровая стоимость данного объекта настолько превышает его кадастровую стоимость, установленную судом в размере его рыночной стоимости, что это может свидетельствовать о повлекшей нарушение прав соответствующего лица ошибке, допущенной при формировании методики определения кадастровой стоимости или при ее применении к конкретному объекту недвижимости;

и (или) понесенные этим лицом судебные расходы не связаны с его процессуальным поведением после подачи иска, административного иска.

Впредь до внесения необходимых законодательных изменений соответствующие положения Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации подлежат применению с учетом правовых позиций Конституционного Суда, изложенных в настоящем Постановлении.

6. Постановлением от 19 июля 2017 года N 22-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Оспоренные положения являлись предметом рассмотрения постольку, поскольку на их основании решается вопрос о месте пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), по которому он обязан встать на миграционный учет, и о привлечении к юридической ответственности за неисполнение этой обязанности.

Конституционный Суд признал оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они содержат неопределенность:

в вопросе о том, допустима ли и в каком случае в отношении иностранного гражданина (лица без гражданства), временно пребывающего в Российской Федерации, постановка его на учет по месту пребывания по месту нахождения (адресу) принимающей стороны;

в вопросе о том, каким образом соотносятся обязанности в сфере миграционного учета такого гражданина и принимающей стороны в части обеспечения постановки его на учет именно по месту (адресу), по которому он должен быть в соответствии с установленным порядком поставлен на учет по месту пребывания, притом что нарушение установленного порядка может повлечь его привлечение к юридической ответственности.

Впредь до внесения надлежащих законодательных изменений при решении вопроса о выборе места постановки указанного гражданина на учет по месту пребывания, равно как и при оценке наличия в его действиях признаков нарушения режима пребывания (проживания) в Российской Федерации оспоренные положения не могут рассматриваться как обязывающие временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина (лица без гражданства), поставленного на миграционный учет по месту нахождения (адресу)

пригласившей его организации (принимающей стороны), правовая связь с которой, основанная на положениях законодательства Российской Федерации, в период пребывания в Российской Федерации им не утрачивается, встать на миграционный учет по месту нахождения (адресу) жилого помещения, которое ему предоставила принимающая сторона и в котором он временно проживает.

Во всех иных случаях иностранные граждане и лица без гражданства должны, если в данном Федеральном законе прямо не указаны иные правила миграционного учета, встать на учет по месту пребывания в месте их фактического проживания.

7. Определением от 6 июня 2017 года N 1163-О Конституционный Суд выявил смысл положений подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также части 1 статьи 4, части 3 статьи 16, статьи 17 и части 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам».

Оспоренные положения являются элементами механизма осуществления контроля за расходами государственных гражданских служащих, обязанных представлять сведения о своих доходах и расходах, а также о доходах и расходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей. При этом такая обязанность возникает в отношении сделок, совершенных с 1 января 2012 года.

Конституционный Суд отметил, что, исходя из того что первым отчетным периодом с момента вступления в силу указанного Закона является период с 1 января по 31 декабря 2012 года, действующее регулирование не может расцениваться как недопустимое с точки зрения Конституции Российской Федерации придание обратной силы закону, ухудшающему правовое положение государственных гражданских служащих и ограничивающему их права, уже существующие в конкретных правоотношениях.

При этом возможность проведения в рамках контроля за расходами на приобретение дорогостоящих объектов гражданского оборота мониторинга доходов государственного гражданского служащего и его супруги (супруга) за период, предшествующий вступлению в силу указанного Закона, а равно обращения в доход Российской Федерации имущества, приобретенного по сделкам, совершенным с 1 января 2012 года, - притом что в отношении такого имущества указанным лицом не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, - отвечает предназначению правового регулирования в этой сфере, направленного на защиту конституционно значимых ценностей, и не нарушает баланс публичных интересов борьбы с коррупцией и частных интересов государственных гражданских служащих, доходы которых не связаны с коррупционной деятельностью.

8. Определением от 4 июля 2017 года N 1440-О Конституционный Суд выявил смысл положений статей 146, 153, 154, 247 - 249 и 274 Налогового кодекса Российской Федерации.

Оспоренные положения определяют объект налогообложения и налоговую базу по налогам на до-

бавленную стоимость и на прибыль организаций и направлены на создание нормативной основы для исполнения налогоплательщиками конституционной обязанности по уплате указанных налогов.

Как отметил Конституционный Суд, оспоренные нормы содержат все необходимые положения для определения таких существенных элементов налогов, как объект налогообложения и налоговая база, не предполагают их произвольного применения и распространяются в равной мере на всех плательщиков данных налогов. Кроме того, они не допускают возможности доначисления налогоплательщику сумм налогов в размере большем, чем это установлено законом, поскольку сами определяют размер налоговой обязанности исходя из фактических показателей хозяйственной деятельности налогоплательщика.

9. Определением от 18 июля 2017 года N 1447-О Конституционный Суд выявил смысл положений части 3 статьи 9 Федерального закона «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности».

Согласно оспоренным положениям физические лица и юридические лица, полагающие, что их права нарушены в связи с передачей религиозной организации имущества религиозного назначения, вправе обратиться в суд за защитой своих прав и (или) законных интересов.

Конституционный Суд указал, что оспоренные положения не содержат каких-либо специальных изъятий из установленных главой 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации общего порядка и условий судебного оспаривания решений, действий (бездействия) субъектов публичной власти. Они устанавливают дополнительную административно-юрисдикционную гарантию для заинтересованных лиц, которые на этапе рассмотрения заявления религиозной организации правомочны по своему усмотрению воспользоваться административным порядком рассмотрения дела (путем обращения в уполномоченный орган или комиссию) либо обратиться в суд. Из оспоренных положений прямо следует возможность для таких лиц обратиться за судебной защитой своих прав и (или) законных интересов, нарушенных, как они полагают, не только собственно передачей религиозной организации имущества религиозного назначения, но и в связи с такой передачей.

При этом судебное оспаривание решения об утверждении плана передачи религиозным организациям имущества религиозного назначения, содержащего мероприятия по высвобождению имущества - принимая во внимание возложенные на соответствующие предприятия, учреждения публично значимые функции, равно как и возможный особый правовой статус закрепленных за ними объектов, включая принадлежность к объектам культурного наследия, - может приобретать значение реального гарантирования конституционных прав, в механизм обеспечения которых вовлечено конкретное государственное или муниципальное учреждение, предприятие.

10. Определением от 21 сентября 2017 года N 1789-О Конституционный Суд выявил смысл положений

подпункта «з» пункта 25 статьи 38 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям одним из оснований отказа в регистрации списка кандидатов, отказа в проведении референдума является превышение числа кандидатов, исключенных из списка кандидатов по заявлениям кандидатов о снятии своих кандидатур, по решению избирательного объединения (за исключением выбытия по вынуждающим к тому обстоятельствам), а также по решению избирательной комиссии, принятому в связи с наличием предусмотренных пунктом 26 данной статьи оснований для такого исключения, более чем на 25 процентов от общего числа кандидатов в заверенном списке кандидатов на выборах в федеральные органы государственной власти и более чем на 50 процентов от общего числа кандидатов в заверенном списке кандидатов на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Конституционный Суд отметил, что определенный в оспоренных положениях процент выбытия кандидатов из списка кандидатов по неважным причинам является значительным и служит критерием, свидетельствующим о неспособности избирательного объединения (политической партии) обеспечить как свое участие в выборах различного уровня, так и участие граждан путем выражения воли в реализации пассивного избирательного права. При этом для целей данной нормы не учитываются кандидаты, выбывшие из списка кандидатов по обстоятельствам, вынуждающим кандидата снять свою кандидатуру, а избирательное объединение - отозвать выдвинутого им зарегистрированного кандидата, к числу которых относятся ограничение судом дееспособности, тяжелая болезнь, стойкое расстройство здоровья кандидата и его близких родственников, избрание (назначение) кандидата на государственную или муниципальную должность.

II

Конституционные основы трудоустройства и социальной защиты

11. Постановлением от 18 апреля 2017 года N 12-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Предметом рассмотрения являлся пункт «м» части первой статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации постольку, поскольку на его основании принимается решение об увольнении со службы сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в случае их осуждения вступившим в законную силу обвинительным приговором суда за деяния, которые на момент принятия такого решения более не признаются преступлениями.

III

Конституционные основы частного права

Оспоренное положение было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно предполагает увольнение со службы указанных сотрудников, притом что деяния, в связи с совершением которых они были осуждены, на момент решения вопроса о расторжении с ними контракта о прохождении службы и увольнении со службы были декриминализованы.

12. Постановлением от 27 июня 2017 года № 17-П Конституционный Суд дал оценку конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 17 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств».

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения в той мере, в какой оно служит правовым основанием для решения вопроса о выплате имеющим транспортные средства законным представителям детей-инвалидов, нуждающихся по медицинским показаниям в обеспечении транспортным средством, денежной компенсации в размере 50 процентов страховой премии, уплаченной ими по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно не предполагает возможности отказа в такой выплате законному представителю ребенка-инвалида лишь на том основании, что владельцем транспортного средства, фактически используемого для обеспечения нужд ребенка-инвалида, является не сам ребенок-инвалид, а его законный представитель.

13. Определением от 4 апреля 2017 года № 696-О Конституционный Суд выявил смысл положений пункта 3 статьи 30 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации».

Согласно оспоренным положениям определение расчетного размера трудовой пенсии при оценке пенсионных прав застрахованного лица осуществляется с учетом его среднемесячного заработка за 2000 - 2001 годы по сведениям индивидуального (персонифицированного) учета в системе обязательного пенсионного страхования либо за любые 60 месяцев работы подряд на основании документов, выдаваемых в установленном порядке соответствующими работодателями либо государственными (муниципальными) органами. При этом среднемесячный заработок свидетельскими показаниями не подтверждается.

Как отметил Конституционный Суд, установленный порядок исчисления расчетного размера трудовой пенсии при оценке приобретенных до 1 января 2002 года пенсионных прав в части, касающейся определения размера среднемесячного заработка застрахованного лица, в равной мере распространяется на всех лиц, у которых право на назначение трудовой пенсии по старости возникло после 1 января 2002 года, обеспечивает индивидуализацию размера трудовой пенсии по старости, исключает возможность произвольного установления пенсионного обеспечения и, по существу, воспроизводит действовавший ранее порядок исчисления размера трудовых пенсий по старости.

14. Постановлением от 22 июня 2017 года № 16-П Конституционный Суд дал оценку конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Предметом рассмотрения являлось оспоренное положение, предусматривающее право собственника истребовать принадлежащее ему имущество от добросовестного приобретателя в случае, когда это имущество выбыло из владения собственника помимо его воли, - применительно к случаям истребования жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом.

В указанном аспекте оспоренное положение признано соответствующим Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд, кроме того, признал оспоренное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой оно допускает истребование как из чужого незаконного владения жилого помещения, являвшегося выморочным имуществом, от его добросовестного приобретателя, который при возмездном приобретении этого жилого помещения полагался на данные Единого государственного реестра недвижимости и в установленном законом порядке зарегистрировал право собственности на него, по иску соответствующего публично-правового образования в случае, когда данное публично-правовое образование не предприняло своевременных мер по его установлению и надлежащему оформлению своего права собственности на это имущество.

15. Определением от 4 апреля 2017 года № 716-О Конституционный Суд подтвердил правовые позиции, ранее сформулированные им в Постановлении от 10 марта 2017 года № 6-П относительно учета полной стоимости новых деталей, узлов и агрегатов при определении размера убытков, подлежащих возмещению лицом, причинившим вред, и, соответственно, относительно возможности возмещения потерпевшему - владельцу транспортного средства вреда, причиненного ему лицом гражданская ответственность которого застрахована по договору ОСАГО в размере, превышающем размер страхового возмещения.

Конституционный Суд отметил, что данные правовые позиции носят общий характер и распространяются на все предусмотренные пунктом 15 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» формы возмещения вреда, в том числе и на возмещение вреда, осуществляемое путем выдачи и организации оплаты восстановительного ремонта поврежденного транспортного средства потерпевшего на станции технического обслуживания.

16. Определением от 4 июля 2017 года № 1442-О Конституционный Суд подтвердил ранее сформулированные правовые позиции о преюдициальном значении в гражданском деле приговора по уголовному делу (часть четвертая статьи 61 ГПК Российской Федерации) применительно к случаям, когда гражданский иск был удовлетворен по существу в приговоре - в части

признания права за гражданским истцом на возмещение ему гражданским ответчиком вреда, причиненного непосредственно преступлением. Конституционный Суд подчеркнул, что в этом случае приговор суда не может рассматриваться как обычное письменное доказательство, обладающее свойством преюдициальности, так как этим приговором разрешен по существу гражданский иск о праве с определением в резолютивной части судебного акта прав и обязанностей участников материально-правового гражданского отношения, что нельзя игнорировать в гражданском деле.

Указав, что понятие общеобязательности вступившего в силу судебного решения включает наряду с преюдициальностью также исполнимость содержащихся в резолютивной части судебного решения властных предписаний о конкретных правах и обязанностях субъектов, Конституционный Суд подчеркнул, что игнорирование в гражданском процессе выводов о признании права потерпевшего на возмещение вреда, содержащихся во вступившем в законную силу приговоре, может привести к фактическому преодолению окончательности и неопровержимости вступившего в законную силу судебного акта без соблюдения установленных законом особых процедурных условий его пересмотра, т.е. к произволу при осуществлении судебной власти; отказ суда, рассматривающего в порядке гражданского судопроизводства вопрос о размере возмещения причиненного преступлением вреда, руководствоваться приговором о признании за гражданским истцом права на удовлетворение гражданского иска являлся бы прямым нарушением законодательных предписаний, в соответствии с которыми вступившие в законную силу акты федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации обязательны для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации.

17. В Определениях от 21 сентября 2017 года N 1793-О и N 1794-О Конституционный Суд выявил смысл положений статьи 7 Лесного кодекса Российской Федерации. Конституционный Суд указал, что, установив приоритет сведений о категории земельных участков, содержащихся в правоустанавливающих документах и Едином государственном реестре недвижимости, перед категорией земель, указанной в государственном лесном реестре и лесном плане субъекта Российской Федерации, федеральный законодатель исключил возможность изъятия земельных участков у граждан, которые приобрели их на законном основании и были указаны как их собственники в Едином государственном реестре недвижимости только по формальным основаниям их расположения в границах лесничеств и лесопарков в соответствии с данными государственного лесного реестра.

При этом Конституционный Суд отметил, что, рассматривая иски публично-правовых образований об истребовании земельных участков из владения к гражданам, чье право собственности на них зарегистрировано в Едином государственном реестре недви-

жимости, суды должны оценивать возможность защиты прав добросовестных приобретателей в том числе в соответствии с конституционно-правовым смыслом содержащихся в статье 302 ГК Российской Федерации законоположений, выявленным Конституционным Судом Российской Федерации (Постановление от 22 июня 2017 года N 16-П).

18. В Определении от 21 сентября 2017 года N 1795-О Конституционный Суд указал, что сформулированный в Постановлении от 22 июня 2017 года N 16-П вывод о том, что в случае истребования выморочного имущества от его добросовестного приобретателя справедливым было бы переложение неблагоприятных последствий в виде утраты такого имущества на публично-правовое образование, был сделан Конституционным Судом в отношении добросовестных приобретателей жилых помещений и сам по себе не предполагает, что такое же определение баланса интересов справедливо для случаев истребования от добросовестных приобретателей земельных участков.

Конституционный Суд указал, что интерес публично-правового образования, истребующего выбывший из его владения земельный участок в результате противоправных действий третьих лиц, существенно отличается от интереса публично-правового образования, которое истребует выморочное жилое помещение с целью включения его в соответствующий (государственный или муниципальный) жилищный фонд социального использования (пункт 2 статьи 1151 ГК Российской Федерации) для последующего предоставления по предусмотренным законом основаниям.

IV

Конституционные основы уголовной юстиции

19. Постановлением от 11 мая 2017 года N 13-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренное нормативное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку - с учетом части второй статьи 57 и части второй статьи 59 УК Российской Федерации, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, - им исключается возможность рассмотрения по ходатайству обвиняемого судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела о преступлении, предусмотренном пунктом «б» части четвертой статьи 229.1 УК Российской Федерации, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им исключается возможность рассмотрения судом в обозначенном составе уголовного дела по обвинению женщины в совершении указанного преступления, притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях может быть рассмотрено судом в данном составе.

Конституционный Суд указал при этом, что женщине, обвиняемой в преступлении, за совершение которого в качестве наиболее строгого вида наказания соответствующей статьей (частью статьи) Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривается пожизненное лишение свободы или смертная казнь, должно предоставляться право на рассмотрение ее уголовного дела тем же судом и в таком же составе, что и мужчине.

Конституционный Суд определил порядок исполнения данного Постановления.

Уголовные дела по обвинению женщин в совершении преступлений, предусмотренных частью четвертой статьи 210, частью пятой статьи 228.1, частью четвертой статьи 229.1, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, если судебные заседания по этим уголовным делам на момент вступления Постановления в силу не назначены, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, а по ходатайству обвиняемых - судом в составе судьи такого суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей. Подсудность и состав суда по уголовным делам, судебные заседания по которым на указанный момент уже назначены к рассмотрению, изменению, в том числе в рамках и по результатам их рассмотрения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, не подлежат.

20. Постановлением от 6 июня 2017 года N 15-П Конституционный Суд дал оценку конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренное положение являлось предметом рассмотрения постольку, поскольку во взаимосвязи с частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК Российской Федерации, согласно которым женщинам пожизненное лишение свободы или смертная казнь не назначаются, им исключается рассмотрение верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом уголовного дела о преступлении, предусмотренном частью пятой статьи 228.1 УК Российской Федерации, применительно к случаям, когда в совершении такого преступления обвиняется женщина.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой им исключается рассмотрение судом данного уровня уголовных дел по обвинению женщин старше восемнадцати лет в совершении указанного преступления, притом что уголовные дела по обвинению мужчин в их совершении при тех же условиях подлежат рассмотрению судом данного уровня.

Конституционный Суд указал при этом, что уголовное дело по обвинению женщины в любом из преступлений, в качестве санкции за совершение которых соответствующей статьей (частью статьи) Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, - притом что уголовное дело по обвинению мужчины в совершении такого преступления при тех же условиях подлежит рассмотрению верховным судом республи-

ки, краевым, областным или другим равным им по уровню судом, - также должно рассматриваться судом данного уровня.

Конституционный Суд определил порядок исполнения данного Постановления.

Уголовные дела по обвинению женщин в совершении преступлений, предусмотренных частью второй статьи 105, частью четвертой статьи 210, частью пятой статьи 228.1, частью четвертой статьи 229.1, статьями 277, 295, 317 и 357 УК Российской Федерации, если судебные заседания по этим уголовным делам на момент вступления данного Постановления в силу не назначены, подлежат рассмотрению верховным судом республики, краевым, областным или другим равным им по уровню судом. Подсудность и состав суда по уголовным делам, судебные заседания по которым на указанный момент уже назначены, изменению, в том числе в рамках и по результатам их рассмотрения в апелляционном, кассационном и надзорном порядке, не подлежат.

21. Постановлением от 14 июля 2017 года N 21-П Конституционный Суд дал оценку конституционности части первой статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Оспоренная норма являлась предметом рассмотрения постольку, поскольку на ее основании судом разрешается вопрос о возможности рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции в случае, когда такие замечания поданы стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, за пределами установленного этой нормой для их подачи срока, в том числе после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции.

Конституционный Суд признал оспоренное положение не противоречащим Конституции Российской Федерации, поскольку оно:

допускает рассмотрение председательствующим в суде первой инстанции замечаний на протокол судебного заседания этого суда, поданных стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, после истечения срока, предусмотренного для подачи таких замечаний, лишь при условии предшествующего разрешения председательствующим в суде первой инстанции в мотивированном постановлении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на основе оценки всех доводов ходатайствующей стороны;

исключает восстановление пропущенного срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции и их подачу после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции, что не лишает стороны возможности при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции заявить ходатайство о подтверждении или опровержении тех или иных имеющих значение для данного дела фактов и обстоятельств, относящихся к судебному заседанию суда первой инстанции, но не нашедших отражения или неверно отраженных в его протоколе, и не предполагает произвольного отклонения таких ходатайств судом апелляционной инстанции, который обязан самостоятельно оценить содержание протокола судебного заседания суда первой инстанции в совокупности с другими доказательствами и материалами

уголовного дела и установить наличие либо отсутствие оснований для отмены или изменения приговора или иного проверяемого решения суда первой инстанции;

подразумевает обязанность суда первой инстанции уведомить об удостоверении правильности замечаний на протокол судебного заседания, поданных стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, после истечения срока, предусмотренного для подачи таких замечаний, другую сторону.

22. Определением от 4 июля 2017 года N 1441-О Конституционный Суд выявил смысл положения пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Из оспоренных положений во взаимосвязи с частью четвертой статьи 78 УК Российской Федерации следует, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, перестают быть подсудными верховному суду республики, краевому, областному и другим равным им по уровню судам в составе судьи и коллегии из двенадцати присяжных заседателей в случаях, когда в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности по этой статье становится невозможным применение к подсудимому наказания в виде смертной казни или пожизненного лишения свободы, в то время как уголовные дела в отношении мужчин по аналогичному обвинению в случае истечения срока давности привлечения к уголовной ответственности подлежат по ходатайству обвиняемого рассмотрению судами указанного уровня в составе судьи и коллегии присяжных заседателей.

Конституционный Суд отметил, что ввиду истечения сроков давности из подсудности суда с участием присяжных заседателей выведены уголовные дела об этих преступлениях, совершенных любым лицом - вне зависимости от возраста и пола. При этом оспоренные положения не предполагают, что уголовные дела о преступлениях, предусмотренных частью второй статьи 105 УК Российской Федерации, неподсудны соответствующим судам в обозначенном составе в случаях, когда срок давности привлечения к уголовной ответственности по данной статье истек после назначения судебного заседания в этом суде.

Верховный Суд РФ представил четвертый обзор судебной практики в 2017 году.

В документе рассмотрены материалы судебной практики по уголовным делам (в том числе в части определения размера наказания за покушение на убийство, исчисления срока давности уголовного преследования за вымогательство), по гражданским делам (разрешение споров, связанных с исполнением обязательств, с защитой прав потребителей, с трудовыми отношениями), процессуальные вопросы, практика применения законодательства о банкротстве, земельного законодательства, споры, возникающие из обязательственных правоотношений, практика применения законодательства о налогах и сборах, таможенного законодательства, даны разъяснения по вопросам, возникающим в судебной практике, проанализирована практика международных договорных органов (ООН, ЕСПЧ).

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
15 ноября 2017 г.

ОБЗОР СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ N 4 (2017)

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

По уголовным делам

1. В силу положений ч. 3 ст. 66 и ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания за покушение на убийство не может превышать 10 лет лишения свободы.

Мнение потерпевшего о назначении виновному лицу строгого наказания не может учитываться при определении вида и размера наказания.

По приговору суда (оставленного судом кассационной инстанцией без изменения) М. осужден по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 14 годам лишения свободы, по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ к 11 годам лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ к 9 годам лишения свободы, на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения наказаний окончательно к 21 году лишения свободы.

Осужденный М. в надзорной жалобе просил о пересмотре судебных решений и смягчении наказания по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, указывая, что максимальное наказание в виде лишения свободы за данное преступление при наличии смягчающего обстоятельства, предусмотренного п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, - активного способствования раскрытию преступления - с учетом положений ч. 3 ст. 66 УК РФ не может превышать 10 лет лишения свободы. Кроме того, из содержания приговора следует, что суд назначил ему более строгое наказание, основываясь на просьбе потерпевшей, что не соответствует требованиям закона.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации изменил судебные решения в части назначенного осужденному М. наказания по следующим основаниям.

Срок или размер наказания за покушение на преступление не может превышать трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса за оконченное преступление (ч. 3 ст. 66 УК РФ).

Согласно положениям ч. 1 ст. 62 УК РФ при наличии смягчающих обстоятельств, предусмотренных п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ (к которым относится активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников), при отсутствии отягчающих обстоятельств срок или размер наказания не могут превышать двух третей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса.

Из материалов дела усматривается, что суд первой инстанции обстоятельствами, смягчающими наказание осужденных, признавал активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, изобличению и уголовному преследованию соучастников. Обстоятельств, отягчающих наказание, судом не установлено.

Таким образом, осужденному М. за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, с учетом положений ч. 1 ст. 62 УК РФ могло быть назначено наказание, не превышающее 10 лет лишения свободы, однако ему было назначено 11 лет лишения свободы.

Кроме того, при назначении наказания осужденному суд счел чрезмерно мягким окончательный срок наказания в виде лишения свободы, который государственный обвинитель просил назначить подсудимому с учетом обстоятельств дела, учитывая при этом просьбу потерпевшей, настаивающей на суровом наказании, суд принял решение о назначении более строго окончательного наказания.

Между тем в силу ч. 1 ст. 6 и ч. 3 ст. 60 УК РФ в их взаимосвязи при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления, обстоятельства его совершения и личность виновного лица, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного.

Однако мнение потерпевшего о суровом наказании виновных лиц не включено законодателем в перечень отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 63 УК РФ, который расширительному толкованию не подлежит.

При таких обстоятельствах ссылка суда на назначение М. сурового наказания с учетом просьбы потерпевшей является неправомерной и подлежит исключению из описательно-мотивировочной части приговора.

На основании изложенного Президиум изменил приговор и кассационное определение и смягчил осужденному М. наказание, назначенное по ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, до 9 лет 11 месяцев лишения свободы, по пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ - до 13 лет 9 месяцев лишения свободы, по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ - до 8 лет 9 месяцев лишения свободы; на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, пп. «а», «ж», «з» ч. 2

ст. 105, пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ, путем частичного сложения наказаний окончательно назначил М. 20 лет лишения свободы.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации N 77-П17

2. Срок давности уголовного преследования за вымогательство исчисляется с того момента, когда передача денежных средств была прекращена и требования об их выплате не возобновлялись.

Установлено, что в один из дней января - февраля 2000 г. Б. в целях осуществления единого умысла с соучастниками преступления незаконно потребовал от потерпевшего Г. ежемесячной безвозмездной передачи денежных средств, угрожая в случае невыплаты применением насилия и уничтожением его имущества. Потерпевший воспринял угрозы реально и с указанного времени и до июня 2005 г. ежемесячно передавал осужденному по 5000 руб.

За указанные действия Б. осужден по приговору суда от 23 июня 2014 г. по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ.

Осужденный Б., оспаривая приговор в части осуждения по эпизоду вымогательства денежных средств у потерпевшего, утверждал, что срок давности следует исчислять с того момента, когда потерпевшему были предъявлены требования о выплате денежных средств, т.е. с января - февраля 2000 г.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации оставил приговор в части осуждения Б. по п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ (по эпизоду в отношении потерпевшего Г.) без изменения по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности за особо тяжкое преступление, если со дня его совершения до вступления приговора в законную силу истекло 15 лет.

Преступление, предусмотренное п. «а» ч. 3 ст. 163 УК РФ, относится к категории особо тяжких, срок давности за которое не истек.

По данному делу установлено, что осужденные после предъявления требований получали денежные средства от потерпевшего путем вымогательства до июня 2005 г.

Срок давности привлечения к уголовной ответственности за вымогательство (преступление, посягающее в том числе на отношения собственности и иные имущественные отношения) в данном случае подлежит исчислению с того момента, когда передача денежных средств была прекращена и требования об их выплате не возобновлялись.

Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации N 186-П16

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Разрешение споров, связанных с исполнением обязательств

3. Лицо, представившее расписку, подтверждающую частичное погашение долга перед контрагентом, не вправе впоследствии ссылаться на незаключенность между ними договора займа.

К. обратился в суд с иском к М. об обращении взыскания на заложенное имущество.

В обоснование заявленных требований истец указал, что 14 февраля 2014 г. между В. и М. заключен договор займа, согласно которому М. передана денежная сумма в размере 3 677 211 руб. со сроком возврата не позднее 30 апреля 2014 г.

В обеспечение исполнения обязательств по договору займа В. и М. в тот же день заключили договор залога принадлежавшей последнему двухкомнатной квартиры. Общая залоговая стоимость квартиры определена в размере 9 000 000 руб.

24 июля 2014 г. между В. и К. заключен договор уступки прав, в соответствии с которым В. передал К. в полном объеме права (требования) по договору займа от 14 февраля 2014 г.

Уведомление об уступке прав (требований) по договору займа вручено ответчику 6 августа 2014 г. Возражений новому кредитору должником не предъявлено.

Поскольку заемщик своих обязательств не исполнил и не возвратил сумму займа в установленный договором срок, истец просил суд обратить взыскание на указанную квартиру.

Разрешая спор и удовлетворяя исковые требования, суд исходил из того, что ответчиком не исполнено обязательство по возврату суммы займа, исполнение которого обеспечено договором залога квартиры. Заложенная квартира была продана с торгов. Частичное удовлетворение от продажи имущества получили истец К., а также ряд других кредиторов М.

Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции после проведения торгов, указал, что истец в нарушение ст. 56 ГПК РФ не представил доказательств, с достоверностью подтверждающих, что ответчику были переданы денежные средства в размере 3 677 211 руб. во исполнение договора займа от 14 февраля 2014 г., а потому оснований для обращения взыскания на предмет залога, обеспечивающий исполнение указанного договора займа, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с выводами суда апелляционной инстанции не согласилась по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 807 ГК РФ по договору займа одна сторона (займодавец) передает в собственность другой стороне (заемщику) деньги или другие вещи, определенные родовыми признаками, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег (сумму займа) или равное количество других полученных им вещей того же рода и качества.

Договор займа считается заключенным с момента передачи денег или других вещей.

Пунктом 1 ст. 810 ГК РФ предусмотрена обязанность заемщика возвратить займодавцу полученную сумму займа в срок и в порядке, которые предусмотрены договором займа.

Исполнение обязательств может обеспечиваться неустойкой, залогом, удержанием имущества должника, поручительством, банковской гарантией, задатком и другими способами, предусмотренными законом или договором. Недействительность основного обязательства влечет недействительность обеспечивающего

его обязательства, если иное не установлено законом (пп. 1 и 3 ст. 329 ГК РФ в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений).

В соответствии с ч. 2 ст. 56 ГПК РФ суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались.

В силу приведенных выше норм права юридически значимым обстоятельством, от которого зависело правильное разрешение спора, являлось, в частности, установление того, был ли заключен договор займа, в том числе передал ли В. деньги М. Также суду следовало установить, имелась ли на момент вынесения судом решения задолженность М. перед К., поскольку только в этом случае возможно обратиться взыскание на заложенное имущество.

Истцом в материалы дела представлена расписка, подписанная М., в которой ответчик подтверждает погашение долга по договору займа от 14 февраля 2014 г., заключенному между В. и М., на сумму 3 677 211 руб. в пользу К. и обязуется погасить всю задолженность в срок до 1 июня 2017 г. В судебном заседании суда апелляционной инстанции ответчик подтвердил подлинность указанной расписки и пояснил, что она составлена после 26 июля 2016 г.

Суд апелляционной инстанции, оценивая названную расписку, указал, что она не содержит сведений о получении ответчиком займы денежных средств.

При этом суд не применил правило, согласно которому сторона, подтвердившая каким-либо образом действие договора, не вправе ссылаться на незаключенность этого договора («эстоппель»).

Данное правило вытекает из общих начал гражданского законодательства и является частным случаем проявления принципа добросовестности, согласно которому при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ).

На момент написания расписки в июле 2016 года правило «эстоппель» было закреплено в п. 3 ст. 432 ГК РФ.

В расписке М. подтвердил погашение долга по договору займа от 14 февраля 2014 г., заключенному между В. и М., на сумму 3 677 211 руб. в пользу К., а потому суду апелляционной инстанции, принявшему данную расписку как доказательство, надлежало дать ей оценку с учетом правила «эстоппель», чего сделано не было.

Определение N 5-КГ17-94

Разрешение споров, связанных с защитой прав потребителей

4. Злоупотребление доверием потребителя при предоставлении ему информации о товаре недопустимо.

Н. обратился в суд с иском к торговой компании о защите прав потребителя, в обоснование которого указал, что по предложению представителя ответчика, прибывшего в квартиру истца, последним был

приобретен прибор Биомедис стоимостью 30 800 руб. Ранее в результате телефонного разговора между Н. и представителем торговой компании (ответчика), истцу было предложено пройти медицинское обследование в частной клинике, по итогам которого сообщено о возможности наличия онкологического заболевания и рекомендовано лечение на общую сумму 384 800 руб. Истец, находясь под впечатлением от данной информации, заключил с прибывшим в его квартиру курьером договор купли-продажи ряда препаратов. Подписывая данный договор, истец предполагал, что покупает лекарственные средства. В дальнейшем выяснилось, что ему были назначены биологически активные добавки. После посещения муниципальной поликлиники истцу стало известно об отсутствии оснований для постановки указанного диагноза, проведения процедур посредством прибора Биомедис и употребления приобретенных под влиянием обмана препаратов, о чем было незамедлительно сообщено ответчику с предложением добровольно вернуть денежные средства и получить товар обратно. Претензия истца осталась без ответа.

Н. просил суд взыскать уплаченные за товар 414 800 руб., неустойку за отказ удовлетворить требования покупателя в добровольном порядке в сумме 400 000 руб., компенсацию морального вреда 70 000 руб., судебные расходы.

Разрешая спор и отказывая Н. в удовлетворении иска, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции, исходил из того, что биологически активные добавки приобретены истцом по собственному волеизъявлению, при этом вся необходимая и достоверная информация о товаре была доведена до его сведения ответчиком.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассматривая дело в кассационном порядке, признала, что выводы судебных инстанций сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

По общему правилу п. 5 ст. 10 ГК РФ, добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются, пока не доказано иное.

Поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались.

Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего

ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

В соответствии со ст. 10 Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. N 2300-I «О защите прав потребителей» (далее по тексту - Закон о защите прав потребителей) изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность их правильного выбора.

Информация о товарах в обязательном порядке должна содержать в том числе сведения об основных потребительских свойствах, сроке годности товаров, а также сведения о необходимых действиях потребителя по истечении указанного срока и возможных последствиях при невыполнении таких действий, если товары по истечении указанных сроков представляют опасность для жизни, здоровья и имущества потребителя или становятся непригодными для использования по назначению.

В силу ст. 12 Закона о защите прав потребителей, если потребителю не предоставлена возможность незамедлительно получить при заключении договора информацию о товаре, он вправе в разумный срок отказаться от исполнения заключенного договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков. При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре, необходимо исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара.

Как разъяснено в п. 36 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», при определении разумного срока, предусмотренного п. 1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей, в течение которого потребитель вправе отказаться от исполнения договора и потребовать возврата уплаченной за товар суммы и возмещения других убытков, необходимо принимать во внимание срок годности товара, сезонность его использования, потребительские свойства и т.п.

Продавец несет ответственность по договору за любое несоответствие товара, которое существует в момент перехода риска на покупателя, даже если это несоответствие становится очевидным только позднее, а также за любое несоответствие товара, которое возникает после передачи товара покупателю и является следствием нарушения им любого своего обязательства, включая нарушение любой гарантии того, что в течение того или иного срока товар будет оставаться пригодным для обычных целей или какой-либо конкретной цели либо будет сохранять обусловленные качества или свойства.

Продавец несет ответственность в случае, если несоответствие товара связано с фактами, о которых он знал или не мог не знать и о которых он не сообщил покупателю.

Юридически значимым обстоятельством, имеющим существенное значение для правильного разрешения данного спора, являлось выяснение судом вопроса о том, была ли Н. предоставлена информация об основных потребительских свойствах товара, обеспечивающая возможность его правильного выбора, при которых он смог бы оценить необходимость и объективную нуждаемость в данных биологически активных добавках.

Именно от выяснения указанного обстоятельства зависело решение судом вопроса об удовлетворении или отказе в удовлетворении исковых требований Н.

Определение N 4-КГ16-40

5. Потребитель вправе отказаться от исполнения договора подряда в случае, когда исполнителем нарушены сроки выполнения работ или когда стало очевидным, что она не будет выполнена в срок. При этом исполнитель не вправе требовать оплаты и возмещения расходов, если потребитель не принял выполненную работу.

Ю. обратился в суд с иском к обществу о расторжении договора подряда, взыскании уплаченной во исполнение этого договора денежной суммы в размере 5 410 000 руб., а также о взыскании неустойки в размере 1 200 000 руб.

Судом установлено, что 28 февраля 2012 г. между Ю. как заказчиком и обществом как подрядчиком заключен договор подряда, по условиям которого подрядчик обязался своими силами и средствами выполнить работы на принадлежащем истцу объекте недвижимости.

Названные работы включали разработку и согласование проекта, оформление разрешительной документации для получения технических условий, установку и наладку трансформаторной подстанции, осуществление фактических действий по присоединению и обеспечению работы энергопринимающих устройств в электрической сети, оформление разрешительной документации на включение.

Общая стоимость работ по договору составляла 12 600 000 руб., которые заказчик обязался выплатить подрядчику в следующем порядке: предоплату в размере 35% от общей стоимости работ заказчик выплачивает в течение 10 рабочих дней с момента подписания договора; оплату в размере 20% от общей стоимости работ заказчик выплачивает после подписания сетевой организацией технических условий на технологическое присоединение объекта в течение 10 рабочих дней с момента выставления счета и передачи этих технических условий заказчику; оплату в размере 25% от общей стоимости работ заказчик выплачивает в течение 10 рабочих дней с момента подписания им актов выполненных строительно-монтажных работ; сверка расчетов и окончательные расчеты по договору производятся после получения актов разграничения балансовой принадлежности, технологического присоединения и допуска в эксплуатацию, а также после заключения договора с энергоснабжающей организацией.

Условиями договора подряда предусмотрено, что подрядчик обязуется выполнить все предусмотренные

договором работы в течение 90 рабочих дней с момента заключения этого договора и приступить к выполнению работ после поступления согласованной сторонами суммы предоплаты.

18 апреля 2012 г. Ю. выплатил обществу денежные средства в размере 4 410 000 руб. (35% от общей цены работы) в качестве предоплаты по договору подряда.

13 августа 2012 г. истец выплатил ответчику еще 1 000 000 руб., что составляет 7,94% от общей цены работы.

24 августа 2012 г. ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» выдала истцу технические условия для присоединения к электрическим сетям.

Решением суда исковые требования удовлетворены, постановлено расторгнуть заключенный сторонами договор подряда, взыскать с общества в пользу Ю. уплаченные по договору 5 410 000 руб., неустойку в размере 1 200 000 руб. и судебные расходы - 27 500 руб.

Удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что обществом были существенно нарушены условия заключенного с истцом договора подряда, поскольку первый этап работ, состоявший в получении технических условий для присоединения к электрическим сетям, был выполнен подрядчиком по истечении срока, предусмотренного договором подряда для выполнения всего комплекса работ. Суд также указал, что ответчиком не представлено доказательств извещения истца о готовности технических условий и передачи ему этих условий путем оформления актов сдачи-приемки в порядке, предусмотренном договором подряда.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с общества уплаченной Ю. по договору денежной суммы, а также неустойки и принимая в этой части новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции сослался на то, что предоплата по договору подряда вносилась истцом с нарушением предусмотренных договором сроков, в том числе за пределами установленного договором срока выполнения подрядчиком всего комплекса работ, что свидетельствует о согласии истца с изменением условий договора подряда о сроках выполнения работ. Кроме того, судебная коллегия указала, что заключенный сторонами договор подряда не предусматривал безусловное обязательство подрядчика по отдельности передавать результат каждого этапа работ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что выводы суда апелляционной инстанции сделаны с существенным нарушением норм материального и процессуального права.

Судом апелляционной инстанции оставлено в силе решение суда в части расторжения договора, основанное на существенном нарушении подрядчиком сроков выполнения обязательств.

Пунктом 4 ст. 453 ГК РФ предусмотрено, что в том случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой сторо-

не равноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства.

В соответствии с п. 1 ст. 1102 данного кодекса лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 названного кодекса.

Из приведенных правовых норм следует, что в случае нарушения равноценности встречных предоставлений сторон на момент расторжения договора сторона, передавшая деньги либо иное имущество во исполнение договора, вправе требовать от другой стороны возврата исполненного в той мере, в какой встречное предоставление является неравноценным.

Отменяя решение суда первой инстанции в части, суд апелляционной инстанции исходил из того, что во исполнение договора подряда истец передал ответчику денежные средства, а ответчик выполнил работы по получению технических условий для подключения принадлежащего истцу объекта к электрическим сетям.

При этом суд апелляционной инстанции не оценил равноценность предоставленного обществом исполнения (получение технических условий для присоединения к электрическим сетям) уплаченной Ю. денежной сумме в размере 5 410 000 руб. с учетом всего объема работ, предусмотренных договором, и общей цены договора.

В нарушение приведенных выше правовых норм данный вопрос судом апелляционной инстанции был оставлен без какой-либо оценки.

Кроме того, судом апелляционной инстанции фактически не рассмотрены доводы о правомерном отказе истца от исполнения договора вследствие его существенного нарушения ответчиком.

Так, договором подряда предусматривалось выполнение ответчиком следующих работ: разработка и согласование проекта, оформление разрешительной документации для подключения технических условий, установка и наладка трансформаторной подстанции, осуществление фактических действий по присоединению и обеспечению работы энергопринимающих устройств в электрической сети, оформление разрешительной документации на включение, в том числе получение справки о выполнении технических условий, оформление актов разграничения балансовой принадлежности и разграничения эксплуатационной ответственности, оформление акта допуска в эксплуатацию, оказание необходимого содействия в подписании договора с энергоснабжающей организацией.

По условиям договора весь комплекс работ должен был быть выполнен ответчиком в течение 90 дней с момента заключения договора подряда, при этом подрядчик приступает к выполнению предусмотренных договором работ после поступления суммы предоплаты, предусмотренной этим договором.

Из установленных судом обстоятельств следует, что предварительная оплата произведена истцом 18 апреля 2012 г., а следовательно, с этого момента ответчик, не предъявивший каких-либо претензий истцу и не поставивший вопрос о расторжении договора, должен был приступить к работе и выполнить ее в установленном договором срок - 90 дней.

В соответствии со ст. 405 ГК РФ должник, просрочивший исполнение, отвечает перед кредитором за убытки, причиненные просрочкой, и за последствия случайно наступившей во время просрочки невозможности исполнения (п. 1).

Если вследствие просрочки должника исполнение утратило интерес для кредитора, он может отказаться от принятия исполнения и требовать возмещения убытков (п. 2).

Должник не считается просрочившим, пока обязательство не может быть исполнено вследствие просрочки кредитора (п. 3).

Из установленных судом обстоятельств дела следует, что с момента внесения истцом предусмотренной договором предоплаты просрочка кредитора по отношению к ответчику отсутствовала.

Ответчик к работе приступил и, как посчитал установленным суд апелляционной инстанции, выполнил только начальный этап работ по получению технических условий за пределами 90 дней, предусмотренных для выполнения всего комплекса работ по договору.

Истец заявил, что вследствие просрочки должника исполнение потеряло для него интерес.

Судом апелляционной инстанции этому обстоятельству оценка не дана, вопрос о применении положений п. 2 ст. 405 ГК РФ не обсуждался.

Удовлетворяя иски требования, суд первой инстанции применил также положения ст. 28 Закона о защите прав потребителей, предусматривающей, что, если исполнитель нарушил сроки выполнения работы (оказания услуги) - сроки начала и (или) окончания выполнения работы (оказания услуги) и (или) промежуточные сроки выполнения работы (оказания услуги) или во время выполнения работы (оказания услуги) стало очевидным, что она не будет выполнена в срок, потребитель по своему выбору вправе в том числе отказаться от исполнения договора о выполнении работы (п. 1).

При отказе от исполнения договора о выполнении работы (оказании услуги) исполнитель не вправе требовать возмещения своих затрат, произведенных в процессе выполнения работы (оказания услуги), а также платы за выполненную работу (оказанную услугу), за исключением случая, если потребитель принял выполненную работу (п. 4).

Требования потребителя, установленные п. 1 названной статьи, не подлежат удовлетворению, если исполнитель докажет, что нарушение сроков выполнения работы (оказания услуги) произошло вследствие непреодолимой силы или по вине потребителя (п. 6).

Суд первой инстанции указал, что вины потребителя как в нарушении срока выполнения всей работы, так и в нарушении срока получения технических условий с момента внесения предоплаты не имеется, ответчик существенно нарушил срок выполнения работы, в том

числе и по получению технических условий, а следовательно, истец был вправе отказаться от договора без возмещения подрядчику затрат на их выполнение.

Отменяя решение суда первой инстанции в части взыскания с общества в пользу Ю. денежной суммы, а также неустойки и отказывая в удовлетворении исковых требований в этой части, суд апелляционной инстанции выводы суда первой инстанции о применении к спорным правоотношениям положений Закона о защите прав потребителей под сомнение не поставил.

В таком случае выводы суда апелляционной инстанции об отказе в удовлетворении исковых требований о взыскании с ответчика переданной истцом этому обществу во исполнение договора подряда денежной суммы и неустойки не соответствуют как положениям ст. 405 ГК РФ, так и приведенным выше положениям Закона о защите прав потребителей.

Отказывая в удовлетворении исковых требований Ю. о взыскании с общества переданной во исполнение договора подряда денежной суммы и неустойки, суд апелляционной инстанции сослался на отсутствие существенных нарушений условий этого договора со стороны подрядчика.

При этом суд апелляционной инстанции не учел, что суд первой инстанции принял решение о расторжении заключенного между Ю. и обществом договора подряда именно в связи с существенным нарушением подрядчиком условий этого договора о сроке выполнения работ, в этой части решение суда ответчиком не оспаривалось и оставлено в силе судом апелляционной инстанции.

В соответствии с ч. 1 ст. 195 ГПК РФ решение должно быть законным и обоснованным.

Согласно ч. 1 ст. 196 данного кодекса при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон, какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

Как разъяснено в пункте постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. N 23 «О судебном решении», решение является законным в том случае, когда оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению, или основано на применении в необходимых случаях аналогии закона или аналогии права (п. 2).

Решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст. 55, 59 - 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3).

В силу ч. 4 ст. 198 ГПК РФ в мотивировочной части решения суда должны быть указаны обстоятельства дела, установленные судом; доказательства, на которых основаны выводы суда об этих обстоятельствах;

доводы, по которым суд отвергает те или иные доказательства; законы, которыми руководствовался суд.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 названного кодекса каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Факт надлежащего исполнения обязательств, равно как и отсутствие вины в неисполнении либо ненадлежащем исполнении обязательства, по общему правилу, доказывается обязанным лицом (п. 2 ст. 401 ГК РФ).

Решение суда апелляционной инстанции об отказе в иске о взыскании уплаченной по договору подряда денежной суммы и неустойки основано на выводе об исполнении ответчиком части работ по получению технических условий и о принятии этого исполнения истцом.

Между тем каких-либо доказательств этого суд апелляционной инстанции не привел, в частности доказательств того, что полученные истцом технические условия ОАО «Московская объединенная электросетевая компания» являются результатом работ ответчика и что они были приняты истцом в качестве таковых.

Напротив, истцом представлены доказательства того, что он заключил замещающую сделку с третьим лицом, осуществившим тот комплекс работ, который должен был выполнить ответчик, в том числе и получение технических условий.

Однако, как указала Судебная коллегия, этим доказательствам суд апелляционной инстанции в нарушение приведенных выше норм процессуального права оценки не дал.

Определение N 4-КГ17-5

6. Отказ продавца предоставить покупателю автомобиля оригинал паспорта транспортного средства, который покупатель (заемщик) по условиям автокредитования обязан предъявить в банк, влечет для продавца наступление предусмотренной Законом о защите прав потребителей ответственности.

Р. обратилась в суд с иском к обществу (продавцу), официальному дилеру о защите прав потребителей, указав в обоснование заявленных требований, что заключила с обществом договор купли-продажи автомобиля, в счет частичного исполнения обязательств по которому уплатила сумму в размере 202 000 руб., недостающая денежная сумма в размере 807 000 руб. перечислена банком на основании заключенного с истцом кредитного договора. В обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору между Р. и банком также заключен договор залога приобретенного транспортного средства, по которому на истца возложена обязанность не позднее 10 рабочих дней с даты заключения договора передать залогодержателю оригинал паспорта транспортного средства (далее - ПТС). Вместо оригинала ПТС Р. от общества была получена его копия, из которой следовало, что собственником автомобиля значится данное общество. На неоднократные просьбы вручить оригинал ПТС ответчик отвечал отказом, полагая, что он вправе удерживать у себя ПТС в течение 30 рабочих дней

в соответствии с условиями заключенного договора купли-продажи.

Заочным решением суда первой инстанции иски-вые требования удовлетворены частично; с общества в пользу Р. взыскана неустойка в размере 540 005 руб. 40 коп., страховая премия по договору обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств в размере 6484 руб. 48 коп., страховая премия по договору страхования транспортного средства в размере 59 390 руб. 50 коп., расходы по оплате круглосуточной аренды автостоянки в размере 13 940 руб., компенсация морального вреда в размере 5000 руб., штраф в размере 312 410 руб. 19 коп., а всего 937 230 руб. 57 коп. На общество возложена обязанность передать Р. оригинал ПТС на приобретенный автомобиль.

Определением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено в части взыскания с общества неустойки, страховых премий по договорам страхования, расходов по оплате круглосуточной автостоянки, в указанной части постановлено новое решение, которым в удовлетворении исковых требований отказано. Решение суда изменено в части взысканного в пользу Р. штрафа, его размер снижен до 2500 руб. В остальной части решение суда оставлено без изменения.

Отменяя решение суда первой инстанции в указанной части и отказывая в удовлетворении названных требований, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что Закон о защите прав потребителей в части взыскания неустойки не подлежит применению, поскольку рассматриваемые правоотношения урегулированы ст. 464 ГК РФ, предусматривающей право покупателя отказаться от товара вследствие неисполнения продавцом обязанности передать документы, относящиеся к товару. Также судебная коллегия указала, что убытки, понесенные истцом в связи с заключением договоров страхования и оплатой стоянки, не обусловлены действиями ответчика и совершены Р. добровольно.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшееся по делу апелляционное определение и направила дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 1 ст. 454 ГК РФ по договору купли-продажи одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную денежную сумму (цену).

Согласно п. 1 ст. 456 ГК РФ продавец обязан передать покупателю товар, предусмотренный договором купли-продажи.

Если иное не предусмотрено договором купли-продажи, продавец обязан одновременно с передачей вещи передать покупателю ее принадлежности, а также относящиеся к ней документы (технический паспорт, сертификат качества, инструкцию по эксплуатации и т.п.), предусмотренные законом, иными правовыми актами или договором (п. 2 ст. 456 ГК РФ).

В силу п. 59 постановления Правительства Российской Федерации от 19 января 1998 г. N 55 «Об утвержде-

нии Правил продажи отдельных видов товаров, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование покупателя о безвозмездном предоставлении ему на период ремонта или замены аналогичного товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих возврату или обмену на аналогичный товар других размера, формы, габарита, фасона, расцветки или комплектации» при передаче товара покупателю одновременно передаются установленные изготовителем комплект принадлежности и документы, в том числе сервисная книжка или иной заменяющий ее документ, а также документ, удостоверяющий право собственности на транспортное средство или номерной агрегат, для их государственной регистрации в установленном законодательством Российской Федерации порядке.

Как указано в ст. 464 ГК РФ, если продавец не передает или отказывается передать покупателю относящиеся к товару принадлежности или документы, которые он должен передать в соответствии с законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи (п. 2 ст. 456), покупатель вправе назначить ему разумный срок для их передачи. В случае, когда принадлежности или документы, относящиеся к товару, не переданы продавцом в указанный срок, покупатель вправе отказаться от товара, если иное не предусмотрено договором.

Приведенная правовая норма предоставляет покупателю право при соблюдении указанных в ней условий отказаться от товара, при ненадлежащем исполнении продавцом обязанности по передаче покупателю относящихся к товару документов, но не предусматривает каких-либо мер гражданско-правовой ответственности, подлежащих применению к продавцу в случае причинения покупателю убытков данными действиями.

Закон о защите прав потребителей регулирует отношения, возникающие между потребителями и изготовителями, исполнителями, импортерами, продавцами при продаже товаров (выполнении работ, оказании услуг), устанавливает права потребителей на приобретение товаров (работ, услуг) надлежащего качества и безопасных для жизни, здоровья, имущества потребителей и окружающей среды, получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах), просвещение, государственную и общественную защиту их интересов, а также определяет механизм реализации этих прав.

В указанном законе недостаток товара (работы, услуги) определен как несоответствие товара (работы, услуги) или обязательным требованиям, предусмотренным законом либо в установленном им порядке, или условиям договора (при их отсутствии или неполноте условий обычно предъявляемым требованиям), или целям, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется, или целям, о которых продавец (исполнитель) был поставлен в известность потребителем при заключении договора, или образцу и (или) описанию при продаже товара по образцу и (или) по описанию.

В пп. 1 и 2 ст. 4 Закона о защите прав потребителей установлено, что продавец (исполнитель) обязан пе-

передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), качество которого соответствует договору. При отсутствии в договоре условий о качестве товара (работы, услуги) продавец (исполнитель) обязан передать потребителю товар (выполнить работу, оказать услугу), соответствующий обычно предъявляемым требованиям и пригодный для целей, для которых товар (работа, услуга) такого рода обычно используется.

Согласно п. 1 ст. 20 названного закона, если срок устранения недостатков товара не определен в письменной форме соглашением сторон, эти недостатки должны быть устранены изготовителем (продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) незамедлительно, то есть в минимальный срок, объективно необходимый для их устранения с учетом обычно применяемого способа. Срок устранения недостатков товара, определяемый в письменной форме соглашением сторон, не может превышать сорок пять дней.

Пунктом 3 ст. 23.1 Закона о защите прав потребителей предусмотрено, что в случае нарушения установленного договором купли-продажи срока передачи предварительно оплаченного товара потребителю, продавец уплачивает ему за каждый день просрочки неустойку (пени) в размере 0,5 процента суммы предварительной оплаты товара. Неустойка (пени) взыскивается со дня, когда по договору купли-продажи передача товара потребителю должна была быть осуществлена, до дня передачи товара потребителю или до дня удовлетворения требования потребителя о возврате ему предварительно уплаченной им суммы. Сумма взысканной потребителем неустойки (пени) не может превышать сумму предварительной оплаты товара.

Данная норма устанавливает меру гражданско-правовой ответственности (неустойку) за неисполнение продавцом обязанности по передаче покупателю предварительно оплаченного товара.

Поскольку положения ст. 464 ГК РФ не предусматривают меру гражданско-правовой ответственности продавца перед потребителем, они не являются специальной нормой, регулирующей правоотношения покупателя и продавца в случае причинения последним убытков при ненадлежащем исполнении им обязанности по передаче покупателю относящихся к товару документов.

Таким образом, вывод суда апелляционной инстанции о невозможности применения к возникшим по данному спору правоотношениям положений п. 3 ст. 23.1 Закона о защите прав потребителей ввиду урегулирования их нормой специального закона признан Судебной коллегией неправильным.

Отсутствие ПТС является недостатком переданного Р. товара, препятствующим использованию товара по прямому назначению, что влечет право истца требовать устранения данного недостатка в соответствии с положениями названного закона, а в случае неустранения данного недостатка и невыполнения требований потребителя в порядке и сроки, предусмотренные законом, - корреспондирующую указанному праву обязанность ответчика нести установленную ст. 20, 23.1 Закона о защите прав потребителей ответственность.

Определение N 41-КГ16-44

7. Пятьдесят процентов определенной судом суммы штрафа за нарушение прав потребителя взыскиваются с ответчика в пользу потребителя и обратившегося в суд в его защиту общественного объединения потребителей.

Общественное объединение по защите прав потребителей, действуя в интересах К., обратилось в суд с иском к индивидуальному предпринимателю (далее - ИП), указав, что К. заключил с ответчиком договор розничной купли-продажи дверей на сумму 450 630 руб. и договор оказания услуг на доставку, сборку, монтаж дверей на сумму 44 655 руб. Расчет по договорам К. произвел в полном объеме. Полагая, что заказанный товар ответчиком поставлен не в полном объеме, а также имеют место недостатки по его качеству, истец направил в адрес ответчика претензию об устранении недостатков. Требование об устранении недостатков исполнено не было, ввиду чего истец просил возложить на ответчика обязанность устранить недостатки, взыскать неустойку в сумме 495 285 руб., компенсировать моральный вред в размере 50 000 руб., возместить судебные расходы на оплату услуг представителя в размере 20 000 руб., а также взыскать штраф.

Ответчик иск не признал, указывал, что проведен весь оплаченный объем работ по монтажу и установке дверей в доме К., за исключением установки трех комплектов наличника, одного доборного элемента в проем и декоративной планки с карнизом, все недостатки были устранены в течение срока, согласованного с К., однако последний уклонился от подписания акта выполненных работ без указания причин. ИП предъявил встречный иск к К. о возложении обязанности подписать двухсторонний акт выполненных работ к заключенному между ними договору на оказание услуг, а также возмещении расходов на оплату государственной пошлины в размере 300 руб.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, первоначальные иски удовлетворены: на ИП возложена обязанность устранить недостатки выполненных работ, с него в пользу К. взыскана неустойка за нарушение сроков устранения недостатков 495 285 руб., компенсация морального вреда в размере 50 000 руб., судебные расходы в размере 20 000 руб., а также штраф в размере 247 642 руб. 5 коп.; в пользу организации взыскан штраф в сумме 123 821 руб. 25 коп.; в доход Российской Федерации взыскана государственная пошлина в размере 8852 руб. 85 коп. В удовлетворении встречных исковых требований отказано.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные постановления в кассационном порядке и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, указав, в частности, следующее.

В п. 6 ст. 13 Закона о защите прав потребителей определено, что при удовлетворении судом требований потребителя, установленных законом, суд взыскивает с изготовителя (исполнителя, продавца, уполномоченной организации или уполномоченного индивидуального предпринимателя, импортера) за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя штраф в размере 50% от сум-

мы, присужденной судом в пользу потребителя. Если с заявлением в защиту прав потребителя выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, 50% суммы взысканного штрафа перечисляются указанным объединениям (их ассоциациям, союзам) или органам.

Данная норма не предусматривает возложение на ответчика дополнительной ответственности за несоблюдение в добровольном порядке удовлетворения требований потребителя в случае, когда с заявлением в защиту прав последнего выступают общественные объединения потребителей (их ассоциации, союзы) или органы местного самоуправления, а лишь регулирует распределение в таком случае подлежащей к взысканию суммы штрафа.

Между тем суд взыскал с ответчика в пользу потребителя штраф в размере 50% от присужденной к взысканию суммы и одновременно с этим дополнительно взыскал сумму, равную половине от присужденного потребителю штрафа, в пользу общественного объединения по защите прав потребителей, таким образом, судом в общей сложности взыскан штраф в размере 75% от суммы, присужденной ко взысканию, что противоречит требованиям действующего законодательства.

Определение N 18-КГ16-66

Разрешение споров, связанных с защитой нематериальных благ

8. Право на компенсацию морального вреда в связи с проведением в жилище обыска, признанного судом незаконным, возникает как у лиц, в отношении которых судебным решением было санкционировано его проведение, так и у иных лиц, проживающих в жилом помещении, подвергнутом обыску.

С. обратилась в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации, управлению Федерального казначейства по субъекту Российской Федерации о взыскании компенсации морального вреда, указав, что в ее жилище был произведен обыск, впоследствии признанный судом незаконным. Учитывая, что неправомерно произведенное следственное действие причинило ей нравственные страдания, а также нарушило ее права на неприкосновенность собственности, частной и семейной жизни, истец полагала, что она имеет право на получение соответствующего возмещения вреда за счет казны Российской Федерации.

Решением суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, в удовлетворении исковых требований С. отказано.

Отказывая в удовлетворении требований С., судебные инстанции исходили из того, что в отношении истца каких-либо незаконных следственных действий не проводилось. Кроме того, истцом не представлено доказательств наличия причинно-следственной связи между незаконным производством обыска и перенесенными нравственными страданиями, на которые она ссылалась при обращении в суд.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с вынесенными судебными постановлениями, указав следующее.

В соответствии со ст. 25 Конституции Российской Федерации жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения.

В развитие указанного конституционного положения ст. 3 ЖК РФ также закрепляет правило о том, что никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных названным кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения. Проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая.

Согласно части первой ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 г. N 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» органы (должностные лица), осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, при проведении оперативно-розыскных мероприятий должны обеспечивать соблюдение прав человека и гражданина на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, неприкосновенность жилища и тайну корреспонденции.

В соответствии с частью второй ст. 8 указанного федерального закона проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния или о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, а также о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

На основании ст. 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом, а государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (ст. 52 Конституции Российской Федерации).

Из содержания названных конституционных норм следует, что действия (или бездействие) органов государственной власти или их должностных лиц, причинившие вред любому лицу, влекут возникновение у государства обязанности этот вред возместить, а каждый пострадавший от незаконных действий органов государственной власти или их должностных лиц наделяется правом требовать от государства справедливого возмещения вреда.

В силу ст. 1069 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону или иному правовому акту акта государственного органа или органа местного самоуправления, подлежит возмещению. Вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования.

На основании п. 2 ст. 1070 ГК РФ вред, причиненный гражданину или юридическому лицу в результате незаконной деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, не повлекший последствий, предусмотренных п. 1 этой статьи, возмещается по основаниям и в порядке, которые предусмотрены ст. 1069 данного кодекса.

В соответствии со ст. 150 ГК РФ жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство, иные нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом (п. 1).

Нематериальные блага защищаются в соответствии с данным кодексом и другими законами в случаях и в порядке, ими предусмотренных, а также в тех случаях и пределах, в каких использование способов защиты гражданских прав (ст. 12) вытекает из существа нарушенного нематериального блага или личного неимущественного права и характера последствий этого нарушения. В случаях, если того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, опубликования решения суда о допущенном нарушении, а также путем пресечения или запрещения действий, нарушающих или создающих угрозу нарушения личного неимущественного права либо посягающих или создающих угрозу посягательства на нематериальное благо (п. 2).

Согласно п. 1 ст. 1099 ГК РФ основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными гл. 59 и ст. 151 данного кодекса.

Как указано в абзаце втором ст. 151 ГК РФ, при определении размеров компенсации морального вреда суд принимает во внимание степень вины нарушителя и иные заслуживающие внимания обстоятельства. Суд должен также учитывать степень физических и нравственных страданий, связанных с индивидуальными особенностями гражданина, которому причинен вред.

В силу ст. 1101 ГК РФ компенсация морального вреда осуществляется в денежной форме (п. 1). Размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степени вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда.

Для применения такой меры ответственности, как компенсация морального вреда, юридически значимыми и подлежащими доказыванию являются обстоятельства, связанные с тем, что потерпевший перенес физические или нравственные страдания в связи с посягательством причинителя вреда на принадлежащие ему нематериальные блага, при этом на причинителя вреда лежит бремя доказывания правомерности его поведения, а также отсутствия его вины.

Судом установлены факт проведения органами следствия обыска в жилище истца, неправомерность указанных действий, а также то, что согласно показаниям свидетеля истец претерпела нравственные страдания.

Таким образом, суд фактически установил юридически значимые обстоятельства, необходимые для правильного разрешения возникшего спора, однако сделанные им выводы являются ошибочными.

Ссылаясь на то, что каких-либо незаконных следственных действий в отношении С. не проводилось, а также на отсутствие причинно-следственной связи между незаконным производством обыска в жилище супруги истицы - С.А. и нравственными страданиями истицы, суды не учли, что нравственные страдания С. испытывала по поводу нарушения незаконным обыском своих личных неимущественных прав - права на жилище и неприкосновенность частной жизни.

Вывод судов об отсутствии причинно-следственной связи между незаконным обыском в жилище С.А. и перенесенными истицей нравственными страданиями также является ошибочным, поскольку такой обыск проводился в отношении жилища, принадлежащего в том числе истцу.

Не была принята во внимание судами и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, неоднократно указывавшего в своих решениях, что обыск в жилище относится к числу тех следственных действий, которые существенным образом ограничивают конституционные права лица, в том числе права на неприкосновенность жилища и тайну частной жизни. Поскольку обыск в жилище, как правило, в равной мере ограничивает права как лиц, в отношении которых судебным решением санкционируется его проведение, так и иных лиц, проживающих в жилом помещении, подвергнутом обыску, судебная защита прав и законных интересов, являющаяся гарантией реализации конституционного права на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями орга-

нов государственной власти или их должностных лиц, должна быть обеспечена пострадавшим лицам обеих категорий. Иное нарушало бы закрепленные Конституцией Российской Федерации права на неприкосновенность жилища (ст. 25) и частной жизни (ст. 23), а также право на судебную защиту (ст. 46).

Определение N 47-КГ17-6

Разрешение споров, связанных с трудовыми отношениями

9. Выплата работнику выходного пособия или сохранение среднего заработка на период трудоустройства в случае прекращения деятельности его работодателя - индивидуального предпринимателя действующим законодательством не предусмотрены.

Такие гарантии могут быть определены условиями трудового договора, заключенного между работником и индивидуальным предпринимателем (работодателем).

Р. обратилась в суд с иском к Ф. о признании увольнения незаконным, взыскании выходного пособия, заработной платы, оплаты за дни временной нетрудоспособности, возложении на ответчика обязанности внести в трудовую книжку запись о прекращении трудового договора с указанием статьи, на основании которой с ней прекращены трудовые отношения, компенсации морального вреда.

Судом установлено, что Р. состояла в трудовых отношениях с индивидуальным предпринимателем Ф., работала в должности продавца в магазине.

С Р. был заключен трудовой договор от 1 января 2012 г., предусматривающий обязанность работодателя соблюдать законы и иные нормативные правовые акты, локальные нормативные акты, условия коллективного договора, соглашений и трудового договора; предоставлять работнику работу, обусловленную трудовым договором; обеспечивать безопасность труда и условия, отвечающие требованиям охраны и гигиены труда; обеспечивать работника оборудованием, инструментами, технической документацией и иными средствами, необходимыми для исполнения им трудовых обязанностей; выплачивать в полном размере причитающуюся работнику заработную плату в сроки, установленные Трудовым кодексом Российской Федерации, правилами внутреннего трудового распорядка организации, трудовым договором; осуществлять обязательное социальное страхование работника в порядке, установленном федеральными законами; исполнять иные обязанности, предусмотренные Трудовым кодексом Российской Федерации, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

31 августа 2015 г. Р. была уволена с работы в связи с прекращением деятельности Ф. в качестве индивидуального предпринимателя.

9 сентября 2015 г. Ф. снята с учета в налоговом органе в качестве индивидуального предпринимателя.

Разрешая спор и отказывая Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании с ответчика выходного пособия и среднего заработка на период трудоустрой-

ства в связи с увольнением, суд первой инстанции руководствовался положениями ст. 20, 22, ч. 1 ст. 178, ч. 2 ст. 307 ТК РФ и исходил из того, что условиями трудового договора, заключенного между Р. как работником и индивидуальным предпринимателем Ф. как работодателем, таких гарантий при увольнении, как выплата выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, не предусмотрено. При этом суд указал, что регулирование труда работников, работающих у работодателей - физических лиц, к категории которых относится Ф., имеет установленные гл. 48 ТК РФ особенности, в том числе определение трудовым договором случаев и размеров выплачиваемых таким работникам выходного пособия и других компенсационных выплат при прекращении трудового договора. Трудовой кодекс Российской Федерации не предоставляет работникам данной категории гарантий в виде сохранения заработка на период трудоустройства, как это предусмотрено ч. 1 ст. 178 ТК РФ для лиц, работающих в организациях.

Отменяя решение суда первой инстанции в части отказа в удовлетворении требований Р. о взыскании выходного пособия и среднего заработка на период трудоустройства, суд апелляционной инстанции пришел к выводу о нарушении ответчиком при увольнении истца требований ст. 318 ТК РФ и с учетом установленного судом первой инстанции размера заработной платы истца в месяц, взыскал с Ф. в пользу Р. выходное пособие в размере среднего заработка за три месяца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Согласно ч. 1 ст. 20 ТК РФ сторонами трудовых отношений являются работник и работодатель.

Работником в силу ч. 2 ст. 20 ТК РФ является физическое лицо, вступившее в трудовые отношения с работодателем, работодателем - физическое либо юридическое лицо (организация), вступившее в трудовые отношения с работником. В случаях, предусмотренных федеральными законами, в качестве работодателя может выступать иной субъект, наделенный правом заключать трудовые договоры (ч. 4 ст. 20 ТК РФ).

По смыслу ч. 5 ст. 20 ТК РФ к работодателям - физическим лицам относятся в том числе физические лица, зарегистрированные в установленном порядке в качестве индивидуальных предпринимателей и осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования юридического лица.

Трудовые отношения, как следует из положений ч. 1 ст. 16 ТК РФ, возникают между работником и работодателем на основании трудового договора, заключаемого в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации.

Трудовой договор может быть расторгнут работодателем в случаях ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем; сокращения численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя (пп. 1, 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Главой 27 ТК РФ установлены гарантии и компенсации работникам, связанные с расторжением трудового договора.

Так, ч. 1 ст. 178 ТК РФ определено, что при расторжении трудового договора в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 Кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 Кодекса) увольняемому работнику выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше двух месяцев со дня увольнения.

Разделом XII Трудового кодекса Российской Федерации установлены особенности регулирования труда отдельных категорий работников, к числу которых отнесены работники, работающие у работодателей - физических лиц (гл. 48 ТК РФ), и лица, работающие в районах Крайнего Севера (гл. 50 ТК РФ).

Согласно ст. 318 ТК РФ работнику, увольняемому из организации, расположенной в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, в связи с ликвидацией организации (п. 1 части первой ст. 81 названного кодекса) либо сокращением численности или штата работников организации (п. 2 части первой ст. 81 данного кодекса), выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, за ним также сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше трех месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия).

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за указанным работником в течение четвертого, пятого и шестого месяцев со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в месячный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен.

Выплата выходного пособия в размере среднего месячного заработка и сохраняемого среднего месячного заработка, предусмотренных чч. 1 и 2 данной статьи, производится работодателем по прежнему месту работы за счет средств этого работодателя.

Исходя из буквального толкования положений ч. 1 ст. 178 и ст. 318 ТК РФ сохранение работнику среднего месячного заработка на период трудоустройства и выплата ему выходного пособия в случае ликвидации организации, сокращения численности или штата ее работников предусмотрены только при увольнении работника из организации.

Регулирование труда работников, работающих у работодателей - физических лиц, имеет особенности, установленные гл. 48 ТК РФ.

По смыслу ч. 2 ст. 303 ТК РФ в письменный договор, заключаемый работником с работодателем - физическим лицом, в обязательном порядке включаются все условия, существенные для работника и работодателя.

Согласно ч. 2 ст. 307 ТК РФ сроки предупреждения об увольнении, а также случаи и размеры выплачиваемых при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат определяются трудовым договором.

Из приведенных нормативных положений следует, что Трудовым кодексом Российской Федерации установлено различное правовое регулирование труда работников, состоящих в трудовых отношениях с работодателем - физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем, и работников, работающих у работодателей - организаций. При этом выплата работодателем работнику выходного пособия и сохранение за ним среднего заработка на период его трудоустройства в связи с увольнением по п. 1 или п. 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ гарантированы законом (Трудовым кодексом Российской Федерации) только в случае увольнения работника из организации. Работникам, работающим у физических лиц, включая индивидуальных предпринимателей, указанная гарантия Трудовым кодексом Российской Федерации не предусмотрена. Прекращение трудового договора для этой категории работников урегулировано специальной нормой - ст. 307 ТК РФ, содержащей отличное от установленного ч. 1 ст. 178 данного кодекса правило о том, что случаи и размеры выплачиваемого при прекращении трудового договора выходного пособия и других компенсационных выплат работникам, работающим у работодателей - физических лиц, могут быть определены трудовым договором, заключаемым между работником и работодателем - физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем. Таким образом, работодатель - индивидуальный предприниматель, увольняющий работников в связи с прекращением предпринимательской деятельности, обязан выплатить работнику выходное пособие, иные компенсационные выплаты, в том числе средний заработок, сохраняемый на период трудоустройства, только если соответствующие гарантии специально предусмотрены трудовым договором с работником.

Как установлено судом и следует из материалов дела, условиями трудового договора, заключенного между Р. (работником) и индивидуальным предпринимателем Ф. (работодателем), такие гарантии в случае увольнения в связи с прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, как выплата выходного пособия или сохранение среднего заработка на период трудоустройства, не предусмотрены.

С учетом установленных обстоятельств суд первой инстанции правильно отказал Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании с Ф. выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, в связи с прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, применив к спорным отношениям подлежащие применению в данном случае положения ст. 303, 307 гл. 48 ТК РФ, устанавливающие особенности регулирования труда работников, работающих у работодателей - физических лиц.

Отменяя в указанной части решение суда первой инстанции и возлагая на ответчика обязанность по выплате истцу выходного пособия, суд апелляционной инстанции неправильно истолковал положения ч. 1 ст. 178, ст. 318 ТК РФ и распространил их действие на правоотношения между работниками и работодателями - физическими лицами, которые ими не регулируются.

Таким образом, у суда апелляционной инстанции отсутствовали предусмотренные законом основания для отмены решения суда первой инстанции об отказе Р. в удовлетворении исковых требований о взыскании выходного пособия и среднего заработка, сохраняемого на период трудоустройства, и удовлетворения данных требований Р. с возложением на ответчика обязанности по выплате истцу указанных сумм на основании не подлежащих применению к спорным правоотношениям положений ст. 178, 318 ТК РФ.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила апелляционное определение в части отмены решения суда об отказе Р. в удовлетворении исковых требований к Ф. о взыскании выходного пособия и принятия в указанной части нового решения о взыскании с Ф. в пользу Р. выходного пособия, оставив в отмененной части в силе решение суда первой инстанции.

Определение N 74-КГ16-23

10. При разрешении споров работников с организациями-работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по поводу индексации заработной платы подлежат применению положения локальных нормативных актов, устанавливающие системы оплаты труда, порядок индексации заработной платы работников в таких организациях.

Л. обратилась 14 декабря 2015 г. в суд с иском к Банку (работодатель) о взыскании задолженности по заработной плате, компенсации за несвоевременную выплату причитающихся работнику денежных сумм, компенсации морального вреда, расходов на нотариальное удостоверение доверенности представителя.

Судом по делу установлено, что 17 февраля 2014 г. между Банком и Л. был заключен трудовой договор, в соответствии с которым Л. принята на работу в Банк на должность главного юрисконсульта в судебно-презионный отдел юридического управления.

4 марта 2014 г. президентом Банка издан приказ об индексации заработной платы. В п. 1 приказа было предусмотрено, что в случае достижения Банком экономических показателей деятельности по итогам работы Банка в 2014 году, указанных в приложении 1 к приказу, провести индексацию заработной платы сотрудникам Банка путем увеличения должностных окладов на 8% начиная с 1 января 2015 г. Исходя из п. 2 названного приказа в случае недостижения Банком показателей, указанных в п. 1 приказа, индексация заработной платы сотрудникам Банка не проводится.

17 сентября 2015 г. между сторонами по делу было заключено соглашение о расторжении трудового договора и в тот же день Л. была уволена с работы по п. 1 ч. 1 ст. 77 ТК РФ (по соглашению сторон).

Судом также установлено, что в связи с недостижением Банком экономических показателей деятельности по итогам работы в 2014 году индексация заработной платы работников Банка проведена не была, приказ президента Банка от 4 марта 2014 г. был отменен приказом от 20 января 2016 г., а приказом от 21 января 2016 г. был установлен иной механизм индекса-

ции заработной платы работников Банка за 2013 - 2015 годы и на 2016 год.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении требований, суд первой инстанции сослался на положения ст. 392 ТК РФ (в редакции, действующей до 3 октября 2016 г.) и пришел к выводу о пропуске Л. установленного данной нормой трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, связанного с невыплатой сумм индексации заработной платы, о чем было заявлено в ходе судебного разбирательства ответчиком. Суд первой инстанции исходил из того, что Л., получая с февраля 2014 года ежемесячно заработную плату без индексации, не могла не знать с этого времени о нарушении ее трудовых прав, однако в суд с иском о взыскании задолженности по индексации заработной платы за период с февраля 2014 года по сентябрь 2015 года обратилась только 14 декабря 2015 г. Учитывая заявление ответчика о пропуске истцом срока на обращение в суд и принимая во внимание, что Л. не представлено доказательств уважительности причин пропуска установленного ст. 392 ТК РФ срока на обращение в суд с данными требованиями, суд первой инстанции принял решение об отказе Л. в удовлетворении иска.

Кроме того, суд первой инстанции в обоснование отказа Л. в иске указал на то, что непроведение Банком индексации заработной платы работников в связи с недостижением экономических показателей деятельности по итогам работы в 2014 году полностью соответствует приказу президента Банка от 4 марта 2014 г. и установленному работодателем механизму такой индексации.

Суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции о пропуске истцом срока на обращение в суд за разрешением индивидуального спора и отменил решение суда первой инстанции. Суд апелляционной инстанции полагал, что нарушение работодателем права Л. на своевременную индексацию заработной платы имело место вплоть до ее увольнения, в связи с чем установленный ст. 392 ТК РФ на тот момент трехмесячный срок на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора следует исчислять с даты увольнения истца - 17 сентября 2015 г. Поскольку исковое заявление в суд подано Л. 14 декабря 2015 г., то, по мнению суда апелляционной инстанции, предусмотренный законом срок на обращение в суд истцом не пропущен.

Удовлетворяя требования Л. о возложении на Банк обязанности произвести индексацию заработной платы истца согласно индексу потребительских цен за период работы с 17 февраля 2014 г. по 17 сентября 2015 г. и о взыскании с ответчика в пользу Л. задолженности по заработной плате, суд апелляционной инстанции со ссылкой на нормы ст. 134 ТК РФ, Положения об оплате труда работников банка, утвержденного правлением Банка 23 января 2014 г. (далее - Положение об оплате труда работников банка), исходил из того, что проведение индексации заработной платы является не правом, а обязанностью любого работодателя независимо от его организационно-правовой формы. Однако Банк в период с 17 февраля 2014 г. по 17 сентября 2015 г., вопреки требованиям ст. 134 ТК РФ, не осуществлял

индексацию заработной платы Л. в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. С учетом того, что конкретные сроки проведения индексации в Положении об оплате труда работников банка не установлены, работодатель был обязан произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения.

Суд апелляционной инстанции признал вывод суда первой инстанции о том, что заработная плата не была проиндексирована Л. в связи с недостижением Банком финансово-экономических показателей, противоречащим Положению об оплате труда работников банка, не содержащему норм о том, что проведение индексации заработной платы зависит от достижения Банком каких-либо результатов. Ссылка суда первой инстанции на недостижение Банком финансово-экономических показателей, по мнению суда апелляционной инстанции, не может являться основанием для отказа в удовлетворении иска Л., так как отсутствие достаточных денежных средств не освобождает работодателя от соблюдения трудовых прав работников.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда апелляционной инстанции не соответствующими требованиям закона.

В соответствии со ст. 392 ТК РФ (в редакции, действовавшей до 3 октября 2016 г.) работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении - в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении или со дня выдачи трудовой книжки (ч. 1). Работодатель имеет право обратиться в суд по спорам о возмещении работником ущерба, причиненного работодателю, в течение одного года со дня обнаружения причиненного ущерба (ч. 2). При пропуске по уважительным причинам сроков, установленных частями первой и второй данной статьи, они могут быть восстановлены судом (ч. 3).

Из приведенных положений ст. 392 ТК РФ, действовавших в период работы Л. в Банке и на момент ее увольнения 17 сентября 2015 г., следует, что срок на обращение работника в суд за разрешением индивидуального трудового спора, в том числе касающегося невыплаты или неполной выплаты заработной платы, составлял три месяца. Течение этого срока начинается со дня, когда работник узнал или должен был узнать о том, что его право нарушено.

Следовательно, при рассмотрении заявления отчета о пропуске Л. предусмотренного законом трехмесячного срока для обращения в суд за разрешением индивидуального трудового спора, связанного с невыплатой сумм индексации заработной платы, подлежало установлению такое юридически значимое обстоятельство, как определение даты, с которой истец узнал или должна была узнать о том, что ее право на индексацию заработной платы нарушено.

Суд апелляционной инстанции сделал вывод о том, что истцом не пропущен срок на обращение в суд за разрешением индивидуального трудового спора, так как нарушение работодателем права Л. на своевре-

менную индексацию заработной платы имело место вплоть до ее увольнения, соответственно, работодатель был обязан произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения, и именно с даты увольнения истца (17 сентября 2015 г.) следует исчислять трехмесячный срок на обращение ее в суд с требованием о взыскании задолженности по заработной плате.

В п. 56 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» содержатся разъяснения о том, что при рассмотрении дела по иску работника, трудовые отношения с которым не прекращены, о взыскании начисленной, но не выплаченной заработной платы надлежит учитывать, что заявление работодателя о пропуске работником срока на обращение в суд само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования, поскольку в указанном случае срок на обращение в суд не пропущен, так как нарушение носит длящийся характер и обязанность работодателя по своевременной и в полном объеме выплате работнику заработной платы, а тем более задержанных сумм, сохраняется в течение всего периода действия трудового договора.

Суд апелляционной инстанции не принял во внимание данные разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым для признания длящимся нарушения работодателем трудовых прав работника при рассмотрении дела по иску работника о взыскании невыплаченной заработной платы необходимо наличие определенного условия: заработная плата работнику должна быть начислена, но не выплачена.

Суд апелляционной инстанции не учел, что с 1 января 2015 г., то есть в срок, установленный приказом президента Банка от 4 марта 2014 г., индексация заработной платы работников Банка проведена не была и, как следствие, начисление заработной платы с учетом индексации работникам Банка, в том числе и Л., не производилось.

Кроме того, делая вывод об обязанности работодателя произвести выплату Л. причитающихся ей сумм индексации заработной платы в день ее увольнения, суд апелляционной инстанции исходил из данного им толкования положений ст. 134 ТК РФ, полагая, что этой нормой установлена безусловная обязанность любого работодателя независимо от его организационно-правовой формы проводить индексацию заработной платы своих работников.

Между тем согласно ст. 134 ТК РФ обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы включает индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели - в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами.

По смыслу нормативных положений приведенной статьи Трудового кодекса Российской Федерации порядок индексации заработной платы работников в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги работодателями, которые не получают бюджетного финансирования, устанавливается коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами. Такое правовое регулирование направлено на учет особенностей правового положения работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, обеспечивает им (в отличие от работодателей, финансируемых из соответствующих бюджетов) возможность учитывать всю совокупность обстоятельств, значимых как для работников, так и для работодателя. Трудовой кодекс Российской Федерации не предусматривает никаких требований к механизму индексации, поэтому работодатели, которые не получают бюджетного финансирования, вправе избрать любой порядок и условия ее осуществления (в том числе ее периодичность, порядок определения величины индексации, перечень выплат, подлежащих индексации) в зависимости от конкретных обстоятельств, специфики своей деятельности и уровня платежеспособности.

Исходя из буквального толкования положений ст. 134 ТК РФ индексация - это не единственный способ обеспечения повышения уровня реального содержания заработной платы. Обязанность повышать реальное содержание заработной платы работников может быть исполнена работодателем и путем ее периодического увеличения безотносительно к порядку индексации, в частности, повышением должностных окладов, выплатой премий и т.п.

В силу чч. 1 и 2 ст. 135 ТК РФ заработная плата работнику устанавливается трудовым договором в соответствии с действующими у данного работодателя системами оплаты труда. Системы оплаты труда, включая размеры тарифных ставок, окладов (должностных окладов), доплат и надбавок компенсационного характера, в том числе за работу в условиях, отклоняющихся от нормальных, системы доплат и надбавок стимулирующего характера и системы премирования, устанавливаются коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права.

Ввиду изложенного при разрешении споров работников с работодателями, не получающими бюджетного финансирования, по поводу индексации заработной платы, в том числе и при рассмотрении судом заявления ответчика (работодателя) о пропуске истцом (работником) срока на обращение в суд с данными требованиями подлежат применению положения локальных нормативных актов, устанавливающие системы оплаты труда, порядок индексации заработной платы работников в организациях, не получающих бюджетного финансирования.

Согласно имеющемуся в материалах дела Положению об оплате труда работников банка заработная плата и иные причитающиеся работнику денежные средства выплачиваются в денежной форме с учетом фактически отработанного времени два раза в месяц.

Работодатель в письменной форме (электронная рассылка по внутрибанковской почте) извещает каждого работника о составных частях заработной платы, причитающейся ему за соответствующий период, размерах и основаниях произведенных удержаний, а также об общей денежной сумме, подлежащей выплате. Индексация заработной платы производится всем работникам ежегодно в пределах утвержденного Советом директоров бюджета на соответствующий финансовый год. Индексация может проводиться в несколько этапов. Размер индексации определяется президентом Банка. Основанием для проведения индексации является издание соответствующего приказа по основной деятельности, утвержденного президентом Банка. Данный приказ доводится до сведения всех работников Банка путем рассылки по внутрибанковской электронной почте (раздел 2 Положения об оплате труда работников банка).

Данным локальным нормативным актом Банка установлен механизм индексации заработной платы работников Банка, в том числе определена ее периодичность (ежегодно), основание проведения (издание соответствующего приказа по основной деятельности), размер индексации (определяется президентом Банка), способ ознакомления всех работников Банка с приказом о проведении индексации (путем рассылки по внутрибанковской электронной почте).

Суд апелляционной инстанции, в нарушение ст. 134 ТК РФ, не применил при рассмотрении дела положения локального нормативного акта и изданного в соответствии с ним приказа президента Банка от 4 марта 2014 г., установившего срок проведения очередной индексации заработной платы работников Банка (начиная с 1 января 2015 г.), величину индексации (путем увеличения должностных окладов на 8%) и условия ее осуществления (в случае достижения банком экономических показателей по итогам работы в 2014 году).

Вследствие этого судом апелляционной инстанции не установлены имеющие значение для правильного разрешения спора обстоятельства, в том числе касающиеся момента, когда Л., исходя из действовавшего в Банке в период ее работы механизма индексации заработной платы работников Банка и с учетом занимаемой ею должности главного юрисконсульта судебного-претензионного отдела юридического управления, должна была узнать о нарушении своего права.

Не были предметом исследования суда апелляционной инстанции и не получили правовой оценки при принятии решения об удовлетворении исковых требований Л. доводы представителя Банка, которые приводились им в ходе судебного разбирательства в судах первой и апелляционной инстанций, о том, что Банк фактически обеспечивал повышение уровня реального содержания заработной платы своих работников, в том числе и истца, а также о том, что индексация заработной платы работников Банка по итогам деятельности за 2014 год не проводилась в связи с недостижением Банком экономических показателей деятельности, что соответствовало механизму индексации, установленному работодателем в локальном нормативном акте с соблюдением положений трудового законодательства. Эти доводы, содержащиеся

в кассационной жалобе Банка, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала обоснованными и подлежащими проверке судом апелляционной инстанции при новом рассмотрении дела.

Определение N 18-КГ17-10

Процессуальные вопросы

11. Частичный отказ в иске является основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика о взыскании расходов на оплату услуг представителя.

Я. обратилась с заявлением о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных в связи с ведением дела в суде. В обоснование требований указала, что решением суда от 1 июня 2015 г. иск ресурсоснабжающей организации к ней о взыскании задолженности за услуги по водоснабжению и водоотведению удовлетворен частично. Поскольку при разрешении дела Я. пользовалась услугами представителя, полагает, что она имеет право на возмещение понесенных ею расходов пропорционально той части исковых требований, в которой истцу было отказано. Просила взыскать с ответчика 13 050 руб.

Разрешая вопрос о присуждении судебных расходов на оплату услуг представителя, понесенных Я. при рассмотрении дела, суд первой инстанции исходил из того, что иски о взыскании расходов ресурсоснабжающей организации к Я. удовлетворены частично, в связи с этим, по мнению суда, требования ответчика о взыскании судебных расходов являются законными и обоснованными, а расходы должны быть взысканы с истца в пользу ответчика. С учетом требований разумности (сложности дела, объема и характера защищаемого права, продолжительности рассмотрения дела, количества судебных заседаний), суд определил размер суммы, подлежащей взысканию - 7500 рублей.

Отменяя определение суда первой инстанции и отказывая в удовлетворении требований Я. о возмещении расходов на оплату услуг представителя, суд апелляционной инстанции указал, что ответчик не имела права на возмещение судебных расходов, поскольку решение суда состоялось в пользу истца.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала, что вывод суда апелляционной инстанции сделан с нарушением норм процессуального законодательства.

Судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела (ч. 1 ст. 88 ГПК РФ).

К издержкам, связанным с рассмотрением дела, помимо прочего относятся расходы на оплату услуг представителей (абзац пятый ст. 94 названного кодекса).

В силу ч. 1 ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 ст. 96 данного кодекса. В случае, если иск удовлетворен частично, указанные в этой статье судебные расходы присуждаются истцу пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а ответ-

чику пропорционально той части исковых требований, в которой истцу отказано.

Из содержания указанных норм следует, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного требования.

Вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного в суд требования непосредственно связан с выводом суда, содержащимся в резолютивной части его решения (ч. 5 ст. 198 ГПК РФ), о том, подлежит ли заявление удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Если иск удовлетворен частично, то это одновременно означает, что в части удовлетворенных требований суд подтверждает правомерность заявленных требований, а в части требований, в удовлетворении которых отказано, суд подтверждает правомерность позиции ответчика.

В силу ч. 1 ст. 100 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, по ее письменному ходатайству суд присуждает с другой стороны расходы на оплату услуг представителя в разумных пределах.

Данная правовая позиция, согласно которой при неполном (частичном) удовлетворении требований расходы на оплату услуг представителя присуждаются каждой из сторон в разумных пределах и распределяются в соответствии с правилом о пропорциональном распределении судебных расходов (ст. 98 и 100 ГПК РФ, ст. 111 и 112 КАС РФ, ст. 110 АПК РФ), изложена в п. 12 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела».

Таким образом, частичный отказ в иске ресурсоснабжающей организации являлся основанием для удовлетворения в разумных пределах требований ответчика Я. о взыскании расходов на оплату услуг представителя.

Это судом апелляционной инстанции учтено не было и повлекло за собой вынесение неправомерного судебного постановления.

Определение N 19-КГ17-7

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

12. Исполнение третьим лицом обязательства должника на основании ст. 313 ГК РФ до введения первой процедуры банкротства не может быть признано злоупотреблением правом при отсутствии доказательств того, что поведение третьего лица причинило вред лицам, участвующим в деле о банкротстве.

Определением арбитражного суда принято к производству заявление компании о признании должника банкротом и назначено судебное заседание по проверке его обоснованности.

В целях погашения задолженности должника перед компанией банк на основании ст. 313 и 327 ГК РФ внес полную сумму задолженности на депозит нотариуса.

Полагая, что спорная задолженность в силу п. 5 ст. 313 ГК РФ перешла к нему, банк обратился в арбитражный суд с ходатайством о процессуальном правопреемстве.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении ходатайства отказано. Суды признали переход требования компании к банку несостоявшимся, указав на то, что банк совершил действия по погашению задолженности перед компанией исключительно с целью изменения очередности рассмотрения поданных в суд заявлений о банкротстве должника и введения «контролируемой» процедуры через утверждение собственного конкурсного управляющего.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила вопрос о процессуальном правопреемстве на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора должника, прежде всего, состоит в наиболее полном итоговом погашении заявленных им требований. Все предоставленные кредитором права, а также инструменты влияния на ход процедуры несостоятельности направлены на достижение названной цели.

Одним из таких инструментов является полномочие первого заявителя по делу о банкротстве (чье требование признано обоснованным) на предложение кандидатуры арбитражного управляющего либо саморегулируемой организации, из числа которой подлежит назначению арбитражный управляющий для проведения первой введенной судом процедуры (п. 9 ст. 42 Закона о банкротстве). При этом интерес в осуществлении данного полномочия в любом случае должен быть обусловлен наличием конечного интереса в получении удовлетворения по включенному в реестр требованию.

Банк удовлетворил заявление компании в полном объеме, в том числе в части финансовых санкций, в силу чего у компании отсутствуют разумные мотивы отказываться от принятия исполнения и в дальнейшем участвовать в деле. Несмотря на то, что само по себе исполнение обязательства должника перед заявителем-кредитором для банка невыгодно, в конечном счете названные действия обусловлены стратегией поведения в деле, подразумевающей наличие возможности определять хозяйственные решения банкрота кредитором со значительным объемом требований, размер которых в данной ситуации несопоставим с размером требований, выкупленных у компании как первого заявителя по делу.

Квалификация судами действий банка в качестве злоупотребления правом исключительно по тому основанию, что он выкупил требование к должнику с намерением предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, является ошибочной, поскольку при

таком подходе смысл участия первого заявителя в деле о банкротстве сводится только к возможности предложить свою кандидатуру арбитражного управляющего, а не к получению удовлетворения по заявленным требованиям, что не соответствует целям законодательного регулирования.

Определение N 304-ЭС17-1258

13. Не подлежит удовлетворению заявление аффилированного с должником лица о включении мнимого требования в реестр требований кредиторов, поданное исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов.

В рамках дела о банкротстве физического лица (далее также - должник) общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов его требования по выплате задолженности по арендной плате за пользование нежилыми помещениями в период с 2008 по 2010 гг. Наличие долга физическое лицо признавало ежегодно, подписывая двусторонние акты сверок.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Другой конкурсный кредитор должника приводил доводы, свидетельствующие о том, что все участники спорных арендных отношений - должник, собственники помещений и все цессионарии (в том числе общество) - принадлежат к одной группе компаний, контролируемой супругом должника как конечным бенефициаром. В рассматриваемом случае наличие внутригрупповых отношений и, как следствие, общности хозяйственных интересов имеет существенное значение для правильного разрешения спора, поскольку установление подобного факта позволяет дать надлежащую оценку добросовестности действий как кредитора, заявившего о включении своих требований в реестр, так и должника, обязанность которого при нормальном функционировании гражданского оборота состояла в своевременном внесении арендных платежей.

Вместе с тем обстоятельства, которые могли бы подтвердить либо опровергнуть доводы об аффилированности сторон спора, судами не исследовались, соответствующие доводы какой-либо правовой оценки не получили.

По смыслу п. 1 ст. 19 Закона о банкротстве к заинтересованным лицам должника относятся лица, которые входят с ним в одну группу лиц либо являются по отношению к нему аффилированными. Таким образом, критерии выявления заинтересованности в делах о несостоятельности через включение в текст закона соответствующей отсылки сходны с соответствующими критериями, установленными антимонопольным законодательством.

При представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса (например, с лицом, заявившем о включении требований в реестр, либо с ответчиком по требованию о признании сделки недействительной) судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения.

Именно на нестандартный характер сделки, на которой основано требование общества, ссылался конкурсный кредитор в своих возражениях против включения спорной задолженности в реестр: у должника - физического лица отсутствовали собственные экономические нужды по аренде коммерческих помещений общей площадью более 10 000 кв. м, впоследствии названные помещения передавались должником в субаренду иным участникам группы компаний. Поведение арендодателей, а затем и цессионариев, на протяжении более чем пяти лет до банкротства не обращавшихся с требованием о взыскании долга по арендной плате (тем самым предоставлявших отсрочку исполнения обязательства на неопределенный срок), также не может быть объяснено с точки зрения такой цели коммерческого юридического лица как извлечение прибыли от своей деятельности.

Конкурсный кредитор отмечал, что внутри группы компаний имеется несколько требований, связанных с арендой одного и того же имущества в аналогичный период. Такой довод требовал от суда проверки реальности отношений по пользованию имуществом между аффилированными лицами, то есть того, прикрывала ли цепочка арендных соглашений один договор аренды между собственником помещений и конечным независимым арендатором.

Кроме того, выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого из арендаторов (субарендаторов). Подобные факты могут свидетельствовать о подаче обществом заявления о включении требований в реестр исключительно с противоправной целью уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов (ст. 10 ГК РФ). При этом наличие в действиях сторон злоупотребления правом уже само по себе достаточно для отказа во включении требований заявителя в реестр (абзац четвертый п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»).

Определение № 306-ЭС16-20056 (6)

14. Участником собрания кредиторов с правом голоса является конкурсный кредитор, требование которого включено в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов, даже если на этот момент кредитор уступил свое право требования к должнику

третьему лицу и третье лицо не было включено в реестр требований кредиторов определением суда, либо приобретатель требования по доверенности.

На собрании кредиторов должника большинством голосов, в том числе 50,9% - общества, 0,03% - компания, 0,67% - физическое лицо, приняты решения о выборе кандидатуры арбитражного управляющего, прекращении полномочий комитета кредиторов должника, определении кандидатуры представителя собрания кредиторов должника, утверждении Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника.

Физическое лицо обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными решений указанного собрания, ссылаясь на то, что общество и компания утратили право голоса ввиду состоявшейся ранее уступки их требований к должнику в пользу фирмы.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления физического лица по следующим основаниям.

Исходя из положений п. 1 ст. 12 Закона о банкротстве и разъяснений, содержащихся в п. 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», участниками собрания кредиторов с правом голоса являются конкурсные кредиторы, требования которых включены в реестр требований кредиторов на дату проведения собрания кредиторов. Поскольку определение о включении требований кредиторов в реестр требований кредиторов подлежит немедленному исполнению, право на участие в собрании кредиторов с правом голоса возникает у кредитора с момента вынесения определения о включении его требований в реестр.

В рассматриваемом случае на дату проведения спорного собрания требования общества и компании включены в реестр требований кредиторов должника на основании судебных актов арбитражного суда. На момент проведения собрания кредиторов названные лица обладали статусом конкурсных кредиторов и, как следствие, правом на участие в собрании с правом голоса.

Выводы судов об обратном со ссылкой на состоявшуюся до проведения собрания уступку требований ошибочны.

Пункт 6 ст. 16 Закона о банкротстве устанавливает специальное правило по отношению к п. 1 ст. 382 и п. 1 ст. 425 ГК РФ, согласно которому требования кредиторов включаются в реестр требований кредиторов и исключаются из него арбитражным управляющим или реестродержателем только на основании вступивших в силу судебных актов, устанавливающих их состав и размер.

На момент проведения спорного собрания процессуальная замена первоначальных кредиторов (обще-

ства и компании) на нового кредитора не произведена. Сама по себе замена в материальном правоотношении не наделила нового кредитора правом на участие в собрании и не ограничила право прежних до момента вынесения арбитражным судом судебного акта об их замене в реестре требований кредиторов должника правопреемником по ранее включенным требованиям.

Исходя из принципа добросовестности (ст. 1 ГК РФ) до проведения процессуальной замены лицо, включенное в реестр требований кредиторов, обязано выдать приобретателю требования доверенность на голосование или голосовать на общем собрании в соответствии с указаниями приобретателя (п. 1 ст. 6 ГК РФ, п. 2 ст. 57 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). В рассматриваемом случае разногласия по голосованию между прежними и новым кредиторами отсутствовали.

Определение N 308-ЭС14-7166(4)

15. Арбитражный управляющий обязан возместить убытки, причиненные тем, что он, зная о реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу, не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода, и не исчислил сумму налога на добавленную стоимость, подлежащую уплате в бюджет.

В ходе процедуры конкурсного производства конкурсным управляющим реализовано имущество должника, в том числе являющееся предметом залога. Вырученные от продажи имущества денежные средства направлены управляющим на погашение реестровых требований залогового кредитора, подлежащих удовлетворению в третью очередь, а оставшаяся часть - на погашение текущих платежей.

Уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с иском к конкурсному управляющему о возмещении убытков, причиненных при проведении процедуры банкротства. В обоснование иска уполномоченный орган сослался на то, что при перечислении реестровому и залоговому кредитору денежных средств управляющий необоснованно не уплатил в бюджет текущий налог на добавленную стоимость (далее - НДС).

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении искового требования отказано. Суды исходили из того, что у конкурсного управляющего отсутствовала обязанность по исчислению и уплате НДС, поскольку согласно п. 4.1 ст. 161 НК РФ (в редакции, действовавшей в спорный период) при реализации имущества должника, признанного в соответствии с законодательством Российской Федерации банкротом, налоговыми агентами по НДС выступали покупатели имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В спорный период отсутствовала правовая неопределенность по вопросу об уплате НДС при реализации

имущества должника в процедуре конкурсного производства.

Так, в соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2013 г. N 11 «Об уплате налога на добавленную стоимость при реализации имущества должника, признанного банкротом», НДС в отношении операций по реализации имущества (в том числе предмета залога) должника, признанного банкротом, подлежал исчислению должником как налогоплательщиком по итогам налогового периода и уплачивался им в сроки, установленные п. 1 ст. 174 НК РФ, с учетом того, что требование об уплате названного налога относится к четвертой очереди текущих требований.

Конкурсный управляющий, осуществляя на постоянной основе профессиональную деятельность в качестве арбитражного управляющего, должен был знать об этой правовой позиции.

Выводы судов о том, что на покупателей имущества должника как на налоговых агентов были возложены обязанности по исчислению, удержанию у должника - налогоплательщика и перечислению НДС в бюджет, не соответствуют разъяснениям, данным Пленумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Более того, в рамках настоящего спора участвующие в деле лица не оспаривали то обстоятельство, что должник при реализации имущества предъявил к уплате покупателям соответствующую сумму НДС дополнительно к цене сделки, а покупатели перечислили должнику как цену сделки, так и сумму НДС.

По смыслу пп. 3, 4 ст. 55 НК РФ при ликвидации организации до истечения налогового периода руководитель ликвидационной комиссии (для случаев добровольной ликвидации) или конкурсный управляющий (для случаев ликвидации через процедуру конкурсного производства) обязан произвести корректировку налоговых периодов в соответствии с требованиями указанной нормы, определить налогооблагаемую базу и принять меры к погашению фискальных обязательств, возникших в период ликвидации, в том числе по последним укороченным налоговым периодам, длящимся до момента завершения ликвидации.

Окончание ликвидационной процедуры без совершения указанных действий является неправомерным обходом закона - необоснованным односторонним прекращением налогоплательщиком обязательств перед бюджетом при наличии налогооблагаемой базы со ссылкой лишь на формальную подачу им заявления (ходатайства) о завершении процедуры ликвидации до истечения налогового периода (календарного года, месяца, квартала).

Конкурсный управляющий знал о фактической реализации имущества должника в конкурсном производстве, формирующей налоговую базу (ст. 154 НК РФ) и, как следствие, свидетельствующей о наличии текущих налоговых обязательств. Однако он не предпринял мер, направленных на корректировку налогового периода исходя из особенностей, предусмотренных налоговым законодательством на случай ликвидации, не исчислил по правилам ст. 173 НК РФ сумму, подлежащую уплате в бюджет по итогам последнего нало-

гового периода, который начал течь с начала квартала и истек в день завершения ликвидационных мероприятий. Арбитражный управляющий, не представив в налоговый орган по месту учета налогоплательщика соответствующую налоговую декларацию, распределил конкурсную массу без учета текущих обязательств перед бюджетом и ходатайствовал о завершении процедуры конкурсного производства.

Определение N 305-ЭС17-1599

16. Конкурсный управляющий вправе исчислить свое вознаграждение в соответствии с правилами п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2004 г. N 573, в том числе в случаях, когда дебиторская задолженность не была им реализована с торгов, а взыскана в интересах конкурсной массы с должника.

В рамках процедуры банкротства должника, осуществлявшейся по правилам о банкротстве отсутствующего должника (§ 2 гл. XI Закона о банкротстве), конкурсный управляющий обнаружил имущество должника - денежные средства на расчетном счете, а также дебиторскую задолженность, впоследствии погашенную в полном объеме.

Полагая, что названные денежные средства формируют базу для выплаты вознаграждения в соответствии с п. 7 Положения о порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 21 октября 2004 г. N 573 (далее - положение N 573), конкурсный управляющий перечислил себе денежную сумму в качестве вознаграждения за проведение процедуры банкротства.

Считая указанные действия незаконными, уполномоченный орган обратился в арбитражный суд с жалобой на действия конкурсного управляющего, требуя обязать последнего также возместить убытки.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, требование удовлетворено. Суды исходили из того, что согласно буквальному толкованию п. 7 положения N 573 выплата конкурсному управляющему отсутствующим должником вознаграждения в размере 10% от стоимости имущества должника допускается только в случае реализации данного имущества.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявленных требований по следующим основаниям.

В ряде случаев интересы кредиторов и должника предполагают необходимость отказа от реализации имущества.

Общие положения Закона о банкротстве о продаже имущества на торгах должны применяться с учетом особенностей такого объекта прав как имущественное требование и цели процедуры конкурсного производства, заключающейся в максимальном наполнении

конкурсной массы и соразмерном удовлетворении за ее счет требований кредиторов.

Действуя разумно и добросовестно в интересах должника и кредиторов, конкурсный управляющий должен определить стратегию наиболее эффективного обмена на денежный эквивалент поступившего в конкурсную массу требования к контрагентам должника, решив вопрос о целесообразности реализации этого требования на торгах либо прямого истребования дебиторской задолженности (оценив ликвидность требования, размер его дисконтирования при реализации, расходы на подготовку торгов и их проведение, вероятность получения долга напрямую от контрагента, временные и финансовые затраты на такое получение и т.п.)

В рассматриваемом случае конкурсный управляющий в результате подробного анализа движения денежных средств на расчетном счете должника и систематизации его контрагентов за 2012 - 2014 годы (по существу не располагая первичными документами) выявил дебиторскую задолженность завода, после чего приступил к осуществлению претензионной работы, итогом которой стало добровольное погашение контрагентом своего долга перед должником.

Такое поведение конкурсного управляющего является добросовестным и разумным, у него отсутствовала обязанность выставлять спорную дебиторскую задолженность на торги.

Вместе с тем соблюдение интересов конкурсной массы, выразившееся в отказе от реализации имущества с целью получения наибольшего имущественного эффекта, не должно приводить к лишению конкурсного управляющего права на получение процентов по вознаграждению. Обратный подход к толкованию п. 7 положения N 573 мог бы спровоцировать злоупотребления со стороны конкурсных управляющих отсутствующими должниками, стимулируя их к реализации дебиторской задолженности в условиях, когда такая продажа для должника экономически нецелесообразна.

Определение N 301-ЭС17-834

17. В случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

В рамках дела о банкротстве должника конкурсный управляющий обратился в арбитражный суд с заявлением об утверждении суммы процентов по вознаграждению конкурсного управляющего.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены частично, сумма вознаграждения исчислена без учета сумм удовлетворения требований залоговых кредиторов в результате оставления имущества за собой.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Для правильного исчисления размера процентов по вознаграждению конкурсного управляющего при реализации предмета залога необходимо установить, в какой пропорции размер вырученных от реализационных процедур по каждому предмету залога средств погашает требование каждого отдельного залогового кредитора. В зависимости от этой пропорции определяется процентная ставка в соответствии с п. 13 ст. 20.6 Закона о банкротстве, которая умножается на размер удовлетворенных требований залогового кредитора от реализации предмета залога.

При этом в случае реализации имущества по правилам п. 4.1 ст. 138 Закона о банкротстве, то есть путем оставления такого имущества за собой, под выручкой понимается цена, по которой залоговый кредитор принимает имущество, что ошибочно не было учтено судами при рассмотрении настоящего обособленного спора.

Исходя из указанной суммы, за вычетом пяти процентов текущих платежей и пятнадцати процентов платежей, погашающих требования кредиторов первой и второй очередей (при наличии таковых), отдельно исчисляется размер удовлетворенных требований каждого залогового кредитора, который в любом случае не может составлять менее 80% от суммы реализационной выручки (п. 2 ст. 138 Закона о банкротстве). При реализации имущества, обеспечивающего исполнение обязательств не по кредитному договору, размер вычитаемых процентов определяется по правилам п. 1 ст. 138. Пять процентов, перечисленных кредитором на специальный счет должника, подлежат направлению на погашение текущих расходов, в число которых по смыслу абзаца пятого п. 13.1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. N 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве» (далее - постановление N 97) входят, в частности, как расходы, связанные с сохранностью заложенного имущества, его реализацией (для процедур, введенных до вступления в силу Федерального закона от 29 декабря 2014 г. N 482-ФЗ, которым ст. 138 Закона о банкротстве дополнена п. 6), так и вознаграждение арбитражного управляющего.

Следует также отметить, что, действуя добросовестно и разумно, конкурсного управляющий обязан приступить к выплате собственного вознаграждения в виде процентов только после погашения иных видов текущих платежей (абзац пятый п. 13.1 постановления N 97).

Поскольку конкурсное производство является ликвидационной процедурой, эффективный арбитражный управляющий в целях недопущения наращивания текущей кредиторской задолженности обязан с соблюдением всех необходимых процедур (поиск, инвентаризация, оценка имущества и т.д.) в разумный срок произвести отчуждение принадлежащих должнику объектов для проведения расчетов с кредиторами.

Изложенный подход подлежит применению и к имуществу, составляющему предмет залога. В про-

тивном случае (при затягивании конкурсным управляющим реализационных процедур) происходит неоправданное увеличение текущих, в том числе эксплуатационных расходов, которые, будучи погашаемыми за счет основной части конкурсной массы, фактически перекадываются на незалоговых кредиторов, как правило, не получающих удовлетворения своих требований от реализации залогового имущества (при превышении размера обеспечиваемого требования над размером вырученных от реализации денежных средств), что не согласуется с целями законодательно-го регулирования отношений несостоятельности.

Следовательно, в случае превышения конкурсным управляющим разумного периода реализации заложенного имущества, образовавшаяся в этот период сумма необоснованно понесенных эксплуатационных платежей, в том числе напрямую не связанных с обеспечением сохранности имущества должника, также подлежит вычету из пяти процентов, направляемых на погашение текущих расходов. Проценты по вознаграждению конкурсного управляющего выплачиваются из оставшейся суммы.

Определение N 306-ЭС17-782

Практика применения земельного законодательства

18. Судебные акты о признании незаконным отказа уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, отменены, поскольку содержащиеся в них выводы не соответствуют нормам Градостроительного кодекса Российской Федерации о первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки.

Общество является собственником объекта недвижимости - станции технического обслуживания автомобилей, расположенной на земельном участке, предоставленном обществу в аренду до 2063 года на основании договора с уполномоченным органом муниципального образования (далее - администрация).

Ссылаясь на положения подп. 6 п. 2 ст. 39.3 и п. 2 ст. 39.20 ЗК РФ, общество обратилось в администрацию с заявлением о предоставлении в собственность земельного участка под принадлежащим ему объектом недвижимости.

Администрация сообщила заявителю, что испрашиваемый земельный участок не подлежит предоставлению в частную собственность в силу п. 12 ст. 85 ЗК РФ, поскольку в соответствии с генеральным планом муниципального образования, он относится к зоне зеленых насаждений общего пользования.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что на земельном участке находится объект недвижимости, принадлежащий обществу, фактическое использование земельного участка соответствует виду его раз-

решенного использования и перечню разрешенных видов использования, предусмотренных Правилами землепользования и застройки муниципального образования, и пришли к выводу об отсутствии основания для отказа в предоставлении в собственность земельного участка на основании ст. 85 ЗК РФ. Суды также приняли во внимание, что решением законодательного органа муниципального образования были внесены изменения в Правила землепользования и застройки, в соответствии с которыми спорный участок расположен в территориальной зоне «коммунально-складская зона», одним из видов разрешенного использования которой является размещение мастерских, предназначенных для ремонта и обслуживания автомобилей. Изменения в правила были внесены после принятия генерального плана.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 18, 23 ГрК РФ генеральные планы включают в себя карты планируемого размещения объектов с указанием или описанием зон размещения названных объектов.

Частью 3 ст. 9, чч. 9, 10 ст. 31, п. 1 ч. 2 ст. 33, п. 2 ч. 1 ст. 34, ч. 15 ст. 35 ГрК РФ установлен принцип первичности генерального плана перед правилами землепользования и застройки как основополагающего документа территориального планирования, определяющего стратегию градостроительного развития территорий и содержащего долгосрочные ориентиры их развития. Несоответствие правил землепользования и застройки муниципального образования генеральному плану является основанием для рассмотрения вопроса о приведении их в соответствие с указанным документом территориального планирования.

Генеральный план, определяя назначение территорий исходя из планов развития территории города в целом, может не соответствовать ее фактическому использованию, допуская потенциальное изменение назначения территории, поскольку генеральные планы определяют стратегию его развития и условия формирования среды жизнедеятельности.

Исходя из изложенного, выводы судов о недоказанности отнесения спорного земельного участка к территории общего пользования со ссылкой как на правила землепользования и застройки, так и на его фактическое неиспользование по указанному назначению нельзя признать обоснованными, соответствующими приведенным выше нормам права.

Вместе с тем, исходя из содержания понятия территории общего пользования, данного в п. 12 ст. 1 ГрК РФ, и учитывая, что установленный запрет на приватизацию земель общего пользования направлен на обеспечение публичных интересов, свободного доступа граждан к местам общего пользования и природным объектам, предназначенным для удовлетворения общественных интересов населения, границы такой территории (как существующие, так и планируемые) должны быть установлены в соответствии с требованиями градостроительного законодательства. Установление границ территорий общего пользования

в соответствии с ч. 1 ст. 42 ГрК РФ осуществляется при подготовке проектов планировки территории, основная часть которого включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются в том числе красные линии (ч. 3). Согласно ч. 6 ст. 43 ГрК РФ на чертежах межевания территории отображаются также красные линии, утвержденные в составе проекта планировки территории, или красные линии, утверждаемые, изменяемые проектом межевания территории в соответствии с п. 2 ч. 2 этой статьи.

Однако наличие красных линий с целью установления границ территории общего пользования, планируемой под размещение сквера (бульвара, парка) в соответствии с генеральным планом в границах спорного земельного участка, а также наличие утвержденной документации по планировке территории (проект планировки, проект межевания) суды не проверяли.

Судам следовало также проверить, отвечает ли земельный участок, испрашиваемый обществом в целях выкупа, требованиям к земельному участку, необходимому для эксплуатации объекта недвижимости, принадлежащего обществу, в том числе в отношении площади такого участка (ст. 39.20 ЗК РФ). В том случае, если будет установлено, что испрашиваемый участок всем требованиям не отвечает, необходимо установить, возможно ли образование земельного участка в иных границах и иной площади с соблюдением требований к образуемому или измененным земельным участкам, установленных градостроительным и земельным законодательством, в отношении которого обществом может быть реализовано его право на приобретение земельного участка в собственность.

Определение N 307-КГ16-18929

19. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность земельного участка собственнику недвижимого объекта, расположенного на этом участке, признан судом правомерным, поскольку спорный земельный участок входит в границы планируемого размещения объектов транспорта, а также автомобильных дорог федерального, регионального, межмуниципального или местного значения.

Общество обратилось в уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) с заявлением о предоставлении в собственность за плату земельного участка, на котором расположены объекты недвижимости общества и который предоставлен обществу в аренду.

Администрация отказала обществу в предоставлении земельного участка в собственность, сославшись на то, что в соответствии с генеральным планом муниципального образования на участке расположен объект местного значения (дорога). Красные линии, пересекающие участок и обозначающие дорогу общегородского значения, утверждены постановлением главы муниципального образования в 2009 году (далее - постановление о планировке).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа администрации незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда окру-

га, заявление общества удовлетворено. Суд исходил из того, что установление красных линий по границам уже сформированных для эксплуатации объектов недвижимости земельных участков нормами земельного и градостроительного законодательства не предусмотрено, поэтому в силу ст. 12 и 13 ГК РФ является невозможным применение постановления о планировке; из представленных администрацией в материалы дела документов территориального планирования не усматривается, что на испрашиваемом земельном участке планируется размещение объекта местного значения - дороги, поскольку предъявленный в судебном заседании генеральный план муниципального образования, в том числе его графическая часть (схемы и чертежи), напечатан в черно-белом варианте, в то время как схема транспортной инфраструктуры предполагает условное цветное обозначение различных зон, а условные обозначения (пояснительный текст на схеме) напечатаны нечитаемым мелким шрифтом, что не позволяет идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Подпунктом 3 п. 5 ст. 39.17 ЗК РФ предусмотрено, что уполномоченный орган принимает решение об отказе в предоставлении земельного участка при наличии хотя бы одного из оснований, перечисленных в ст. 39.16 ЗК РФ.

В данной статье в числе прочих приведены следующие основания для отказа в предоставлении публичного участка в собственность физических и юридических лиц:

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок является изъятым из оборота или ограниченным в обороте и его предоставление не допускается на праве, указанном в заявлении о предоставлении земельного участка (п. 6);

указанный в заявлении о предоставлении земельного участка земельный участок в соответствии с утвержденными документами территориального планирования и (или) документацией по планировке территории предназначен для размещения объектов федерального значения, объектов регионального значения или объектов местного значения и с заявлением о предоставлении земельного участка обратилось лицо, не уполномоченное на строительство этих объектов (п. 17).

В соответствии с подп. 7 п. 5 ст. 27 ЗК РФ ограничиваются в обороте находящиеся в государственной или муниципальной собственности земельные участки, предназначенные для строительства, реконструкции и (или) эксплуатации объектов морского транспорта, внутреннего водного транспорта, воздушного транспорта, сооружений навигационного обеспечения воздушного движения и судоходства, объектов инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, а также автомобильных дорог федерального значения, регионального значения, межмуниципального значения или местного значения.

Пунктом 12 ст. 85 ЗК РФ и п. 8 ст. 28 Федерального закона от 21 декабря 2001 г. N 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» установлен запрет приватизации земельных участков общего пользования, занятых площадями, улицами, проездами, автомобильными дорогами, набережными, скверами, бульварами, водными объектами, пляжами и другими объектами, которые могут включаться в состав различных территориальных зон.

В силу ч. 1 ст. 26 ГрК РФ реализация документов территориального планирования осуществляется путем подготовки и утверждения документации по планировке территории в соответствии с документами территориального планирования; создания объектов федерального значения, объектов регионального значения, объектов местного значения на основании документации по планировке территории.

Подготовка документации по планировке территории осуществляется в отношении застроенных или подлежащих застройке территорий в целях обеспечения устойчивого развития территорий, выделения элементов планировочной структуры (кварталов, микрорайонов, иных элементов), установления границ земельных участков, на которых расположены объекты капитального строительства, границ земельных участков, предназначенных для строительства и размещения линейных объектов (ст. 41 ГрК РФ).

Статьей 42 ГрК РФ предусмотрено, что подготовка проектов планировки территории осуществляется для выделения элементов планировочной структуры, установления границ территорий общего пользования, границ зон планируемого размещения объектов капитального строительства, определения характеристик и очередности планируемого развития территории. Согласно ч. 3 названной статьи основная часть проекта планировки территории включает в себя чертеж или чертежи планировки территории, на которых отображаются красные линии; границы существующих и планируемых элементов планировочной структуры; границы зон планируемого размещения объектов капитального строительства. Проект планировки и проект красных линий, утвержденный отдельным документом в составе документации по планировке территорий, могут быть оспорены заинтересованными лицами в судебном порядке. Пунктом 2 ч. 6 ст. 43 ГрК РФ предусмотрено, что красные линии также отображаются и на чертежах проекта межевания территорий.

Генеральный план муниципального образования и постановление о планировке, принятые до приобретения обществом в собственность объектов недвижимости, расположенных на спорном земельном участке, в установленном порядке не оспорены и не признаны недействующими. Тот факт, что спорный участок был сформирован до утверждения постановлением о планировке красных линий, обозначающих дорогу общеродского значения, не свидетельствует о незаконности оспариваемого отказа в предоставлении участка в собственность с учетом положений ст. 27 и 39.16 ЗК РФ. Поэтому оснований для того, чтобы не применять и не принимать во внимание данные документы, у судов не имелось.

При наличии указанных документов территориального планирования суды были не вправе признать незаконным оспариваемый отказ администрации со ссылкой на то, что представленные в судебное заседание оригинал официального генерального плана муниципального образования, приложенные к нему схемы, напечатанные мелким шрифтом и в черно-белом варианте, не позволили суду идентифицировать и соотнести место расположения испрашиваемого земельного участка и планируемой дороги. По правилам чч. 2 и 5 ст. 66 и ст. 87.1 АПК РФ суд был вправе истребовать указанные документы от органов местного самоуправления в необходимом для выяснения обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения спора, виде, а также привлечь специалиста для получения соответствующих разъяснений.

Определение N 308-КГ17-2697

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

20. В случае, когда арбитражный суд приходит к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора (ст. 10, п. 3 ст. 310 ГК РФ), он не может снизить плату до размера, который не устраняет для другой стороны последствия отказа от договора и не может компенсировать иные возможные потери.

Комбинат (арендодатель) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком на 15 лет. Арендная плата включала в себя сумму трех составляющих: базовую арендную плату, переменную арендную плату и постоянную арендную плату. Ежемесячный размер постоянной арендной платы составляет 282 344 руб. 44 коп. и вносится за весь срок аренды авансовым платежом в размере 50 822 033 руб. 90 коп.

В соответствии с условиями договора арендатор имеет право отказаться от исполнения договора, направив арендодателю уведомление о таком расторжении не менее чем за три месяца. При этом постоянная арендная плата удерживается арендодателем в качестве штрафа.

По истечении четырех лет арендатор отказался от договора аренды.

Ссылаясь на отсутствие оснований для удержания арендодателем суммы постоянной арендной платы в размере 43 032 236 руб. 66 коп., арендатор обратился в арбитражный суд с иском к арендодателю о ее взыскании.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, исковые требования удовлетворены частично.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении требования о взыскании сумм постоянной арендной платы отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и на-

правила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с п. 14 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» (далее - постановление Пленума N 54) при осуществлении стороной права на одностороннее изменение условий обязательства или односторонний отказ от его исполнения она должна действовать разумно и добросовестно, учитывая права и законные интересы другой стороны. Нарушение этой обязанности может повлечь отказ в судебной защите названного права полностью или частично, в том числе признание ничтожным одностороннего изменения условий обязательства или одностороннего отказа от его исполнения (п. 2 ст. 10, п. 2 ст. 168 ГК РФ).

Таким образом, установленный законом принцип добросовестности участников гражданского оборота должен быть ими соблюден и при прекращении договора в случае одностороннего отказа стороны от договора, в частности при урегулировании размера денежной суммы, подлежащей в связи с этим выплате в соответствии с п. 3 ст. 310 ГК РФ, нарушение которого сторонами влечет в случае обращения одной из них за судебной защитой необходимость разрешения этого вопроса судом в каждом конкретном споре.

Как указано в п. 16 постановления Пленума N 54, если будет доказано очевидное несоответствие размера этой денежной суммы неблагоприятным последствиям, вызванным отказом от исполнения обязательства или изменением его условий, а также заведомо недобросовестное осуществление права требовать ее уплаты в этом размере, то в таком исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично (п. 2 ст. 10 ГК РФ).

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о наличии оснований для снижения платы за односторонний отказ от договора исходя из следующих обстоятельств. Договор предполагал условие о предварительной оплате арендатором всей спорной суммы - большей части арендной платы, причитающейся арендодателю, за весь период действия договора. Получение арендодателем существенного имущественного предоставления при исполнении договора впоследствии также позволило при непродолжительном периоде пользования арендованным имуществом удержать значительную часть уплаченной истцом суммы.

Вместе с тем суд апелляционной инстанции, оставляя решение суда первой инстанции без изменения, по существу согласился с размером, установленным судом первой инстанции, но который при снижении заявленной истцом суммы руководствовался положениями ст. 333 ГК РФ, считая спорную сумму штрафом, и в результате чего взыскиваемая сумма была снижена более чем в пять раз.

Такой подход также не обеспечивает баланс интересов сторон договора, поскольку взысканная судом первой инстанции сумма фактически не устраняет для ответчика последствия отказа от договора, так как

даже не восполняет утрату всех его доходов, которые он мог бы получить, предоставляя свое имущество другому лицу в период до заключения им договора аренды с новым арендатором, и более того, не может компенсировать иные потери, которые мог понести арендодатель в этом случае.

Определение N 309-ЭС17-1058

21. В случае, когда на арендуемом земельном участке, находящимся в публичной собственности, расположен незавершенный строительством объект недвижимости, возведенный на законных основаниях и принадлежащий арендатору, ст. 622 ГК РФ не может служить основанием для возложения на арендатора обязанности по освобождению этого земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды.

В 2012 году уполномоченным органом муниципального образования (арендодатель; далее - администрация) и обществом (арендатор) заключен договор аренды земельного участка в целях использования для строительства детского сада. Срок действия договора установлен до 12 марта 2015 г.

На данном земельном участке обществом возведен объект до уровня первого этажа.

В апреле 2015 года администрация направила обществу уведомление об отказе от договора аренды и предложила обществу освободить и передать земельный участок администрации.

Отказ общества освободить земельный участок послужил основанием для обращения администрации в арбитражный суд с иском об освобождении обществом спорного участка на основании ст. 622 ГК РФ.

Решением суда первой инстанции исковые требования удовлетворены. Суд исходил из прекращения договора аренды с момента истечения срока его действия и отсутствия государственной регистрации обществом права собственности на объект незавершенного строительства с низкой степенью готовности.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано. Суд пришел к выводу, что возврат земельного участка на основании ст. 622 ГК РФ невозможен, поскольку на нем расположен объект незавершенного строительства, обладающий признаками капитального строения, возведенного на законных основаниях.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что по смыслу ст. 131 ГК РФ закон в целях обеспечения стабильности гражданского обо-

рота устанавливает необходимость государственной регистрации права собственности и других вещных прав на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение. При этом по общему правилу государственная регистрация права на вещь не является обязательным условием для признания ее объектом недвижимости (п. 1 ст. 130 ГК РФ). При разрешении вопроса о признании правомерно строящегося объекта недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) необходимо установить, что на нем, по крайней мере, полностью завершены работы по сооружению фундамента или аналогичные им работы (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Замоещение земельного участка, не отвечающее признакам сооружения, является его частью и не может быть признано самостоятельной недвижимой вещью (п. 1 ст. 133 ГК РФ).

Обществом на законных основаниях в соответствии с договором аренды земельного участка и решением на строительство на спорном земельном участке возведен объект до уровня первого этажа, поэтому возведенный объект является недвижимой вещью (объектом незавершенного строительства) независимо от государственной регистрации прав на нее.

Следовательно, ст. 622 ГК РФ не может быть применена к рассматриваемым отношениям и служить основанием для возложения на общество обязанности по освобождению земельного участка независимо от того, расторгнут или прекращен договор аренды земельного участка.

Согласно подп. 5 п. 1 ст. 1 ЗК РФ одним из принципов земельного законодательства является принцип единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, согласно которому все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Эксплуатация и обслуживание объекта недвижимости возможны только на земельном участке, специально сформированном для этих целей.

В соответствии со ст. 271 ГК РФ собственник здания, сооружения или иной недвижимости, находящейся на земельном участке, принадлежащем другому лицу, имеет право пользоваться предоставленным таким лицом под эту недвижимость частью земельного участка.

Согласно правовой позиции, изложенной в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 января 2011 г. N 10661/10, принятие публичными органами распорядительных актов, разрешающих осуществление строительства, следует расценивать как согласие публичного образования, от имени которого они действуют, с размещением на принадлежащем ему земельном участке объекта недвижимого имущества, в то время как возвращение участка предполагает его освобождение от находящегося на нем недвижимого имущества, что нарушает права и законные интересы арендатора.

Схожая правовая позиция сформулирована в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2011 г.

№ 14381/10, согласно которой прекращение договора аренды, в том числе в связи с отказом от договора со стороны арендодателя, не лишает арендатора права пользования земельным участком, необходимым для эксплуатации принадлежащей ему недвижимости.

В соответствии с правовой позицией, изложенной в п. 24 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», истечение срока действия договора аренды земельного участка не препятствует государственной регистрации права собственности на созданный в период действия договора аренды объект незавершенного строительства.

Таким образом, требования администрации об освобождении земельного участка от объекта недвижимости фактически направлены на необоснованное лишение общества права осуществить государственную регистрацию права собственности на объект незавершенного строительства в соответствии с п. 4 ст. 25 Федерального закона от 21 июля 1997 г. «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

Определение № 304-ЭС16-20773

22. Лицо, совершившее противоправные умышленные действия по двойной продаже одного объекта, обязано возместить причиненные этим убытки лицу, являвшемуся конечным покупателем этого объекта по одной из цепочек перепродаж, однако не приобрелшему на него право собственности.

Обществу уполномоченным органом предоставлен земельный участок для строительства многоквартирного дома. Общество заключило договор подряда с компанией-1 (подрядчик), по условиям которого в качестве оплаты подрядчику передается в собственность 105 жилых помещений в многоквартирном доме. Компания-1 заключила инвестиционный контракт с фирмой (инвестор), в соответствии с которым передало инвестору ряд жилых помещений в этом многоквартирном доме. Фирма передала в собственность физическому лицу-1 одну из квартир.

В отношении той же квартиры, что была передана фирмой в собственность физическому лицу-1, общество заключило договор купли-продажи будущей недвижимой вещи с компанией-2. По цепочке сделок данную квартиру приобрело физическое лицо-2, которое купило ее у физического лица-3.

Решением суда признана недействительной цепочка сделок, направленных на приобретение квартиры физическим лицом-2, признано право собственности физического лица-1 на спорную квартиру, право собственности физического лица-2 на спорный объект прекращено.

Решением суда по другому делу в связи с признанием недействительным договора купли-продажи с физического лица-3 в пользу физического лица-2 взыскано 5 400 000 руб. В рамках исполнительного производства решение исполнено частично (182 181,33 руб.), исполнительное производство окончено.

Ссылаясь на положения ст. 1064 ГК РФ, физическое лицо-2 (далее также - заявитель) обратилось в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов общества его требования о взыскании убытков в размере 10 296 818,67 руб. По мнению заявителя, указанная денежная сумма составляет расходы на приобретение квартиры, аналогичной утраченной в результате противоправных действий общества по отчуждению одного объекта дважды разным лицам.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что заявитель реализовал свое право на судебную защиту путем обращения с иском к продавцу по сделке купли-продажи, оснований считать продавца и общество солидарными должниками на основании ст. 1080 ГК РФ не имеется, поскольку общество и физическое лицо-3 не действовали совместно, между действиями общества и убытками заявителя отсутствует прямая причинно-следственная связь.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Именно действия общества послужили причиной (источником) возникновения ситуации, в результате которой заявитель понес имущественные потери. Согласованность же действий участников цепочки перепродаж могла иметь значение лишь для целей привлечения этих лиц к солидарной ответственности вместе с должником (ст. 1080 ГК РФ).

Наступление деликтной ответственности лица, совершившего противоправное действие (бездействие), в частности двойное отчуждение объекта недвижимости, не может зависеть от случайного факта (дальнейшей цепочки перепродаж).

Предъявление иска к продавцу и присуждение к взысканию с последнего в пользу заявителя уплаченных по признанному недействительным договору купли-продажи денежных средств само по себе не препятствует привлечению должника к гражданско-правовой ответственности в виде возмещения вреда при доказанности факта правонарушения и невозмещении потерь контрагентом по сделке. Обратное ведет к неправомерному отказу в судебной защите и восстановлении нарушенных прав.

Определение № 303-ЭС16-19319

Практика применения законодательства о налогах и сборах

23. Налогоплательщик несет ответственность за неисполнение обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных обособленных подразделениях в соответствии со ст. 126 НК РФ, а не п. 2 ст. 116 НК РФ.

В ходе проведения проверки налоговым органом установлено, что общество не осуществило постановку на налоговый учет по месту нахождения двух

обособленных подразделений, через которые осуществлялась хозяйственная деятельность в проверяемый налоговый период.

Данное обстоятельство послужило основанием для привлечения налогоплательщика к ответственности по п. 2 ст. 116 НК РФ в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения налогового органа о привлечении к ответственности незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленного обществом требования отказано. Суды исходили из того, что налогоплательщиком на территории иных муниципальных образований созданы стационарные рабочие места на срок более одного месяца, где осуществлялась предпринимательская деятельность без постановки на налоговый учет, в связи с чем пришли к выводу о наличии в действиях налогоплательщика состава налогового правонарушения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Непредставление в установленный срок налогоплательщиком (плательщиком сбора, плательщиком страховых взносов, налоговым агентом) в налоговые органы документов и (или) иных сведений, предусмотренных НК РФ и иными актами законодательства о налогах и сборах, если такое деяние не содержит признаков налоговых правонарушений, предусмотренных ст. 119, 129.4 и 129.6 НК РФ, а также пп. 1.1 и 1.2 ст. 126 НК РФ, влечет ответственность, предусмотренную п. 1 ст. 126 НК РФ.

Из п. 2 ст. 116 НК РФ следует, что данной нормой установлена ответственность за ведение деятельности организацией или индивидуальным предпринимателем без постановки на учет в налоговом органе как одного из видов нарушений порядка постановки на указанный учет.

Порядок постановки на учет и снятия с учета организаций и физических лиц установлен ст. 84 - 85 НК РФ, в которых содержится упоминание о том, что в целях проведения налогового контроля организации ставятся на учет не только по месту своего нахождения, но и по месту нахождения обособленных подразделений.

Однако взаимосвязанные положения подп. 2 п. 1 и подп. 3 п. 2 ст. 23 НК РФ позволяют сделать вывод о том, что законодатель различает обязанность налогоплательщика встать на учет в налоговых органах и обязанность сообщить в налоговый орган обо всех обособленных подразделениях российской организации, созданных на территории Российской Федерации.

Непредставление же налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, образует событие правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ст. 126 НК РФ.

Следовательно, в том случае, когда допущенное организацией нарушение порядка постановки на налоговый учет выражается в неисполнении обязанности по сообщению налоговому органу сведений о созданных на территории Российской Федерации обособленных

подразделениях, такие действия подлежат квалификации по ст. 126 НК РФ.

Пункт 2 ст. 116 НК РФ предусматривает в качестве санкции за ведение деятельности без постановки на учет в налоговом органе взыскание штрафа в размере 10 процентов от доходов, полученных в течение указанного времени в результате такой деятельности, но не менее 40 000 руб.

Сам факт установления законодателем приведенной санкции позволяет сделать вывод о том, что предусмотренное в п. 2 ст. 116 НК РФ изъятие соответствующей части дохода организации или индивидуального предпринимателя сопряжено с отсутствием у налогового органа возможности идентифицировать налогоплательщика в рамках налогового контроля и, соответственно, определить, какие налоги и в каком размере должен уплатить налогоплательщик в связи с ведением сокрытой от налогообложения деятельности.

В том случае, когда у налогового органа имеется возможность определить размер налоговой обязанности организации или индивидуального предпринимателя, соответствующее лицо подлежит привлечению к ответственности, предусмотренной ст. 122 НК РФ за неуплату (неполную уплату) налогов.

В рамках налоговой проверки инспекция установила величину доходов, полученных налогоплательщиком через обособленные подразделения, при этом обществом не было допущено неполной уплаты налогов от деятельности, осуществляемой через названные обособленные подразделения.

При таких обстоятельствах у налогового органа отсутствовали законные основания для привлечения общества к ответственности, предусмотренной п. 2 ст. 116 НК РФ, и применения к налогоплательщику санкции в виде изъятия части дохода, с которого обществом уплачены налоги.

Определение N 303-КГ17-2377

Практика применения законодательства о защите конкуренции и о контрактной системе в сфере закупок товаров для государственных и муниципальных нужд

24. При отсутствии утвержденного в соответствии с законодательством перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется согласно их торговым наименованиям, государственный и муниципальный заказчики вправе приобретать медицинские препараты по торговому наименованию при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах.

Уполномоченный орган (далее - заказчик) опубликовал извещение о проведении электронного аукциона и сопутствующую аукционную документацию на право заключения контракта на поставку лекарственного препарата «Инсулин растворимый (человеческий генно-инженерный)», торговое наименование Инсуман Рапид ГТ, раствор для инъекций, 100 МЕ/мл 3 мл N 5.

Антимонопольный орган принял решение, в соответствии с которым в действиях заказчика установлены нарушения п. 6 ч. 1 ст. 33, п. 1 ч. 1 ст. 64 Федерально-

го закона от 5 апреля 2013 г. N 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - Закон о контрактной системе), поскольку описание объекта закупки с использованием торгового наименования лекарственного препарата конкретного производителя ограничивает количество участников закупки.

Заказчик обратился в арбитражный суд с заявлением о признании решения антимонопольного органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Закупка лекарственных средств в соответствии с их торговыми наименованиями возможна в случае осуществления данной закупки в соответствии с пунктом 7 части 2 статьи 83 Закона о контрактной системе (осуществление закупки лекарственных препаратов, которые необходимы для назначения пациенту при наличии медицинских показаний), а также в случае закупки лекарственных средств, входящих в перечень лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 ноября 2013 г. N 1086 утверждены Правила формирования перечня лекарственных средств, закупка которых осуществляется в соответствии с их торговыми наименованиями (далее - Правила). Однако данный перечень лекарственных средств до настоящего времени Правительством Российской Федерации не утвержден.

Вместе с тем согласно п. 2 Правил основанием для включения лекарственного средства в перечень является невозможность замены лекарственного средства в рамках одного международного непатентованного наименования лекарственного средства или при отсутствии такого наименования химического, группировочного наименования, определяемая с учетом показателей эффективности и безопасности лекарственных препаратов. Основанием для исключения лекарственного средства из перечня является возможность такой замены.

Из документации об аукционе следует, что установление заказчиком в описании объекта проводимой закупки требования к торговому наименованию обусловлено необходимостью обеспечения названным препаратом пациентов, а его замена невозможна.

Не обладая специальными познаниями в рассматриваемой области медицины, антимонопольный орган в обоснование правомерности его вывода о нарушении заказчиком требований действующего законодательства обязан представить надлежащие доказа-

тельства (ст. 67, 68 АПК РФ), опровергающие доводы заказчика о несовместимости и не взаимозаменяемости препаратов, содержащих инсулин. Такие доказательства антимонопольным органом суду представлены не были.

Таким образом, формирование документации на закупку препаратов инсулина осуществлялось заказчиком в целях достижения максимального результата лечения заболеваний, с соблюдением принципов, закрепленных ст. 41 Конституции Российской Федерации и ст. 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации», предусматривающих обеспечение прав граждан в сфере охраны здоровья, приоритет интересов пациента, доступность и качество при оказании медицинской помощи.

Отсутствие утвержденного в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 33 Закона о контрактной системе Перечня лекарственных средств не исключает возможности приобретения заказчиком медицинских препаратов по торговому наименованию, при условии представления обоснования необходимости такой закупки с учетом объективной потребности в соответствующих препаратах, и не может служить непреодолимым препятствием для разрешения спорных вопросов, если от этого зависит реализация вытекающих из Конституции Российской Федерации прав и законных интересов граждан (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. N 3-П).

Определение N 310-КГ17-1939

25. В силу чч. 9, 10 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 указанной статьи, то есть по результатам проведения конкурса или аукциона.

Обществом и уполномоченным органом субъекта Российской Федерации (далее - департамент) в 2004 году заключен договор аренды нежилого помещения, находящегося в собственности субъекта Российской Федерации, сроком на 5 лет. В 2009 году дополнительным соглашением срок договора продлен до 1 июля 2015 г.

В 2014 году за государственным унитарным предприятием зарегистрировано право хозяйственного ведения на указанное помещение. Письмом от 31 марта 2015 г. предприятие уведомило общество о расторжении договора аренды.

Решением антимонопольного органа предприятие признано виновным в нарушении ч. 9 ст. 17.1 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее - Закон о защите конкуренции) ввиду отказа в реализации права арендатора на заключение договора аренды помещения на новый срок, предприятию предписано заключить с обществом договор аренды на новый срок.

Предприятие обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано. Суды исходили из того, что по истечении срока действия договора аренды государственного или муниципального имущества, принадлежащего на праве хозяйственного ведения государственному унитарному предприятию, арендодатель не вправе отказать арендатору, надлежащим образом исполнявшему свои обязанности, в заключении договора аренды на новый срок (если иное не установлено договором и срок действия договора не ограничен законодательством Российской Федерации) без проведения конкурса, аукциона (при одновременном соблюдении условий о сроке и порядке определения размера арендной платы, предусмотренных ч. 9 статьи 17.1 Закона о защите конкуренции), за исключением случаев, прямо предусмотренных в ч. 10 указанной статьи.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление предприятия, признав решение и предписание антимонопольного органа недействительными, по следующим основаниям.

В силу чч. 9, 10 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции преимущественное право на заключение договора аренды государственного и муниципального имущества на новый срок предоставлено арендатору только в том случае, если предшествующий договор аренды был заключен в порядке, предусмотренном чч. 1 и 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, то есть по результатам проведения конкурса или аукциона.

При заключении договора на новый срок, в том числе при продлении срока действия договора путем подписания дополнительного соглашения, у сторон возникают новые правоотношения, которые в соответствии с п. 1 ст. 422 ГК РФ должны соответствовать обязательным для сторон правилам, установленным законом и иными правовыми актами (императивным нормам), действующим на момент их возникновения.

Таковыми правилами, наряду со ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, являлись положения ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции (в редакции Федерального закона, действовавшего до 1 июля 2013 г.), в соответствии с которыми до 1 июля 2015 г. разрешалось заключение на новый срок без проведения конкурсов или аукционов договоров аренды, указанных в чч. 1 и 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции и заключенных до 1 июля 2008 г. с субъектами малого или среднего предпринимательства при условии отсутствия на момент заключения такого договора аренды на новый срок оснований для его досрочного расторжения, предусмотренных гражданским законодательством. При этом заключение предусмотренных данной нормой договоров аренды возможно на срок не более чем до 1 июля 2015 г. Таким образом, на всех остальных арендаторов данная преференция не распространялась и заключение на новый срок договоров аренды, заключенных до 1 июля 2008 г. вне процедуры торгов, было возможно только по правилам чч. 1 и 3 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции.

В соответствии с Федеральным законом от 2 июля 2013 г. N 144-ФЗ ч. 4 ст. 53 Закона о защите конкуренции

утратила силу с 1 июля 2013 г. В настоящий момент заключение договоров на новый срок (которые были заключены до 1 июля 2015 г.), предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества по правилам, предусмотренным чч. 9 - 11 ст. 17.1 Закона о защите конкуренции, допускается только в отношении субъектов малого и среднего предпринимательства, расположенных на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя (ч. 4.1 ст. 53 Закона о защите конкуренции).

Таким образом, законодатель установил условия перезаключения на новый срок договоров аренды государственного и муниципального имущества, ограничив возможность заключения названных договоров без проведения публичных процедур только для определенной категории субъектов предпринимательской деятельности.

Судами установлено и подтверждается материалами дела, что договор аренды в 2004 году был заключен обществом без соблюдения публичных процедур до вступления в силу ст. 17.1 Закона о защите конкуренции. Являясь субъектом малого предпринимательства, общество реализовало свое право на перезаключение договора аренды помещения на новый срок до 1 июля 2015 г. без торгов, тем самым реализовав преимущества, установленные ст. 53 Закона о защите конкуренции. Между тем оснований для неоднократного перезаключения арендаторами договоров аренды государственного и муниципального имущества, минуя конкурентные процедуры, предусмотренные ч. 1 ст. 17.1 Закона о конкуренции, действующим законодательством не предусмотрено. На основании вышеизложенного действия предприятия по отказу в реализации права общества (арендатора) на заключение договора аренды помещения на новый срок являются законными и обоснованными.

Определение N 305-КГ17-2739

Практика применения таможенного законодательства

26. Законодательством о правонарушениях в сфере таможенных отношений не предусмотрена ответственность за ввоз товара в меньшем объеме и количестве, чем задекларировано, если такое деяние не привело к неуплате таможенных платежей, нарушению запретов и ограничений и иному ущербу.

Решением таможенного органа обществу отказано в выпуске товара для внутреннего потребления, поскольку таможенная декларация содержала недостоверные сведения о количественных характеристиках товара (вес брутто, вес нетто и рабочая площадь). Сведения в декларации указаны в большем значении, чем установлено при таможенном досмотре, то есть товар ввозится фактически в меньшем объеме и весе, чем указано в декларации.

При этом таможенные платежи уплачены обществом в отношении заявленного, а не фактически ввезенного товара, то есть в большем размере.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным решения таможенного органа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Отказ в выпуске товаров в связи с их ввозом в меньшем объеме (весе), чем указано в декларации, по существу приобретает характер санкции, применяемой к субъекту внешнеэкономической деятельности и состоящей в ограничении права такого субъекта на использование ввозимых товаров в гражданском обороте.

Между тем выявленное расхождение в весе и объеме товара в сторону их уменьшения при ввозе на таможенную территорию Таможенного союза, исходя из фактических обстоятельств настоящего дела (при отсутствии нарушений запретов и ограничений), не свидетельствует о наличии в действиях заявителя состава правонарушения в понимании п. 2 ст. 201 ТК ТС.

Любое привлечение к ответственности за нарушение норм таможенного законодательства, по смыслу ст. 54 (ч. 2) Конституции Российской Федерации, предполагает, что ее основанием может быть лишь обладающее опасностью для личности, общества или государства деяние, содержащее все признаки состава правонарушения, предусмотренные законом.

Также необходимо учитывать критерии необходимости, пропорциональности и соразмерности ограничения прав и свобод участников экономического оборота конституционно значимым целям (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2017 г. N 2-П).

Согласно действующим нормам таможенного законодательства, законодательства об административных правонарушениях и судебной практике их применения, а также практике применения их самими таможенными органами недостоверное декларирование в части заявления недостоверных сведений о весе, объеме товара признается элементом состава правонарушения только при заявлении сведений в меньшем размере, объеме, количестве, поскольку такое деяние направлено на ввоз товара, не оплаченного таможенными пошлинами и налогами, либо состоит в ввозе товара в нарушение квотирования или иных запретов или ограничений (гл. 16 КоАП РФ). Во всех этих случаях в качестве необходимого элемента объективной стороны состава правонарушения выступает вред общественным отношениям, то есть причинение ущерба публичному порядку.

Ввоз товара в меньшем объеме, чем задекларировано, при условии оплаты таможенных пошлин и налогов, соблюдения всех условий и ограничений, иных требований таможенного режима в отношении ввезенного товара, не называется законодателем в качестве признака объективной стороны такого правонарушения, как недостоверное декларирование. Кроме того,

в данном случае отсутствует какой-либо вред общественным отношениям, поскольку такая ошибка в декларировании не влияет на исчисление таможенных платежей в отношении фактически ввезенного объема, количества товара, таможенные платежи в объеме, соответствующем ввезенному товару, уплачены.

Определение N 308-КГ16-21316

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

27. Лицо, оказывающее поставщику товаров (работ, услуг) иные услуги, помимо услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику, не является платежным агентом и не может быть привлечено к административной ответственности на основании ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ.

На основании заключенного с перевозчиком договора общество за вознаграждение осуществляло деятельность по продаже билетов с получением от физических лиц денежных средств и перечислением этих средств перевозчику.

Постановлением налогового органа общество привлечено к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 15.1 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании постановления налогового органа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявления отказано. Суды признали общество платежным агентом в силу положений Федерального закона от 3 июня 2009 г. N 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» (далее - Закон N 103-ФЗ). Суды пришли к выводу о наличии в действиях общества состава административного правонарушения, поскольку общество в нарушение требований чч. 14, 15 ст. 4 Закона N 103-ФЗ осуществляет упомянутую деятельность без использования специального банковского счета.

Определением арбитражного суда округа прекращено производство по кассационной жалобе общества применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 282 АПК РФ.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и удовлетворила заявление общества по следующим основаниям.

Из положений Закона N 103-ФЗ следует, что деятельность платежного агента заключается только в приеме от физических лиц денежных средств, направленных на исполнение денежных обязательств этих лиц перед поставщиком по оплате товаров (работ, услуг), и последующем перечислении платежным агентом этих средств поставщику товаров (работ, услуг). При этом платежный агент не принимает участия в оказании услуг между плательщиком и поставщиком услуг и не оказывает иных самостоятельных услуг, кро-

ме приема и передачи денежных средств. Согласно ст. 1 Закона N 103-ФЗ принятие платежей от физических лиц не во всех случаях порождает обязанность открыть специальный расчетный счет.

Таким образом, действие Закона N 103-ФЗ распространяется на отношения, связанные с оказанием платежным агентом единственной услуги - услуги по приему платежей от физических лиц и перечислению этих платежей поставщику товаров (работ, услуг).

В рамках заключенного с перевозчиком договора на агентские услуги по продаже билетов по междугородним маршрутам осуществляемая обществом деятельность, помимо продажи билетов на междугородние маршруты перевозчика, включает в себя оказание обществом услуг по информированию пассажиров по всем вопросам, касающимся междугородних перевозок (об отправлении/прибытии автотранспортного средства, наличии свободных мест, предварительной и иной продаже билетов и др.); осуществлению отменок в путевых листах автотранспорта, принадлежащего перевозчику; обеспечению стоянки автотранспорта перевозчика; предоставлению заявок на дополнительные туристические услуги, и др. При этом общество является организацией, осуществляющей самостоятельный вид деятельности - услуги автовокзала, обязательства предоставления которых возникают у общества перед физическими лицами, приобретшими билеты перевозчика.

Следовательно, общество не может быть признано платежным агентом, на которого распространяется действие Закона N 103-ФЗ, поскольку общество в рамках указанного договора оказывает перевозчику иные услуги, помимо продажи билетов на междугородние маршруты перевозчика.

Определение N 302-АД16-16468

28. Действия органа по сертификации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранному изготовителю лицу не являются нарушением законодательства о техническом регулировании и не образуют состав правонарушения, предусмотренный ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

В ходе внеплановой документарной проверки органа по сертификации (далее - организация) административный орган установил, что организация выдала обществу сертификат соответствия, подтверждающий соответствие продукции требованиям Технического регламента Таможенного союза ТР ТС 020/2011 «Электромагнитная совместимость технических средств», утвержденного Решением Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. N 879 (далее - ТР ТС 020/2011). Общество является представителем иностранного изготовителя продукции по обеспечению соответствия продукции требованиям технических регламентов на территории Таможенного союза на основании соглашения (далее - уполномоченное изготовителем лицо).

Согласно положениям п. 1 ст. 7 ТР ТС 020/2011 подтверждение соответствия продукции осуществляется по схемам в соответствии с Положением о порядке применения типовых схем оценки (подтверждения) соответствия в технических регламентах Таможенного

союза, утвержденным Решением Комиссии Таможенного союза от 7 апреля 2011 г. N 621 (далее - Положение о порядке применения типовых схем оценки).

Процедура соответствия продукции проводилась по предусмотренной Положением о порядке применения типовых схем оценки схеме сертификации 1С, которая устанавливает, что в качестве заявителя на проведение сертификации продукции на соответствие требованиям технических регламентов может выступать изготовитель, в том числе иностранный, при наличии уполномоченного изготовителем лица на территории Таможенного союза.

Поскольку в нарушение схемы сертификации 1С заявителем, обратившимся в организацию за подтверждением соответствия продукции, являлось уполномоченное изготовителем лицо, а не сам изготовитель продукции, административный орган пришел к выводу о выдаче организацией сертификата соответствия продукции ненадлежащему лицу.

Указанные обстоятельства послужили основанием для составления административным органом в отношении организации протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, и обращения в арбитражный суд с заявлением о привлечении организации к административной ответственности.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, организация привлечена к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, с назначением наказания в виде административного штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении заявления административного органа о привлечении организации к ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ, по следующим основаниям.

Заявителем на проведение работ по сертификации в рассматриваемом случае являлось уполномоченное на основании соглашения иностранным изготовителем лицо.

С 1 января 2015 г. вступил в силу Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.). Согласно п. 1 ст. 99 Договора о Евразийском экономическом союзе международные договоры государств-членов, заключенные в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства, действующие на дату вступления в силу настоящего Договора, входят в право Союза в качестве международных договоров в рамках Союза и применяются в части, не противоречащей настоящему Договору.

В соответствии с разделом X «Техническое регулирование» Договора о Евразийском экономическом союзе разработан Протокол о техническом регулировании в рамках Евразийского экономического союза (приложение N 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе), который определяет порядок, правила и процедуры технического регулирования в рамках Союза (далее - Протокол о техническом регулировании).

Согласно п. 2 Протокола о техническом регулировании «уполномоченное изготовителем лицо» это зарегистрированные в установленном законодательством государства-члена порядке на его территории юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, которые на основании договора с изготовителем, в том числе иностранным изготовителем, осуществляют действия от имени этого изготовителя при оценке соответствия и выпуске в обращение продукции на территории Союза, а также несут ответственность за несоответствие продукции требованиям технических регламентов Союза.

Пункт 5 Протокола о техническом регулировании устанавливает, что при оценке соответствия заявителем могут быть зарегистрированные на территории государства-члена в соответствии с его законодательством юридическое лицо или физическое лицо в качестве индивидуального предпринимателя, являющиеся изготовителем или продавцом либо уполномоченным изготовителем лицом.

Таким образом, указанные положения Договора о Евразийском экономическом союзе, изменяя с 1 января 2015 г. круг лиц, которые могут выступать в качестве заявителей при сертификации продукции, устанавливают, что при оценке соответствия требованиям технических регламентов продукции иностранного изготовителя заявителем на проведение работ по сертификации может быть только уполномоченное таким изготовителем лицо.

На момент составления административным органом протокола об административном правонарушении, а также на момент вынесения судом первой инстанции решения о привлечении к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ действия организации по выдаче сертификата соответствия продукции уполномоченному иностранным изготовителем лицу не являлись нарушением законодательства о техническом регулировании и, соответственно, не образывали состав правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.47 КоАП РФ.

Определение N 305-АД16-19542

Процессуальные вопросы

29. В случае направления стороной жалобы о пересмотре судебного акта в кассационном порядке в Верховном Суде Российской Федерации последним судебным актом для целей применения ст. 112 АПК РФ является определение об отказе в передаче дела на рассмотрение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации либо определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Решением суда первой инстанции от 3 декабря 2014 г. обществу отказано в удовлетворении исковых требований о взыскании с компании неосновательного обогащения.

Постановлением суда апелляционной инстанции от 1 апреля 2015 г., оставленным в силе постановлением арбитражного суда округа от 6 июня 2015 г., названное решение суда отменено, иск удовлетворен частично.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2015 г. отказано в передаче кассационной жалобы общества на названные судебные акты для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Общество 2 марта 2016 г. обратилось в суд первой инстанции с заявлением о взыскании судебных расходов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества оставлено без удовлетворения. Суды пришли к выводу о пропуске обществом шестимесячного срока на подачу этого заявления, исчисленного с 6 июня 2015 г., то есть с даты вынесения постановления арбитражного суда округа как последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу. Суды констатировали, что с учетом выходных и праздничных дней срок для подачи заявления о взыскании судебных расходов истек 11 января 2016 г. Ходатайство о восстановлении срока общество не заявляло.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Разъяснения о том, какой судебный акт считать последним, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока, установленного ст. 112 АПК РФ, содержатся в п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. N 12 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 228-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации». Из абзацев первого и четвертого этого пункта следует, что по общему правилу последним судебным актом является решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты. Однако в случае направления стороной заявления о пересмотре судебного акта в порядке надзора последним судебным актом по ранее действовавшему процессуальному законодательству являлось определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации или постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Таким образом, лицу, требующему возмещения судебных расходов, процессуальным законом гарантировалось такое право по результатам последовательного рассмотрения дела в судебных инстанциях.

Оснований полагать, что эти гарантии снизились с изменением процессуального законодательства и включением в АПК РФ норм, предусматривающих

возможность пересмотра судебных актов арбитражных судов Верховным Судом Российской Федерации в порядке кассационного производства, не имеется.

Напротив, из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» следует, что высшая судебная инстанция указала на судебный акт кассационной инстанции как один из возможных актов, завершающих производство по делу (п. 1), и подтвердила право участвующего в деле лица обратиться в суд с заявлением по вопросу о судебных издержках, понесенных в связи с рассмотрением дела, о возмещении которых не было заявлено при его рассмотрении, после принятия итогового судебного акта по делу (п. 28).

В связи с тем, что определение Верховного Суда Российской Федерации об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании судебной коллегии вынесено 14 сентября 2015 г., а заявление о возмещении судебных расходов подано обществом 2 марта 2016 г., у судов не было оснований для вывода о пропуске шестимесячного срока на его подачу.

Определение N 305-ЭС15-11039

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Назначение наказания

30. По смыслу ст. 53 УК РФ, осужденные не вправе совершать действия, установленные им в качестве ограничений при отсутствии на это согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

По приговору суда Р, ранее судимый 2 августа 2012 г. по ч. 3 ст. 264 УК РФ к 2 годам лишения свободы с применением ст. 73 УК РФ, условно, с испытательным сроком на 2 года, осужден к лишению свободы: по ч. 1 ст. 209 УК РФ на 11 лет с ограничением свободы на 1 год с установлением перечисленных ограничений; по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (за каждое из совершенных 19, 29 мая, 10 июня 2014 г. преступлений) на 8 лет 6 месяцев с ограничением свободы на 9 месяцев, с установлением перечисленных ограничений; по п. «а» ч. 4 ст. 162 УК РФ (за каждое из совершенных 26 мая, 19 июня 2014 г. преступлений) на 9 лет 6 месяцев с ограничением свободы на 1 год, с установлением перечисленных ограничений; по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 3 ст. 161 УК РФ на 6 лет 6 месяцев с ограничением свободы на 6 месяцев, с установлением перечисленных ограничений.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных наказаний Р. назначено 13 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год 9 месяцев, с установлением перечисленных ограничений.

В соответствии со ст. 70 УК РФ путем частичного сложения наказания, назначенного по данному приговору, с неотбытой частью наказания по приговору

суда от 2 августа 2012 г., отменив условное осуждение, Р. окончательно назначено 14 лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима, с ограничением свободы на 1 год 9 месяцев, с установлением ограничений: не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не изменять места жительства, не выезжать за пределы муниципального образования, в котором расположено место постоянного жительства, с возложением обязанности 2 раза в месяц являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор в части назначенного Р. наказания, указав следующее.

По смыслу ст. 53 УК РФ, осужденные не вправе совершать те либо иные действия, установленные им в качестве ограничений при условии отсутствия на это согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Между тем, установив осужденным ограничения, суд указал, что лишь одно из них - не уходить из места постоянного проживания в ночное время суток - они не могут без согласия специализированного государственного органа, а другие запреты для них - не изменять места жительства, не выезжать за пределы муниципального образования, в котором расположено место постоянного жительства, - указаны как безусловные ограничения, что противоречит положениям ст. 53 УК РФ, предоставляющей право на совершение этих действий, но при согласии органа, ведающего исполнением наказания данного вида.

На основании изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении Р. и указала в части назначенного ему дополнительного наказания за каждое преступление и по их совокупности на невозможность совершения всех установленных им в качестве ограничений действий без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы.

Определение N 4-АПУ17-2

31. При назначении ограничения свободы в виде основного наказания с последующим применением положений ст. 69 и 71 УК РФ суд обязан установить не только срок этого вида наказания, но и сам перечень ограничений.

По приговору суда А. осужден по пп. «б», «в» ч. 2 ст. 115 УК РФ к ограничению свободы на 1 год, по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ на 13 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, по ч. 2 ст. 214 УК РФ к ограничению свободы на 2 года.

На основании ч. 3 ст. 69 УК РФ по совокупности преступлений путем частичного сложения назначенных основных наказаний по правилам п. «б» ч. 1

ст. 71 УК РФ, окончательно на 14 лет лишения свободы с ограничением свободы на 1 год, с установлением ограничений: не выезжать за территорию соответствующего месту его регистрации муниципального образования, не изменять место жительства, учебы или работы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, с возложением обязанности являться в этот орган 2 раза в месяц для регистрации.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев уголовное дело по апелляционной жалобе осужденного А., изменила приговор в части назначенного ему наказания по следующим основаниям.

Назначив ограничение свободы по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 214 УК РФ в качестве основного наказания, а по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ как дополнительное наказание, суд после применения положений ч. 3 ст. 69 УК РФ установил ограничения, относящиеся только к ограничению свободы как к дополнительному виду наказания.

Между тем при назначении ограничения свободы в виде основного наказания суду следовало указать конкретно территорию - населенный пункт или муниципальное образование, за пределы которого осужденному запрещается выезжать, и такое ограничение является одним из обязательных.

В связи с тем, что по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115 и ч. 2 ст. 214 УК РФ суд назначил только срок ограничения свободы, не установив конкретные ограничения, подлежащие возложению на осужденного, данное наказание не может считаться назначенным.

С учетом изложенного Судебная коллегия изменила приговор в отношении А. и исключила указание о назначении ему наказания по пп. «а», «в» ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 214 УК РФ, а также по правилам ч. 3 ст. 69 УК РФ. Этот же приговор в части осуждения А. по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ оставила без изменения.

Определение N 77-АПУ17-4

Процессуальные вопросы

32. Понятым не может являться родственник лица, проводящего следственное действие.

Ш. признан виновным в приготовлении к незаконному сбыту наркотических средств в составе организованной группы и осужден по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ.

В кассационной жалобе осужденный Ш. просил об исключении из числа доказательств протоколов всех следственных действий, в которых принимал участие в качестве понятого З., в связи с нарушением требований ч. 2 ст. 60 УПК РФ.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации изменила приговор и последующие судебные решения в отношении Ш. и исключила из числа доказательств его виновности по ч. 1 ст. 30 и п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ протокол добровольной выдачи сим-карты, составленный с участием понятого З., по следующим основаниям.

В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 60 УПК РФ понятыми не могут быть участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники.

Из материалов уголовного дела усматривается, что суд в приговоре сослался на протокол добровольной выдачи Ш. сим-карты МТС как на доказательство виновности Ш. в содеянном.

Между тем участвовавший в качестве понятого при проведении данного следственного действия З. являлся родственником оперуполномоченного З.И., проводившего данное оперативно-розыскное мероприятие, что в силу требований закона должно рассматриваться как препятствие для участия З. в проведении указанного следственного действия, ставящего под сомнение допустимость полученных по итогам его проведения результатов.

Допрошенный в ходе судебного разбирательства З. не отрицал наличие родственных связей с оперуполномоченным З.И., проводившим следственные действия по делу.

Несмотря на исключение указанного выше протокола, оснований для отмены судебных решений не имеется, поскольку в приговоре судом приведены другие достаточные доказательства, подтверждающие совершение осужденным приготовления к незаконному сбыту наркотических средств в составе организованной группы.

Определение N 11-УД17-3

33. В соответствии с требованиями ст. 401.6 УПК РФ пересмотр в кассационном порядке оправдательного приговора допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления его в законную силу (с учетом требований ч. 2 ст. 390 УПК РФ).

Апелляционным приговором от 8 апреля 2015 г. обвинительный приговор мирового судьи в отношении Г. отменен и он был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления.

Постановлением президиума Верховного Суда Чеченской Республики от 27 июля 2016 г. оправдательный апелляционный приговор от 8 апреля 2015 г. отменен по кассационной жалобе потерпевшего, а уголовное дело направлено на новое апелляционное рассмотрение.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело по кассационной жалобе осужденного, отменила постановление президиума от 27 июля 2016 г. и последующие за ним судебные решения, указав следующее.

В соответствии же с требованиями ст. 401.6 УПК РФ пересмотр в кассационном порядке приговора, определения, постановления суда по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, оправданного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, допускается в срок, не превышающий одного года со дня вступления их в законную силу, если в ходе судебного разбирательства были допущены повлиявшие на исход дела нарушения закона, искажающие саму суть правосудия и смысл судебного решения как

акта правосудия, либо если были выявлены данные, свидетельствующие о несоблюдении лицом условий и невыполнении им обязательств, предусмотренных досудебным соглашением о сотрудничестве.

Президиум Верховного Суда Чеченской Республики, принимая 27 июля 2016 г. решение об отмене оправдательного апелляционного приговора и о направлении уголовного дела на новое апелляционное рассмотрение, не учел, что предусмотренный ст. 401.6 УПК РФ годичный срок, в течение которого допускается поворот к худшему при рассмотрении дела в кассационном порядке, истек 8 апреля 2016 г.

Указанное нарушение, допущенное президиумом Верховного Суда Чеченской Республики при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке, в силу положений ч. 1 ст. 401.15 УПК РФ является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, влекущим отмену постановления президиума.

Апелляционный приговор от 8 апреля 2015 г., по которому Г. оправдан по предъявленному ему обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, за отсутствием в его действиях состава преступления, оставлен без изменения.

Определение N 20-УД17-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

34. Действующим законодательством не предусмотрена возможность перечисления денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, присужденных гражданину, на банковский счет его представителя.

Определением суда с Минфина России в пользу Г. взысканы судебные расходы.

Представитель Г., действующий на основании нотариально удостоверенной доверенности, обратился в Минфин России с заявлением, в котором просил перечислить взысканные на основании названного судебного акта денежные средства на свой банковский счет.

Минфин России в удовлетворении указанного заявления отказал, ссылаясь на то, что эти денежные средства могут быть перечислены только на счет самого взыскателя.

Указанное решение было оспорено в суде.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено. Оспариваемое решение Минфина России признано незаконным, на названный орган возложена обязанность исполнить определение суда посредством перечисления взысканных денежных средств на банковский счет представителя Г., действующего на основании нотариально удостоверенной доверенности.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

В силу ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»

условия и порядок исполнения судебных актов по передаче гражданам, организациям денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации устанавливаются бюджетным законодательством Российской Федерации.

Согласно п. 2 ст. 242.1 БК РФ к исполнительному документу (за исключением судебного приказа), направляемому для исполнения судом по просьбе взыскателя или самим взыскателем, должны быть приложены копии судебного акта, на основании которого он выдан, а также заявление взыскателя с указанием реквизитов банковского счета взыскателя, на который должны быть перечислены средства, подлежащие взысканию.

Заявление подписывается взыскателем либо его представителем с приложением доверенности или нотариально удостоверенной копии доверенности или иного документа, удостоверяющего полномочия представителя.

Таким образом, действующим законодательством не предусмотрена возможность перечисления денежных средств соответствующего бюджета бюджетной системы Российской Федерации, присужденных взыскателю, на банковский счет его представителя, поскольку участником рассматриваемых правоотношений является именно взыскатель.

При этом данное обстоятельство не лишает представителя взыскателя возможности получения денежных средств с банковского счета взыскателя при наличии соответствующих полномочий, указанных в доверенности.

Кроме того, судом не установлено наличие обстоятельств, препятствовавших административному истцу, являющемуся взыскателем, представить в уполномоченный орган заявление с указанием реквизитов своего банковского счета.

Таким образом, правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение N 18-КГ17-126

35. Права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным законом.

В этой связи срок нахождения недвижимого имущества в собственности физического лица для целей налогообложения исчисляется с момента возникновения права собственности такого лица на это имущество в соответствии с требованиями ранее действовавшего законодательства.

В сентябре 1997 года Б. на основании договора купли-продажи приобретено жилое помещение. Свидетельство о государственной регистрации права собственности на это помещение получено в 2010 году.

Налоговый орган обратился в суд с административным иском о взыскании с Б. недоимки по налогу на доходы физических лиц, ссылаясь на неуплату суммы этого налога в связи с продажей

указанного недвижимого имущества, находившегося в собственности налогоплательщика менее срока, необходимого для освобождения от налогообложения.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации названные судебные акты отменила, приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления по следующим основаниям.

Пунктом 1 ст. 6 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» закреплено, что права на недвижимое имущество, возникшие до момента вступления в силу данного закона, признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации, введенной названным законом.

Государственная регистрация таких прав проводится по желанию их обладателей. Государственная регистрация прав, осуществляемая в отдельных субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях до вступления в силу названного закона, является юридически действительной.

Согласно п. «г» § 1 Инструкции о порядке регистрации строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР, утвержденной приказом Министерства коммунального хозяйства РСФСР от 21 февраля 1968 г. N 83, в целях учета принадлежности строений в городах, рабочих, дачных и курортных поселках РСФСР бюро технической инвентаризации исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся ведут по установленным формам реестры и производят регистрацию строений, в том числе, жилых домов, принадлежащих гражданам на праве личной собственности.

При рассмотрении административного дела судом не учтено, что спорное недвижимое имущество приобретено Б. на основании договора купли-продажи в сентябре 1997 года, договор удостоверен нотариусом и зарегистрирован в бюро технической инвентаризации в соответствии с ранее действовавшим законодательством.

Таким образом, право собственности Б. на объект недвижимого имущества возникло до вступления в силу Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним».

При таких обстоятельствах сам по себе факт получения Б. свидетельства о государственной регистрации права собственности на квартиру в 2010 году не имеет правового значения при разрешении вопроса о сроке нахождения недвижимого имущества в собственности налогоплательщика для целей налогообложения.

Определение N 18-КГ17-40

36. Отсутствие возможности формирования земельного участка в том числе для индивидуального жилищного строительства в границах муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения и его статусом.

Законом субъекта Российской Федерации предусмотрено, что многодетный гражданин имеет право на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории муниципального образования, в котором многодетный гражданин имеет место жительства, за исключением территории закрытых административно-территориальных образований.

Многодетный гражданин, имеющий место жительства на территории закрытого административно-территориального образования, имеет право на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории любого муниципального образования этого субъекта Российской Федерации, за исключением города К.

Прокурор обратился в суд с административным исковым заявлением о признании недействующими со дня вступления решения суда в законную силу принятых законоположений в той мере, в какой они ограничивают право многодетного гражданина на бесплатное получение в собственность земельного участка, расположенного на территории закрытых административно-территориальных образований и города К.

Решением суда первой инстанции административное исковое заявление удовлетворено.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации указанное решение суда первой инстанции отменила, приняла новое решение об отказе в удовлетворении административного искового заявления, указав следующее.

Исходя из положений ст. 15 ЗК РФ земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть предоставлены в собственность граждан, за исключением земельных участков, которые в соответствии с Кодексом, федеральными законами не могут находиться в частной собственности.

Так, земельные участки, отнесенные к землям, ограниченным в обороте, не предоставляются в частную собственность, за исключением случаев, установленных федеральными законами (п. 2 ст. 27 названного кодекса).

Предусмотренное подп. 6 ст. 39.5 ЗК РФ право граждан, имеющих трех и более детей, на предоставление земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, не отменяет особенностей оборота этих земельных участков.

Земельный кодекс Российской Федерации предписывает исполнительным органам государственной власти и органам местного самоуправления предпринимать необходимые меры по предоставлению земельных участков для удовлетворения потребностей населения в развитии жилищного строительства за пределами закрытого административно-территориального образования.

При этом в закрытом административно-территориальном образовании устанавливается особый режим использования земель (п. 4 ст. 93 ЗК РФ).

Для реализации права на получение в собственность земельного участка для индивидуального жилищного строительства должен быть соблюден порядок формирования этого участка и постановки его на

государственный кадастровый учет, что предполагает необходимость предварительного проведения уполномоченными органами ряда связанных с этим мероприятий.

Отсутствие возможности формирования земельного участка в том числе для индивидуального жилищного строительства в границах того или иного муниципального образования может быть обусловлено особенностями развития поселения, что само по себе не может рассматриваться как нарушение конституционных прав и свобод граждан.

Таким образом, оспариваемое правовое регулирование не противоречит действующему федеральному законодательству, поскольку учитывает отсутствие возможности формирования земельного участка для индивидуального жилищного строительства в границах закрытых административно-территориальных образований и города К. в связи с особенностями развития этих поселений, а также их статусом.

В этой связи правовых оснований для удовлетворения административного искового заявления не имелось.

Определение N 53-АПГ17-33

Процессуальные вопросы

37. Административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта может быть подписано и подано в суд административным истцом, не имеющим высшего юридического образования. При этом дальнейшее ведение административного дела в суде осуществляется через представителя, имеющего такое образование.

С. обратился в суд с административным иском заявлением об оспаривании нормативного правового акта.

Определением судьи суда первой инстанции, административное исковое заявление оставлено без движения, предложено представить документ, подтверждающий наличие у С. высшего юридического образования.

Определением судьи суда первой инстанции, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, административное исковое заявление возвращено.

При этом суд исходил из того, что административный истец не устранил все обстоятельства, послужившие основанием для оставления административного искового заявления без движения, поскольку это заявление подписано С. и подано им без приложения документа, подтверждающего наличие у него высшего юридического образования.

Также суд указал, что ордер адвоката, выданный коллегией адвокатов для представления интересов С., не устраняет выявленные недостатки, поскольку административный иск подан и подписан лично С., а не его представителем.

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судом допущены существенные нарушения норм процессуального права, без устранения которых невозможны восстановление и защита нару-

шенных прав, свобод и законных интересов административного истца.

В соответствии с чч. 1 и 2 ст. 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения органов государственной власти и органов местного самоуправления могут быть обжалованы в суд.

Суды рассматривают и разрешают административные дела об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части (п. 1 ч. 2 ст. 1 КАС РФ).

Согласно ч. 1 ст. 208 КАС РФ с административным иском заявлением о признании нормативного правового акта недействующим полностью или в части вправе обратиться лица, в отношении которых применен этот акт, а также лица, которые являются субъектами отношений, регулируемых оспариваемым нормативным правовым актом, если они полагают, что этим актом нарушены или нарушаются их права, свободы и законные интересы.

В ч. 9 ст. 208 КАС РФ определено, что при рассмотрении административных дел об оспаривании нормативных правовых актов в верховном суде республики, краевом, областном суде, суде города федерального значения, суде автономной области, суде автономного округа, в Верховном Суде Российской Федерации граждане, участвующие в деле и не имеющие высшего юридического образования, ведут дела через представителей, отвечающих требованиям, предусмотренным ст. 55 названного кодекса.

В силу чч. 1 и 3 ст. 55 КАС РФ (в редакции, действовавшей на момент обращения С. в суд) представителями в суде по административным делам могут быть лица, обладающие полной дееспособностью, не состоящие под опекой или попечительством и имеющие высшее юридическое образование. Представители должны представить суду документы о своем образовании, а также документы, удостоверяющие их статус и полномочия.

На основании ч. 1 ст. 125 КАС РФ административное исковое заявление подается в суд в письменной форме в разборчивом виде и подписывается с указанием даты внесения подписей административным истцом и (или) его представителем при наличии у последнего полномочий на подписание такого заявления и предъявление его в суд.

Согласно п. 5 ч. 1 ст. 126 КАС РФ к административному искому заявлению прилагается доверенность или иные документы, удостоверяющие полномочия представителя административного истца, документ, подтверждающий наличие у представителя высшего юридического образования, если административное исковое заявление подано представителем.

Законодательство об административном судопроизводстве не устанавливает требование о том, что административное исковое заявление об оспаривании нормативного правового акта должно быть подписано только лицом, имеющим высшее юридическое образование (самим административным истцом или его представителем).

Таким образом, допускаются подписание и подача административного искового заявления в суд непосредственно административным истцом, не имею-

щим высшего юридического образования, тогда как дальнейшее ведение административного дела в суде осуществляется через представителя, имеющего такое образование.

При таких обстоятельствах правовые основания для возвращения административного искового заявления С. отсутствовали.

Определение N 57-КГ17-3

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

38. Наличие по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, постановления о назначении административного наказания и постановления о возбуждении уголовного дела является основанием для отмены постановления по делу об административном правонарушении.

Постановлением мирового судьи, оставленным без изменения постановлением заместителя председателя областного суда, гражданин признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 12.8 КоАП РФ, и подвергнут административному наказанию за то, что он в нарушение п. 2.7 Правил дорожного движения, утвержденных постановлением Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. N 1090, управлял транспортным средством в состоянии опьянения.

В протесте, принесенном в Верховный Суд Российской Федерации, заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил отменить указанные постановления, ссылаясь на их незаконность.

Частью 1 ст. 12.8 КоАП РФ установлена административная ответственность за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния.

В силу п. 7 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ производство по делу об административном правонарушении не может быть начато, а начатое производство подлежит прекращению при наличии по одному и тому же факту совершения противоправных действий (бездействия) постановления о назначении административного наказания и постановления о возбуждении уголовного дела.

Из представленных материалов следует, что в отношении указанного гражданина возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, в связи с тем, что он управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, не справился с управлением, съехал в кювет, где совершил наезд на препятствие, в результате чего пассажиры были причинены телесные повреждения, которые квалифицируются как тяжкий вред здоровью.

В соответствии с правовой позицией, выраженной в п. 12.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. N 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, свя-

занных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения», если в ходе судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, предусмотренном чч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264.1 УК РФ, будет установлено, что лицо в связи с этим правонарушением привлечено к административной ответственности по ч. 1 или 3 ст. 12.8 либо по ст. 12.26 КоАП РФ, то суду следует направить уголовное дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, поскольку вступившее в законную силу и неотменное решение о привлечении к административной ответственности лица за совершение тех же действий, которые вменены ему органами предварительного расследования (управление транспортным средством в состоянии опьянения или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения), является препятствием для вынесения приговора.

При таких обстоятельствах постановление мирового судьи и постановление заместителя председателя областного суда, вынесенные в отношении гражданина по делу об административном правонарушении, отменены судьей Верховного Суда Российской Федерации, производство по делу прекращено.

Постановление N 36-АД17-3

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

По административным делам

39. Проживание членов семьи административного истца в принадлежащей на праве собственности квартире его супруги указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждемости административного истца и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

Решением 224 гарнизонного военного суда от 29 февраля 2016 г., оставленным без изменения апелляционным определением Ленинградского окружного военного суда от 31 мая 2016 г., удовлетворено административное исковое заявление Т., в котором он просил признать незаконным решение начальника Федерального государственного казенного учреждения «Западное региональное управление жилищного обеспечения» Министерства обороны Российской Федерации (далее - Управление ФГКУ «Западрегионжилье») от 31 декабря 2015 г. о снятии его вместе с супругой с учета нуждающихся в жилом помещении.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе представителя административного ответчика, Судебная коллегия по делам военнослужащих не нашла оснований для удовлетворения кассационной жалобы.

Из материалов дела следует, что Т. после окончания в августе 1982 г. высшего военного училища до ноября 2011 г. проходил военную службу на Северном флоте, после чего был назначен заместителем Главнокомандующего Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил Российской Федерации по вооружению и переведен

в г. Москву, а в связи с переводом Главного Командования Военно-Морским Флотом Вооруженных Сил Российской Федерации в г. Санкт-Петербург - переведен в октябре 2013 г. в г. Санкт-Петербург.

Занимаемые жилые помещения в период военной службы на Северном флоте Т. сдал в установленном порядке, а по новому месту военной службы был обеспечен служебным жильем.

Супруга административного истца в период брака, в мае 2002 г., приобрела в г. Санкт-Петербурге в собственности двухкомнатную квартиру общей площадью 46,6 кв. м, в которую вселила своего и административного истца сына - Т., его супругу и двух внуков, после чего 16 июля 2010 г. подарила эту квартиру сыну. Другого жилья в собственности и пользовании Т. и его супруга не имели.

Решением врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. Т. на основании заявления был поставлен вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства в г. Москве, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры (до 16 июля 2015 г. - на основании ст. 53 ЖК РФ).

Приказом Министра обороны Российской Федерации от 7 октября 2013 г. Т. уволен с военной службы в запас по собственному желанию с оставлением в списках очередников на получение жилой площади в избранном месте жительства.

В октябре 2015 г. Т. обратился к директору Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации с заявлением о внесении изменений в реестр военнослужащих, нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма, изменив избранное им место жительства после увольнения с военной службы на г. Санкт-Петербург.

Решением начальника Управления ФГКУ «Западно-регионжилье» от 31 декабря 2015 г. Т. снят с жилищного учета ввиду отсутствия оснований для постановки на жилищный учет, а также его увольнения с военной службы до истечения пятилетнего срока, предусмотренного ст. 53 ЖК РФ.

Удовлетворяя заявление административного истца о признании названного решения незаконным, суд первой инстанции исходил из того, что проживавшие в принадлежащей на праве собственности супруги административного истца квартире сын, невестка и внуки были вселены в качестве членов семьи собственника, в связи с чем они подлежали учету при определении доли общей площади жилого помещения, приходящейся на Т. и его супругу. Поскольку на каждого из членов семьи собственника жилого помещения приходилось менее учетной нормы площади жилого помещения, суд признал правомочным решение жилищного органа о постановке административного истца на жилищный учет с учетом жилого помещения, которым в июле 2010 г. распорядилась его супруга.

С выводами суда первой инстанции согласился окружной военный суд.

Такие выводы судов соответствуют материалам дела и основаны на правильном применении норм материального права.

Согласно ч. 1 ст. 30 ЖК РФ собственник жилого помещения осуществляет права владения, пользования и распоряжения принадлежащим ему на праве собственности жилым помещением в соответствии с его назначением и пределами его использования, которые установлены ЖК РФ.

Частью 1 ст. 31 ЖК РФ определено, что к членам семьи собственника жилого помещения относятся проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи.

Вселенные собственником жилого помещения члены его семьи, в силу ч. 2 ст. 31 ЖК РФ, имеют право пользования данным жилым помещением наравне с его собственником, если иное не установлено соглашением между собственником и членами его семьи.

В пункте 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 2 июля 2009 г. N 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» разъяснено, что вопрос о признании лица членом семьи собственника жилого помещения судом следует разрешать с учетом положений ч. 1 ст. 31 ЖК РФ, исходя из того, что для признания перечисленных в данной норме лиц, вселенных собственником в жилое помещение, членами его семьи достаточно установления только факта их совместного проживания с собственником в этом жилом помещении и не требуется установления фактов ведения ими общего хозяйства с собственником жилого помещения, оказания взаимной материальной и иной поддержки.

Данное разъяснение сделано применительно к ситуации наличия у собственника единственного жилого помещения для проживания.

В суде установлено, что супруга Т. вселила в принадлежащую ей на праве собственности квартиру своего сына, его супругу и детей без заключения какого-либо соглашения, определяющего их права иначе, чем это предусмотрено ЖК РФ.

Сам Т. в этот период проходил военную службу в г. Северодвинске Архангельской области, где проживал вместе с супругой в предоставленном им за счет Министерства обороны Российской Федерации жилым помещением.

В судебном заседании Т. пояснил, что его сын, невестка и внуки были вселены в принадлежащее его супруге на праве собственности жилое помещение именно в качестве членов семьи. Это заявление не было опровергнуто допрошенной в судебном заседании в качестве свидетеля супругой административного истца.

При таких данных факт вселения сына административного истца, его супруги и их детей в принадлежавшую на праве собственности супруги Т. квартиру в качестве членов семьи сомнений не вызывает.

Это обстоятельство имеет существенное значение для дела, поскольку проживание названных лиц в принадлежащей на праве собственности квартире супруги административного истца в качестве членов семьи указывает на необходимость учета доли занимаемого ими жилого помещения при определении нуждаемости Т. и его супруги в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 51 ЖК РФ основаниями для признания граждан нуждающимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма, является обеспеченность общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учетной нормы.

Из материалов дела следует, что на момент отчуждения принадлежащей супруге административного истца квартиры в ней проживало четыре члена ее семьи и на всех них, а также на Т. и его супругу приходилось по 7,7 кв. м.

Согласно ст. 9 Закона г. Москвы от 14 июня 2006 г. N 29 «Об обеспечении права жителей города Москвы на жилые помещения» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Москве установлена в размере 10 квадратных метров площади жилого помещения.

В силу ст. 3 Закона Санкт-Петербурга от 19 июля 2005 г. N 407-65 «О порядке ведения учета граждан в качестве нуждающихся в жилых помещениях и предоставлении жилых помещений по договорам социального найма в Санкт-Петербурге» учетная норма площади жилого помещения на одного человека в г. Санкт-Петербурге составляет 9 квадратных метров общей площади жилого помещения.

Следовательно, как при постановке на жилищный учет в период прохождения военной службы в г. Москве, так и при перемене места жительства после увольнения с военной службы в г. Санкт-Петербурге административный истец являлся нуждающимся в жилом помещении, предоставляемом по договору социального найма.

При таких данных решение врид директора Департамента жилищного обеспечения Министерства обороны Российской Федерации от 2 июля 2012 г. о постановке Т. вместе с супругой на учет нуждающихся в жилых помещениях, предоставляемых по договору социального найма в избранном месте жительства, с учетом находившейся у его супруги до июля 2010 г. в собственности квартиры является правильным, а решение начальника Управления ФГКУ «Западрегион-жилье» от 31 декабря 2015 г. о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилых помещениях не основано на законе.

В связи с изложенным суд первой инстанции правомерно признал незаконным оспариваемое решение жилищного органа о снятии административного истца с учета нуждающихся в жилом помещении, восстановив его права на обеспечение жильем в избранном месте жительства после увольнения с военной службы.

На основании изложенного Судебная коллегия по делам военнослужащих оставила без изменения судебные акты по административному исковому заявлению

Т., а кассационную жалобу представителя административного ответчика - без удовлетворения.

Определение N 202-КГ17-2

По гражданским делам

40. Материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) - военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается исходя из установленной степени ответственности каждого из них в размере причиненного ущерба.

Решением Краснодарского гарнизонного военного суда от 29 июля 2015 г. с учетом внесенных изменений судом апелляционной инстанции удовлетворен частично иск командира воинской части о взыскании с М. 610 490 руб. 47 коп. в счет возмещения материального ущерба, причиненного в связи с утратой материальных ценностей.

Рассмотрев материалы дела по кассационной жалобе М., Судебная коллегия по делам военнослужащих судебные постановления отменила, дело направила на новое рассмотрение в Краснодарский гарнизонный военный суд в ином составе судей, указав в обоснование следующее.

Из материалов дела следует, что М. работал кладовщиком вещевого склада воинской части и с ним был заключен договор о полной материальной ответственности за недостачу вверенного ему имущества.

В результате проведенной инвентаризации вещевого имущества воинской части была выявлена недостача вещевого имущества на сумму 954 648 руб. 07 коп.

Приказом командира воинской части, изданным на основании материалов административного расследования, установлено, что недостача вещевого имущества образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей М. и отсутствия надлежащего контроля со стороны начальника вещевого склада воинской части Ш., а также слабого контроля за деятельностью подчиненных должностных лиц помощником командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б.

В связи с этим на основании названного приказа за Б. и Ш. привлечены к ограниченной материальной ответственности в размере одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет в счет частичного возмещения ими причиненного государству материального ущерба.

Другим приказом командира воинской части, изданным по результатам проверки хозяйственной деятельности воинской части и инвентаризации материальных средств, действительная сумма недостачи вещевого имущества составила 610 701 руб. 70 коп., в том числе у М. - 610 490 руб. 47 коп., у заведующей вещевым складом М.А. - 211 руб. 23 коп.

Удовлетворяя исковое заявление командира воинской части (с учетом уменьшения судом апелляционной инстанции суммы ущерба на 211 руб. 23 коп.), суд

исходил из того, что утраченное вещевое имущество было вверено М. под отчет, в связи с чем в силу закона он подлежит привлечению к материальной ответственности в размере действительного ущерба.

Однако такой вывод сделан судом без учета имеющихся значение для дела обстоятельств и основан на неправильном применении норм материального права.

В суде установлено, что недостача вещевого имущества воинской части образовалась вследствие халатного исполнения должностных обязанностей не только М., но и начальника вещевого склада воинской части Ш., а также помощника командира воинской части по материально-техническому обеспечению Б., в связи с чем с них в счет частичного возмещения причиненного государству материального ущерба были взысканы по одному окладу месячного денежного содержания и одной месячной надбавке за выслугу лет.

Эти обстоятельства являлись юридически значимыми для дела.

Согласно ст. 238 ТК РФ работник обязан возместить работодателю причиненный ему прямой действительный ущерб, под которым понимается реальное уменьшение наличного имущества работодателя или ухудшение состояния указанного имущества, а также необходимость для работодателя произвести затраты либо излишние выплаты на приобретение, восстановление имущества либо на возмещение ущерба, причиненного работником третьим лицам.

Кроме того, в соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона от 12 июля 1999 г. N 161-ФЗ «О материальной ответственности военнослужащих» командиры (начальники), нарушившие своими приказами (распоряжениями) установленный порядок учета, хранения, использования, расходования, перевозки имущества или не принявшие необходимых мер к предотвращению его хищения, уничтожения, повреждения, порчи, излишних денежных выплат, что повлекло причинение ущерба, несут материальную ответственность в размере причиненного ущерба, но не более одного оклада месячного денежного содержания и одной месячной надбавки за выслугу лет.

Содержание названных законодательных норм в их взаимосвязи указывает на то, что материальный ущерб, возникший в воинской части вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей как работником, с которым заключен договор о полной материальной ответственности, так и его командирами (начальниками) - военнослужащими, не принявшими необходимых мер к предотвращению утраты имущества, взыскивается в долевом порядке исходя из установленной степени ответственности каждого из них.

Поскольку по решению командира воинской части на военнослужащих этой же части Ш. и Б. возложена обязанность по частичному возмещению ущерба, вызванного недостачей вещевого имущества, удержанная с них сумма не может быть повторно взыскана с М. В ином случае размер взысканий в счет возмещения причиненного ущерба превысит прямой действительный ущерб, что не основано на законе.

Следовательно, суду необходимо было установить не только реальную сумму причиненного государству

материального ущерба, но и размер суммы, взысканной с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба, и только после этого решить вопрос о размере подлежащей взысканию суммы ущерба с М. Однако этого по делу сделано не было.

Из представленных в суд и исследованных в судебном заседании материалов также осталось неясным, в связи с чем была уменьшена сумма материального ущерба в размере 954 648 руб. 07 коп., установленная по результатам инвентаризации вещевого имущества воинской части, до 610 490 руб. 47 коп., и учтены ли при этом суммы, подлежащие взысканию с Ш. и Б. в счет частичного возмещения указанного ущерба.

Кроме того, в соответствии со ст. 246 ТК РФ размер ущерба, причиненного работодателю при утрате и порче имущества, определяется по фактическим потерям, исчисляемым исходя из рыночных цен, действующих в данной местности на день причинения ущерба, но не ниже стоимости имущества по данным бухгалтерского учета с учетом степени износа этого имущества.

Между тем в материалах дела отсутствуют данные об учете степени износа утраченного вещевого имущества, а суд первой инстанции это обстоятельство не проверил. Изложенные нарушения оставлены без внимания и судом апелляционной инстанции.

Определение N 205-КГ17-1

По уголовным делам

41. Учет судом положительных данных о личности осужденного при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств исключало назначение ему за совершенное преступление максимального наказания.

По приговору Московского гарнизонного военного суда от 30 марта 2017 г. Х. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, к лишению свободы на срок 10 лет в исправительной колонии строгого режима.

Судебная коллегия по делам военнослужащих, рассмотрев дело по апелляционной жалобе осужденного, приговор изменила, смягчила назначенное Х. наказание за совершенное им преступление до 9 лет 6 месяцев лишения свободы.

Принимая такое решение, Судебная коллегия исходила из следующего.

Х. признан виновным в приготовлении в октябре 2016 г. к участию в деятельности организации, которая в соответствии с законодательством Российской Федерации признана террористической, то есть в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 205.5 УК РФ, санкция которой предусматривает лишение свободы на срок от десяти до двадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей либо в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

В соответствии с ч. 2 ст. 66 УК РФ срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление.

Следовательно, максимальный срок наказания Х. за приготовление к участию в деятельности террористической организации не может превышать 10 лет лишения свободы.

При назначении наказания суд учел состояние здоровья и материальное положение Х., а также то, что в быту, на работе и по месту жительства он характеризуется положительно. Обстоятельства, отягчающие наказание Х., по делу не установлены.

При таких данных назначенное осужденному максимальное наказание по своему размеру является несправедливым вследствие чрезмерной суровости.

Апелляционное определение N 201-АПУ17-20

ДИСЦИПЛИНАРНАЯ КОЛЛЕГИЯ

42. Поведение судьи обоснованно признано недопустимым, не соответствующим требованиям нормативных актов, определяющих правовой статус судьи, умаляющим авторитет судебной власти, расценено как причинившее ущерб репутации судьи и несовместимое с дальнейшим осуществлением судьей своих полномочий.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу Баешко на решение квалификационной коллегии судей Краснодарского края от 30 сентября 2016 г. о досрочном прекращении его полномочий судьи Курганинского районного суда Краснодарского края за совершение дисциплинарного проступка и решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 25 января 2017 г.

Дисциплинарная коллегия в своем решении указала, что совет судей Краснодарского края направил в квалификационную коллегия судей обращение о привлечении судьи Баешко к дисциплинарной ответственности по результатам проверки информации начальника Управления МВД России по г. Краснодару.

Квалификационная коллегия судей Краснодарского края пришла к выводу о том, что изложенные в обращении совета судей Краснодарского края факты, свидетельствующие о совершении судьей Баешко дисциплинарного проступка, несовместимого со статусом судьи, нашли подтверждение.

Решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации решение квалификационной коллегии судей Краснодарского края оставлено без изменения.

Доказательствами, исследованными в судебном заседании Дисциплинарной коллегии, подтверждено, что 26 апреля 2016 г. после 24 часов автопатруль отдела полиции (Прикубанский округ) Управления МВД России по г. Краснодару в связи с поступившим сообщением от граждан о том, что шумят в гаражах, прибыл на место происшествия. Прибывшие на место происшествия сотрудники полиции попросили присутствующих предъявить документы, удостоверяющие их личности. На это один из граждан (как впоследствии выяснилось - Баешко) отреагировал грубой нецензурной бранью, стал оскорблять сотрудников полиции, на замечания не реагировал, документы предъявлять отказался, стал размахивать руками и ногами. На закон-

ные требования прекратить противоправные действия не реагировал, замахивался на сотрудников полиции, провоцируя драку. К нему были применены специальные средства, и он был доставлен в отдел полиции.

В отделе полиции Баешко не прекратил противоправные действия и на протяжении двух часов отказывался предъявлять документ, удостоверяющий личность.

Находясь в фойе отдела полиции, Баешко нанес удар головой старшему участковому Чайке в область лба, после чего нанес сержанту Белоусову несколько ударов ногой в область туловища.

Сотрудниками полиции были составлены рапорты о нанесении им телесных повреждений. По данному факту зарегистрирован материал проверки КУСП от 26 апреля 2016 г. N 12650.

Дисциплинарная коллегия согласилась с мнением квалификационной коллегии судей о том, что действия сотрудников полиции по доставлению Баешко в отдел полиции для установления его личности и разбирательства соответствовали требованиям закона, поскольку он отказался представиться сотрудникам полиции на месте, не выполнял законных требований полицейских и не сообщал им о наличии у него статуса судьи.

Дисциплинарная коллегия обратила внимание на то, что в силу пп. 1 - 5 ст. 12.1 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 г. N 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» за совершение дисциплинарного проступка, то есть виновного действия (бездействия) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебной деятельности, в результате чего были нарушены положения названного закона и (или) кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, на судью может быть наложено дисциплинарное взыскание в виде замечания, предупреждения, досрочного прекращения полномочий судьи.

Поведение судьи Баешко в ночь на 26 апреля 2016 г. квалификационной коллегией судей Краснодарского края обоснованно признано недопустимым, не соответствующим требованиям нормативных актов, определяющих правовой статус судьи, умаляющим авторитет судебной власти, расценено как причинившее ущерб репутации судьи и несовместимое с дальнейшим осуществлением судьей своих полномочий.

Решение о досрочном прекращении полномочий судьи Баешко является мотивированным.

Обсуждая вопрос о виде дисциплинарного взыскания, квалификационная коллегия судей Краснодарского края оценила поведение судьи, его отношение к содеянному, приняла во внимание характер и степень тяжести совершенного им дисциплинарного проступка и наступивших последствий, а также данные, характеризующие его, и по результатам тайного голосования пришла к выводу о необходимости применения к Баешко дисциплинарного взыскания в виде досрочного прекращения полномочий судьи, поскольку допущенные им нарушения несовместимы с высоким званием судьи, подрывают доверие к нему как к представителю судебной власти и не дают оснований рас-

считывать на то, что это доверие будет восстановлено при дальнейшем выполнении им служебных обязанностей.

Решение по делу N ДК17-28

43. Очевидно неправомерное принятие к производству суда общей юрисдикции корпоративного спора, относящегося к ведению арбитражного суда, и применение несоразмерных мер обеспечения иска, приведшее к вмешательству в хозяйственную деятельность коммерческого предприятия, свидетельствуют о совершении судьей действий, несовместимых с высоким статусом судьи, умаляющих авторитет судебной власти и причинивших ущерб репутации судьи.

Дисциплинарная коллегия оставила без удовлетворения жалобу Зульбугаровой на решение квалификационной коллегии судей Тюменской области от 10 февраля 2017 г. о досрочном прекращении ее полномочий судьи Тобольского районного суда Тюменской области за совершение дисциплинарного проступка.

В решении коллегия указала, что дисциплинарный проступок Зульбугаровой выразился в грубом и очевидном нарушении норм процессуального закона, а именно в том, что судья неправомерно приняла к производству суда не подлежащее разрешению судами общей юрисдикции в порядке гражданского судопроизводства исковое заявление Г. к генеральному директору ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой» о взыскании материального ущерба, а также приняла по этому делу, относящемуся к корпоративным спорам, явно несоразмерные заявленным требованиям и нарушающие права акционеров ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой» обеспечительные меры, заключавшиеся в приостановлении полномочий генерального директора, предусмотренных уставом общества и учредительными документами, что привело к вмешательству в хозяйственную деятельность акционерного общества и причинению действительного материального ущерба в размере 6 708 153 руб.

Принятие к производству суда общей юрисдикции корпоративного спора, относящегося к ведению арбитражного суда, и применение несоразмерных мер обеспечения иска, приведшее к вмешательству в хозяйственную деятельность коммерческого предприятия, свидетельствуют о совершении судьей действий, несовместимых с высоким статусом судьи, умаляющих авторитет судебной власти и причинивших ущерб репутации судьи.

Суд апелляционной инстанции признал, что судом первой инстанции в нарушение ст. 15 ГК РФ, ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. N 208-ФЗ «Об акционерных обществах», гл. 28.1 АПК РФ, ст. 22 ГПК РФ 30 марта 2016 г. был принят к производству корпоративный спор, неподведомственный суду общей юрисдикции.

В соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ судья Зульбугарова обязана была отказать Г. в принятии искового заявления и не принимать решения об обеспечительных мерах, однако в нарушение указанных норм приняла исковое заявление к производству суда, а затем и обеспечительные меры.

Давая оценку принятым судьей Зульбугаровой обеспечительным мерам, суд апелляционной инстанции в определении от 10 августа 2016 г. указал на их незаконность ввиду неподведомственности суду общей юрисдикции спора по иску Г., а также на то, что принятые судом первой инстанции обеспечительные меры являются несоразмерными заявленным Г. требованиям. Они не только нарушают права акционеров ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой», но и фактически сводятся к незаконному вмешательству суда в хозяйственную деятельность предприятия, что законодательством не допускается и является самостоятельным основанием для отмены мер по обеспечению иска.

Учитывая изложенное, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации находит обоснованным вывод квалификационной коллегии судей Тюменской области о наличии в действиях судьи Зульбугаровой дисциплинарного проступка, выразившегося в грубых нарушениях норм процессуального законодательства при принятии к производству суда искового заявления Г. к генеральному директору ОАО «Проектный институт «Южпроекткоммунстрой» К. и обеспечительных мер.

Допущенные судьей Зульбугаровой нарушения являются виновными и исключительными. Они не могут рассматриваться как ошибки в толковании и применении норм права (как судебная ошибка), поскольку носят очевидный характер, грубо нарушают права участников процесса, свидетельствуют о пренебрежительном отношении судьи Зульбугаровой к соблюдению требований закона и не дают оснований рассчитывать на добросовестное и профессиональное выполнение Зульбугаровой служебных обязанностей в будущем.

Дисциплинарная коллегия обратила внимание на то, что в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2003 г. N 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации», а также в нескольких постановлениях Президиума Верховного Суда Российской Федерации по конкретным делам, опубликованных официально для всеобщего сведения и доведенных до сведения всего судебного корпуса, указывается на отсутствие у суда общей юрисдикции права принимать к производству подобного рода дела и применять по ним обеспечительные меры, вмешиваясь тем самым в деятельность хозяйствующих субъектов.

Судья Зульбугарова в силу своих должностных полномочий обязана была знать практику Верховного Суда Российской Федерации по спорам с участием акционеров и хозяйственных обществ, тем более что, как усматривается из справки о работе и из характеристики судьи Зульбугаровой, с 2013 года она рассмотрела свыше 700 гражданских дел, то есть имеет соответствующий опыт.

Принимая во внимание, что принятое судьей Зульбугаровой судебное постановление по делу, относящемуся к ведению арбитражного суда, по которому были незаконно приняты обеспечительные меры, отменено

вследствие грубых нарушений норм процессуального закона, Дисциплинарная коллегия Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу, что действия судьи Зульбугаровой повлекли искажение принципов гражданского судопроизводства, дискредитируют судебную власть, причиняют ущерб репутации судьи и несовместимы со статусом судьи, в связи с чем оснований для отмены решения квалификационной коллегии судей Тюменской области по доводам жалобы административного истца ввиду их несостоятельности Дисциплинарная коллегия не усматривает.

Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи соразмерно тяжести совершенного судьей Зульбугаровой дисциплинарного проступка.

При этом квалификационной коллегией судей Тюменской области учтены данные о личности Зульбугаровой, ее служебная характеристика, стаж работы в должности судьи, профессиональный уровень, судебная нагрузка на судью, не превышающая средние показатели по судам области, характер допущенных нарушений и степень нарушения прав и законных интересов участников процесса.

Решение по делу N ДК17-25

РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ВОПРОСАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

ВОПРОС 1. На какие организации распространяются требования ст. 38, 39 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее - Закон о средствах массовой информации) о предоставлении сведений о своей деятельности по запросам редакций средств массовой информации?

ОТВЕТ. В соответствии с Конституцией Российской Федерации каждому гарантировано право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, получать достоверную информацию о состоянии окружающей среды (ч. 4 ст. 29, ст. 42).

В развитие указанных конституционных положений абзацами первым, вторым ст. 38 Закона о средствах массовой информации гражданам предоставлено право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствами массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Согласно ст. 39 названного закона редакция имеет право запрашивать информацию о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Запрос информации возможен как в устной, так и в письменной форме. Запрашиваемую информацию обязаны предоставлять руководи-

тели указанных органов, организаций и объединений, их заместители, работники пресс-служб либо другие уполномоченные лица в пределах их компетенции.

По смыслу ст. 38, 39 Закона о средствах массовой информации, требования указанных норм права о предоставлении сведений о деятельности по запросам редакций средств массовой информации распространяются на все организации, независимо от их организационно-правовой формы, в том числе коммерческие и некоммерческие юридические лица (ст. 48, 50 ГК РФ), организации, осуществляющие свою деятельность без образования юридического лица (например, простые товарищества).

ВОПРОС 2. Возможно ли наложение предусмотренного ч. 1 ст. 332 АПК РФ судебного штрафа за неисполнение судебного акта на лицо, на которое в силу закона возложено исполнение данного акта, в том числе на банк и иную кредитную организацию?

ОТВЕТ. Согласно ч. 1 ст. 16 АПК РФ вступившие в законную силу судебные акты арбитражного суда являются обязательными для органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Российской Федерации.

Неисполнение судебных актов в силу ч. 2 ст. 16 АПК РФ влечет за собой ответственность, установленную АПК РФ и другими федеральными законами.

Нормы об ответственности за неисполнение судебного акта арбитражного суда содержатся в ст. 332 АПК РФ, в соответствии с ч. 1 которой за неисполнение судебного акта арбитражного суда органами государственной власти, органами местного самоуправления, иными органами, организациями, должностными лицами и гражданами арбитражным судом может быть наложен судебный штраф по правилам гл. 11 АПК РФ в размере, установленном федеральным законом.

На основании ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее - Закон об исполнительном производстве) в случаях, предусмотренных федеральным законом, требования, содержащиеся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц, исполняются органами, организациями, в том числе государственными органами, органами местного самоуправления, банками и иными кредитными организациями, должностными лицами и гражданами. В частности, с учетом положения ч. 1 ст. 8 Закона об исполнительном производстве, исполнительный документ о взыскании денежных средств или об их аресте может быть направлен в банк или иную кредитную организацию непосредственно взыскателем. В свою очередь, банк или иная кредитная организация, осуществляющие обслуживание счетов должника, в соответствии с ч. 5 ст. 70 Закона об исполнительном производстве незамедлительно исполняют содержащиеся в исполнительном документе или постановлении судебного пристава-исполнителя требования о взыскании денежных средств, о чем в течение трех дней со дня их исполнения информируют взыскателя или судебного пристава-исполнителя.

Таким образом, исходя из приведенных законодательных положений, установленная в ч. 1 ст. 332 АПК РФ процессуальная ответственность может применяться в отношении любого лица, на которое в силу закона возложено исполнение судебного акта арбитражного суда, в том числе и в отношении банков и иных кредитных организаций.

ПРАКТИКА МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОРГАНОВ

В силу пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (раздел 3; статьи 3 - 33). Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования».

Практика международных (межгосударственных) органов, контролирующая исполнение государствами международно-правовых обязательств в сфере защиты прав и свобод человека, которые предусматриваются в международном договоре, устанавливает соглашение участников такого договора в отношении его применения.

В целях эффективной защиты прав и свобод человека судам необходимо при рассмотрении административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, уголовных и иных дел учитывать правовые позиции, сформулированные межгосударственными договорными органами.

В сфере административных правоотношений

Вопросы выдворения

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека <1>

<1> Комитет по правам человека действует на основании Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (далее - Пакт) и Факультативного протокола к указанному Пакту. Российская Федерация является участником этих международных договоров и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Пакта.

Сообщение: А.Х.С. против Дании. Сообщение N 2473/2014. Решение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: невыдворение (non-refoulement); произвольный арест и задержание.

Вопрос существа: пытки; произвольный арест и задержание.

Правовые позиции Комитета: пункт 12 [3] замечания общего порядка N 31 (2004) о характере общего юридического обязательства, налагаемого на государство - участник Пакта, в котором он ссылается на «обязательство государств не экстрадировать, не депортировать, не высылать и не выдворять каким-либо иным образом лицо со своей территории, когда имеются серьезные основания полагать, что существует реальная опасность причинения невозместимого вреда такого, как предусмотренный в статьях 6 и 7 Пакта». Комитет... указывает, что такая опасность должна существовать лично для человека и что при рассмотрении вопроса о весомости оснований для установления наличия реальной опасности причинения невозместимого вреда применяется высокий порог <2>. Комитет также ссылается на свою правовую практику, отмечая при этом необходимость должным образом учитывать оценку, проводимую государством-участником, и указывая, что рассмотрение или оценка фактов и доказательств для определения такой опасности, как правило, должны производиться органами государств - участников Пакта, если только не будет установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер либо была равнозначна очевидной ошибке или отказу в правосудии <3> (пункт 7.5 Решения).

<2> См. сообщения N 2007/2010, X против Дании, Сообщение от 26 марта 2014 г., пункт 9.2; N 692/1996, А.Р.Дж. против Австралии, Сообщение от 28 июля 1997 г., пункт 6.6; и N 1833/2008, X против Швеции, Сообщение от 1 ноября 2011 г., пункт 5.18.

<3> См. сообщение N 1957/2010, З.Х. против Австралии, Сообщение от 21 марта 2013 г., пункт 9.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что Совет <4> тщательно изучил жалобу автора и проанализировал его личные и семейные обстоятельства. Он признал, что ни автор, ни его семья никогда не участвовали в какой-либо политической деятельности, что автор не привел убедительных причин конфликта с семьей своей жены, что его заявления по ряду ключевых моментов были противоречивы и неконкретны и что он не представил внятного и логичного объяснения причин, по которым он якобы подвергался преследованиям со стороны ХАМАС. На основе личных собеседований с автором Совет пришел к выводу о том, что заявления автора о его конфликте с ХАМАС в период его работы в университете были недостоверны, что его утверждения о потенциальных нападениях со стороны членов семьи его жены не вызывают доверия и что автору не будет угрожать реальная и личная опасность преследований со стороны ХАМАС в случае его возвращения в Газу. Комитет также принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что оно проанализировало общее положение в Газе на основе постоянно обновляемой справочной информации о стране и не нашло признаков того, что в случае его возвращения в нее автору будет угрожать какая-либо опасность. Ав-

тор не пояснил, по каким причинам решение Совета по своему характеру будет являться явно необоснованным или произвольным. Соответственно, Комитет приходит к выводу о том, что автор должным образом не обосновал свою жалобу, согласно которой его принудительная высылка будет равнозначна нарушению статьи 7 Пакта, и признает ее неприемлемой согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 7.6 Решения).

<4> Датский Апелляционный совет по делам беженцев (далее - Совет).

Выводы Комитета: считать сообщение неприемлемым согласно статье 2 Факультативного протокола (пункт 8 Решения).

Вопросы предоставления гражданства

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации <5>

<5> Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации (далее - Комитет) действует на основании Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г. Российская Федерация является участником Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (далее - Конвенция), а также признает компетенцию Комитета на получение индивидуальных сообщений получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под ее юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения положений Конвенции.

Сообщение: БьенонПьетри против Швейцарии. Сообщение N 53/2013. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее - Комитет) 5 декабря 2016 г.

Тема сообщения: право на гражданство без дискриминации; эффективная защита и средство правовой защиты от любых актов расовой дискриминации; обязательство государства-участника принимать меры против расовой дискриминации.

Вопрос существа: дискриминация по признакам национального или этнического происхождения и инвалидности.

Правовые позиции Комитета: Комитет напоминает о том, что в его компетенцию не входит оценка толкования национальными органами фактов и национального законодательства, за исключением случаев, когда принятые решения являются явно произвольными или иным образом равносильны отказу в правосудии <6> (пункт 7.5 Мнения).

<6> См. сообщение N 40/2007, Эр. против Дании, Мнение, принятое 8 августа 2007 г., пункт 7.2.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что решение об отклонении его ходатайства о натурализации, принятое членами муниципального собрания, представляет собой акт расовой

дискриминации, поскольку оно было продиктовано его этническим происхождением. В этом контексте заявитель ссылается на выступление одного из членов муниципального собрания, который негативно отозвался о его национальном или этническом происхождении. Комитет... принимает к сведению утверждения заявителя о том, что дискриминационные последствия были замечены общественностью, средствами массовой информации и неправительственными организациями и что натурализация его матери и сестры не дает оснований делать вывод об отсутствии расовой дискриминации в его случае. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что предъявляемые в контексте натурализации требования в отношении интеграции не были должным образом соотношены ни с наличием у него инвалидности, ни с той враждебностью, с которой он столкнулся... Комитет принимает к сведению утверждение государства-участника о том, что на заседании муниципального собрания 27 марта 2009 г. было выдвинуто несколько доводов против удовлетворения ходатайства заявителя, в том числе упоминались ложные сведения, приведенные им в предыдущем ходатайстве, тот факт, что он не состоял членом ни одной ассоциации инвалидов и не работал в специализированной мастерской для инвалидов, и сделан вывод о том, что он не удовлетворяет критериям интеграции в местную общину. Комитет... отмечает, что три инстанции, пересматривавшие данное решение, в том числе два суда, пришли к заключению о том, что члены муниципального собрания привели доводы против его натурализации, не связанные с его происхождением, а, следовательно, не представлявшие собой расовую дискриминацию. Комитет... отмечает, что Верховный суд признал, что решение заявителя отойти от общественной жизни вполне объяснимо ввиду того неприятия, с которым он столкнулся со стороны отдельных жителей общины в первую очередь из-за того, что он был инвалидом и передвигался на инвалидной коляске <7>, но что у заявителя все равно оставались возможности интегрироваться, несмотря на инвалидность, и что предъявляемые требования были соразмерны его обстоятельствам (пункт 7.3 Мнения).

<7> См. решение Верховного суда от 12 июня 2012 г., пункты 3.1, 3.4 и 4.4.

Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что Верховный суд в достаточной степени не учел, что его инвалидность явилась отягчающим обстоятельством и усугубила решение муниципального собрания об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации на основании его происхождения, и ввиду этого не изучил вопрос о том, может ли это быть приравнено к двойной дискриминации. Комитет... принимает к сведению утверждение заявителя о том, что дискриминационные высказывания одного из членов собрания повлияли на решение об отказе ему в натурализации и что Суду следовало переложить бремя доказывания на общину Оберрит, с тем чтобы убедительно доказать, что отказ в удовлетворении его ходатайства о натурализации не был мотивирован

расовой дискриминацией или двойной дискриминацией... Комитет принимает к сведению утверждения государства-участника о том, что заявления о двойной дискриминации по признаку происхождения и инвалидности не удовлетворяют пороговому условию приемлемости, что заявитель обращался в национальные органы власти и суды с отдельными жалобами на дискриминацию по признаку происхождения и дискриминацию по признаку инвалидности, не проводя между ними какой-либо связи, и что на заседании муниципального собрания, состоявшемся 27 марта 2009 г., не прозвучало ни одного замечания по поводу инвалидности заявителя (пункт 7.4 Мнения).

Комитет отмечает, что национальные органы власти и суды в обоснование своих решений ссылались на тот факт, что заявитель не мог претендовать на натурализацию по причинам, не связанным с предполагаемой дискриминацией по признаку его албанского происхождения, в частности потому, что он не сумел интегрироваться в местную общину. В данном случае Комитет считает, что из информации, представленной сторонами, не следует, что отказ в удовлетворении ходатайства заявителя о натурализации был основан на дискриминационных критериях, связанных с его национальным или этническим происхождением... Комитет считает, что в данном случае факт дискриминации по признаку национального или этнического происхождения доказан не был. Что касается утверждений автора о дискриминации по признаку инвалидности, то Комитет считает, что в соответствии со статьей 1 Конвенции он некомпетентен рассматривать отдельное утверждение о дискриминации по признаку инвалидности <8>. В силу вышеизложенного Комитет приходит к выводу о том, что факты, представленные заявителем, не свидетельствуют о нарушении пункта d) iii) статьи 5, рассматриваемого как отдельно, так и в совокупности с подпунктами а) и с) пункта 1 статьи 2 Конвенции (пункт 7.6 Мнения).

<8> См. сообщение А.В.Р.А.П. против Дании, пункт 6.3, в котором Комитет заключил, что он правомочен рассматривать утверждения о двойной дискриминации, но что отдельные утверждения о дискриминации по признакам, отличным от изложенных в статье 1 Конвенции, являются неприемлемыми *rationemateriae*.

Что касается утверждения заявителя о нарушении статьи 6 Конвенции, то Комитет отмечает, что национальные суды рассмотрели его жалобу на дискриминацию и, изучив протоколы заседания муниципального собрания и другие элементы доказывания, пришли к выводу о том, что решение об отказе в удовлетворении его ходатайства о натурализации не было продиктовано дискриминационными мотивами. Комитет... отмечает, что Верховный суд рассмотрел оба утверждения заявителя, касавшихся как дискриминации по признаку национального или этнического происхождения, так и дискриминации по признаку инвалидности. Комитет... отмечает, что, хотя заявитель и не согласен с аргументацией Суда, в информации, имеющейся в распоряжении Комитета, нет ничего, что указывало бы на то, что решение Верховного суда представляет собой нарушение Конвенции. Ввиду этого Комитет не

может сделать вывод о том, что было нарушено право заявителя на защиту и средства правовой защиты от расовой дискриминации, закрепленное в статье 6 Конвенции (пункт 7.7 Мнения).

Выводы Комитета: представленные... факты не свидетельствуют о нарушении государством-участником каких-либо положений Конвенции (пункт 10 Мнения).

В сфере рассмотрения дел об административных правонарушениях

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 926/08 «Карелин против России» (вступило в силу 6 марта 2017 г.), которым установлено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с несоблюдением судами принципа беспристрастности суда при рассмотрении дела об административном правонарушении в отношении Карелина М.Ю. ввиду отсутствия в процессе стороны обвинения как в первой, так и в апелляционной инстанции.

Заявитель утверждал, что отсутствие стороны обвинения в деле в отношении него об административном правонарушении повлекло за собой нарушение статьи 6 Конвенции.

Европейский Суд напомнил, что «внешние признаки в суде могут иметь важное значение в судебных разбирательствах, например, для оценки соблюдения требования объективной беспристрастности или ради сохранения доверия, которое суды в демократическом обществе должны внушать обществу... При проведении такой оценки основное внимание должно быть уделено правомерности причины опасаться, что конкретный судья не является беспристрастным, и может ли это опасение быть объективно обосновано» (пункт 52 постановления).

Суд подчеркнул, что «тесная взаимосвязь между различными гарантиями и процессуальными методами, указанными в статье 6 Конвенции, и тем, каким образом они комбинируются для того, чтобы дополнять друг друга в контексте рассматриваемого дела в целях обеспечения принципа справедливости, являющегося основополагающим принципом. Поэтому представляется возможным, что отсутствие органа власти, представляющего обвинение, и, как следствие, его отсутствие в заседаниях судов первой и второй инстанции, могут иметь влияние на то, каким образом предъявляются и подтверждаются обвинения и доказательства в суде, и наоборот» (пункт 59 постановления).

Европейский Суд отметил, что «согласно КоАП РФ производство начинается внесудебными властями... КоАП РФ наделяет прокуроров широкими дискреционными полномочиями возбуждать производства по делу об административном правонарушении, а также, после возбуждения, принимать в них участие. Другими словами, КоАП РФ не требует присутствия прокурора на судебном слушании и не предполагает никаких особенных последствий в случае отсутствия прокурора на таком заседании. Суд отклоняет утверж-

дение Властей, что согласно статье 29.4 КоАП РФ суд первой инстанции имеет возможность потребовать присутствия прокурора. Эта норма содержит исчерпывающий перечень лиц, присутствие которых может потребоваться в судебном заседании... и на рассматриваемый момент прокурора в этом списке не было» (пункт 61 постановления).

Суд установил, что «роль полиции состояла в том, чтобы составить «протокол об административном правонарушении» и передать его в суд. Нельзя сказать, что на этом этапе разбирательства полиция выступала в качестве «органа правосудия», участвующего в «предъявлении обвинения в уголовном преступлении»... [Н]ельзя сказать, что должностное лицо, ответственное за составление протокола об административном правонарушении или другого протокола, связанного с делом... рассматривалось как сторона разбирательства. Отмечается, что этот сотрудник не может подавать ходатайства в суд первой инстанции, что является неотъемлемой чертой справедливого судебного разбирательства; а также не может обжаловать решение, вынесенное судом. Однако он может быть вызван для предоставления разъяснений... Таким образом... рассматриваемый сотрудник полиции не являлся «органом власти, представляющим обвинение» или «стороной обвинения», то есть не был должностным лицом, уполномоченным выступать против лица, в отношении которого велось производство по делу об административном правонарушении, а также представлять и защищать обвинение от лица государства перед судьей. Следовательно... в этом деле, возбужденном в соответствии с КоАП РФ, действительно не было стороны обвинения» (пункты 62, 64 - 65 постановления).

Европейский Суд отметил, что «протокол об административном правонарушении послужил основой для рассмотрения судьей дела, когда было впервые предъявлено «обвинение» (пункт 66 постановления).

Суд принял во внимание точку зрения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, состоящую в том, что «протокол о правонарушении мог использоваться или использовался как доказательство. Однако в данном случае текст судебного решения не свидетельствует о том, что протокол о правонарушении, как таковой, рассматривался как доказательство, призванное подтвердить вину обвиняемого... [С]одержащаяся в нем информация могла рассматриваться в качестве доказательства, относящегося к установлению фактических данных. Суд второй инстанции сослался на протокол об административном правонарушении как на устанавливающий «тот факт, что правонарушение имело место»... Протокол об административном правонарушении сопровождался подтверждающими доказательствами... Лицо, в отношении которого велось производство по делу, имело возможность оспаривать информацию протокола об административном правонарушении, по сути с формальной или процессуальной точки зрения, во время рассмотрения дела судьей... [В] соответствии с КоАП РФ требовалось слушание дела... и таковое в настоящем деле состоялось в судах первой и второй судебных заседаний... [Н]а стадии разбирательства в судах первой и апелляционной инстанции[й] в отношении

заявителя состоялись открытые слушания. Во время них не присутствовал никто, кто мог бы оппонировать заявителю» (пункты 66 - 67 постановления).

Суд подчеркнул, что «вопрос о беспристрастности был поднят заявителем в связи с устным и открытым слушанием, состоявшимся в ходе этого дела... [О]тсутствие стороны обвинения имело влияние на юридическую силу презумпции невиновности во время судебного разбирательства и, косвенно, на вопрос о беспристрастности суда первой инстанции, и наоборот... Пункт 2 статьи 6 Конвенции защищает право человека «считаться невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена в законном порядке». Презумпция невиновности будет нарушена в том случае, когда на практике или ввиду применения действующего законодательства (например, правовой презумпции) бремя доказывания переносится со стороны обвинения на сторону защиты» (пункты 71 - 72 постановления).

Европейский Суд установил, что «суд первой инстанции не имел иного варианта, кроме как взять на себя задачу предъявления - и, что более важно, [-] нести бремя подтверждения... обвинения в ходе слушания дела» (пункт 73 постановления).

Суд отметил, «КоАП РФ предусматривает, что суд первой инстанции может сам решать, требовать ли дачи устных показаний, или истребовать дополнительные документы, или назначать экспертизу. Власти указали, что такое решение может приниматься, «помимо прочего, на основании запроса лица, против которого ведется производство по делу». Из этого следует, что это также может означать тот факт, что такие решения могут приниматься судом первой инстанции по собственной инициативе» (пункт 74 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «в тех случаях, когда слушание дела оценивается как благоприятный фактор (например, из-за того, что есть угроза возможного наказания в виде содержания под стражей, как в настоящем деле) для судебного определения «уголовного обвинения» лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и в тех случаях, когда, получив адекватную возможность присутствовать на судебном заседании, сторона защиты не отказалась от нее в установленном порядке, присутствие на суде стороны обвинения, как правило, целесообразно, чтобы избежать законных сомнений, которые иначе могут возникнуть, в отношении беспристрастности суда» (пункт 76 постановления).

Суд отметил, что «[В] отличие от гражданских дел, в которых сторона может отказаться от возможности присутствовать на слушании дела, в уголовном или приравненном к нему деле, ситуация может отличаться, т.к., хотя судья и является главным блюстителем закона при судопроизводстве, в деле с государственным обвинением обычно именно задачей государственного органа власти является изложение и обоснование уголовного обвинения с целью состязательного спора с другой стороной или с другими сторонами по делу» (пункт 77 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «производство по жалобе в суде второй инстанции было инициировано заявителем. На тот момент должностное лицо, ко-

торое возбудило дело об административном правонарушении, не было уполномочено обжаловать решение суда первой инстанции по делу об административном правонарушении, тогда как прокурор имел такое право вне зависимости от того, участвовал ли он в заседании суда первой инстанции» (пункт 78 постановления).

Суд отметил, что «проблема, связанная с неучастием в деле органа власти, представляющего обвинение, может быть иной при рассмотрении жалобы, когда суд второй инстанции проверяет по просьбе лица, в отношении которого принято постановление по делу об административном правонарушении, законность и обоснованность вынесенного решения. [П]осле того как... «обвинение[е]» было «определено» в порядке, лишенном недостатков, рассмотренных выше, а лицо, в отношении которого было вынесено постановление по делу об административном правонарушении, подало жалобу только по вопросам права, роль обвинения могла быть воспринята как менее обязательная, в том числе и в том, что касается принципа беспристрастности» (пункт 81 постановления).

Суд установил, что «законом был определен такой объем производства по жалобе в соответствии с КоАП РФ, который бы предоставил суду второй инстанции возможность заново оценить имеющиеся доказательства, изучить дополнительные доказательства и проверить дело в целом, вне зависимости от того, есть ли такой запрос в жалобе... [С] точки зрения закона, суд второй инстанции имел право действовать таким образом, который мог бы устранить некоторые недостатки, негативно повлиявшие на справедливость производства по делу в суде первой инстанции» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «учитывая широкий установленный законом объем проверки дела по жалобе, требование беспристрастности должно также соблюдаться и в разбирательствах, проводимых в суде второй инстанции... [О]тсутствии стороны обвинения в производстве по жалобе в суде второй инстанции также являлось серьезным недостатком. Таким образом, производство по делу в суде второй инстанции не устранило вопрос о беспристрастности, возникший при рассмотрении дела в суде первой инстанции. Следовательно, было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции в отношении требования беспристрастности» (пункты 83 - 84 постановления).

Условия содержания в местах лишения свободы

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 44694/13 «Колесникович против России» (вынесено 22 марта 2016 г., вступило в силу 12 сентября 2016 г.), которым установлено нарушение статей 3 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением заявителю надлежащей медицинской помощи во время его содержания в следственном изоляторе и отсутствием у заявителя эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не предоставили ему надлежащую медицинскую помощь.

Он также утверждал, что в его распоряжении не было эффективного средства правовой защиты в отношении жалобы на нарушение его прав на защиту от жесткого обращения с ним, как того требует статья 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «до задержания заявитель неоднократно проходил лечение в гражданских больницах... В период содержания под стражей состояние его здоровья ухудшилось» (пункт 72 постановления).

Суд отметил, что «после задержания заявителя властям сразу стало известно о его многочисленных проблемах со здоровьем... Тем не менее, они лишь ограничились установлением отсутствия противопоказания для содержания заявителя под стражей. В течение первых двух лет содержания под стражей медицинский надзор за заявителем не осуществлялся. Власти обратили внимание на его проблемы со здоровьем только после того, как состояние его здоровья ухудшилось до такой степени, что заявитель не мог больше принимать участия в слушаниях» (пункт 73 постановления).

Европейский Суд обратил внимание на довод заявителя о том, что «в ряде случаев власти не выдавали ему назначенных лекарственных препаратов. Принимая во внимание тот факт, что на момент рассматриваемых событий заявитель находился под контролем властей и, следовательно, являлся особенно уязвимым, Суд считает, что бремя доказывания факта выдачи заявителю лекарственных препаратов лежит на властях. В соответствии с российским законодательством, каждая доза назначенных медикаментов должна быть зафиксирована в медицинской карте заключенного... Тем не менее, власти не представили документов о принятии заявителем лекарственных препаратов» (пункт 74 постановления).

Суд подчеркнул, что «[о]бстоятельства дела свидетельствуют о том, что лечение заявителя не было направлено на сокращение частоты рецидивов. Его лечение не являлось предусмотрительным и, следовательно, не являлось эффективным... [В]ласти не создали условий, необходимых для соблюдения назначенного лечения, в частности, не обеспечили выдачу заявителю необходимых лекарственных препаратов под надзором и наблюдением медицинского персонала тюрьмы и соблюдение предписанного режима, что является важным элементом эффективного лечения заболевания» (пункты 76 - 77 постановления).

Суд также отметил, что «[г]оспитализация была необходима для постановки корректного диагноза и назначения надлежащего лечения... [П]отребовалось несколько месяцев для перевода заявителя из следственного изолятора в больницу, расположенную в том же городе» (п. 78 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «неоказание властями необходимой медицинской помощи заявителю в его тяжелом состоянии представляет собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции» (п. 80 постановления).

Относительно исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты и предполагаемого нарушения статьи 13 Конвенции... Суд отметил, что «[з]аявитель жаловался на плохое состояние здоровья и бездействие властей в отношении его проблем со здоровьем в суд в рамках уголовного судопроизводства по его делу; кроме того, он подавал в суд иск против администрации тюрьмы... Это явно представляло собой попытки привлечь внимание властей к состоянию своего здоровья» (пункт 63 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции... [З]аявитель не рассматривал эффективным внутригосударственным средством правовой защиты в отношении своих жалоб на нарушение статьи 13 Конвенции» (пункты 65 - 66 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 52526/07 «Макшаков против России» (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым отклонена жалоба Макшакова Н.В. на якобы имевшие место ненадлежащие условия содержания в лечебном исправительном учреждении.

Вместе с тем, установлено нарушение статьи 3 и статьи 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением заявителю, страдающему туберкулезом, медицинской помощи с учетом состояния его здоровья и отсутствием у него эффективных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

Европейский Суд установил, что «основным вопросом при оценке условий содержания под стражей является... площадь [личного пространства], предоставляемая в заключении... Заявитель утверждал, что содержался в стесненных условиях... где каждому заключенному предоставлялось 3,6 кв. м личного пространства... Власти оспорили доводы заявителя, утверждая, что ему всегда предоставлялось более 4 кв. м личного пространства. Они подкрепили свои доводы справками, выданными администрацией следственных изоляторов, выдержками из журналов о перемещении заключенных, фотографиями и показаниями других заключенных» (пункт 60 постановления).

Оценив представленные сторонами доказательства, Европейский Суд принял документы, представленным властями, и отклонил утверждение заявителя о переполненности камер в период его содержания под стражей.

Суд посчитал, что «нехватки спальных мест в камерах не было и что в распоряжении заявителя имелось как минимум 4 кв. м личного пространства. Нельзя сказать, что общий размер его камер был настолько мал, что ограничивал свободу передвижения заключенных сверх тех пределов, которые допускаются статьей 3 Конвенции... Окна в камерах... пропускали достаточно дневного света в камеру. Оконную форточку... можно было открыть для доступа свежего

воздуха. Камеры были дополнительно оборудованы источниками искусственного света и вентиляцией, функционирующими должным образом... [В] камерах размещался обеденный стол. С одной стороны туалет отделяла высокая перегородка, с другой стороны была установлена дверь, в результате чего получалась кабинка, которая полностью скрывала находившегося внутри нее заключенного. В камерах была холодная проточная вода, и раз в неделю заключенные могли принимать душ. В карцерах, где заявитель находился в одиночном заключении, санузел был отделен занавесками... [З]аявителю ежедневно предоставлялось время для упражнений во дворе в течение часа. Он также мог передвигаться между помещениями медицинского блока во время прохождения стационарного лечения (пункты 61 - 64 постановления).

Несмотря на то, что Европейский Суд признал, что некоторые аспекты условий содержания заявителя под стражей не соответствовали Минимальным стандартным правилам обращения с заключенными, Европейским пенитенциарным правилам и рекомендациям Комитета по предупреждению пыток, он не посчитал, что «условия содержания под стражей заявителя достигли минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы характеризовать обращение с ним как бесчеловечное или унижающее достоинство по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 65 постановления).

Таким образом Суд заключил, что «нарушения статьи 3 Конвенции в связи с условиями содержания заявителя под стражей в больнице СИЗО допущено не было» (пункт 66 постановления).

Тем не менее, Европейский Суд также пришел к выводу, что «заявитель не имел в своем распоряжении эффективных средств правовой защиты в отношении своей жалобы, касающейся условий его содержания под стражей в больнице СИЗО... Соответственно... было допущено нарушение требований статьи 13 Конвенции (пункты 70 - 71 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что власти не приняли никаких мер для защиты его здоровья и благополучия и не оказали ему надлежащей медицинской помощи в нарушение статей 3 и 13 Конвенции.

Европейский Суд установил, что «[заявитель] заболел туберкулезом во время содержания под стражей... [Д]анное обстоятельство... само по себе не подразумевает нарушения статьи 3 Конвенции при условии, что заявитель проходил лечение» (пункт 93 постановления).

Суд отметил, что «у заявителя диагностировали туберкулез в 2006 году... [П]отребовалось более семи лет, чтобы взять его под контроль» (пункт 94 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «осознает субсидиарный характер своих функций и учитывает необходимость проявлять осторожность при принятии на себя роли суда первой инстанции, устанавливающего факты, когда это не представляется неизбежным с учетом обстоятельств конкретного дела» (пункт 95 постановления).

Европейский Суд отклонил доводы властей о том, что «конфликтное поведение заявителя подрывало эффективность его терапии... [З]аявитель прервал свое

лечение в первый раз в июне 2008 года, ... то есть более чем через полтора года начала терапии, которая оказалась неэффективной и не улучшила состояние заявителя. Поэтому он считает, что решение заявителя прервать лечение было не более, чем правомерной попыткой привлечь внимание властей к низкому качеству медицинской помощи. Принимая во внимание, что перерыв длился менее месяца, Европейский Суд не согласен с тем, что перерыв мог существенным образом повлиять на качество лечения заявителя» (пункт 100 постановления).

Европейский Суд заключил, что «власти не представили достаточных доказательств, на основании которых он мог бы прийти к выводу о том, что длительный период болезни заявителя туберкулезом был вызван другими обстоятельствами, а не неправильным подходом к лечению болезни. О неспособности российских властей обеспечить надлежащий медицинский уход заявителю явно свидетельствует и отсутствие лекарственной терапии на начальной стадии лечения и незаконченная лекарственная терапия на последних стадиях. Неспособность властей провести тест на лекарственную чувствительность могла негативно повлиять на реальную вероятность успешности лечения заявителя. В результате заявителю были причинены продолжительные психологические и физические страдания, унижающие его человеческое достоинство. Непредоставление властями необходимой медицинской помощи заявителю составляло бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 101 постановления).

В отношении нарушения статьи 13 Конвенции, Суд отметил, что «[с] учетом серьезных проблем со здоровьем заявителя, а также степени серьезности его утверждений о том, как власти на них реагировали, Европейский Суд по[считал], что он [заявитель] небезосновательно жаловался на ненадлежащее качество медицинской помощи, оказываемой ему во время нахождения под стражей, и что власти были обязаны предоставить ему эффективное средство правовой защиты для разрешения его жалоб. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, а также изложенную выше прецедентную практику, Суд не видит оснований для отступления от своих предыдущих выводов по этому вопросу. Европейский Суд при[шел] к выводу, что предложенные властями средства правовой защиты не являлись эффективным средством правовой защиты, которое могло бы быть использовано для предотвращения предполагаемых нарушений или их продолжения с предоставлением заявителю надлежащего и достаточного возмещения в связи с его жалобами на нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 88 постановления).

Соответственно, Суд отклонил возражения властей о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты и пришел к выводу о том, что было допущено нарушение статьи 13 Конвенции (пункт 89 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобам N 11215/10 и N 55068/12 «Долгов и Силаев против России» (вынесено и вступило в силу 4 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба Долгова В.И. на якобы

имевшее место необеспечение ему надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Вместе с тем, установлено нарушение российскими властями статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением Силаеву С.А. надлежащих условий содержания в исправительной колонии.

Европейский Суд отметил, что «учреждение, в котором содержался первый заявитель, не было переполненным, и в распоряжении первого заявителя имелось не менее трех квадратных метров площади камеры... Количество спальных мест было достаточным для заключенных, и нельзя сказать, что общие размеры камер являлись настолько небольшими, что приводили к ограничению свободы передвижения заключенных ниже границы, допустимой согласно статье 3 [Конвенции]... Туалет был отделен от остального пространства камеры и был оборудован дверью; это обеспечивало некоторую уединенность при его использовании. После удаления металлических ставней с окон доступ к естественному освещению и воздуху также являлся достаточным» (пункт 25 постановления).

Суд не смог прийти к выводу о том, что «условия содержания первого заявителя, хоть далеко не надлежащие, достигли границы жестокости, требуемой для характеристики обращения в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство согласно значению статьи 3 Конвенции. Следовательно, не имело место нарушение этого положения в отношении первого заявителя» (пункт 25 постановления).

Что касается второго заявителя, который находился в течение более чем двенадцати лет в камерах без водопровода и канализации, Суд пришел к выводу, что «отсутствие доступа к надлежащему санитарному оборудованию[ю], особенно в течение такого продолжительного периода времени, и, как следует из обстоятельств дела, без надежды на улучшение условий в ближайшем будущем, самого по себе достаточно для обнаружения нарушения статьи 3 [Конвенции]... Такие условия унижали человеческое достоинство заявителя и приводили к возникновению у него чувства отчаяния и неполноценности, способных унижить его... Следовательно, в отношении второго заявителя имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 26 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 78774/13 «Топехин против России» (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу 17 октября 2016 г.), которым отклонена жалоба Топехина В.А. на якобы имевшее место необеспечение ему надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

Отклонена также жалоба заявителя на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением Топехину В.А. надлежащих условий содержания в следственных изоляторах и транспортировки заявителя до исправительной колонии, пункта 4 статьи 5 Конвенции - в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб

заявителя на постановления о заключении его под стражу.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то, что ему не было предоставлено надлежащего лечения в заключении и что условия содержания его под стражей и перевозки в исправительную колонию унижали его достоинство.

Европейский Суд отметил, что он был вынужден провести непосредственную оценку значительного количества медицинских документов в целях определения, были ли соблюдены гарантии статьи 3 Конвенции в настоящем деле (пункт 72 постановления).

Суд подчеркнул, что «Власти предоставили исчерпывающие медицинские документы, включая медицинскую карту заявителя, составленную в заключении, эпикриз, результаты анализов и медицинские заключения. Документы относятся ко всему периоду содержания под стражей. Заявитель не оспаривал подлинность или качество этих документов» (пункт 73 постановления).

Европейский Суд установил, что «как только органы власти узнали о проблемах со здоровьем у заявителя, они назначили ему схему лечения... Через несколько дней он поступил в тюремную медсанчасть, где прошел необходимые исследования для установления точного и правильного диагноза. Его осматривали разные врачи... [и] ему было предписано комплексное лечение... За этим последовали дальнейшие комплексные освидетельствования... Они были назначены и проведены вовремя и надлежащим образом... Схема приема лекарств заявителем была дополнена по необходимости, и стратегия его лечения вышла далеко за рамки действий, направленных только на обезболивание. Она была направлена на полное восстановление утраченной функции нижних конечностей. Никакие сведения, находящиеся в распоряжении Суда, не доказывали, что предписанное лечение проводилось ненадлежащим образом или прерывалось. Органы власти в местах содержания под стражей продолжили лечение, предоставляя назначенные лекарства и инъекции независимо от места содержания заявителя под стражей, будь то в больнице или в стандартном учреждении содержания под стражей... Они также назначили ему физиотерапию, обеспечивая ему, таким образом, доступ к ключевому компоненту процесса реабилитации» (пункт 75 постановления).

В этих обстоятельствах Европейский Суд не нашел доказательств в поддержку утверждения заявителя о том, что ухудшение его здоровья было обусловлено недостаточным или некачественным лечением и, таким образом, пришел к выводу, что «национальные органы власти обеспечили заявителю необходимое медицинское обслуживание во время содержания под стражей... [В] этой связи не было допущено нарушения статьи 3 Конвенции» (пункты 76 - 77 постановления).

Относительно условий содержания заявителя Суд отметил, что «стороны предоставили противоречивое описание условий содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах... Власти утверждали, что ему оказывалась помощь работниками патронажной службы и заключенными, тогда как он утверждал, что такую помощь ему оказывали только сокамерники,

поскольку в учреждениях не было персонала, оказывавшего ему помощь в повседневной жизни» (пункт 82 постановления).

Европейский Суд установил, что в настоящем деле «Власти... не предоставили никаких доказательств, например, журнала регистрации персонала или справок с места работы, показаний лечащих врачей, медицинского персонала, который предположительно оказывал ему помощь, или, по крайней мере, сокамерников заявителя, подтверждающих, что учреждения содержания под стражей, в которых он находился, имели достаточное количество работников патронажной службы и что персонал обеспечивал ему необходимую помощь в повседневных нуждах. Заявитель, с другой стороны, не только предоставил подробное и логичное описание обстоятельств, но и передал Суду показания своих сокамерников, подтверждающих его заявления... В этих обстоятельствах Суд заключил, что заявитель был оставлен без поддержки со стороны обученного персонала и был вынужден полностью полагаться на помощь своих сокамерников» (пункт 84 постановления).

Суд также отметил, что «неизбежная зависимость заявителя от его сокамерников и необходимость просить о помощи при проведении процедур интимной гигиены поставили его в крайне дискомфортное положение и негативно повлияли на его эмоциональное состояние, затрудняя его общение с сокамерниками, которые могли быть недовольны обременительными обязанностями, которые они невольно были вынуждены исполнять» (пункт 86 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «условия содержания заявителя под стражей ухудшались в связи с непредоставлением ему, как это следует из документов, представленных сторонами, больничной кровати или какого-либо другого оборудования, например, специального распределяющего давление матраса, который мог обеспечить ему, по крайней мере, минимальный уровень комфорта в течение более года содержания под стражей» (пункт 87 постановления).

Таким образом, Суд постановил, что «условия содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах могли расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение... В данном отношении имело место нарушение статьи 3 Конвенции» (пункт 88 постановления).

В отношении условий перевозки Суд отметил, что «заявителя перевозили в исправительную колонию в стандартных железнодорожных вагонах и [в] тюремных фургонах без специального оборудования, установленного с целью обеспечить удовлетворение потребностей лежащего больного с тяжелым заболеванием позвоночника и проблемами с мочевым пузырем. Первая часть поездки заняла девять часов, в течение которых он был прикован к полке железнодорожного вагона. Поездка, которая не доставила бы серьезных проблем здоровому заключенному, имела очевидно негативные последствия для заявителя» (пункт 91 постановления).

Суд также установил, что «в ходе следующей части поездки... [В]ласти не приняли корректирующих мер с целью удовлетворить потребности заявителя в ходе

перевозки, с равнодушием отнесясь к его жалобам на острую боль, когда он лежал на жестком полу тюремного фургона или когда его переносили на одеяле, используемом в качестве носилок. Тот факт, что он лежал прямо на полу тюремного фургона, подвергал его вибрациям от дороги в ходе поездки, и в результате он испытывал дополнительную боль» (пункт 92 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «суммарное воздействие физических условий перевозки заявителя и продолжительности поездки было достаточно серьезным, чтобы расцениваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение в значении статьи 3 Конвенции... Таким образом, имело место нарушение требований статьи 3 Конвенции в связи с условиями перевозки заявителя в исправительную колонию» (пункты 94 - 95 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, на нарушение его права на рассмотрение дела в разумный срок и утверждал, что постановления о заключении его под стражу не имели достаточных оснований.

Европейский Суд установил, что «[з]аявитель был арестован 16 июля 2013 г., приговор ему был вынесен 13 января 2014 г. Таким образом, рассматриваемый период составляет чуть менее шести месяцев» (пункт 102 постановления).

Суд подчеркнул, что «[т]яжесть обвинений является одним из факторов оценки потенциальной возможности заявителя избежать правосудия, совершить правонарушение повторно, либо воспрепятствовать правосудию... [Н]есмотря [на] тот факт, что строгость приговора является важным элементом оценки риска того, что обвиняемый скроется от правосудия или повторно совершит преступление, необходимость продления срока лишения свободы не может оцениваться исключительно с абстрактной точки зрения, принимая во внимание только тяжесть преступления. Также продление заключения не должно превосходить обвинительный приговор» (пункт 104 постановления).

Суд отметил, что «при продлении срока содержания заявителя под стражей российские суды придавали особое значение угрозе его побега. Оценка этой угрозы была основана на его предыдущем поведении, а именно, на его попытке скрыться и его побеге с января по июль 2013 года; отсутствии у него работы и, таким образом, отсутствии его привязки к месту проживания в г. Москве, а также обнаружении полицией фальшивого паспорта» (пункт 105 постановления).

Европейский Суд согласился с обоснованностью опасений российских судов, что заявитель был способен скрыться. Он установил, что «[п]редоставленные ими доказательства убедительно продемонстрировали, что такая угроза существовала. Заявитель ранее пытался скрыться... и снова продемонстрировал органам власти свое намерение сбежать, когда они обнаружили фальшивый паспорт... Отсутствие у него работы не могло само по себе требовать его содержания под стражей, но могло укрепить выводы российских судов о том, что с его стороны имела угроза побега» (пункт 106 постановления).

Суд также подчеркнул, что «при решении вопроса о необходимости продления содержания заявителя под стражей российские суды принимали во внимание его состояние после заслушивания лечащих врачей или исследования других медицинских документов... [С]остояние здоровья заявителя существенно изменилось в октябре 2013 года, когда он утратил способность передвигаться без помощи. В ноябре 2013 года, по-видимому, у него полностью отнялись ноги... [Э]ти обстоятельства снизили риск его побега, [однако] угроза не была полностью устранена, с учетом его изобретательности в случае, когда речь идет о его финансовом положении, а также его способности организовать побег, в том числе с помощью подделки документов... [Р]оссийские суды всесторонне оценили и взвесили риск, о котором идет речь» (пункт 107 постановления).

Европейский Суд заключил, что «заявитель находился в предварительном заключении менее шести месяцев. Внутригосударственные суды провели оценку добросовестности следственных органов и пришли к заключению, что продолжительность расследования была обоснована сложным характером дела... [В] предоставленных материалах дела отсутствуют сведения, демонстрирующие какой-либо существенный период бездеятельности со стороны обвинения или суда... В таких обстоятельствах нельзя сказать, что компетентные внутригосударственные органы не продемонстрировали особой тщательности при проведении расследования по делу заявителя... Соответственно, нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции допущено не было» (пункты 109 - 110 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5, на то, что его жалобы на постановления о заключении под стражу рассматривались с задержками.

Европейский Суд пришел к выводу, что «жалобы заявителя в отношении постановлений о заключении под стражу от 16 июля и от 13 сентября 2013 г. были рассмотрены внутригосударственными судами в течение тридцати четырех и шестидесяти дней соответственно... В этих обстоятельствах... имело место нарушение данного положения» (пункт 115 постановления).

См. также нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе N 17564/06 «Садретдинов против России» (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в связи с необеспечением Садретдинову Ф.Х. надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе.

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения положений статьи 3 Конвенции в связи с необеспечением заявителям надлежащих условий содержания в местах лишения свободы. Постановление по жалобе N 42526/07 «Г. против России» (вынесено 21 июня 2016 г., вступило в силу 21 сентября 2016 г.), N 28682/07, 24101/08, 7288/09, 18211/09, 32285/09, 42339/09, 73440/10, 58920/11, 68901/11, 37207/12, 37214/12, 59283/12, 62167/12, 74207/12, 46366/13, 56680/13 «Бадретдинов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), N 28625/13, 49945/13,

67302/13, 43672/14 «Шамраев и другие против России» (вынесено и вступило в силу 30 июня 2016 г.), N 24056/13, 29927/13 и 61878/13 «Руденков и другие против России» (вынесено и вступило в силу 22 сентября 2016 г.), N 10727/07 «Лавейкин против России» (вынесено и вступило в силу 10 января 2017 г.), N 18046/12, 11771/14, 2507/14, 2788/14, 3069/14, 3361/14, 5779/14, 42337/14, 51543/14, 51955/14 «Устинов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.).

В сфере гражданско-правовых отношений

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобе N 63508/11 «Поняева и другие против России» (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.), которым установлено нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция), выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей - добросовестных приобретателей на квартиры (со ссылкой на незаконную приватизацию соответствующих жилых помещений предыдущими собственниками), истребования квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Заявители ссылались на то, что они были лишены права собственности на имущество в нарушение требований статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

Рассматривая вопрос приемлемости жалобы, Европейский Суд напомнил, что «понятие «имущество», закрепленное в первом абзаце статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, имеет автономное значение, которое не ограничивается владением материальными благами и не зависит от формальной классификации данного полномочия в национальном законодательстве. Наряду с материальными благами, в качестве «имущественных прав» и, соответственно, «имущества» для целей настоящего положения могут рассматриваться и некоторые иные права и интересы. В каждом случае представляется необходимым рассмотреть вопрос о том, имеется ли у заявителя, с учетом всей совокупности обстоятельств конкретного дела, значительный интерес, находящийся под защитой статьи 1 Протокола N 1» (пункт 34 постановления).

Суд установил, что «в то время, когда первая заявительница была законным владельцем и обладала правом собственности в отношении квартиры, которая составляла ее «имущество» в значении статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, вторая и третья заявительницы не являлись собственниками квартиры и жили там только на основании родственных связей с первой заявительницей, т.е. в качестве ее дочерей» (пункт 35 постановления).

Европейский Суд отметил, что он «не исключает того, что лицо, наделенное правом использования

жилого помещения и не являющееся его собственником, может обладать определенным имущественным правом или интересом в отношении указанного помещения, признаваемым в национальном законодательстве, и такой интерес будет рассматриваться в качестве «имущества», находяще[го]ся под защитой статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции. Однако, по общему правилу, право проживания в конкретном помещении, не находящимся в собственности заявителя, не относится к «имуществу» по смыслу указанного положения» (пункт 36 постановления).

Суд заключил, что «что в своих замечаниях заявители не представили ссылки на какие-либо положения национального законодательства или фактические обстоятельства дела, на основании которых Суд мог бы прийти к выводу о том, что предоставленное второй и третьей заявительницам право проживания в квартире свидетельствует [о] наличии у них «имущества» по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции... Таким образом,... заявители не могут утверждать, что положения указанной статьи применимы в отношении них. Из этого следует, что поданная второй и третьей заявительницами жалоба несовместима rationemateriae<9> с положениями Конвенции по смыслу пункта 3 статьи 35 Конвенции и должна быть отклонена в соответствии с пунктом 4 статьи 35 Конвенции» (пункт 37 постановления).

<9> «Ввиду обстоятельств, связанных с гарантируемыми в договоре правами и свободами», предметный критерий.

Изучая вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, Суд отметил, что «никаких дополнительных мер, предусмотренных российским законодательством, направленных против такого решения, которые теоретически могли бы привести к восстановлению права собственности заявителя, предпринято не было... [В]озможность подачи иска о возмещении убытков при данных обстоятельствах не лишила бы заявителя статуса жертвы для целей жалобы по статье 1 Протокола N 1 к Конвенции. Эта возможность также не могла рассматриваться как необходимая для соблюдения правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты по смыслу пункта 1 статьи 35 Конвенции... [Л]юбое возмещение убытков, которое первая заявительница могла бы получить от продавцов квартир, могло быть принято во внимание только для целей оценки пропорциональности вмешательства и морального ущерба, если нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции было бы выявлено судом, и если справедливая компенсация была бы присуждена согласно статье 41 Конвенции» (пункт 40 постановления).

Рассматривая жалобу по существу, Европейский Суд отметил, что «сложность рассматриваемых фактических и правовых вопросов в рассматриваемом деле не позволяет отнести его в одну из категорий, указанных во втором предложении первого пункта или во втором пункте статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции... Таким образом [необходимо рассматривать] ситуацию в свете общего правила, установленного

первым пунктом статьи 1 Протокола N 1» (пункт 47 постановления).

Суд также установил, что «[в] отношении законности лишения права собственности первой заявительницы на квартиру и принимая во внимание ее доводы о том, что национальные суды не смогли установить предварительное условие, позволившее городу Москве восстановить право собственности на квартиру, Суд не может исключать возможность, что в настоящем деле могло иметь место существенное нарушение национального законодательства» (пункт 50 постановления).

Европейский Суд подчеркнул, что «право первой заявительницы было аннулировано, так как сделка, в результате которой квартира была приватизирована третьими лицами, являлась мошеннической... [О]пределение условий и процедур, на основании которых происходит отчуждение государственных активов в пользу частных лиц, по мнению государства имеющих на это право, и контроль соблюдения этих условий относится к исключительной компетенции государства. К исключительной компетенции государства также относится легализация передачи права собственности на квартиру посредством процедуры регистрации, специально разработанной для обеспечения дополнительной безопасности приобретателя права. При наличии такого большого количества управляющих органов, предоставивших разрешение на передачу права собственности на квартиру, в обязанности первой заявительницы или третьих лиц не входила оценка риска лишения права собственности в связи с недостатками, которые должны были быть исключены посредством процедур, специально для этого разработанных. Заблуждение властей не может оправдать последующее наказание первой заявительницы» (пункт 53 постановления).

Суд отметил, что «первая заявительница была лишена права на квартиру без материальной компенсации, и что государство не предложило ей жилья взамен. В отношении довода Властей, что убытки заявительницы могли бы быть возмещены, если бы она подала иск к продавцам квартиры о возмещении убытков, Суд признает, что данная возможность ей доступна. Вместе с тем, в конкретных обстоятельствах данного дела ясно, что возмещение убытков нельзя перенести на более поздний срок, что касается лица, допустившего мошенничество, так как уголовное расследование длится с 2006 года, а лицо, причастное к совершению преступления, не установлено. С учетом того, что рассматриваемые события произошли в 2004 году, шансов установить лицо, причастное к совершению преступления, на данном этапе практически нет. Довод Властей может толковаться только в качестве предположения того, что заявительница переложит свое чрезмерное индивидуальное бремя на других добросовестных приобретателей квартиры, и Суду сложно понять, как это поможет улучшить баланс между общественным интересом и необходимостью защищать права физических лиц» (пункт 55 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «государственные власти не обеспечили надлежащую экс-

пертную оценку в отношении законности операций с недвижимым имуществом и проверить наличие противоречащих интересов в отношении недвижимого имущества. Вместе с тем, первая заявительница не должна нести риска пересмотра права собственности на квартиру в результате бездействия органов государственной власти при проведении процедур, направленных на предотвращение мошеннических действий при регистрации сделок с объектами недвижимого имущества... [О]шибки или упущения со стороны органов государственной власти должны толковаться в пользу потерпевших лиц. Другими словами, ответственность за последствия ошибки государственного органа должно нести государство, и эти упущения нельзя исправлять за счет лиц, чьи интересы они затрагивают... [Л]ишение первой заявительницы права собственности на квартиру и передача права собственности на квартиру городу Москве являлись для заявительницы непропорциональным и чрезмерным бременем... Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции (пункты 56 - 57 постановления).

См. также поступившие в Верховный Суд Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека, содержащие констатацию нарушения статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, выразившееся в непропорциональном вмешательстве в имущественные права заявителей ввиду вынесения судами решений об аннулировании регистрации права собственности заявителей - добросовестных приобретателей на квартиры, истребовании квартир из их владения, признании права собственности публично-правовых образований на спорное недвижимое имущество и выселении из него заявителей.

Постановление по жалобе N 49529/10 «Николаевы против России» (вынесено и вступило в силу 6 июня 2017 г.); N 31788/06 «Аленцева против России» (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 75737/13 «Андрей Медведев против России» (вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 13 декабря 2016 г.); N 59391/12 «Анна Попова против России» (вынесено 4 октября 2016 г., вступило в силу 4 января 2017 г.); N 50775/13 «Кириллова против России» (вынесено 13 сентября 2016 г., вступило в силу 30 января 2017 г.); N 7359/14, 69173/14 «Лунина и Мухамедова против России» (вынесено и вступило в силу 13 июня 2017 г.); N 47724/07, 58677/11, 2920/13, 3127/13 и 15320/13 «Пчелинцева и другие против России» (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 63508/11 «Ноняева и другие против России» (вынесено 17 ноября 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 20578/08, 21159/08, 22903/08, 24519/08, 24728/08, 25084/08, 25558/08, 25559/08, 27555/08, 27568/08, 28031/08, 30511/08, 31038/08, 45120/08, 45124/08, 45131/08, 45133/08, 45141/08, 45167/08 и 45173/08 «Томина и другие против России» (вынесено 1 декабря 2016 г., вступило в силу 24 апреля 2017 г.); N 18561/10 «Клименко против России» (вынесено и вступило в силу 2 мая 2017 г.); N 59291/13, 14636/14 и 14582/15 «Зимонин против России» (вынесено и вступило в силу 16 мая 2017 г.).

В сфере социально-трудовых отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по ликвидации расовой дискриминации

Сообщение: Лоран ГабрГабарум против Франции. Мнение N 52/2012. Мнение принято Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (далее - Комитет) 10 мая 2016 г.

Тема сообщения: дискриминация в сфере доступа к занятости, право на равенство перед судами и другими органами, отправляющими правосудие, эффективная защита и эффективные средства правовой защиты от акта расовой дискриминации, перенос бремени доказывания.

Вопрос существа: дискриминация по признаку национальной или этнической принадлежности, перенос бремени доказывания.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: <10> Комитет принимает к сведению позицию автора, согласно которой работодатель должен был доказать, что он не опирался на какой-то незаконный критерий для оправдания иного обращения с автором по сравнению с его коллегами. Комитет в этой связи напоминает, что от предполагаемых жертв расовой дискриминации не требуется доказывать дискриминационные намерения в их отношении <11>. В данном случае Комитет отмечает указание апелляционного суда на то, что именно автор должен был доказывать факт недоброжелательного отношения к нему любыми средствами, в том числе путем необходимого сравнения его профессионального положения с положением других. Комитет принимает также к сведению жалобу автора, согласно которой в ходе процесса во внутренних судах, в том числе в апелляционном суде, он представил элементы доказательства, свидетельствующие о применении к нему дискриминационной практики, и что, соответственно, он выполнил свое обязательство представить информацию, необходимую для переноса бремени доказывания. Комитет считает, что тот факт, что суды, в частности апелляционный суд, настоятельно требовали от автора доказать факт наличия дискриминационного намерения, противоречит предусмотренному в Конвенции запрету на любое поведение, имеющее дискриминационные последствия, а также процедуре переноса бремени доказывания, предусмотренной статьей L-1134-1 (прежняя статья L122-45) Трудового кодекса. Поскольку государство-участник само приняло эту процедуру, тот факт, что оно неправильно применяет ее, является нарушением права автора на эффективное средство правовой защиты. Следовательно, Комитет делает вывод, что права автора, предусмотренные в статьях 2 и 6 Конвенции, были нарушены <12> (пункт 7.2 Мнения).

<10> Автор утверждает, что государство-участник нарушило статью 2 Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 года, поскольку, по его мнению, Франция не приняла эффективных мер по криминализации всех форм расистского и ксенофобного поведения и по борьбе с наблюдаемой в обществе «Рено» тенденцией

к стигматизации и стереотипизации французов африканского происхождения на основании их цвета кожи или их национального или этно-расового происхождения в нарушение принципов Конвенции.

<11> См. Мнение Комитета относительно сообщения N 56/2014, В.С. против Словацкой Республики, 4 декабря 2015 г., пункт 7.4.

<12> См. сообщения В.С. против Словацкой Республики, пункт 7.4, и Ер против Дании, пункт 7.4.

Выводы Комитета: факты... свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 2 и 6 Конвенции (пункт 8 Мнения).

В сфере гражданско-процессуальных правоотношений

Практика Европейского Суда по правам человека

См. нижеприводимое постановление Европейского Суда по жалобе N 32013/07 «Попов против России» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено, в том числе, нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишеного свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

В сфере уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений

Практика договорных органов ООН

Комитет по правам человека

Сообщение: С.Ш. против Казахстана. Сообщение N 2842/2016. Решение принято Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 28 марта 2017 г.

Тема сообщения: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей, дискриминация, неприкосновенность частной жизни, голосование и выборы.

Вопрос существа: справедливое судебное разбирательство, пытки, незаконное содержание под стражей.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает, что большинство событий, описываемых автором, имели место до 30 сентября 2009 г., т.е. до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника. Комитет отмечает, что по критерию *ratione temporis* <13> он не может рассматривать предполагаемые нарушения [Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - Пакт)], имевшие место до того, как Факультативный протокол вступил в силу для государства-участника, за исключением случаев, когда такие нарушения продолжают допускаться после вступления в силу или когда последствия нарушений также пред-

ставляют собой нарушение Пакта <14> или являются продолжением нарушения, допущенного ранее <15>. В этой связи Комитет отмечает относительно части жалобы автора на незаконное досудебное содержание под стражей сына автора И., что соответствующее разбирательство в национальных судах было завершено до 30 сентября 2009 г. Следовательно, Комитет признает эту часть сообщения неприемлемой *ratione temporis* (пункт 4.3 Решения).

<13> «Ввиду обстоятельств, связанных с временем», критерий времени.

<14> См., в частности, сообщения N 1367/2005, Андерсен против Австралии, решение о неприемлемости, принятое 31 октября 2006 г., пункт 7.3; N 1633/2007, Аваданов против Азербайджана, Соображения, принятые 25 октября 2010 г., пункт 6.2; N 2027/2011, Кушербаев против Казахстана, Решение, принятое 25 марта 2013 г., пункт 8.2.

<15> См. сообщение N 2027/2011, Кушербаев против Казахстана, Решение, принятое 25 марта 2013 г., пункт 8.2.

Комитет отмечает..., что автор не исчерпал внутренние средства правовой защиты в том, что касается незаконного обыска его жилья, поскольку он не подал апелляционную жалобу на соответствующее решение в установленные национальным законодательством сроки и не представил объяснений в этой связи <16>... Комитет отмечает, что соответствующих жалоб в государственные органы страны или в суды не подавал и сын автора Е. Комитет отмечает..., что И. не исчерпал имеющиеся внутренние средства правовой защиты в отношении условий содержания под стражей и права голоса. Следовательно, Комитет признает сообщение в этой части неприемлемым на основании пункта 2 b) статьи 5 Факультативного протокола в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты (пункт 4.4 Решения).

<16> См. сообщение N 2135/2012, Ю.З. против Беларуси, Решение, принятое 3 ноября 2016 г., пункт 7.4.

Что касается утверждений автора о пытках И. в период его задержания 12 февраля 2009 г. в отделе полиции, то Комитет отмечает, что эти утверждения были расследованы управлением собственной безопасности и рассмотрены судом, в котором проходило разбирательство. Он отмечает также, что автор никак не прокомментировал итоги расследования или выводы суда. Относительно утверждений автора о неправомерном обращении полиции с И. 10 февраля 2016 г. Комитет отмечает, что автор не предоставил информации, свидетельствующей о том, что государственные органы не провели соответствующего расследования, или информации об итогах проведенного расследования. Соответственно Комитет делает вывод о том, что ему не представлено достаточно материалов в обоснование этих утверждений, и считает сообщение в данной части неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола в связи с необоснованностью утверждений (пункт 4.5 Решения).

Комитет отмечает утверждения автора о процессуальных нарушениях в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства, а также его

утверждения, касающиеся уменьшения срока лишения свободы И. и его досрочного освобождения. Он напоминает, что, как правило, оценка фактов и доказательств по конкретному делу и толкование внутреннего права относятся к компетенции судов государств-участников, если только не может быть установлено, что такая оценка носила явно произвольный характер или была равнозначна отказу в правосудии, либо что суд не исполнил своей обязанности действовать независимо и беспристрастно <17>. В отношении настоящего дела Комитет отмечает, что представленные на его рассмотрение материалы не позволяют сделать вывод о том, что оценка судами доказательств носила явно произвольный характер или равнозначна отказу в правосудии. Соответственно Комитет считает сообщение в этой части недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 4.6 Решения).

<17> См., в частности, сообщения N 1188/2003, Ридл-Риденштайн и др. против Германии, Решение о неприемлемости, принятое 2 ноября 2004 г., пункт 7.3; и N 1138/2002, Аренц и др. против Германии, Решение о неприемлемости, принятое 24 марта 2004 г., пункт 8.6.

Комитет отмечает утверждение автора о том, что И. не присутствовал на заседании суда 26 октября 2009 г. по апелляционной жалобе. Вместе с тем Комитет отмечает, что И. был представлен автором сообщения. Поскольку автор никак не пояснил, каким образом его участие в качестве законного представителя сына лишило И. права на справедливое судебное разбирательство, и с учетом особого характера апелляционного процесса, Комитет считает утверждение автора о том, что отсутствие И. в ходе слушания по его апелляционной жалобе означает, что судебное разбирательство было несправедливым, недостаточно обоснованным и неприемлемым на основании статьи 2 Факультативного протокола (пункт 4.7 Решения).

Выводы Комитета: признать сообщение неприемлемым по статьям 2 и 5 (2) b) Факультативного протокола (пункт 5 Решения).

Сообщение: Дмитрий Тянь против Казахстана. Сообщение N 2125/2011. Соображения приняты Комитетом по правам человека (далее - Комитет) 16 марта 2017 г.

Тема сообщения: право не подвергаться пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению; произвольный арест и задержание; условия содержания под стражей; справедливое судебное разбирательство.

Вопрос существа: пытки; оперативное и беспристрастное расследование; произвольный арест и задержание; справедливое судебное разбирательство; правовая помощь; право на судебное рассмотрение дела в своем присутствии.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет принимает к сведению, что утверждения о пытках, выдвинутые автором, относятся к событиям, имевшим место 22 октября 2008 г. и с 25 по 27 октября 2008 г., когда он допрашивался полицейскими сотрудниками соответственно в качестве свидетеля и подо-

зреваемого. Комитет отмечает претензию автора на то, что, поскольку с утра 23 октября 2008 г. он находился под полицейским надзором, он не мог увидеться с медицинским экспертом на предмет обследования после перенесенных им избиений. Комитет также отмечает, исходя из материалов, имеющихся у него в наличии, что 24 и 30 октября 2008 г. автор был обследован медицинскими экспертами, которые не нашли у него на теле никаких следов и не получили от автора никаких жалоб. Автор не оспаривает независимость медицинских экспертов. Комитет также отмечает утверждения автора о том, что расследование его жалоб на пытки со стороны полицейских сотрудников 22 октября 2008 г. не было эффективным. В этом отношении Комитет отмечает, что 9 февраля 2009 г. прокуратура Астаны отменила решение Управления внутренних дел от 29 декабря 2008 г. не возбуждать уголовное расследование против полицейских сотрудников, которые предположительно пытали автора. Комитет отмечает, что резоны, указанные прокуратурой, включают неспособность следователей идентифицировать и допросить ряд возможных свидетелей, упомянутых автором. 16 марта 2009 г. после дополнительного расследования Управление внутренних дел отказало в возбуждении уголовного расследования. Комитет отмечает, однако, что решение Управления внутренних дел от 16 марта 2009 г. идентично его решению от 29 декабря 2008 г. и не содержало информации о любых принятых дополнительных следственных мерах. Комитет отмечает доводы отечественных ведомств о том, что утверждения автора о пытках и результаты расследования были рассмотрены судом первой инстанции. Государство-участник, однако, не представило никаких документов в подкрепление своих доводов. Исходя из имеющейся у него информации, Комитет отмечает, что суд первой инстанции не только не рассмотрел утверждения автора о пытках, но и мешал автору говорить о них перед лицом присяжных. В свете вышеизложенного Комитет констатирует, что в силу отсутствия эффективного расследования его утверждений о пытках имело место нарушение прав автора по пункту 3 статьи 2 в сочетании со статьей 7 Пакта (пункт 9.2 Соображений).

Комитет отмечает претензию автора на то, что ему было отказано в праве на участие в слушаниях апелляционного суда 10 ноября 2009 г. В этом отношении Комитет отмечает, что автор ходатайствовал о личном присутствии в суде, а суд, отклоняя его письменный запрос, следовал отечественному закону <18>. Комитет... отмечает, что на апелляционных слушаниях автор был представлен четырьмя адвокатами и по крайней мере двое из этих адвокатов представляли его на всем протяжении уголовного разбирательства против него. Комитет находит... что к настоящему делу применим пункт 3 d) статьи 14, поскольку суд в апелляционном производстве рассматривает дело и с точки зрения факта и с точки зрения права и производит новую оценку по проблеме виновности или невиновности. Комитет напоминает, что пункт 3 d) статьи 14 Пакта требует, чтобы обвиняемые имели право присутствовать в ходе суда над ними, и разбирательства в отсутствие обвиняемых позволительны, только если это отвечает интересам надлежащего отправления

правосудия или когда обвиняемые, будучи достаточно заблаговременно уведомлены о разбирательстве, отказываются осуществлять свое право на присутствие <19>. Соответственно, в отсутствие адекватного разъяснения со стороны государства-участника Комитет считает, что имеющиеся у него факты вскрывают нарушение пункта 3 d) статьи 14 Пакта. Ввиду этого заключения Комитет постановляет не рассматривать претензии автора по пункту 5 статьи 14 Пакта (пункт 9.3 Соображений).

<18> Согласно пункту 2 статьи 408 Уголовно-процессуального кодекса, присутствие осужденного на слушаниях в суде второй инстанции возможно, только если прокурор требует для этого лица более тяжкого наказания.

<19> См. Замечание общего порядка N 32 (2007) Комитета о праве на равенство перед судами и трибуналами и на справедливое судебное разбирательство, пункт 36.

Комитет далее отмечает претензию автора на то, что суд первой инстанции принял в качестве доказательств его вынужденные признания. Он... отмечает заявление государства-участника о том, что доказательства, рассмотренные судом, были получены законным образом и приняты судом как допустимые. В этом отношении Комитет отмечает, что, как указывает информация в материалах дела, суд первой инстанции не рассматривал то, как полицейскими сотрудниками были получены четыре признания. Ничто в материалах дела не указывает на то, что суд учел, что, когда автор писал признания, он находился под полицейским контролем в центре содержания под стражей и что, поговорив со своими адвокатами, он отрекся от признаний. В этом свете Комитет заключает, что были нарушены права автора по пункту 1 и по пункту 3 g) статьи 14 Пакта (пункт 9.4 Соображений).

Выводы Комитета: информация... вскрывает нарушение государством-участником прав автора по пункту 3 статьи 2, рассматриваемой в сочетании со статьей 7 Пакта, и по пункту 1 и пунктам 3 d) и g) статьи 14 Пакта (пункт 10 Соображений).

Комитет против пыток <20>

<20> Комитет против пыток действует на основании Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. Российская Федерация является участником указанного международного договора и в качестве государства - продолжателя Союза ССР признает компетенцию Комитета получать и рассматривать сообщения лиц, находящихся под его юрисдикцией, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции.

Сообщение: ЭннамаАсфари против Марокко. Решение N 606/2014. Решение принято Комитетом против пыток (далее - Комитет) 15 ноября 2016 г.

Тема сообщения: пытки во время содержания под стражей.

Вопрос существа: жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказа-

ния; обязательство государства-участника проводить беспристрастное расследование; запрет использования в качестве доказательства показаний, полученных под пытками; защита от всех форм запугивания за сообщение об актах пыток.

Правовые позиции Комитета: любое лицо, лишенное свободы, должно иметь возможность пользоваться оперативной и независимой юридической и медицинской помощью и должно быть в состоянии связаться со своей семьей в целях предупреждения пыток <21> (пункт 13.2 Решения).

<21> Замечание общего порядка N 2 (2007) об имплементации статьи 2 государствами-участниками.

[В] статье 13 [Конвенции] предусмотрено также, что каждое государство-участник должно принимать меры по обеспечению защиты истца и свидетелей от любых форм плохого обращения или запугивания в связи с его жалобой или любыми свидетельскими показаниями (пункт 13.6 Решения).

[В]озмещение должно непременно охватывать весь нанесенный ущерб и включать реституцию, компенсацию, а также меры, призванные гарантировать невозможность повторения нарушений, при обязательном учете обстоятельств каждого дела <22> (пункт 13.5 Решения).

<22> См. Бендиб против Алжира, пункт 6.7.

Конвенции обусловлена абсолютным запретом пыток и поэтому предполагает обязательство каждого государства-участника проверять, не были ли заявления, используемые в рамках находящегося в его компетенции разбирательства, получены с применением пыток <23> (пункт 13.8 Решения).

<23> См. сообщения N 419/2010, Ктити против Марокко, Решение, принятое 26 мая 2011 г., пункт 8.8; и N 193/2001, П.Е. против Франции, Решение, принятое 21 ноября 2002 г., пункт 6.3.

Оценка Комитетом фактических обстоятельств дела: Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что физическое насилие, которому он подвергся во время ареста, допроса в полицейском участке, а затем в жандармерии в Эль-Аюне, а также обращение с ним во время его перевозки самолетом в целях получения от него признаний представляют собой акты пытки по причине их тяжести. Комитет отмечает, что в ходе слушаний его дела 12 ноября 2010 г., 12 января 2011 г. и 12 августа 2011 г. заявитель жаловался на обращение, которому он подвергся, однако следственный судья не принял во внимание его утверждения и травмы и не запросил проведения медицинского освидетельствования. Комитет также принимает к сведению утверждения заявителя о том, что такое насилие, ставшее причиной его мучительных страданий на протяжении нескольких месяцев, представляет собой нарушение статьи 1 Конвенции. Комитет отмечает..., что согласно замечаниям государства-участника в ходе упомянутых слушаний ни заявитель,

ни его адвокат не пожаловались на применение пыток. Принимая во внимание тот факт, что, по словам заявителя, он не получил доступа ни к одной из этих гарантий, и при отсутствии убедительной информации со стороны государства-участника, ставящей под сомнение эти утверждения, Комитет считает, что, согласно представленным данным, физическое насилие и травмы, которым подвергся заявитель во время его ареста, допроса и содержания под стражей, представляют собой пытку по смыслу статьи 1 Конвенции (пункт 13.2 Решения).

Комитету предстоит также определить, является ли тот факт, что судебные власти не начали расследования по представленным им заявителем утверждениям о пытках, нарушением государством-участником его обязательств по статье 12 Конвенции. Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что он 12 ноября 2010 г., имея на лице видимые признаки пытки, следы побоев и кровь, предстал перед военным следственным судьей, который не зафиксировал эти факты в протоколе; впоследствии заявитель недвусмысленно сообщал о пытках, которым он подвергся, следственному судье 12 января и 12 августа 2011 г.; те же утверждения прозвучали в военном трибунале в присутствии Прокурора; и ни разу Прокурор не начал немедленного расследования. Комитет отмечает довод заявителя о том, что подача жалобы в Кассационный суд не может считаться полезным и эффективным средством правовой защиты, поскольку Суд выносит решение о правовой стороне и на основании материалов переданного ему дела, а именно деяний, в совершении которых обвиняют заявителя. Комитет отмечает также доводы государства-участника о том, что заявитель не выдвигал утверждений и не ставил вопроса о применении пыток перед компетентными властями. Он отмечает, что 27 июля 2016 г. Кассационный суд принял решение по ходатайству, поданному заявителем и другими осужденными по этому делу в феврале 2013 года, о передаче дела в Апелляционный суд Рабата по гражданским делам. Комитет также принимает к сведению информацию, представленную государством-участником 4 ноября 2016 г., согласно которой слушания дела заявителя в Апелляционном суде были назначены на 26 декабря 2016 г. Кроме того, Комитет отмечает, что, согласно поступившей к нему информации, предмет кассационной жалобы, которая рассматривалась на протяжении более трех лет, заключался в оценке правильности применения марокканских правовых норм в такого рода деле и не касается утверждений о применении пыток, которые являются предметом рассмотрения настоящей жалобы и по которым в течение почти шести лет не начато никакого расследования. Кроме того, имеющаяся информация не позволяет ему сделать вывод о том, что Рабатский апелляционный суд будет вправе выносить решения по выдвинутым заявителем утверждениям в применении пыток, в частности потому, что Апелляционному суду не было дано никаких указаний по проведению расследований в отношении утверждений о применении пыток. Имеющаяся в распоряжении Комитета информация свидетельствует о том, что Кассационный суд вернул дело в Апелляционный

суд, чтобы тот вновь принял по нему решение, в силу того, что военный трибунал не представил явных доказательств того, что заявитель отдавал приказы или подстрекал какую-либо определенную сторону или лиц к совершению преступных деяний, а также его преступного умысла, что при отсутствии указанных элементов делает решение недействительным. В этих обстоятельствах Комитет считает, что вероятность того, что Апелляционный суд рассмотрит утверждения о применении пыток, весьма мала (пункт 13.3 Решения).

Комитет отмечает также, что запроса о проведении медицинского обследования военный следственный судья так и не сделал, хотя заявитель демонстрировал явные признаки применения физического насилия, и никакого расследования по этому поводу не проводилось. Кроме того, военный трибунал не учел утверждений заявителя о фактах применения пыток при принятии решения о его осуждении, а государство-участник отрицает, что такие утверждения были представлены в ходе разбирательства. Комитет также подчеркивает, что государство-участник весьма значительно превысило разумные сроки для отправления правосудия по этому делу: прошло почти шесть лет после тех событий и представления первых утверждений о пытках, а никакого расследования не было начато. Кассационная жалоба никоим образом не изменила эту ситуацию, и заявитель по-прежнему находится под стражей исключительно на основании его признательных показаний, подписанных по принуждению. В свете вышеизложенного Комитет считает, что отсутствие какого-либо расследования утверждений о применении пыток в деле заявителя несовместимо с обязательством государства-участника согласно статье 12 Конвенции принимать меры к тому, чтобы его компетентные органы проводили быстрое и беспристрастное расследование, когда имеются достаточные основания полагать, что был совершен акт пытки (пункт 13.4 Решения).

В этих обстоятельствах государство-участник также не выполнило своего обязательства по статье 13 Конвенции, в соответствии с которым оно обязано гарантировать заявителю право на предъявление жалобы, предполагающее, что власти надлежащим образом отреагируют на эту жалобу, проведя быстрое и беспристрастное расследование <24>... Комитет отмечает, что заявитель стал объектом угроз в результате иска марокканского Министрства внутренних дел и что его адвокат был арестован и выслан из Марокко в марте 2016 года, когда он должен был представлять своего клиента в ходе разбирательства сообщения об актах пыток, которым тот подвергся. Государство-участник не представило какой-либо информации, которая могла бы опровергнуть эту часть сообщения. Комитет приходит к заключению, что факты по данному делу представляют собой нарушение также и статьи 13 Конвенции (пункт 13.5 Решения).

<24> См. сообщение N 376/2009, Бендиб против Алжира, Решение, принятое 8 ноября 2013 г., пункт 6.6. См. также Паро против Испании, Бланко Абад против Испании и БуабдаллаЛтаиф против Туниса.

Что касается утверждений заявителя в связи со статьей 14 Конвенции, то Комитет напоминает о том, что это положение признает право жертвы пыток на справедливую и адекватную компенсацию и налагает на государства-участники обязательство обеспечить получение жертвой соответствующего возмещения за весь нанесенный ущерб... В данном случае Комитет отмечает утверждения заявителя о физических и психологических страданиях от последствий пережитого насилия. Комитет отмечает..., что то обстоятельство, что военный следственный судья не распорядился о проведении медицинского освидетельствования, не позволило заявителю воспользоваться мерами по реабилитации, компенсации, медицинскому уходу и обеспечению гарантий неповторения преступления. Комитет считает, что отсутствие немедленно начатого оперативного и беспристрастного расследования лишило заявителя возможности воспользоваться своим правом на компенсацию в нарушение статьи 14 Конвенции <25> (пункт 13.6 Решения).

<25> См. сообщение N 514/2012, Нийонзима против Бундунди, Решение, принятое 21 ноября 2014 г., пункт 8.6.

Заявитель утверждает..., что он является жертвой нарушения статьи 15 Конвенции по причине его осуждения на основании признательных показаний, полученных под пыткой. Комитет отмечает утверждение заявителя о том, что он ни в чем не признавался, а был принужден подписать документ неизвестного ему содержания (пункт 13.7 Решения).

Комитет отмечает, что, по мнению заявителя, признания, которые он подписал под пыткой, использовались в качестве основания для его обвинения и оправдания его содержания под стражей на протяжении более шести лет; и что через своего адвоката он на различных этапах разбирательства по его делу безуспешно пытался оспорить доказательственную силу признательных показаний, подписанных им под пыткой. Комитет отмечает также, что суд не принял во внимание утверждений заявителя о применении пыток во время его осуждения на основании его признаний и отрицает, что эти утверждения были представлены в ходе разбирательства <26>. Комитет считает, что государство-участник было обязано проверить содержание утверждений заявителя. Не предприняв никаких проверок и использовав такие показания в ходе судебного разбирательства против заявителя, государство-участник явно нарушило свои обязательства по статье 15 Конвенции. В связи с этим Комитет напоминает, что в своих заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу о Марокко (см. CAT/C/MAR/CO/4, пункт 17) он выразил обеспокоенность в связи с тем, что согласно сложившейся в государстве-участнике следственной практике признательные показания зачастую служат доказательствами, на основании которых можно возбудить преследование в отношении какого-либо лица и вынести обвинительный приговор, что создает предпосылки для применения пыток и жестокого обращения по отношению к подозреваемым <27> (пункт 13.8 Решения).

<26> Эти сообщения были сделаны в присутствии свидетелей и зафиксированы в протоколах, которые заявитель приобщил к своему сообщению в Комитет. Тем не менее просьба адвоката заявителя, обращенная к военному следственному судье в ходе судебного слушания 8 февраля 2013 г., по возможности допросить составителей протоколов допросов с целью выяснения обстоятельств получения признательных показаний была отклонена.

<27> См. сообщение N 503 2012, Нтикараера против Бурунди, Решение, принятое 12 мая 2014 г., пункт 6.6. См. также Нийонзима против Бурунди, пункт 8.8.

Касаясь жалобы на несоблюдение статьи 16 Конвенции, Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что обращение, которому его подвергали в ходе судебного разбирательства, включая антисанитарные условия его содержания под стражей в течение первых месяцев пребывания в тюрьме Сале в Рабате, равносильно бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Комитет... принимает к сведению утверждения о том, что заявитель провел ночь, прикованный наручниками к большой двери, обрамленной стальной решеткой, охранники пинали его ногами и оскорбляли всякий раз, когда он хотел поменять позу, а его доступ к врачу, адвокату и жене был ограничен в течение нескольких недель. Заявитель... утверждает, что начиная с 18 ноября 2010 г. был помещен в одиночную камеру на четыре месяца и в течение трех месяцев оставался в камере без разрешения на прогулку, имея возможность общаться с другими заключенными только через окно. Не имея какой бы то ни было соответствующей информации от государства-участника по этому вопросу, Комитет приходит к выводу, что представленные факты указывают на нарушение государством-участником своих обязательств по статье 16 Конвенции <28> (пункт 13.9 Решения).

<28> См. Нийонзима против Бурунди, пункт 8.8.

Выводы Комитета: факты свидетельствуют о нарушении государством-участником статей 1 и 12 - 16 Конвенции (пункт 14 Решения).

Право на свободу и личную неприкосновенность

Практика Европейского Суда по правам человека

Постановление Европейского Суда по жалобам N 35919/05 и N 3346/06 «Бирулев и Шишкин против России» (вынесено 14 июня 2016 г., вступило в силу 14 сентября 2016 г.), которым отклонена жалоба заявителей на пункт 1 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованным содержанием под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с незаконным задержанием Шишкина М.М. и Бирулева А.В. сотрудниками органов внутренних дел в отсутствие надлежащей регистрации задержания.

Одновременно исключена из списка подлежащих рассмотрению дел жалоба Шишкина М.М. на необеспечение ему надлежащих условий содержания следственным изолятором и ненадлежащим рассмотрением жалоб заявителя на постановление о заключении под стражу в связи с принятием условий односторонней декларации российских властей.

Российские власти «признали нарушение статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с бесчеловечными и унижающими условия его [Шишкина М.М.] содержания в следственном изоляторе... и в связи с чрезмерно длительным пересмотром... постановления о задержании... и заявили о своей готовности выплатить ему 6 415 евро в качестве справедливой компенсации. Кроме того, они просили Суд исключить жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел согласно статье 37 Конвенции» (пункт 35 постановления).

Заявитель «отклонил предложение Властей, посчитав предлагаемую ему сумму слишком низкой, и настаивал на рассмотрении других его жалоб» (пункт 36 постановления).

Европейский Суд установил, что «Власти не оспаривают конкретные утверждения, выдвинутые вторым заявителем, и недвусмысленно признают факт нарушения статьи 3 и пункта 4 статьи 5 Конвенции, о которых тот утверждает... Что же касается предполагаемого возмещения, которое должно быть представлено второму заявителю, Власти обязались выплатить ему 6 415 евро в качестве компенсации материального ущерба и морального вреда, а также судебных расходов и издержек... [П]редложенная сумма примерно соответствует той, которая была бы присуждена [Европейским Судом] за те же нарушения Конвенции» (пункты 40 - 41 постановления).

Суд пришел к выводу о необходимости «исключить данную жалобу из списка подлежащих рассмотрению дел в части бесчеловечных и унижающих достоинств условий содержания второго заявителя под стражей... и в части чрезмерно длительного судебного пересмотра постановления о заключении под стражу» (пункт 44 постановления).

Оба заявителя также жаловались на то, что их задержание и первоначальное заключение под стражу в качестве подозреваемых было несовместимо с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

В отношении первого заявителя, Суд установил, что «20 июня 2005 г. приблизительно между 3:00 и 18:00 часами первый заявитель находился под контролем сотрудников милиции без надлежащего оформления данного задержания» (пункт 51 постановления).

Что касается Шишкина М.М., Суд отметил, что «второй заявитель продолжал находиться в отделении милиции в течение не менее восьми часов без составления какого-либо протокола задержания или официального признания его процессуального статуса» (пункт 52 постановления).

Суд также установил, что «11 апреля 2005 г. второй заявитель находился на охраняемой территории отделения милиции, по крайней мере, с 15:10 до момента его заключения под стражу, которое произошло примерно в 23:35 часа, когда он был допрошен и подвергнут применению других процессуальных мер.

Действительно, было бы нереалистично полагать, что в течение этого периода он мог по своей воле покинуть отделение милиции» (пункт 54 постановления).

Европейский Суд также отметил, что «утверждение Властей о том, что второй заявитель находился в отделении милиции в качестве свидетеля, представляется не заслуживающим доверия. Преступление было совершено неизвестными лицами, однако Власти не привели никаких объяснений относительно того, почему второй заявитель был доставлен в отделение милиции вскоре после возбуждения уголовного дела. Равным образом, Власти не пояснили, почему он незамедлительно подвергся ряду процессуальных мер, в частности, процедуре опознания. По мнению Суда, представляется очевидным, что с момента его задержания и до составления протокола задержания 11 апреля 2005 г. в 23:35 второй заявитель де-факто рассматривался сотрудниками милиции в качестве подозреваемого. Таким образом, Суд приходит к выводу, что его пребывание в отделении милиции в период с 15:10 до 23:35 11 апреля 2005 г. представляло собой лишение свободы» (пункт 55 постановления).

Суд напомнил, что «отсутствие протокола задержания или постановления о заключении под стражу применительно к сроку лишения свободы само по себе должно считаться серьезным упущением... [Н]егласное содержание лица под стражей является полным отрицанием фундаментальных гарантий, содержащихся в статье 5 Конвенции, а также представляет собой наиболее серьезное нарушение данного положения. Отсутствие записей о задержании с указанием даты, времени и места задержания, фамилии задержанного, а также причин задержания и фамилии лица, производившего задержание, следует считать несовместимым с самой целью статьи 5 Конвенции» (пункт 56 постановления).

Европейский Суд установил, что «[х]отя в случае с обоими заявителями протоколы задержания в конечном итоге и были составлены, указанные в них даты и время задержания заявителей расходились с фактическими датами и временем их задержания. Содержание заявителей под стражей в отделениях милиции... не было зарегистрировано либо признано в какой-либо процессуальной форме. Тот факт, что их задержание не было должным образом оформлено, достаточен для того, чтобы Суд посчитал, что их задержание... противоречило требованиям, выраженным косвенным образом в статье 5 Конвенции в отношении надлежащей регистрации фактов лишения свободы» (пункт 57 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд также отметил, что «положения как Конституции Российской Федерации (статья 22), так и УПК РФ (статьи 10, 92, 94 и 108) требуют вынесения судебного решения для любого содержания под стражей сверх сорока восьми часов с момента фактического задержания, который должен быть точно отражен в протоколе задержания. В настоящем деле постановление о заключении под стражу было вынесено городским судом в 18:25 13 апреля 2005 г., то есть в течение сорока восьми часов с момента подготовки протокола задержания в 11:35 11 апреля 2005 г.» (пункт 58 постановления).

Однако Суд указал на то, что «в протоколе задержания указано неверное время фактического задержания второго заявителя, и к тому времени, когда его заключение под стражу было надлежащим образом оформлено, он уже находился под стражей в отделении милиции в течение более трех часов. Городской суд был проинформирован об этом факте стороной защиты, но не стал его рассматривать при вынесении постановления о заключении под стражу, и не принял его во внимание каким-либо иным образом. Отсюда следует, что постановление о заключении под стражу не соответствовало процедуре, предусмотренной УПК РФ, и поэтому являлось незаконным» (пункт 59 постановления).

Европейский Суд заключил, что «отсутствие надлежащей регистрации факта лишения второго заявителя свободы 11 апреля 2005 г., и, следовательно, несоблюдение установленного законом срока для санкционирования такого заключения под стражу по решению суда, противоречило гарантии «законности», предусмотренной статьей 5 Конвенции. Следовательно, имело место нарушение данной статьи» (пункт 60 постановления).

В отношении законности постановлений о заключении под стражу, Суд отметил, что «по настоящему делу заявителя были заключены под стражу до предъявления им обвинений... [О]дна лишь ссылка на «исключительные обстоятельства» как на единственное основание для досудебного содержания под стражей лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления, но которому пока не предъявлено обвинение, рассматривается Судом как расплывчатая и непредсказуемая, что приводит к возможности беспрепятственно действовать на свое усмотрение и к произволу» (пункт 66 постановления).

Суд подчеркнул, что «[с]татья 100 УПК РФ ясно дает понять, что лицо, подозреваемое в совершении уголовного преступления, может быть заключено под стражу лишь в случае наличия оснований, четко изложенных в статье 97, а также с учетом обстоятельств, перечисленных в статье 99 УПК РФ... Таким образом, статью 100 УПК РФ следует толковать в контексте данных положений, равно как и статью 108 УПК РФ, в которой содержатся общие положения, касающиеся возможности содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей» (пункт 67 постановления).

Что касается первого заявителя, Европейский Суд отметил, что «районный суд, базировав свою оценку на риске того, что первый заявитель, ранее осужденный за угон автомобиля, продолжит заниматься преступной деятельностью, на том основании, что он был задержан за рулем угнанного автомобиля лишь спустя три дня после условно-досрочного освобождения» (пункт 69 постановления).

Что касается второго заявителя, Суд подчеркнул, что «национальные суды ссылались в основном на то обстоятельство, что он был опознан потерпевшей, и что к тому моменту не все преступники были найдены. В обоих случаях национальные суды также приняли во внимание тот факт, что заявители являлись безработными и уже имели судимость» (пункт 69 постановления).

Европейский Суд отметил, что «в том случае, если бы задержание заявителей основывалось исключительно на тяжести преступлений, которые они якобы совершили, законность их содержания под стражей могла бы быть поставлена под сомнение» (пункт 69 постановления).

Суд также напомнил, что «отсутствие явной ссылки на определенные положения национального законодательства или использование определенных терминов само по себе не означает, что постановление о заключении под стражу является незаконным» (пункт 70 постановления).

Кроме того, Суд отметил, что «областной суд отдельно рассмотрел довод второго заявителя о том, что термин «исключительные обстоятельства», содержащийся в статье 100 УПК РФ, представляет собой дополнительный критерий, который должен был быть соблюден в отношении задержания подозреваемых (в отличие от обвиняемых). Суд пояснил, что данное выражение должно было подчеркнуть особенность ситуации заключенного под стражу подозреваемого в отличие от обвиняемого, в том смысле, что вышеуказанная мера пресечения должна автоматически отменяться в том случае, если подозреваемому не будут предъявлены обвинения в течение установленного законом десятидневного срока... Суд не усматривает оснований для сомнения в толковании соответствующего положения национальными судами; кроме того, Суд также не усматривает каких-либо элементов, демонстрирующих, что власти действовали недобросовестно или пренебрегли надлежащим применением соответствующего законодательства» (пункт 71 постановления).

Европейский Суд пришел к выводу, что «ничто в настоящем деле не демонстрирует, что применение соответствующего национального законодательства в делах заявителей являлось настолько произвольным или необоснованным, что привело к незаконности их заключения под стражу... Соответственно, нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции по настоящему делу допущено не было» (пункты 72 - 73 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 17564/06 «Садретдинов против России» (вынесено 24 мая 2016 г., вступило в силу 24 августа 2016 г.), которым установлено нарушение статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с необеспечением Садретдинову Ф.Х. надлежащей медицинской помощи в следственном изоляторе, пункт 3 и пункт 4 статьи 5 Конвенции - в связи с необоснованно длительным содержанием заявителя под стражей, а также ненадлежащим рассмотрением его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Одновременно исключена из списка дел, подлежащих рассмотрению, жалоба заявителя на необеспечение ему надлежащих условий содержания в следственном изоляторе Москве и чрезмерную длительность содержания его под стражей в связи с принятием условий одной из деклараций властей.

Заявитель жаловался на нарушения статьи 3 конвенции в связи с условиями содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 конвенции в связи с необо-

снованным содержанием под стражей. Власти представили свою одностороннюю декларацию с целью разрешения вопросов, касающихся названных нарушений. Заявитель не ответил на предложение властей.

Европейский Суд был удовлетворен тем, что «власти не оспаривали эту часть утверждений заявителя и открыто признали нарушение статьи 3 в связи с условиями его содержания под стражей, а также пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи с его предварительным заключением под стражу во время второго раунда слушаний по уголовному делу против него» (пункт 53 постановления).

Власти также обязались выплатить заявителю 4 400 (четыре тысячи четыреста) евро в качестве справедливой компенсации. Европейский Суд отметил, что «предлагаемая сумма не является необоснованной по сравнению с суммами, присуждаемыми Европейским Судом в аналогичных делах» (пункт 54 постановления).

Суд заключил, что «будет целесообразным прекратить производство по части жалобы, касающейся бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе... и отсутствия соответствующих и достаточных оснований для его содержания под стражей в ходе предварительного следствия» (пункт 57 постановления).

Заявитель также утверждал, ссылаясь на статью 3 Конвенции, что не получал надлежащей медицинской помощи во время нахождения под стражей.

Суд установил, что «записи в медицинской карте заявителя, сделанные фельдшером следственного изолятора, были неполными и не отражали фактическое состояние здоровья заявителя» (пункт 72 постановления).

Европейский Суд отметил, что «при своем поступлении в следственный изолятор заявитель сообщил медицинским работникам о своей инвалидности... Однако, это не заставило администрацию следственного изолятора выяснить причину инвалидности; также это не побудило их запросить прежнюю информацию о состоянии здоровья заявителя несмотря на тот факт, что это было явно рекомендовано сделать... Заявитель был помещен в обычный следственный изолятор. На протяжении нескольких месяцев после задержания заявителя состояние его здоровья находилось под наблюдением, в основном, фельдшера следственного изолятора, который по неизвестным причинам абсолютно игнорировал состояние здоровья заявителя... [X] отя записи, сделанные врачами скорой помощи, были приложены к медицинской карте заявителя, медицинские работники следственного изолятора не приняли содержание этих записей во внимание» (пункт 73 постановления).

Европейский Суд заключил, что «серьезное упущение российских властей в том, что они не выявили потребности заявителя в медицинской помощи и не предоставили ему медицинскую помощь соответствующего уровня во время его содержания под стражей. В результате неспособность властей предоставить заявителю медицинскую помощь, в которой он нуждался, подвергла его длительным психологическим и фи-

зическим страданиям, унижающим его человеческое достоинство. Эта неспособность властей представляла собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по смыслу статьи 3 Конвенции» (пункт 75 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что длительность его содержания под стражей в ходе предварительного следствия не соответствовала требованию «разумного срока», установленного в пункте 3 статьи 5 Конвенции. Рассматриваемый период составляет более одиннадцати месяцев.

Суд напомнил, что «[в]сякий раз, выявляя нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд отмечал слабость аргументации российских судов, распорядившихся о продлении срока содержания заявителей под стражей. От дела к делу он указывал на следующие основные недостатки в аргументации судов: ссылку на тяжесть обвинений как на основное оправдание вероятности того, что заявитель скроется от правосудия; подозрение в отсутствие какой-либо доказательной базы в том, что заявитель может воздействовать на свидетелей или использовать свои связи в государственных органах для препятствования отправлению правосудия; неспособность тщательно изучить возможность применения другой, менее суровой меры пресечения, такой как освобождения под залог; а также совместное продление срока содержания под стражей заявителя и его сообщников без надлежащего рассмотрения личных обстоятельств каждого из обвиняемых» (пункт 84 постановления).

Европейский Суд отметил, что в настоящем деле «российские суды... постоянно ссылались на тяжесть предъявленных обвинений и вероятность того, что заявитель скроется или будет препятствовать отправлению правосудия, основывая свои опасения на тех же предположениях, что и в делах, ссылки на которые приведены выше... [П]ри принятии доводов следствия о том, что заявитель способен уклониться от правосудия или воспрепятствовать ему, суды не уделяли внимания важным и насущным обстоятельствам, поддерживающим ходатайства заявителя об освобождении и снижающим вероятность того, что он скроется от правосудия или вступит в сговор. Такие обстоятельства... включали в себя слабое здоровье заявителя, его сильные связи с сообществом и отсутствие каких-либо доказательств того, что он когда-либо пытался связаться с жертвами или свидетелями в ходе разбирательства по уголовному делу. В данных обстоятельствах Европейский Суд не может не сделать вывод о том, что российские суды не оценили личную ситуацию заявителя и не привели подтверждающиеся доказательными выводами конкретные обоснования в пользу его содержания под стражей» (пункт 85 постановления).

Суд пришел к выводу, что «не сославшись на конкретные факты, имеющие отношение к делу, или не рассмотрев возможность применения альтернативных «мер пресечения», власти продлевали срок содержания заявителя под стражей по основаниям, которые не могут считаться «достаточными». Таким образом, власти не смогли обосновать продление лишения заявителя свободы почти на один год... Следовательно, имело место нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции в связи

с содержанием заявителя под стражей» (пункты 86 - 87 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции на ненадлежащее рассмотрение его жалобы на постановления о заключении под стражу.

Европейский Суд установил, что «городской суд отказался рассматривать кассационные жалобы [заявителя], заключив, что они не подлежали обжалованию, так как были вынесены в ходе производства в суде первой инстанции» (пункт 94 постановления)

Суд пришел к выводу, что «было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с тем, что кассационные жалобы заявителя на постановления, отказывающие в удовлетворении ходатайств об освобождении, не были рассмотрены» (пункт 95 постановления).

Постановление Европейского Суда по жалобе N 32013/07 «Попов против России» (вынесено и вступило в силу 19 июля 2016 г.), которым установлено нарушение пунктов 1 и 5 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с незаконным содержанием Попова Б.А. под стражей в отделении полиции, а также в связи с отказом национальных судов в предоставлении компенсации за соответствующее нарушение.

Установлено также нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с нарушением права лишения свободы Попова Б.А. на личное участие в судебных заседаниях по его гражданскому делу в районном и краевом судах и чрезмерно длительным исполнением решения районного суда.

Заявитель жаловался, ссылаясь на статью 5 Конвенции, на незаконность своего содержания под стражей в отделении полиции, а также на то, что национальные суды отклонили его исковое заявление о возмещении вреда.

Европейский Суд напомнил, что «различие между лишением свободы и ограничением свободы является лишь различием степени или интенсивности, а не природы или сущности... Защита от произвольного задержания, закрепленная в пункте 1 статье 5 Конвенции, применяется к лишению свободы любой продолжительности, сколь бы кратковременным оно ни было» (пункт 19 постановления).

Суд отметил, что «по словам заявителя, сотрудники милиции воспрепятствовали его попытке выйти из кабинета во время допроса и велели ему оставаться внутри и ждать возвращения следователя... В своих заявлениях власти не утверждали, что заявитель мог свободно покинуть отделение милиции, по крайней мере, до того момента, пока ему не было разрешено это сделать. Кроме того, они не представили какого-либо документа, содержащего подробный отчет о произошедшем в отделении милиции во время нахождения в нем заявителя. После того как был установлен тот факт, что заявитель не мог свободно покинуть отделение милиции, вопрос о том, прибыл ли он туда добровольно или же он был туда доставлен, который также был поднят государством-ответчиком, становится неприципиальным... Тот факт, что российские власти считали, что заявитель не являлся задержанным по

смыслу российского законодательства, не означает, что он не был лишен свободы в соответствии с положениями Конвенции» (пункт 20 постановления).

В данных обстоятельствах Суд посчитал установленным тот факт, что «в рамках настоящего дела имелся элемент принуждения, который, несмотря на кратковременный срок задержания, свидетельствовал о лишении свободы по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункт 20 постановления).

Европейский Суд заключил, что «заявитель ответил на вопросы сотрудников милиции и повиновался их приказам... Кроме того, сторонами не оспаривается тот факт, что заявитель не являлся официально подозреваемым или обвиняемым в совершении какого-либо преступления... Совершенно очевидно, что лишение заявителя свободы... не могло быть осуществлено «с целью доставления [его] в компетентный судебный орган по обоснованному подозрению в совершении преступления» по смыслу подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции... Следовательно, лишение свободы не имело никакой законной цели в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции и являлось произвольным... [Б]ыло допущено нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции» (пункты 21 - 22 постановления).

Европейский Суд также напомнил, что «право на получение компенсации, закрепленное пунктом 5 статьи 5 Конвенции, возникает в случае установления Судом или национальными судами, прямо или по существу, нарушения одного из других четырех пунктов данной статьи» (пункт 23 постановления).

Суд пришел к выводу, что «заявитель не обладал осуществимым правом на получение компенсации за лишение его свободы, что, как было установлено, являлось нарушением статьи 5 Конвенции... Таким образом, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции» (пункты 24 - 25 постановления).

Заявитель также жаловался на то, что его право на справедливое судебное разбирательство в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции было нарушено в связи с отказом национальных судов обеспечить его фактическое участие в гражданском процессе, стороной которого он являлся, в том числе - в кассационных слушаниях.

Европейский Суд отметил, что «в рамках обоих разбирательств заявитель выразил желание присутствовать на... слушаниях лично. Но... ему было отказано в предоставлении разрешения на личное присутствие в зале суда со ссылкой на отсутствие какой-либо правовой нормы, делающей его присутствие обязательным. Европейский Суд отверг данный подход как чрезмерно формалистический, поскольку отсутствие законодательства о присутствии заключенных на слушаниях не может являться достаточным основанием для лишения их права на личное присутствие в зале суда... Вопреки утверждению властей о том, что заявитель мог бы эффективно представить объяснения по своему делу в судах, поскольку он был надлежащим образом проинформирован о дате проведения слушаний, одного лишь информирования заявителя о сроках кассационного слушания было явно недостаточно в ситуации, когда текущее состояние национального

законодательства в действительности не позволяло ему лично присутствовать в зале суда» (пункт 29 постановления).

Суд отметил, что «[в] настоящем деле суды... не проверяли, требовал ли характер соответствующих гражданских споров дачи показаний лично заявителем, и имело ли его непосредственное присутствие в зале суда существенное значение для обеспечения справедливости судебного разбирательства в целом. Таким образом, кассационный суд отказал заявителю в праве лично присутствовать на слушаниях вне зависимости от существования соответствующих разбирательства, и не известил его данным решением в достаточной мере заблаговременно» (пункт 30 постановления).

Европейский Суд также подчеркнул, что «эффективное участие заявителя в... слушаниях также могло быть обеспечено путем [имеющихся] процессуальных механизмов, таких как, например, средства видеосвязи или проведение выездного заседания... [С]уды вообще не рассматривали данные варианты, и приступили к слушанию соответствующего дела, по сути, не информируя заявителя о возможных способах компенсировать его отсутствие в зале суда. В результате заявитель не смог принять решение о дальнейшем плане действий по защите своих прав и был лишен возможности эффективно представить свои объяснения по делу в... судах, в нарушение статьи 6 Конвенции» (пункт 31 постановления).

Суд пришел к выводу, что «отказав заявителю на основании недостатков отечественного законодательства в представлении возможности присутствовать на кассационных слушаниях в рамках гражданского процесса, стороной которого он являлся, и не став рассматривать соответствующие процессуальные механизмы, позволявшие обеспечить заслушивание доводов заявителя, национальные суды не выполнили свои обязательства по обеспечению соблюдения принципа справедливого судебного разбирательства, закрепленного в статье 6 Конвенции... Следовательно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции» (пункты 32 - 33 постановления).

Заявитель также жаловался, ссылаясь на пункт 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, на чрезмерную длительность исполнения решения районного суда.

Европейский Суд установил, что «[в]ласти не оспаривали тот факт, что несвоевременное исполнение судебного решения... было несовместимым с нормами Конвенции» (пункт 36 постановления).

Таким образом, Суд пришел к выводу, что «неисполнение национальными властями судебного решения, вынесенного в пользу заявителя помешало ему получить денежные средства, право на получение которых он имел в соответствии с окончательным и обязательным для исполнения судебным решением. Соответственно, по настоящему делу было допущено нарушение пункта 1 статьи 6 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 в связи с несвоевременным исполнением судебного решения» (пункты 37 - 38 постановления).

См., также, вышеприведенное постановление Европейского Суда по жалобе N 78774/13 «Топехин против России» (вынесено 10 мая 2016 г., вступило в силу

17 октября 2016 г.), которым, в том числе, отклонена жалоба Топехина В. А. на нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее - Конвенция) в связи с якобы имевшим место необоснованно длительным содержанием его под стражей.

Вместе с тем, установлено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции - в связи с ненадлежащим рассмотрением городским судом жалоб заявителя на постановления о заключении его под стражу.

В Верховный Суд Российской Федерации также поступил ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, содержащих констатацию нарушения Российской Федерацией положений пунктов 3 и 4 статьи 5 Конвенции в части нарушения права лица на разумные сроки нахождения под стражей в ожидании приговора суда, а также в связи с чрезмерно длительным рассмотрением жалоб на постановления об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, а также о продлении срока содержания под стражей.

Постановления по жалобам N 3400/06, 1134/12, 27903/12, 15155/13, 1454/14, 43335/14, 43527/14, 60371/14, 68060/14, 36550/15, 39181/15, 41633/15 и 51162/15 «Клепиков и другие против России» (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), N 611/15 и 6 других «Сарбахтин и другие против России» (вынесено и вступило в силу 4 мая 2017 г.), N 5403/07, 12097/09, 52460/13, 54286/13, 60823/13, 6503/14 «Маевский и другие против России» (вынесено и вступило в силу 24 ноября 2016 г.), N 69863/13 «Давляшова против России» (вынесено и вступило в силу 18 октября 2016 г.), N 28484/06, 4613/09, 29899/09, 20064/13, 23850/13, 69323/13 и 76881/13 «Кирильчук и другие против России» (вынесено и вступило в силу 3 ноября 2016 г.), N 24967/06, 13708/08, 43584/11, 2906/14, 68255/14, 72879/14 и 77966/14 «Девятов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 20 декабря 2016 г.), N 72986/10, 5441/11, 21051/11, 32021/14 и 40987/14 «Хамзин и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 октября 2016 г.), N 39399/08, 39554/08, 45510/09, 21744/10 и 23272/16 «Котов и другие против России» (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), N 50483/07, 21974/09, 53102/10, 66061/13 и 8351/15 «Федоров и другие против России» (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), N 6116/10, 53833/10, 1164/15, 1405/15, 10164/15 и 42708/15 «Носенко и другие против России» (вынесено и вступило в силу 6 апреля 2017 г.), N 32357/05, 49012/13, 42110/15, 1827/16, 8773/16, 16417/16 «Вихарев и другие против России» (вынесено и вступило в силу 16 февраля 2017 г.), N 51182/10 и 5 других «Джабаров и другие против России» (вынесено и вступило в силу 2 февраля 2017 г.).

Тексты приведенных документов, принятых договорными органами ООН, находятся по адресу:

<http://www.ohchr.org/EN/HRBodies/Pages/TreatyBodies.aspx>.

Неофициальные переводы текстов постановлений Европейского Суда по правам человека получены из Аппарата Уполномоченного Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека - заместителя Министра юстиции Российской Федерации.

Верховным Судом РФ проанализирована практика рассмотрения судами в 2016 году дел об усыновлении детей иностранными гражданами.

Результаты проведенного обобщения судебной практики свидетельствуют о том, что тенденция к снижению количества дел указанной категории, которая имела место в предыдущие годы (2011 - 2015 годы), в 2016 году сохранилась.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
1 июня 2017 г.

ОБЗОР ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ В 2016 ГОДУ ОБЛАСТНЫМИ И РАВНЫМИ ИМ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ ДЕТЕЙ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ ИЛИ ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА, А ТАКЖЕ ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПОСТОЯННО ПРОЖИВАЮЩИМИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Верховным Судом Российской Федерации проведено обобщение практики рассмотрения судами в 2016 году дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации (далее - международное усыновление).

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении указанной категории дел судами в целом соблюдаются требования действующего законодательства, регулирующего вопросы усыновления детей, а также учитываются разъяснения, данные Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 20 апреля 2006 года N 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» с изменениями, внесенными постановлением Пленума от 17 декабря 2013 года N 37.

Статистические данные

Результаты проведенного обобщения свидетельствуют о том, что тенденция к снижению количества дел указанной категории, которая имела место в предыдущие годы (2011 - 2015 годы), в 2016 году сохранилась.

Так, в 2016 году областными и равными им судами было окончено 450 дел о международном усыновлении, из них с вынесением решения рассмотрено 433 дела (с удовлетворением требования - 430 дел, с отказом в удовлетворении требования - 3 дела), что на 35,4% меньше, чем в 2015 году (с вынесением решения рассмотрено 670 дел), и на 54,3% меньше, чем в 2014 году (947 дел). По сравнению с 2013 годом, когда было рассмотрено 1247 дел с вынесением решения, в 2016 году количество таких дел уменьшилось на 65,3%, а по сравнению с 2012 годом, когда с вынесением решения было рассмотрено 2426 дел, - на 82,2%. Кроме того, в 2016 году производство по 6 делам о международном усыновлении было прекращено, а 11 заявлений оставлены без рассмотрения.

При этом следует отметить, что количество дел об усыновлении детей российскими гражданами остается стабильно высоким.

Так, в 2016 году с вынесением решения районными судами рассмотрено 12 844 дела по заявлениям граждан Российской Федерации об усыновлении детей, из которых с удовлетворением требования - 12 725 дел, что в 29,6 раза больше, чем за этот же период рассмотрено с удовлетворением заявления дел о международном усыновлении детей (430 дел).

В 2016 году наибольшее количество дел о международном усыновлении с вынесением решения рассмотрено Кемеровским областным судом (48 дел), Приморским краевым судом (43 дела), Челябинским областным судом (32 дела), Санкт-Петербургским городским судом (22 дела), Ленинградским областным судом (21 дело), Пермским краевым судом (21 дело).

Как и в предыдущие два года (2014 - 2015 годы), в 2016 году чаще всего российских детей усыновляли граждане Италии - 60,9% дел, рассмотренных с удовлетворением заявления, граждане Испании (17,9%) и граждане Франции (6,5%).

Абсолютное большинство дел данной категории рассмотрено в установленный частью 1 статьи 154 ГПК РФ двухмесячный срок со дня поступления заявления в суд, и только по 14 делам (из 450 дел, оконченных в 2016 году) этот срок был нарушен.

Принятие заявления об усыновлении

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что судьями правильно разрешается вопрос о возможности принятия заявления об усыновлении к производству суда.

Заявления о международном усыновлении, с которыми усыновители обращались в суды в 2016 году, не отвечающие по форме и содержанию общим требованиям, предъявляемым статьей 131 ГПК РФ к исковому заявлению, либо специальным требованиям, закрепленным в статье 270 ГПК РФ, а также положениям статьи 271 ГПК РФ, устанавливающим перечень необходимых документов, которые должны быть приложены к заявлению об усыновлении, оставались без движения, заявителям предоставлялся срок для устранения недостатков.

Основанием для оставления заявлений без движения, как правило, являлось непредставление заявителями (их представителями) вместе с заявлением всех необходимых документов, предусмотренных статьей 271 ГПК РФ (в частности, разрешения компетентного органа соответствующего государства на въезд усыновляемого ребенка в это государство и его постоянное жительство на территории этого государства; документа о постановке на учет граждан в качестве кандидатов в усыновители; справок с места работы о заработной плате либо копии декларации о доходах или иного документа о доходах; заключения компетентного органа государства, гражданами которого являются усыновители, об условиях их жизни и о возможности быть усыновителями; документа о прохождении в установленном порядке подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей; заключения о медицинском обследовании усыновителей; справки об отсутствии судимости, а также сведений о том,

что кандидат в усыновители не подвергался и не подвергается уголовному преследованию за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности и иные преступления). Кроме того, судьи оставляли заявления без движения в связи с представлением заявителями документов, не отвечающих установленным требованиям (например, несоблюдение порядка проставления апостилей, предусмотренного статьей 4 Конвенции, отменяющей требование легализации иностранных официальных документов; представление документов с истекшими сроками их действия или не переведенных на русский язык либо содержащих неправильный перевод), а также в связи с представлением ряда документов не в подлинниках, как того требует действующее законодательство Российской Федерации, а в копиях.

При невыполнении в установленный срок указаний судьи заявление возвращалось заявителю на основании части второй статьи 136 ГПК РФ.

Например, на основании части первой статьи 136 ГПК РФ судьями Иркутского областного суда в 2016 году было вынесено 14 определений об оставлении заявлений о международном усыновлении без движения. Заявителям был предоставлен разумный срок (не менее месяца) для устранения выявленных недостатков, однако в связи с невыполнением ими в установленный срок указаний судьи по устранению недостатков все 14 заявлений были возвращены заявителям (всего Иркутским областным судом в 2016 году окончено производством 17 дел о международном усыновлении).

Судьями Волгоградского областного суда 10 раз возвращались заявления об усыновлении. При этом трем супружеским парам заявления возвращались по два раза. Впоследствии, после устранения недостатков и повторного обращения в суд, 6 заявлений об усыновлении из числа ранее возвращенных были приняты к производству суда и рассмотрены по существу (всего Волгоградским областным судом в 2016 году с вынесением решения рассмотрено 12 дел о международном усыновлении).

С учетом того, что международное усыновление, как правило, осуществляется при содействии представительства иностранного государственного органа или организации по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации или представительства иностранной некоммерческой неправительственной организации, получивших соответствующие разрешения на осуществление деятельности по усыновлению (удочерению) детей на территории Российской Федерации, указанные выше недостатки, касающиеся оформления заявлений об усыновлении, а также представления документов в соответствии с требованиями действующего законодательства, свидетельствуют об имеющихся недочетах в работе данных представительств по надлежащей подготовке необходимых материалов иностранных граждан для обращения в суд с заявлением об усыновлении ребенка.

При принятии заявления об усыновлении детей судьи учитывали положения статьи 4 Федерального закона от 28 декабря 2012 года N 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод гражд-

дан Российской Федерации», согласно части 1 которой запрещается передача детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, а также осуществление на территории Российской Федерации деятельности органов и организаций в целях подбора и передачи детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, желающим усыновить (удочерить) указанных детей.

Так, с учетом данных норм Волгоградским областным судом было оставлено без движения заявление граждан Италии об удочерении несовершеннолетней до представления супругами документа компетентного органа США об отсутствии у заявителя, родившегося в США, гражданства этого государства. После представления в суд надлежащим образом оформленных документов об утрате гражданства США в связи с отказом заявителя от этого гражданства заявление было принято к производству суда, рассмотрено и удовлетворено.

Саратовским областным судом на основании пункта 1 части первой статьи 134 ГПК РФ со ссылкой на статью 4 названного выше федерального закона от 28 декабря 2012 года N 272-ФЗ правильно отказано в принятии к производству суда заявления гражданина США, постоянно проживающего на территории Российской Федерации, об удочерении падчерицы.

Как показало проведенное обобщение, имели место случаи приостановления производства по делам о международном усыновлении. Причинами, послужившими основанием для приостановления, являлись, в частности, направление судом в соответствии со статьей 62 ГПК РФ судебного поручения, назначение экспертизы.

Например, судьями Волгоградского областного суда приостанавливалось производство по 6 делам. По одному из дел в связи с утверждением заявителей об отсутствии у усыновляемого ребенка диагноза, указанного в медицинском заключении о его состоянии здоровья, суд назначил комиссионную судебную медицинскую экспертизу для установления состояния здоровья ребенка. С учетом результата экспертизы, установившей, что ребенок не страдает указанными в медицинском заключении заболеваниями, а также иных обстоятельств дела судом принято решение об удовлетворении заявления.

В 2016 году имели место случаи прекращения производства по делу о международном усыновлении. Так, основанием для прекращения Иркутским областным судом производства по делу по заявлению граждан Израйла об усыновлении гражданина Российской Федерации стал отказ заявителей от заявления в связи с изменением их семейных обстоятельств.

Соблюдение судами положений статьи 273 ГПК РФ. Учет мнения ребенка (статья 57 СК РФ)

В 2016 году все дела о международном усыновлении детей были рассмотрены судами с соблюдением требований статьи 273 ГПК РФ - с обязательным участием усыновителей (усыновителя), представителя органа

опеки и попечительства, прокурора, а также ребенка, достигшего возраста четырнадцати лет.

Учитывая положения статьи 57 СК РФ и статьи 12 Конвенции о правах ребенка в судебном заседании суды выясняли мнение детей, достигших возраста десяти лет по вопросу их усыновления. При этом суды учитывали, что в соответствии со статьей 57 и пунктом 1 статьи 132 СК РФ для усыновления ребенка, достигшего указанного возраста, необходимо его согласие.

Так, мнение детей, достигших возраста десяти лет, а также более старшего возраста, по вопросу их усыновления в указанном порядке выяснялось Пермским краевым судом, Архангельским, Владимирским, Вологодским, Иркутским, Кировским, Ленинградским, Оренбургским, Псковским и Ростовским областными судами.

По ряду дел в судебном заседании опрашивались дети младше десятилетнего возраста, если суд приходил к выводу о том, что усыновляемый ребенок достиг достаточной степени развития и способен в силу этого сформулировать собственные взгляды относительно своего усыновления.

Мнение детей в возрасте до десяти лет по вопросу их усыновления путем их опроса в судебном заседании выяснялось, в частности, Верховным Судом Республики Бурятия, Верховным Судом Чувашской Республики, Приморским краевым судом, Архангельским, Вологодским, Иркутским, Кировским, Нижегородским и Смоленским областными судами, Санкт-Петербургским городским судом, судом Еврейской автономной области.

В 2016 году имел место случай, когда на время рассмотрения дела в суде усыновляемые дети достигли возраста десяти лет, однако усыновление детей было произведено без получения согласия этих детей.

Так, при рассмотрении дела об усыновлении двоих детей в возрасте 10 и 11 лет иностранным гражданином судом было установлено, что заявитель состоит в браке с отцом детей - гражданином Российской Федерации, постоянно проживающим на территории Российской Федерации, воспитывает детей с раннего возраста и дети считают заявителя своей биологической матерью. С учетом просьбы самого заявителя, а также отца детей, просившего произвести усыновление без выяснения мнения детей относительно их усыновления, поскольку информация о том, что заявитель не является биологической матерью детей, может нанести им психологическую травму, а также принимая во внимание заключение органа опеки и попечительства по данному вопросу, суд на основании пункта 2 статьи 132 СК РФ пришел к правильному выводу о наличии исключительных обстоятельств, позволяющих произвести усыновление детей без получения на это их согласия.

Соблюдение условий передачи детей на международное усыновление (пункт 4 статьи 124 СК РФ)

Учитывая, что в соответствии с пунктом 4 статьи 124 СК РФ иностранные граждане и лица без гражданства вправе усыновить российских детей, если невозможно передать усыновляемого ребенка на воспитание

в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам этого ребенка независимо от гражданства и места жительства этих родственников, а также если истекли двенадцать месяцев со дня поступления сведений о таком ребенке в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей, суды проверяли указанные обстоятельства при рассмотрении каждого дела об усыновлении.

В этих целях суды правильно проверяли, какие меры были приняты органами опеки и попечительства, региональным и федеральным операторами по устройству детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи родственников детей, если таковые имелись, а также в семьи граждан Российской Федерации, кому и когда из российских граждан предлагалось взять ребенка на воспитание в свою семью, по каким причинам указанные лица отказались от принятия ребенка на воспитание в семью (на усыновление, под опеку (попечительство), в приемную семью), с какого времени сведения о ребенке находятся в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, и правильно ли были указаны сведения о ребенке (о его возрасте, состоянии здоровья).

Указанные обстоятельства, как правило, устанавливались судом путем исследования письменных доказательств, представляемых органами опеки и попечительства, федеральным и региональным операторами.

Так, в ходе рассмотрения Тульским областным судом заявления граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего установлено, что две его родные тети написали заявления об отказе принять ребенка на воспитание в свои семьи и дали согласие на его усыновление другими лицами, за время нахождения ребенка в детском учреждении никто из родственников его не навещал, взять под опеку не пожелал, судьбой и здоровьем мальчика не интересовался. Суду также были представлены доказательства, свидетельствующие о том, что органом опеки и попечительства принимались меры к устройству ребенка в семьи российских граждан, однако они оказались безрезультатными. Как установлено судом, мальчик неоднократно предлагался для передачи на воспитание в семьи российских граждан, сведения о которых содержатся в личном деле ребенка. Судом исследовались заявления двадцати восьми семей - граждан Российской Федерации об ознакомлении со сведениями о ребенке, однако данные граждане отказались от получения направлений для личного общения с мальчиком по мотивам несоответствия данных о ребенке их пожеланиям. Требование об усыновлении ребенка гражданами Италии было удовлетворено.

По ряду дел дети предлагались для передачи на воспитание в семью значительному числу граждан Российской Федерации. Так, по одному из дел, рассмотренных Алтайским краевым судом, ребенок предлагался на усыновление ста пятидесяти шести семьям - граждан Российской Федерации, а по другому делу - тридцати четырем семьям. При рассмотрении Саратовским областным судом двух дел о международном усыновлении было установлено, что в одном случае со сведениями о ребенке в целях его усыновления знако-

мились пятьдесят четыре семьи российских граждан, а в другом случае - семьдесят четыре.

В необходимых случаях суд опрашивал в судебном заседании лиц, которые знакомились со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания в иных формах, а также родственников ребенка, также отказавшихся взять ребенка на воспитание в свои семьи.

Такие лица опрашивались в судебном заседании, в частности, Красноярским краевым судом, Волгоградским, Вологодским, Иркутским и Смоленским областными судами, судом Еврейской автономной области.

Так, в целях выяснения вопроса о том, предлагался ли ребенок, заявление об удочерении которого подано гражданами Италии и впоследствии удовлетворено судом, на устройство в семьи граждан Российской Федерации, Волгоградским областным судом в судебное заседание были вызваны семь свидетелей, из которых в суд явились трое и подтвердили факт отказа от удочерения ребенка с объяснением причин отказа. Другие свидетели - граждане Российской Федерации, знакомившиеся со сведениями о ребенке и отказавшиеся от удочерения ребенка или семейного воспитания в иных формах, уклонились от явки в суд без указания причины. Указанные обстоятельства отражены судом в решении об удочерении несовершеннолетней гражданами Италии.

В ходе рассмотрения Челябинским областным судом дела по заявлению граждан Италии было установлено, что у ребенка имеются две тети, с которыми неоднократно беседовали специалисты органа опеки и попечительства в целях выяснения вопроса о том, имеется ли у них желание и возможность взять на воспитание данного ребенка. Так, с одной из них беседовали трижды, с другой - дважды. Однако указанные лица оформили письменные отказы от принятия ребенка в свои семьи, которые были приобщены к материалам дела. Бабушка со стороны матери ребенка и дедушка со стороны его отца также отказались принять ребенка на воспитание в свои семьи.

При рассмотрении ряда дел суды в соответствии со статьей 62 ГПК РФ поручали суду по месту жительства родственников усыновляемых детей либо лиц, которые знакомились со сведениями о ребенке и отказались от его усыновления или семейного воспитания, опросить этих лиц по обстоятельствам рассматриваемого дела.

Например, при рассмотрении заявления граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего в целях исследования вопроса о возможности передачи ребенка в семью его родственников в порядке судебного поручения районным судом Волгоградской области были опрошены бабушка, дядя и тетя ребенка. В материалах дела имелись заявления указанных лиц об отказе принять ребенка на воспитание в свои семьи, а также данные о том, что дядя и бабушка ребенка не работают и ведут асоциальный образ жизни. Возражая против усыновления ребенка иностранными гражданами, родственники высказали пожелание передать ребенка на воспитание его матери. Однако, как установлено судом, мать ребенка была лишена родительских прав, каких-либо действий, направленных на восстановление в родительских правах, не предпринимала. С

учетом невозможности передачи ребенка в семью его родственников или граждан Российской Федерации Волгоградским областным судом принято решение об удовлетворении заявления иностранных граждан об усыновлении ребенка.

В тех случаях, когда суды выясняли, что до подачи усыновителями в суд заявления об усыновлении надлежащие меры по установлению родственников ребенка и его устройству в семье этих родственников приняты не были, суды предлагали органам опеки и попечительства принять меры к установлению родственников ребенка.

При этом суды не оставляли без внимания указанные факты ненадлежащего исполнения органами опеки и попечительства своих обязанностей и реагировали на них путем вынесения частных определений (часть первая статьи 226 ГПК РФ).

Так, в связи с непринятием исчерпывающих мер для выявления всех родственников ребенка, а также для выяснения мнения родителей по вопросу согласия на его усыновление Верховным Судом Республики Саха (Якутия) по делу об удочерении несовершеннолетних гражданами Испании было вынесено частное определение в адрес Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия), ГБУ России (Якутия) «Городской специализированный Дом ребенка», органов опеки и попечительства окружной администрации города Якутска Нерюнгринского района Республики Саха (Якутия).

Обобщение судебной практики свидетельствует о том, что, как и в предыдущие годы, в большинстве случаев отказ российских граждан от принятия детей на воспитание в свои семьи был обусловлен состоянием здоровья передаваемых на усыновление детей, наличием у них отягощенной наследственности. В некоторых случаях на такой отказ влияли возраст детей, их внешние данные, пол, неблагоприятный социальный статус их родителей, а также невозможность установления психологического контакта с ребенком.

Родственники детей, как правило, отказывались взять ребенка на воспитание в свою семью со ссылкой на тяжелое материальное положение, отсутствие надлежащих жилищных условий, преклонный возраст, наличие собственных несовершеннолетних детей, состояние здоровья усыновляемых детей, а также на отсутствие родственных связей с ребенком.

При установлении судом обстоятельств, свидетельствующих о том, что родители усыновляемого ребенка, лишённые родительских прав, предприняли меры к восстановлению в родительских правах (обратились в суд с иском о восстановлении в родительских правах), суды на основании абзаца 5 статьи 215 ГПК РФ приостанавливали производство по делу об усыновлении ребенка.

Так, в ходе рассмотрения Челябинским областным судом заявления иностранных граждан об усыновлении ребенка было установлено, что мать усыновляемого ребенка, ранее лишённая родительских прав, обратилась в районный суд с иском о восстановлении в родительских правах. В связи с данным обстоятельством производство по делу об усыновлении ребенка было приостановлено до рассмо-

трения указанного иска. После вступления в законную силу определения районного суда о прекращении производства по делу о восстановлении в родительских правах в связи с отказом истца от иска, производство по делу об усыновлении ребенка было возобновлено и рассмотрено по существу с удовлетворением заявления об усыновлении.

Алтайским краевым судом было приостановлено производство по делу об усыновлении двух несовершеннолетних гражданами Италии в связи с поступлением в Центральный районный суд г. Барнаула иска матери детей о восстановлении в родительских правах. Впоследствии Центральный районный суд оставил заявление без рассмотрения на основании статьи 222 ГПК РФ в связи с неявкой истца в суд по вторичному вызову. После вынесения указанного определения Алтайский краевой суд производство по делу о международном усыновлении возобновил.

Санкт-Петербургским городским судом производство по делу по заявлению граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего было приостановлено на основании абзаца пятого статьи 215 ГПК РФ в связи с рассмотрением районным судом заявления об усыновлении несовершеннолетнего гражданкой Российской Федерации. С учетом установленных по делу обстоятельств, а также мнения самого ребенка, выразившего нежелание быть усыновленным данным лицом, решением районного суда в удовлетворении заявления об усыновлении несовершеннолетнего было отказано. После вступления данного решения суда в законную силу Санкт-Петербургский городской суд возобновил производство по делу об усыновлении ребенка гражданами Италии. Ребенок был опрошен судом в судебном заседании, подтвердил установление контакта с усыновителями - гражданами Италии и выразил желание стать членом их семьи. Заявление граждан Италии об усыновлении ребенка было удовлетворено.

В случае установления обстоятельств, свидетельствующих о возможности передать детей на усыновление их родственникам либо на воспитание в семье граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, суды принимали решение об отказе в удовлетворении заявления об усыновлении детей иностранными гражданами.

Разрешение вопроса о возможности усыновления детей отдельно от их братьев и сестер (пункт 3 статьи 124 СК РФ)

Обобщение судебной практики показало, что при рассмотрении заявления об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, также оставшихся без попечения родителей, в отношении которых вопрос об усыновлении заявителями не ставился, суды исходили из положения пункта 3 статьи 124 СК РФ, согласно которому усыновление братьев и сестер разными лицами не допускается, за исключением случаев, когда усыновление отвечает интересам детей.

В связи с этим суды, в частности, правильно проверяли, имеются ли у усыновляемого ребенка несовершеннолетние братья и сестры (как полнородные,

так и неполнородные), относятся ли они к категории детей, оставшихся без попечения родителей, проживал ли усыновляемый ребенок совместно с братьями и сестрами, находятся они на время рассмотрения дела в одном либо в разных детских учреждениях, знает ли усыновляемый ребенок о существовании у него братьев и сестер, общаются ли дети между собой, испытывают ли они взаимную привязанность друг к другу, могут ли дети по состоянию здоровья жить и воспитываться вместе.

Так, например, при рассмотрении Волгоградским областным судом заявления граждан Италии об усыновлении несовершеннолетнего было установлено, что у него есть брат. В судебном заседании представитель органа опеки и попечительства пояснила, что усыновление мальчика заявителями не противоречит интересам ребенка, так как братья после изъятия из семьи были помещены в разные детские учреждения с учетом их индивидуальных особенностей и уровня развития, после чего братья не виделись длительное время и не общались, чувство привязанности у них не сформировалось. Оказавшись впоследствии в одном учреждении, братья родственных чувств друг к другу не испытывали, часто ссорились. В ходе проведения воспитательных мероприятий и коррекционно-развивающих занятий отношения между братьями улучшились, но родственные связи так и не восстановились. С учетом данных обстоятельств суд пришел к выводу о том, что усыновление ребенка отдельно от его брата не будет противоречить интересам детей.

Если у усыновляемого ребенка имелись несовершеннолетние братья (сестры), находящиеся на воспитании в семье опекуна, суды проверяли, предлагали ли органы опеки и попечительства гражданам Российской Федерации, являющимся опекунами братьев (сестер) усыновляемого ребенка, принять усыновляемого на воспитание в свою семью (в том числе на усыновление). Если указанные лица отказывались принять ребенка на воспитание, суды выясняли причины такого отказа, в том числе и путем допроса указанных лиц в судебном заседании.

Например, при рассмотрении Челябинским областным судом дела по заявлению граждан Италии об усыновлении ребенка было установлено, что усыновляемый ребенок имеет совершеннолетнего брата, проходящего службу по призыву в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации, а также трех несовершеннолетних сестер, одна из которых проживает со своим отцом, вторая находится под опекой иного лица, а третья является воспитанницей Центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Как установлено судом родственные связи между усыновляемым и его братом и сестрами отсутствуют. Отец сестры ребенка подал заявление о согласии на усыновление ребенка любым лицом, опекун второй девочки принять ребенка в свою семью отказалась, третья сестра и совершеннолетний брат также дали согласие на усыновление своего брата любым лицом.

Таким образом, как свидетельствует обобщение судебной практики, заявление об усыновлении ребенка, имеющего братьев и сестер, удовлетворялось судом только в том случае, если суд приходил к выводу о том,

что усыновление ребенка отдельно от братьев и сестер отвечает интересам детей и не причинит им психологической травмы.

Применение судами положений статьи 127 СК РФ

При рассмотрении всех дел о международном усыновлении суды проверяли, не имеется ли обстоятельство, предусмотренных статьей 127 СК РФ, в силу которых заявители не могут быть усыновителями.

В этих целях суды, в частности, исследовали финансовое и материальное положение усыновителей, их жилищные условия, проверяли обстоятельства, связанные с наличием у них судимости, выясняли, как они характеризуются по месту их жительства, не лишались ли они родительских прав, не отстранялись ли от обязанностей опекуна (попечителя) за ненадлежащее выполнение возложенных на них обязанностей, не прерывали ли ранее процесса усыновления в связи с добровольным отказом от усыновления.

Для подтверждения отсутствия заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка (подпункт 6 пункта 1 статьи 127 СК РФ), по большинству рассмотренных судами дел данной категории заявители представляли в суд медицинское заключение врачей иностранного государства и заключение, полученное на территории Российской Федерации в порядке, установленном для граждан Российской Федерации.

В случае, когда представленные заявителями заключения о состоянии их здоровья, полученные ими по месту своего жительства, соответствовали требованиям российского законодательства, оснований не доверять указанным заключениям у суда не имелось и каких-либо возражений от лиц, участвующих в деле, относительно несоответствия их действительности в суд не поступало, суды исследовали вопрос о состоянии здоровья заявителей и об отсутствии у них заболеваний, препятствующих им быть усыновителями, на основании данных заключений.

Если представленное заключение не соответствовало приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 18 июня 2014 года N 290н «Об утверждении порядка медицинского освидетельствования граждан, намеревающихся усыновить (удочерить), взять под опеку (попечительство), в приемную или патронатную семью детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также формы заключения о результатах медицинского освидетельствования таких граждан», судья оставлял заявление без движения и предлагал заявителям пройти обследование в медицинской организации Российской Федерации. Так, по двум делам, рассмотренным Волгоградским областным судом, в медицинских заключениях о состоянии здоровья, выданных по результатам медицинского обследования на территории Италии, отсутствовали результаты исследований усыновителей на вирусный гепатит «В» и «С», вирус иммунодефицита человека ВИЧ-1, ВИЧ-2. В связи с указанными обстоятельствами суд оставил заявление без движения и предложил заявителям пройти обследование в медицинской организации Российской Федерации.

В ходе рассмотрения Самарским областным судом одного из дел о международном усыновлении заявителям также было предложено пройти медицинское обследование на территории Российской Федерации в целях подтверждения отсутствия у них заболеваний, при наличии которых лицо не может усыновить ребенка. Такое обследование заявителями было пройдено, и по его результатам получено соответствующее заключение.

Разрешение вопроса о возможности усыновителей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие (пункт 2 статьи 124 СК РФ)

В соответствии с пунктом 2 статьи 124 СК РФ усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах с соблюдением требований абзаца третьего пункта 1 статьи 123 СК РФ, а также с учетом возможностей обеспечить детям полноценное физическое, психическое, духовное и нравственное развитие.

В целях соблюдения интересов усыновляемых детей суды выясняли, какие условия будут созданы усыновителями для гармоничного развития ребенка, готовы ли заявители усыновить ребенка с теми или иными заболеваниями, особенно в тех случаях, когда усыновляемый ребенок является инвалидом.

В связи с этим суды учитывали рекомендации, данные усыновителям в отношении возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка, содержащиеся в заключениях компетентного органа иностранного государства, в социально-психологических отчетах по результатам обследования условий жизни кандидатов в усыновители.

По каждому делу об усыновлении судьи в судебном заседании опрашивали усыновителей о готовности усыновить ребенка с имеющимися у него заболеваниями, в том числе и в случаях, когда состояние здоровья усыновляемого ребенка отвечало рекомендациям, которые были даны усыновителям. При этом усыновителям задавались, в частности, вопросы относительно того, что им известно об имеющихся у ребенка заболеваниях, их тяжести и о последствиях, а также о методах лечения, понятен ли им диагноз, установленный ребенку, были ли переведены медицинские документы детей на родной язык заявителей, каковы прогнозы на излечение данных заболеваний, в каком объеме и на каких условиях (бесплатно, страховка и т.п.) будет оказана медицинская помощь ребенку в стране проживания усыновителей.

Вопрос о соответствии возраста и состояния здоровья усыновляемого ребенка рекомендациям, данным усыновителям относительно возраста и состояния здоровья ребенка, с учетом которых они признаны пригодными к усыновлению ребенка, проверялся судами, как правило, на стадии принятия заявления. В случае выявления несоответствия возраста или состояния здоровья ребенка рекомендациям, данным заявителям, им предоставлялся разумный срок для представления суду дополнительного заключения соответствующего компетентного органа иностранного государства о возможности усыновления ими ребенка

указанного возраста и состояния здоровья. Такие случаи, в частности, имели место при рассмотрении дел о международном усыновлении Забайкальским краевым судом, Владимирским и Волгоградским областными судами.

При исследовании Волгоградским областным судом вопроса о возможности и готовности супругов - граждан Испании усыновить ребенка, страдающего рядом заболеваний, в ходе судебного заседания были опрошены заявители, которые пояснили, что знают о диагнозах мальчика. Заявители перечислили эти диагнозы, а также пояснили, что отправляли медицинские заключения о здоровье ребенка врачам в Испанию, которые подтвердили, что при оказании квалифицированной медицинской помощи ребенку, терпении и любви имеющиеся у него заболевания излечимы. Супруги также заверили суд в том, что при возвращении в Испанию ребенок пройдет полное медицинское обследование, их финансовые возможности позволяют обеспечить надлежащее лечение мальчика, а также, при необходимости, нанять специальных педагогов для преодоления диагноза ребенка, связанного с отставанием психологического развития. Заявление об усыновлении судом было удовлетворено.

Судьей Тульского областного суда при принятии заявления об усыновлении было установлено, что заявители - граждане Италии ставят вопрос об усыновлении двоих детей, один из которых имеет возраст 5 лет 7 месяцев и признан инвалидом. Установив данные обстоятельства судья правильно предложил заявителям представить мнения социального работника и психолога относительно пригодности заявителей к усыновлению ребенка указанных возраста и состояния здоровья, поскольку, как следовало из приложенного к заявлению об усыновлении социально-психологического отчета, супруги были признаны пригодными к усыновлению ребенка (детей) в возрасте от 0 до 5 лет, не имеющих инвалидности или некомпенсируемых проблем со здоровьем.

Согласно представленным в Верховный Суд Республики Коми гражданами Испании психологическим и социальным отчетам супруги признаны способными к усыновлению в России ребенка в возрасте до 4 лет (на год младше воспитываемого ими сына). На день вынесения судом решения возраст несовершеннолетнего превысил 4 года. Суд, обсудив данное обстоятельство и, приняв во внимание, что на день подачи в суд заявления об усыновлении возраст ребенка отвечал критериям, обозначенным в решении компетентного органа Испании о признании супругов способными к усыновлению, а также учитывая период нахождения дела в суде, на длительность которого повлияло приостановление производства по делу, признал допустимым незначительное превышение возраста усыновляемого и исходя из интересов ребенка и желания усыновителей усыновить именно этого ребенка удовлетворил заявление об усыновлении.

При возникновении в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний относительно здоровья усыновляемого, судом в соответствии с частью первой статьи 79 ГПК РФ назначалась экспертиза.

Так, в ходе рассмотрения Волгоградским областным судом одного из дел о международном усыновлении было установлено, что из представленного гражданами Италии социально-психологического отчета усматривалось, что супруги исключили возможность усыновить ребенка с тяжелыми заболеваниями, однако это не соответствовало состоянию здоровья ребенка, в отношении которого ими подано заявление об усыновлении. Сославшись на мнение врача специализированного дома ребенка, а также медицинских работников Италии, оценивших состояние ребенка по представленным заявителями видеозаписям, они выразили уверенность в отсутствии у ребенка заболеваний, содержащихся в медицинском заключении. Для установления действительного состояния здоровья ребенка, в частности уточнения медицинского диагноза, а также тяжести заболевания и прогноза его течения, по делу была назначена комиссия судебная медицинская экспертиза, по результатам которой установлено, что ребенок не страдает указанными в медицинском заключении заболеваниями. С учетом данного обстоятельства судом принято решение об удовлетворении заявления.

По одному из дел, рассмотренных Тульским областным судом, к участию в деле привлекался специалист в области педиатрии и детской неврологии для дачи пояснений относительно медицинских диагнозов усыновляемых детей с целью подробного разъяснения их усыновителям и выяснения вопроса о том, правильно ли заявители понимают эти диагнозы, а также для выяснения мнения специалиста о возможности освоения усыновляемыми детьми в связи с состоянием их здоровья иностранного языка.

В тех случаях, когда заявители ранее усыновляли детей (в том числе и детей, являющихся гражданами Российской Федерации), судами исследовались обстоятельства, касающиеся вопроса о том, насколько успешно такие кандидаты в усыновители справляются со своими родительскими обязанностями в отношении усыновленных детей.

В этих целях суды исследовали представленные социально-психологические отчеты об условиях жизни и о воспитании ранее усыновленных заявителями детей, медицинские заключения о состоянии здоровья этих детей, сведения из компетентных органов о выполнении заявителями обязательств по постановке усыновленных детей на консульский учет и представлению послеусыновительных отчетов.

Например, по одному из дел об усыновлении ребенка гражданами Италии, ранее усыновивших ребенка - гражданина Российской Федерации, Волгоградским областным судом в целях проверки надлежащего выполнения заявителями обязанностей по воспитанию детей исследовались заключение иностранной ассоциации, рекомендовавшей заявителей к усыновлению ребенка; отчеты об условиях жизни и проживания усыновленного мальчика, составленные компетентным органом иностранного государства с приложением фотографий; характеристики из учебного заведения в отношении мальчика с указанием роли родителей в его воспитании и обучении; заключение компетентного органа по результатам встреч с усыновляемым

ребенком. Кроме того, судом было учтено мнение указанного ребенка, изложенное в дополнительном отчете ассоциации, который выразил искреннее желание как можно скорее увидеть сестру, которой он будет поддержкой в жизни и которой поможет адаптироваться в семье.

Установив, что усыновители относятся к воспитанию ранее усыновленного ребенка ответственно, заботятся о нем надлежащим образом, обеспечивают его физическое и нравственное развитие в соответствии с интересами и возрастом ребенка, их взаимоотношения с ребенком основаны на привязанности, любви и взаимопонимании, суд пришел к выводу об удовлетворении заявления об усыновлении.

При рассмотрении дел о международном усыновлении судьи по каждому делу исследовали вопрос об установлении психологического контакта между заявителями и усыновляемым ребенком.

В этих целях суды правильно выясняли вопросы о том, каковы были длительность и периодичность общения заявителей и ребенка.

В судебном заседании судьями выяснялось у заявителей, достаточно ли им было времени для общения и установления контакта с усыновляемым, имеется ли необходимость в предоставлении дополнительного времени. При этом, разрешая вопрос о том, был ли указанный период достаточным, суд руководствовался, в первую очередь, тем, были ли встречи результативными, удалось ли заявителям расположить к себе ребенка, установлен ли психологический контакт между ними, поддерживали ли заявители связь с ребенком в период своего отъезда и возникала ли необходимость устанавливать этот контакт заново по возвращении. В суд представлялись письменные мотивированные заключения, подписанные специалистом органа опеки и попечительства, педагогом-психологом, воспитателем, главным врачом детского учреждения, наблюдавшими за этими встречами.

Как показало обобщение судебной практики, усыновители и ребенок общались при знакомстве в течение нескольких дней и по несколько часов, а также общались и непосредственно перед судебным заседанием в течение нескольких дней. Как правило, в период отъезда усыновителей общение с ребенком продолжалось посредством телефона, интернета, детям передавались подарки.

Решение об удовлетворении заявления об усыновлении принималось судом в тех случаях, когда суд приходил к выводу о том, что период общения усыновителей с ребенком был достаточным по времени и между ребенком и усыновителями установлен психологический контакт.

По всем делам судами также исследовался вопрос о прохождении кандидатами в усыновители подготовки в порядке, установленном пунктом 4 статьи 127 СК РФ.

В этих целях суды, руководствуясь положениями пункта 8 части первой статьи 271 ГПК РФ и приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 августа 2012 года N 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и фор-

мы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации», проверяли наличие документов, подтверждающих прохождение иностранными гражданами подготовки кандидатов в приемные родители на территории государства, в котором они постоянно проживают.

Решая вопрос о том, надлежащим ли образом пройдена указанная подготовка, судьи исследовали программу, по которой проводилась подготовка кандидатов в приемные родители, в том числе на предмет соответствия содержания ее разделов и трудоемкости требованиям, утвержденным названным выше приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 20 августа 2012 года N 623.

В случае установления несоответствия содержания приложенной к заявлению программы указанным требованиям заявителям предлагалось пройти соответствующую подготовку на территории Российской Федерации (Иркутский областной суд).

Имели место случаи (например, в Забайкальском краевом суде, Иркутском областном суде), когда заявителями не были представлены документы, подтверждающие право иностранной организации, выдавшей документ о прохождении подготовки граждан, проводить такую подготовку и выдавать соответствующий документ. В такой ситуации судьи оставляли заявление без движения и предлагали заявителям устранить выявленные недостатки либо пройти подготовку на территории Российской Федерации.

В Забайкальском краевом суде имел место случай добровольного прохождения подготовки заявителями, не относящимися к категории лиц, которые обязаны в силу действующего в Российской Федерации законодательства (подпункт 12 пункта 1 статьи 127 СК РФ) проходить специальную подготовку перед принятием в свою семью ребенка, поскольку указанные граждане являлись усыновителями (ранее усыновили ребенка - гражданина Российской Федерации) и имели положительный опыт усыновления.

Верховным Судом РФ обобщена судебная практика за 2014 - 2017 годы по спорам о прохождении службы в органах внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, ФПС, СК России и в таможенных органах.

Утвержден
Президиумом Верховного Суда
Российской Федерации
15 ноября 2017 г.

**ОБЗОР
ПРАКТИКИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ
ПО СПОРАМ, СВЯЗАННЫМ С ПРОХОЖДЕНИЕМ
СЛУЖБЫ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ
СЛУЖАЩИМИ (СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, СОТРУДНИКАМИ ОРГАНОВ
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ,
СОТРУДНИКАМИ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, СОТРУДНИКАМИ ИНЫХ
ОРГАНОВ, В КОТОРЫХ ПРЕДУСМОТРЕНА ФЕДЕРАЛЬНАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА)**

Верховным Судом Российской Федерации проведено изучение практики рассмотрения судами в 2014 - 2017 годах споров, связанных с прохождением службы федеральными государственными служащими - сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками федеральной противопожарной службы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками таможенных органов.

Статьей 4 Федерального закона от 27 мая 2003 года N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» предусмотрено, что федеральная государственная служба представляет собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации, а также полномочий федеральных государственных органов и лиц, замещающих государственные должности Российской Федерации.

Федеральным государственным служащим является гражданин, осуществляющий профессиональную служебную деятельность на должности федеральной государственной службы и получающий денежное содержание (вознаграждение, довольствие) за счет средств федерального бюджета (пункт 1 статьи 10 Федерального закона от 27 мая 2003 года N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»).

На основании пункта 3 статьи 10 указанного федерального закона нанимателем федерального государственного служащего является Российская Федерация.

В силу пункта 4 статьи 10 этого же федерального закона правовое положение (статус) федерального государственного служащего, в том числе ограничения, обязательства, правила служебного поведения, ответственность, а также порядок разрешения конфликта интересов и служебных споров устанавливается соответствующим федеральным законом о виде государственной службы.

Согласно пункту 1 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 2003 года N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» система госу-

дарственной службы включает в себя государственную гражданскую службу, военную службу, а также государственную службу иных видов. В соответствии с пунктом 3 данной статьи военная служба и государственная служба иных видов, которые устанавливаются федеральными законами, являются видами федеральной государственной службы.

К видам федеральной государственной службы относятся, в частности:

служба в органах внутренних дел, установленная Федеральным законом от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

служба в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, которые названы в Законе Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»,

служба в федеральной противопожарной службе, установленная Федеральным законом от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,

служба в Следственном комитете Российской Федерации, установленная Федеральным законом от 28 декабря 2010 года N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»,

служба в таможенных органах, установленная Федеральным законом от 21 июля 1997 года N 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации».

Служба в органах внутренних дел в соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является федеральной государственной службой, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в органах внутренних дел Российской Федерации (далее - органы внутренних дел), а также на должностях, не являющихся должностями в органах внутренних дел, в случаях и на условиях, которые предусмотрены данным федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Согласно части 1 статьи 10 названного федерального закона сотрудником органов внутренних дел является гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном данным федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

Федеральный закон о службе в уголовно-исполнительной системе до настоящего времени не принят. В соответствии со статьей 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5473-1 «Об учрежде-

ниях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» уголовно-исполнительная система включает в себя учреждения, исполняющие наказания, территориальные органы уголовно-исполнительной системы, федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных. В уголовно-исполнительную систему по решению Правительства Российской Федерации могут входить следственные изоляторы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательские, проектные, медицинские, образовательные и иные организации.

Сотрудниками уголовно-исполнительной системы в силу части первой статьи 24 указанного закона являются лица из числа работников уголовно-исполнительной системы, имеющие специальные звания сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Порядок и условия прохождения службы, а также организация деятельности работников уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, перешедших либо вновь принятых на работу (службу) в уголовно-исполнительную систему Министерства юстиции Российской Федерации, в силу пункта 4 Указа Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 года N 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации» регламентируются Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденным постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года N 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации», Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации, соответствующими федеральными законами и правилами внутреннего распорядка учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания.

Указанное положение применяется в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы в соответствии с Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (утверждена приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 июня 2005 года N 76 «Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы»).

Служба в федеральной противопожарной службе согласно пункту 1 статьи 3 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является федеральной государственной службой,

представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации на должностях в федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном на решение задач в области пожарной безопасности, его территориальных органах - региональных центрах по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органах, уполномоченных решать задачи гражданской обороны и задачи по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций по субъектам Российской Федерации, подразделениях, организациях и учреждениях названного федерального органа исполнительной власти (далее - подразделение), а также на должностях, не являющихся должностями в этом федеральном органе, подразделениях, в случаях и на условиях, которые предусмотрены данным федеральным законом, другими федеральными законами и (или) нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации.

Сотрудником федеральной противопожарной службы в соответствии с частью 1 статьи 10 указанного федерального закона является гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению службы в федеральной противопожарной службе в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном этим федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава.

Служба в Следственном комитете Российской Федерации (далее также - Следственный комитет) согласно части 1 статьи 15 Федерального закона от 28 декабря 2010 года N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» является федеральной государственной службой, которую проходят сотрудники Следственного комитета в соответствии с данным федеральным законом и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

К сотрудникам Следственного комитета в силу пункта 5 статьи 4 указанного федерального закона относятся руководители следственных органов Следственного комитета, следователи, а также другие должностные лица Следственного комитета, имеющие специальные или воинские звания либо замещающие должности, по которым предусмотрено присвоение специальных или воинских званий.

Служба в таможенных органах в силу статьи 1 Федерального закона от 21 июля 1997 года N 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» является особым видом государственной службы граждан Российской Федерации, осуществляющих профессиональную деятельность по реализации функций, прав и обязанностей таможенных органов и организаций Федеральной таможенной службы (далее - таможенные органы), входящих в систему правоохранительных органов Российской Федерации.

Как следует из статьи 3 названного федерального закона, сотрудниками таможенных органов являются должностные лица этих органов - граждане, замещающие должности сотрудников в указанных органах, которым присвоены специальные звания.

В силу части седьмой статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации на федеральных государствен-

ных служащих действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется с особенностями, предусмотренными федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Так, на основании части 2 статьи 3 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами Российской Федерации, в соответствии с которыми осуществляется регулирование правоотношений, связанных со службой в органах внутренних дел, к этим правоотношениям применяются нормы трудового законодательства.

Аналогичным образом в силу части 2 статьи 2 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случаях, не урегулированных нормативными правовыми актами, в соответствии с которыми осуществляется регулирование правоотношений, связанных со службой в федеральной противопожарной службе, к этим правоотношениям применяются нормы трудового законодательства Российской Федерации.

Таким образом, указанными федеральными законами предусмотрено субсидиарное применение норм трудового законодательства к отношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, и к отношениям, связанным со службой в федеральной противопожарной службе.

Согласно части 3 статьи 15 Федерального закона от 28 декабря 2010 года N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» на сотрудников Следственного комитета (кроме военнослужащих) распространяется трудовое законодательство с особенностями, предусмотренными данным федеральным законом.

Что же касается сотрудников уголовно-исполнительной системы, а также сотрудников таможенных органов, то, поскольку федеральными законами и иными нормативными правовыми актами, регламентирующими прохождение федеральной государственной службы соответствующего вида, общие правила применения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, не определены, на названных сотрудников действие трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, распространяется в соответствии с частью седьмой статьи 11 Трудового кодекса Российской Федерации.

Как следует из представленных на изучение материалов судебной практики, судами рассматривались дела по искам сотрудников органов внутренних дел, сотрудников органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников федеральной противопожарной службы, сотрудников Следственного комитета, сотрудников таможенных органов (далее также - сотрудники) к федеральным государственным ор-

ганам, их территориальным органам, подразделениям, организациям и учреждениям о признании незаконным отказа в принятии на службу; о признании незаконным решения о прекращении допуска к сведениям, составляющим государственную тайну; об отмене приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности; о признании незаконными заключений служебных проверок; о предоставлении дополнительных дней отдыха; о признании незаконными приказов о зачислении в распоряжение; о признании незаконными прекращения контракта и увольнения со службы по различным основаниям; о восстановлении на службе; иные служебные споры.

Кроме того, судами рассматривались дела по искам федеральных государственных органов, их территориальных органов, подразделений, организаций и учреждений к сотрудникам о привлечении к материальной ответственности.

Дела указанной категории разрешаются судами в порядке искового производства.

При рассмотрении дел по спорам, связанным с прохождением службы указанными федеральными государственными служащими, суды руководствовались, в частности:

- Конституцией Российской Федерации;
- Трудовым кодексом Российской Федерации (далее также - ТК РФ);
- Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - ГПК РФ);
- Федеральным законом от 27 мая 2003 года N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»;
- Федеральным законом от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ);
- Федеральным законом от 7 февраля 2011 года N 3-ФЗ «О полиции» (далее - Федеральный закон «О полиции»);
- Федеральным законом от 19 июля 2011 года N 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»);
- Федеральным законом от 21 июля 1998 года N 117-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» (далее - Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы»);
- Федеральным законом от 28 декабря 2010 года N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»;

- Федеральным законом от 21 июля 1997 года N 114-ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации»;

- Федеральным законом от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- Федеральным законом от 30 декабря 2012 года N 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;

- Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее - Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»);

- Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года N 5485-1 «О государственной тайне» (далее - Закон Российской Федерации «О государственной тайне»);

- постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года N 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации»;

- Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 1995 года N 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне»;

- Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 года N 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации»;

- Указом Президента Российской Федерации от 16 ноября 1998 года N 1396 «Об утверждении Дисциплинарного устава таможенной службы Российской Федерации»;

- Указом Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 года N 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации»;

- Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 года N 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний»;

- другими федеральными законами, указами Президента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти.

В целях обеспечения единообразного подхода к разрешению споров, связанных с прохождением службы сотрудниками органов внутренних дел, сотрудниками органов уголовно-исполнительной системы, сотрудниками федеральной противопожарной службы, сотрудниками Следственного комитета Российской Федерации, сотрудниками таможенных органов, и принимая во внимание, что судами по отдельным категориям споров допускаются ошибки, для их устранения необходимо обратить внимание на следующие правовые позиции.

1. При рассмотрении судом служебного спора и разрешении вопроса об уважительности причин пропуска сотрудником срока обращения в суд в качестве обстоятельства, имеющего значение для дела, следует принимать во внимание его обращение для разрешения этого служебного спора к уполномоченному руководителю.

А. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о признании незаконным заключения по результатам служебного расследования и решения о прекращении его допуска к государственной тайне, об отмене приказа об увольнении со службы в органах внутренних дел, о восстановлении на службе в ранее занимаемой должности.

В обоснование заявленного иска А. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, имел оформленный в установленном порядке допуск к сведениям, составляющим государственную тайну. Руководителем органа внутренних дел 28 марта 2016 года утверждено заключение по результатам служебного расследования о несанкционированном выезде А. за границу и тем самым невыполнении им взятого на себя обязательства, связанного с соблюдением установленных требований режима секретности. На основании этого заключения 28 марта 2016 года принято решение о прекращении А. допуска к государственной тайне, а 2 апреля 2016 года - о его временном отстранении от выполнения служебных обязанностей.

Заключением по результатам служебной проверки подразделения по собственной безопасности МВД России о возможных несанкционированных выездах А. за пределы Российской Федерации от 4 июня 2016 года установлено, что документы, разрешающие А. выезд за пределы Российской Федерации, оформлены надлежащим образом.

24 июня 2016 года А. обратился к руководителю органа внутренних дел с рапортом о разрешении служебного спора, в котором указал, что заключение по результатам служебного расследования и принятое на его основе распоряжение о прекращении ему допуска к государственной тайне являются необоснованными.

Руководителем органа внутренних дел решение по данному обращению принято не было. В связи с прекращением А. допуска к государственной тайне ему были предложены должности, не связанные с таким допуском, от которых А. отказался. Контракт с А. был расторгнут, и 8 декабря 2016 года он был уволен со службы в органах внутренних дел по пункту 21 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (в связи с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей требует допуска к таким сведениям).

Истец полагал увольнение необоснованным, поскольку нарушений обязательств, связанных с соблюдением требований режима секретности, он не допускал.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении исковых требований А. отказано со ссылкой на часть 6 статьи 152 ГПК РФ в связи с пропуском срока обращения в суд для защиты права без исследования иных фактических обстоятельств по делу.

Принимая решение об отказе в удовлетворении исковых требований А., суд первой инстанции исходил из того, что А., зная о выводах заключения проведенного служебного расследования и прекращении ему 28 марта 2016 года допуска к государственной тайне, в предусмотренный законом срок в судебном порядке указанные заключение и распоряжение не оспорил, обратившись в суд с иском только 20 декабря 2016 года, то есть с пропуском установленного законом трехмесячного срока со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своих прав.

Суд счел необоснованным довод А. о том, что он указанный выше срок не пропустил в связи с обращением 24 июня 2016 года к руководителю органа внутренних дел с рапортом о разрешении служебного спора.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации при рассмотрении дела в апелляционном порядке с таким выводом суда первой инстанции не согласилась в связи со следующим.

Согласно части 1 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ служебный спор в органах внутренних дел (далее - служебный спор) - неурегулированные разногласия по вопросам, касающимся применения федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации в сфере внутренних дел и контракта, между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и сотрудником органов внутренних дел или гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшим на службе в органах внутренних дел, а также между прямым руководителем (начальником) или непосредственным руководителем (начальником) и сотрудником.

Сотрудник органов внутренних дел для разрешения служебного спора вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику), а при несогласии с его решением или при невозможности рассмотрения непосредственным руководителем (начальником) служебного спора по существу к прямому руководителю (начальнику) или в суд (часть 3 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Частью 4 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ предусмотрено, что сотрудник органов внутренних дел или гражданин, поступающий на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявший на службе в органах внутренних дел, для разрешения служебного спора может обратиться к руководителю федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченному руководителю либо в суд в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а для разрешения служебного спора, связанного с увольнением со службы в органах внутренних дел, в течение одного месяца со дня ознакомления с приказом об увольнении.

Служебный спор рассматривается руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем

в течение одного месяца со дня подачи рапорта сотрудником органов внутренних дел или со дня подачи письменного заявления гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшим на службе в органах внутренних дел, в порядке, определяемом федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел (часть 7 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

В силу части 8 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ решение руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя по служебному спору может быть обжаловано в суд в течение десяти дней со дня вручения копии соответствующего решения сотруднику органов внутренних дел или гражданину, поступающему на службу в органы внутренних дел либо ранее состоявшему на службе в органах внутренних дел, обратившимся для разрешения служебного спора.

Согласно пункту 8 Порядка рассмотрения служебного спора в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 13 августа 2012 года N 782 (далее в примере - Порядок), служебный спор рассматривается в течение одного месяца со дня подачи рапорта сотрудника или письменного заявления гражданина.

Решение соответствующего руководителя (начальника) по служебному спору оформляется в письменном виде. Копия решения по служебному спору в течение трех дней со дня его принятия вручается соответствующим руководителем (начальником) или кадровым подразделением сотруднику или гражданину, а в случае невозможности вручения направляется по почте.

Решение соответствующего руководителя (начальника) по служебному спору может быть обжаловано в суд в течение десяти дней со дня получения копии соответствующего решения сотрудником или гражданином, обратившимся для разрешения служебного спора (пункты 12, 13, 14 Порядка).

Из приведенных нормативных положений следует, что сотрудник органов внутренних дел для разрешения служебного спора вправе обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права; рапорт сотрудника органов внутренних дел подлежит рассмотрению непосредственным руководителем (начальником) в течение одного месяца со дня его подачи; решение по служебному спору оформляется в письменном виде; его копия в течение трех дней со дня принятия вручается сотруднику органов внутренних дел и в течение десяти дней со дня вручения копии соответствующего решения сотруднику может быть им обжаловано в суд.

В связи с этим обстоятельствами, имеющими значение для разрешения вопроса о пропуске срока обращения в суд, если от ответчика поступило заявление о пропуске такого срока истцом, являются: обращение сотрудника с рапортом к руководителю для разрешения служебного спора; принятие (непринятие) соот-

ветствующим начальником решения в письменном виде по рапорту сотрудника органов внутренних дел о разрешении служебного спора; получение (неполучение) этим сотрудником копии данного решения и обращение в суд с соответствующим иском в случае несогласия с решением начальника по служебному спору.

Как установлено судом апелляционной инстанции, А. 24 июня 2016 года обратился за разрешением служебного спора к руководителю органа внутренних дел с рапортом, в котором считал необоснованными и незаконными заключение служебного расследования от 28 марта 2016 года, принятое на его основе распоряжение от 28 марта 2016 года о прекращении ему допуска к государственной тайне, то есть в установленный частью 4 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ трехмесячный срок со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права.

Сведений о том, что руководителем органа внутренних дел по указанному рапорту А. было принято в письменном виде какое-либо решение в течение одного месяца либо позднее вплоть до увольнения А. со службы 8 декабря 2016 года и о том, что копия данного решения ему была вручена либо направлена по почте, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что А., реализуя предоставленное ему частью 3 статьи 72 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ право для разрешения служебного спора обратиться в письменной форме к непосредственному руководителю (начальнику) или в суд, избрал обращение к непосредственному руководителю (начальнику).

Поскольку судом первой инстанции при рассмотрении дела по иску А. не были приняты во внимание указанные выше фактические обстоятельства (обращение А. к уполномоченному руководителю с рапортом о разрешении служебного спора, неполучение им решения по данному рапорту), свидетельствующие об уважительности причин пропуска А. установленно-го законом трехмесячного срока для обращения в суд с заявлением о разрешении служебного спора, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации вывод суда о пропуске А. этого срока и, как следствие, отказ в удовлетворении исковых требований А. со ссылкой на часть 6 статьи 152 ГПК РФ без исследования фактических обстоятельств по делу признаны неправомерными.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

2. Право отбора кандидатов, способных по своим личным и деловым качествам выполнять обязанности службы в органах внутренних дел, отнесено действующим законодательством к компетенции уполномоченного руководителя.

Перечень уполномоченных руководителей, наделенных правом рассмотрения документов, представленных гражданином Российской Федерации для поступления на службу в органы внутренних дел

Российской Федерации, и принятия по ним решений, утверждается федеральным органом исполнительной власти в сфере внутренних дел.

Б. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконным решения об отказе в приеме на службу в органы внутренних дел и об обязанности заключить с ним контракт о прохождении службы в органах внутренних дел.

В обоснование предъявленных требований Б. указал, что решением ответчика ему отказано в приеме на службу в органы внутренних дел, что, по его мнению, является незаконным, поскольку он ранее проходил службу в органах внутренних дел, успешно прошел необходимые для приема на службу испытания и соответствует всем предъявляемым к кандидатам на службу в органы внутренних дел требованиям.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований Б. отказано. Суд признал законным решение руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации об отказе в приеме Б. на службу в органы внутренних дел.

При разрешении спора судом установлено, что Б. проходил службу в линейном управлении органов внутренних дел на транспорте и был уволен со службы по соглашению сторон (пункт 1 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ) в июле 2013 года. В октябре 2014 года Б. обратился в территориальный орган внутренних дел по субъекту Российской Федерации с заявлением о рассмотрении его документов с целью возможного приема на службу в органы внутренних дел. Ответчиком в связи с подачей Б. указанного заявления проведена проверка по линии собственной безопасности на предмет наличия в отношении Б., как бывшего сотрудника органов внутренних дел, компрометирующих материалов в период прохождения им службы. Подразделением собственной безопасности МВД России Б. не рекомендован к приему на службу в органы внутренних дел. Изложенные обстоятельства явились основанием для отказа Б. в приеме на службу в территориальный орган внутренних дел России по субъекту Российской Федерации.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации решение суда первой инстанции оставлено без изменения в связи со следующим.

Согласно части 1 статьи 17 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ на службу в органы внутренних дел вправе поступать граждане не моложе 18 лет независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, владеющие государственным языком Российской Федерации, соответствующие квалификационным требованиям, установленным данным федеральным законом, способные по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел.

В статье 18 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ определен перечень документов, кото-

рые гражданин представляет в федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган, подразделение для поступления на службу в органы внутренних дел, в том числе согласие, выраженное в письменной форме, на обработку персональных данных гражданина в целях изучения возможности приема его на службу в органы внутренних дел (пункт 11 части 1 статьи 18 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Порядок приема граждан на службу в органы внутренних дел, требования, предъявляемые к кандидатам, предусмотрены также Инструкцией о порядке отбора граждан Российской Федерации и приема документов для поступления на службу в органы внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 18 июля 2014 года N 595 (далее в примере - Инструкция).

Основной целью отбора граждан Российской Федерации на службу в органы внутренних дел Российской Федерации является прием на службу в органы внутренних дел граждан, способных выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел добросовестно, на высоком профессиональном уровне. Граждане, поступающие на службу в органы внутренних дел, должны владеть государственным языком Российской Федерации, соответствовать квалификационным требованиям, установленным Федеральным законом от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, быть способными по своим личным и деловым качествам, физической подготовке и состоянию здоровья выполнять служебные обязанности сотрудника органов внутренних дел (пункты 1, 2 Инструкции).

Пункт 31.3 указанной инструкции предусматривает проведение проверки достоверности сообщенных кандидатом сведений по учетам Главного управления собственной безопасности МВД России и подразделений собственной безопасности территориальных органов МВД России.

Частью 2 статьи 19 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ установлено, что уполномоченный руководитель в течение трех месяцев со дня принятия заявления обеспечивает проведение в отношении гражданина мероприятий, связанных с допуском к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, проверкой достоверности сообщенных им сведений, проверкой уровня физической подготовки, и направляет гражданина для прохождения медицинского освидетельствования (обследования) и проведения мероприятий по профессиональному психологическому отбору.

Срок проведения проверки достоверности сообщенных гражданином сведений может быть продлен уполномоченным руководителем до четырех месяцев с письменным уведомлением об этом гражданина (часть 3 статьи 19 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Согласно части 4 статьи 19 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ по результатам рассмотрения документов, представленных гражданином для поступления на службу в органы внутренних дел, с учетом заключения военно-врачебной комиссии, результатов психофизиологических исследований (об-

следований), тестирования, направленных на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами, уровня физической подготовки и личного поручительства уполномоченным руководителем принимается одно из следующих решений:

1) о заключении с гражданином трудового договора с условием об испытании, предусмотренном статьей 24 указанного федерального закона;

2) о допуске к участию в конкурсе на замещение должности в органах внутренних дел;

3) о заключении с гражданином контракта;

4) о направлении гражданина для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме;

5) об отказе гражданину в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме.

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 1995 года N 7-П).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с учетом приведенных нормативных положений и установленных по делу обстоятельств, принимая во внимание особый характер и предназначение службы в органах внутренних дел, пришла к выводу о том, что суд первой инстанции правильно признал законным решение ответчика об отказе Б. в приеме на службу в органы внутренних дел, поскольку данное решение было принято руководителем, наделенным полномочиями по рассмотрению документов, представленных гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел, и по принятию по этим документам решения, и основано на данных, полученных по результатам проверки достоверности сообщенных гражданином сведений, исходя в том числе из информации, полученной от подразделения собственной безопасности МВД России, на оценке его личных и деловых качеств. При этом нарушение права Б. на доступ к службе в органах внутренних дел ответчиком не допущено.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

3. Прекращение в отношении сотрудника уголовного преследования по основанию отсутствия в его действиях состава преступления не освобождает такого сотрудника от дисциплинарной ответственности, если нарушение им служебной дисциплины установлено по результатам служебной проверки.

Г. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконными заключения по материалам служебной проверки, приказов о наложении дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по пункту 7 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ и об увольнении по данному основанию, а также о восстановлении на службе.

В обоснование исковых требований Г. указал, что заключение служебной проверки является незаконным в части установления его вины в нарушении служебной дисциплины.

Решением суда первой инстанции исковые требования Г. удовлетворены и он восстановлен на службе в органах внутренних дел.

Апелляционным определением суда апелляционной инстанции от 25 июля 2014 года решение суда первой инстанции отменено. По делу принято новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований Г.

Постановлением президиума краевого суда апелляционное определение суда апелляционной инстанции от 25 июля 2014 года отменено, дело направлено на новое апелляционное рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда от 7 апреля 2015 года решение районного суда оставлено без изменения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление президиума краевого суда и определение суда апелляционной инстанции от 7 апреля 2015 года и оставила в силе определение суда апелляционной инстанции от 25 июля 2014 года в связи со следующим.

Как установлено судом, Г. проходил службу в органах внутренних дел, занимал должность начальника отдела территориального органа внутренних дел, на него было наложено дисциплинарное взыскание в виде увольнения и Г. был уволен со службы по пункту 7 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при наличии у сотрудника дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя).

Основанием для наложения дисциплинарного взыскания и последующего увольнения Г. со службы явилось заключение служебной проверки территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, назначенной по факту возбуждения в отношении Г. уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 1 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации (совершение должностным лицом действий, явно выходящих за

пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства).

Данной проверкой было установлено, что в нарушение требований Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) сотрудники отдела, находящегося под непосредственным руководством Г., самостоятельно и за счет собственных средств исполняли постановления по делам об административных правонарушениях с целью улучшения показателя взыскания штрафов по составленным протоколам об административных правонарушениях. Кроме того, согласно материалам проверки Г. был отдан приказ об изъятии у подчиненных сотрудников по окончании несения ими службы служебных удостоверений и жетонов под предлогом предупреждения происшествий, связанных с личным составом, что было расценено как превышение должностных полномочий.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные Г. требования, суд первой инстанции исходил из того, что заключение служебной проверки является необоснованным, поскольку не устанавливает вину Г. во вменяемом ему дисциплинарном проступке. При этом суд сослался на то обстоятельство, что в отношении Г. возбуждено уголовное дело, производство по которому не окончено, поэтому выводы служебной проверки не могут быть положены в основу решения о привлечении истца к дисциплинарной ответственности. С учетом того, что вина Г. во вменяемом ему дисциплинарном проступке не установлена, отсутствуют основания для его увольнения.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении иска, суд апелляционной инстанции в определении от 25 июля 2014 года признал, что факт совершения Г. дисциплинарного проступка подтверждается материалами служебной проверки. При этом результат разрешения уголовного дела не имеет правового значения при разрешении вопроса о применении к Г. мер дисциплинарного взыскания за допущенные им нарушения служебной дисциплины.

Президиум краевого суда, отменяя апелляционное определение суда апелляционной инстанции и направляя дело на новое апелляционное рассмотрение, сослался на то, что судебными инстанциями не в полной мере установлены обстоятельства, свидетельствующие о соблюдении ответчиками процедуры прекращения служебных отношений с Г.

При новом рассмотрении дела в апелляционном порядке 7 апреля 2015 года суд апелляционной инстанции согласился с выводами, изложенными в решении суда первой инстанции, мотивировав тем, что уголовное преследование в отношении Г. прекращено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации, вина в указанных в служебной проверке действиях истца материалами служебной проверки не подтверждена.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации нашла выводы суда

первой инстанции, президиума краевого суда и суда апелляционной инстанции, изложенные в апелляционном определении от 7 апреля 2015 года, о наличии оснований для удовлетворения исковых требований Г. нарушающими нормы права, подлежащие применению к спорным отношениям.

В силу пункта 2 части 1 статьи 13 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Служебная дисциплина - соблюдение сотрудником органов внутренних дел установленных законодательством Российской Федерации, Присягой сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, дисциплинарным уставом органов внутренних дел Российской Федерации, контрактом, приказами и распоряжениями руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, приказами и распоряжениями прямых и непосредственных руководителей (начальников) порядка и правил выполнения служебных обязанностей и реализации предоставленных прав (часть 1 статьи 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

В целях обеспечения и укрепления служебной дисциплины руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел и уполномоченным руководителем к сотруднику органов внутренних дел могут применяться меры поощрения и на него могут налагаться дисциплинарные взыскания, предусмотренные статьями 48 и 50 названного федерального закона (часть 2 статьи 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

В соответствии с частью 1 статьи 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (в редакции, действовавшей на момент возникновения спорных правоотношений) служебная проверка проводится по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя при необходимости выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка, подтверждения наличия или отсутствия обстоятельств, предусмотренных статьей 29 Федерального закона «О полиции», а также по заявлению сотрудника.

Пунктом 7 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ предусмотрено, что контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при наличии у сотрудника дисциплинарного взыскания, наложенного в письменной форме приказом руководителя

федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя.

Исходя из приведенных положений нормативных правовых актов служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы и направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, в том числе предполагающего для этой категории граждан особые требования к их личным и деловым качествам и особые обязанности, обусловленные выполняемыми задачами и специфическим характером деятельности указанных лиц. При установлении факта совершения сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка на него может быть наложено дисциплинарное взыскание.

Судом первой инстанции при разрешении данного спора не учтено, что именно нарушения служебной дисциплины, выразившиеся в совершении Г. действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенные нарушения прав и законных интересов граждан, установленные служебной проверкой, и послужили основанием для привлечения истца к дисциплинарной ответственности и издания приказов об увольнении Г. со службы.

Суд первой инстанции, президиум краевого суда и суд апелляционной инстанции (определение от 7 апреля 2015 года) не приняли во внимание, что руководителем органов внутренних дел в силу части 2 статьи 47 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ по результатам служебной проверки было принято решение о наличии в действиях Г. факта нарушения им служебной дисциплины и наличии по этой причине оснований для расторжения с ним служебного контракта.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с учетом нормативных положений, регулирующих спорные отношения, и того обстоятельства, что факт совершения Г. дисциплинарного проступка подтвержден материалами служебной проверки, признала правомерным вывод суда апелляционной инстанции в апелляционном определении от 25 июля 2014 года о том, что результат разрешения уголовного дела не имеет правового значения при разрешении вопроса о применении к Г. мер дисциплинарного взыскания за допущенные им нарушения служебной дисциплины, в связи с чем отменила решение суда первой инстанции, президиума краевого суда и суда апелляционной инстанции (определение от 7 апреля 2015 года) и оставила в силе апелляционное определение от 25 июля 2014 года.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 ноября 2015 года N 19-КГ15-29;

аналогичная правовая позиция содержится в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 15 августа 2016 года N 21-КГ16-5, от 7 ноября 2016 года N 29-КГ16-7).

4. Сотруднику органов внутренних дел, являющемуся отцом (усыновителем, попечителем) ребенка, отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста

трех лет предоставляется в порядке, установленном трудовым законодательством, в случаях отсутствия материнского попечения над ребенком по объективным причинам.

М. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконными и об отмене заключения служебной проверки, приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности и об увольнении со службы в органах внутренних дел, о восстановлении на службе, об обязанности ответчика предоставить ему отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, другими требованиями.

В обоснование заявленных требований М. ссылался на то, что уволен со службы в органах внутренних дел по пункту 6 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ в связи с грубым нарушением служебной дисциплины (отсутствием по месту службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени). М. указал, что его отсутствие по месту службы было связано с подачей им рапорта о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, на который он имел право, поскольку мать ребенка по состоянию здоровья не могла за ним ухаживать, однако ему в этом было неправомерно отказано.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, исковые требования М. удовлетворены частично. Суд восстановил М. на службе в органах внутренних дел, а также обязал ответчика предоставить М. отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. В удовлетворении остальной части исковых требований М. отказано.

Как установлено судом, М. проходил службу в органах внутренних дел в должности начальника правового отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации. С 10 августа по 8 сентября 2015 года М. был предоставлен очередной отпуск за 2015 год с выездом в г. Париж (Франция) к месту пребывания супруги, где у них 20 августа 2015 года родился сын.

М. 27 августа 2015 года из Франции по электронной почте подан рапорт о предоставлении ему с 6 сентября 2015 года отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в связи с нахождением матери ребенка на излечении и невозможностью ею самой осуществлять уход за новорожденным с приложением медицинских документов о состоянии здоровья супруги.

Впоследствии М. из Франции по электронной почте обращался в территориальный орган внутренних дел по субъекту Российской Федерации с рапортами о предоставлении ему различных отпусков за период службы в органах внутренних дел (неиспользованных отпусков за предыдущие годы, дополнительных отпусков за стаж службы в органах внутренних дел и др.), которые были ему предоставлены.

Ответчиком 13 ноября 2015 года во Францию по электронной почте сообщено М. о том, что ему отказано в предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет по причине того,

что представленные им медицинские документы не отражают объективных причин невозможности ухода за ребенком его матерью. Одновременно истцу предоставлена возможность приступить к исполнению служебных обязанностей 16 ноября 2015 года. При этом территориальным органом внутренних дел по субъекту Российской Федерации проводилась проверка обстоятельств, указанных М. в качестве причины для предоставления ему отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Ответчик пришел к выводу о том, что представленные М. документы не свидетельствуют об отсутствии у ребенка материнского попечения по объективным причинам.

В связи с невыходом М. на службу в период с 16 ноября по 3 декабря 2015 года руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации назначено проведение служебной проверки. Заключение по результатам проверки установлен факт отсутствия М. по месту службы в указанный период без уважительных причин, в связи с чем в заключении сделан вывод о грубом нарушении им служебной дисциплины.

М. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения из органов внутренних дел по пункту 6 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ в связи с грубым нарушением служебной дисциплины, выразившимся в отсутствии по месту службы без уважительных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени, и приказом начальника территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации уволен 4 декабря 2015 года со службы в органах внутренних дел по данному основанию.

Разрешая спор по существу и удовлетворяя искивые требования М. в части обязанности ответчика предоставить ему отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, суд первой инстанции ссылаясь на положения части 8 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ и исходил из того, что к направленному М. в адрес ответчика заявлению о предоставлении отпуска по уходу за ребенком прилагались медицинские документы, подтверждающие, что его супруга по состоянию здоровья не может осуществлять уход за их новорожденным ребенком. Суд первой инстанции также указал, что ответчик не представил какие-либо доказательства (медицинские документы, заключения специалистов), подтверждающие, что на момент увольнения М. со службы в органах внутренних дел его супруга по состоянию здоровья могла осуществлять уход за новорожденным ребенком. Суд сделал вывод о том, что М. имел право на предоставление ему отпуска по уходу за ребенком до достижения возраста трех лет.

Кроме того, суд первой инстанции полагал, что на истца в период его нахождения в отпуске по уходу за ребенком распространяются установленные статьей 256 ТК РФ гарантии, предусматривающие сохранение за работником места работы (должности), вследствие чего признал не соответствующими закону заключение по результатам служебной проверки в отношении М. и последовавшие за ним привлечение его к дисциплинарной ответственности и увольнение со службы в органах внутренних дел.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведенные выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, в связи со следующим.

Права сотрудника органов внутренних дел установлены статьей 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, в пункте 3 части 1 которой указано право на отдых в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Ко времени отдыха, как следует из положений части 2 статьи 55 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, относятся, в частности, отпуска.

Виды отпусков с сохранением денежного довольствия, предоставляемых сотруднику органов внутренних дел, перечислены в части 1 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ. К ним относятся основной отпуск, дополнительные отпуска, каникулярный отпуск, отпуск по личным обстоятельствам, отпуск по окончании образовательной организации высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, другие виды отпусков в случае, если их оплата предусмотрена законодательством Российской Федерации.

Основной и дополнительный отпуска сотруднику органов внутренних дел предоставляются ежегодно начиная с года поступления на службу в органы внутренних дел (часть 2 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Статьей 63 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ установлены другие виды отпусков, предоставляемых сотрудникам органов внутренних дел, в число которых входит отпуск по уходу за ребенком.

В соответствии с частью 8 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ сотруднику органов внутренних дел женского пола, а также сотруднику, являющемуся отцом (усыновителем, попечителем) и воспитывающему ребенка без матери (в случае ее смерти, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и в других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам), предоставляется отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет в порядке, установленном трудовым законодательством. На такого сотрудника в части, не противоречащей указанному федеральному закону, распространяются социальные гарантии, установленные трудовым законодательством.

Из приведенных норм Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ в их взаимосвязи следует, что, по общему правилу, исходя из особого правового статуса сотрудников органов внутренних дел право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет имеют сотрудники органов внутренних дел женского пола, мужчины - сотрудники органов внутренних дел, воспитывающие ребенка совместно с матерью, безусловного права на такой отпуск не имеют.

Недопущение совмещения отцами - сотрудниками органов внутренних дел исполнения их служебных

обязанностей с воспитанием малолетних детей при наличии материнского попечения посредством отпуска по уходу за ребенком, с одной стороны, обусловлено спецификой правового статуса сотрудников органов внутренних дел, а с другой - согласуется с конституционно значимыми целями ограничения прав и свобод человека и гражданина (часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации), оправдано необходимостью создания условий для эффективной профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел, обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность. Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан как определенные ограничения в части реализации ими гражданских прав и свобод, так и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 года N 566-О-О).

Поскольку служба в органах внутренних дел в силу предъявляемых к ней специфических требований исключает возможность неисполнения сотрудниками указанных органов своих служебных обязанностей без ущерба для охраняемых законом публичных интересов, ограничение права отцов, проходящих службу в указанных органах и воспитывающих ребенка (детей) совместно с матерью, на использование отпуска по уходу за ребенком направлено на соблюдение баланса публичных и частных интересов (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 марта 2009 года N 377-О-О).

Вместе с тем частью 8 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ предусмотрено предоставление отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцам - сотрудникам органов внутренних дел, но только в случаях воспитания ими ребенка без матери, вызванного отсутствием объективной возможности ухода за ребенком матерью. Примерный перечень таких случаев приведен в названной норме, а именно: в случае смерти матери, лишения ее родительских прав, длительного пребывания в лечебном учреждении и других случаях отсутствия материнского попечения по объективным причинам.

Таким образом, при разрешении исковых требований о предоставлении отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет отцу - сотруднику органов внутренних дел обстоятельством, имеющим значение для дела, является определение факта наличия или отсутствия у ребенка материнского попечения как основания предоставления отцу - сотруднику органов внутренних дел отпуска по уходу за ребенком.

Суды первой и апелляционной инстанций данное юридически значимое обстоятельство не установили, вывода о наличии или отсутствии у сына истца материнского попечения и, как следствие, основания предоставления М. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет не сделали.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным вывод судебных инстанций о том, что М. имел право на предоставление ему отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет.

Кроме того, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что судебными инстанциями не применены к спорным отношениям положения части 12 статьи 56 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, которые устанавливают, что предоставление сотруднику органов внутренних дел отпуска, соединение или разделение отпусков, продление или перенос отпуска, замена части отпуска денежной компенсацией и отзыв сотрудника из отпуска оформляются приказом руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя.

Из приведенной нормы права следует, что предоставление сотруднику органов внутренних дел отпуска осуществляется на основании приказа уполномоченного руководителя, поэтому наличие только рапорта от сотрудника органов внутренних дел о предоставлении ему отпуска не может служить основанием для невыхода на службу и для отсутствия такого сотрудника органов внутренних дел на службе без соответствующего согласования отпуска с уполномоченным руководителем и оформления предоставляемого отпуска соответствующим приказом.

Делая вывод о распространении на М. как на лицо, находящееся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, гарантий, предусмотренных статьей 256 ТК РФ (в силу части четвертой названной правовой нормы за работником сохраняется место работы (должность) на период отпуска по уходу за ребенком), судебные инстанции не дали правовой оценки тому обстоятельству, что приказ о предоставлении М. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет на основании поданного им рапорта не оформлялся, напротив, истец был поставлен в известность об отказе ему в предоставлении этого отпуска, однако он в отсутствие положительного решения уполномоченного руководителя по поданному им рапорту самовольно не выходил на службу в течение установленного служебного времени. При этом судебные инстанции оставили без внимания разъяснения, содержащиеся в подпункте «д» пункта 39 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 года N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации», согласно которым за самовольный уход работника в отпуск может быть произведено его увольнение за прогул.

В соответствии с пунктом 2 части 2 статьи 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ отсутствие сотрудника по месту службы без уважи-

тельных причин более четырех часов подряд в течение установленного служебного времени является грубым нарушением служебной дисциплины сотрудником органов внутренних дел.

Пунктом 6 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ установлено, что контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с грубым нарушением служебной дисциплины.

Поскольку реализация сотрудником органов внутренних дел, являющимся отцом ребенка, права на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, возникающего при наличии установленного законом обязательного условия (отсутствия материнского попечения), осуществляется на основании приказа руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя, то несоблюдение такого порядка реализации права и невыход сотрудника органов внутренних дел на службу в отсутствие уважительных причин относится к грубому нарушению служебной дисциплины, которое может служить основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел.

С учетом того, что руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации приказ о предоставлении М. отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет не оформлялся, выводы судебных инстанций о том, что М. в период с 16 ноября по 3 декабря 2015 года фактически находился в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, а также о незаконности заключения по результатам служебной проверки в отношении М., устанавливающего неуважительность причин его отсутствия на службе в данный период, и последовавших за ним привлечения М. к дисциплинарной ответственности и увольнения его со службы, Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признаны противоречащими положениям части 12 статьи 56, пункта 2 части 2 статьи 49 и пункта 6 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты в части удовлетворения исковых требований М. и направила дело в этой части на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2017 года № 46-КГ17-17)

5. Реализация сотрудником органов внутренних дел права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью регламентируется законодательством о прохождении службы в органах внутренних дел.

К. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконным и об отмене приказа о его увольнении со службы в органах внутренних дел

по пункту 5 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ в связи с представлением им в период прохождения службы в органах внутренних дел копии подложного диплома о высшем образовании.

В обоснование заявленных требований К. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, незаконно был уволен со службы в период его временной нетрудоспособности, когда он проходил лечение в медицинском учреждении, относящемся к частной системе здравоохранения (с 4 ноября 2014 года по 7 января 2015 года), о чем ответчику было известно.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований К. отказано.

Судом установлено, что согласно заключению по результатам служебной проверки в отношении К. он в 2007 и в 2011 годах представлял в кадровое подразделение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации копию подложного диплома о высшем образовании. С указанным заключением служебной проверки К. был ознакомлен 10 июня 2014 года.

В период с 23 июня по 4 июля 2014 года и с 10 июля по 7 августа 2014 года К. был временно нетрудоспособен, с 11 августа по 4 ноября 2014 года он находился на амбулаторном лечении в медицинском учреждении системы МВД России, согласно справке которого К. надлежало приступить к служебным обязанностям 5 ноября 2014 года. Впоследствии К. в названное медицинское учреждение системы МВД России за медицинской помощью не обращался.

Кроме этого, судом было установлено, что К. по месту службы представил медицинское заключение медицинского учреждения, относящегося к частной системе здравоохранения, согласно которому он с 4 ноября 2014 года проходил амбулаторное лечение в данном учреждении.

В процессе беседы, которая была проведена с К. 10 декабря 2014 года сотрудниками территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, выезжавшими по месту его регистрации, в связи с предстоящим увольнением его из органов внутренних дел, истец сообщил, что находится на излечении, однако пояснить, с какого времени и в каком лечебном учреждении он находится на лечении, К. отказался. Надлежаще зарегистрированный листок освобождения от выполнения служебных обязанностей на период временной нетрудоспособности К. не представил как лицу, проводившему с ним беседу, так и в кадровое подразделение по месту службы.

Руководителем территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации 12 декабря 2014 года на основании указанного выше заключения служебной проверки был издан приказ, в соответствии с которым контракт о прохождении службы в органах внутренних дел с К. расторгнут и К. уволен со службы по основанию, предусмотренному пунктом 5 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ (в связи с представлением сотрудником подложных документов или заведомо ложных сведений при поступлении на службу в органы внутренних дел, а также в связи с представлением сотрудником в пе-

риод прохождения службы в органах внутренних дел подложных документов или заведомо ложных сведений, подтверждающих его соответствие требованиям законодательства Российской Федерации в части, касающейся условий замещения соответствующей должности в органах внутренних дел, если это не влечет за собой уголовную ответственность).

Разрешая спор и принимая решение об отказе в удовлетворении заявленных К. требований, суд первой инстанции исходил из того, что увольнение по указанному основанию является безусловным при установлении факта представления сотрудником в период прохождения службы в органах внутренних дел подложных документов. Такой факт, а именно представление К. в 2007 году и в 2011 году копии подложного диплома о высшем образовании в подразделение по работе с личным составом территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, был установлен при проведении служебной проверки.

Проверяя доводы К. о незаконности увольнения, суд сделал вывод о наличии злоупотребления правом со стороны истца, который скрыл от работодателя сведения о своей нетрудоспособности, ее причине (заболевание либо травма), об обстоятельствах получения травмы, режиме лечения (амбулаторный или стационарный), месте нахождения во время лечения, о наименовании лечебного учреждения, фамилии лечащего врача.

Учитывая приведенные обстоятельства, а также непредставление К. в кадровое подразделение по месту службы в установленном законом порядке надлежаще зарегистрированного листка освобождения от выполнения служебных обязанностей в период временной нетрудоспособности, суд первой инстанции, сославшись на положения частей 1 и 2 статьи 11 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», части 1 статьи 65 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ и пункта 18 Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, утвержденного приказом МВД России от 8 ноября 2006 года N 895 (далее - Положение об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России), пришел к выводу о законности увольнения К. со службы в органах внутренних дел.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда решение суда первой инстанции отменено и принято новое решение о признании незаконным увольнения К. со службы в органах внутренних дел.

Суд апелляционной инстанции исходил из того, что увольнение истца было произведено в нарушение требований части 12 статьи 89 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ в период его временной нетрудоспособности, о которой ответчику заведомо было известно.

Суд апелляционной инстанции полагал, что нормы специального законодательства, устанавливающие по-

рядок освобождения сотрудников органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью, которыми руководствовался суд первой инстанции, в данном случае не применимы, поскольку обращение К. за медицинской помощью в медицинское учреждение частной системы здравоохранения явилось реализацией им права на медицинское обслуживание, предусмотренного статьей 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, и права на выбор медицинской организации, закрепленного Федеральным законом от 21 ноября 2011 года N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

По мнению суда апелляционной инстанции, является ошибочным указание суда первой инстанции на нарушение К. пункта 18 Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, обязывающего сотрудника зарегистрировать удостоверяющие его временную нетрудоспособность документы, выданные иными медицинскими учреждениями, в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления на медицинское обслуживание, поскольку юридически значимым обстоятельством в рассматриваемом споре является такое состояние здоровья К., вследствие которого он на момент увольнения был нетрудоспособным.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведенные выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, в связи со следующим.

Сотрудники органов внутренних дел имеют право на медицинское обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации (пункт 18 статьи 11 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Частью 1 статьи 11 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел имеют право на бесплатное получение медицинской помощи, в том числе на изготовление и ремонт зубных протезов (за исключением зубных протезов из драгоценных металлов и других дорогостоящих материалов), бесплатное обеспечение лекарственными препаратами для медицинского применения по рецептам на лекарственные препараты, бесплатное обеспечение медицинскими изделиями по назначению врача в медицинских организациях федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел.

При отсутствии по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудника медицинских организаций федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел либо при отсутствии в них отделений соответствующего профиля, специалистов либо специального медицинского оборудования сотрудник имеет право на получение медицинской помощи в медицинских организациях

государственной системы здравоохранения и муниципальной системы здравоохранения в порядке, установленном Правительством Российской Федерации (часть 2 статьи 11 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Освобождение сотрудника органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью осуществляется согласно части 1 статьи 65 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ на основании заключения (листка освобождения от выполнения служебных обязанностей по временной нетрудоспособности) медицинской организации федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а при отсутствии такой медицинской организации по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудника - иной медицинской организации государственной или муниципальной системы здравоохранения.

Приказом МВД России от 8 ноября 2006 года N 895 утверждено Положение об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, пункт 18 которого предусматривает, что документы, удостоверяющие временную нетрудоспособность лиц, прикрепленных на медицинское обслуживание к медицинским учреждениям системы МВД России, выданные иными медицинскими учреждениями, подлежат регистрации в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления указанных лиц на медицинское обслуживание.

Согласно пунктам 1, 3 Правил оказания медицинской помощи сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации в организациях государственной или муниципальной системы здравоохранения, за исключением медицинских организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, и возмещения расходов указанным организациям, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2011 года N 1232, в случаях отсутствия по месту службы, месту жительства или иному месту нахождения сотрудников медицинских организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации либо при отсутствии в них соответствующих отделений или специального медицинского оборудования, в том числе при наличии медицинских показаний для оказания экстренной медицинской помощи, предусмотрено направление сотрудников на плановое лечение или обследование (освидетельствование) в медицинские организации государственной или муниципальной системы здравоохранения медицинской организацией Министерства внутренних дел Российской Федерации, осуществляющей медицинское обслуживание прикрепленных к ней сотрудников.

Из приведенных нормативных положений следует, что отношения по медицинскому обслуживанию, по освобождению сотрудников органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью регулируются специальным законодательством. Особенности

правоохранительной службы и специальным правовым статусом сотрудников органов внутренних дел обусловлено установление им как социальных гарантий, обеспечивающих повышенную социальную защиту, так и дополнительных ограничений, обязанностей и запретов.

В частности, в соответствии с частью 24 статьи 2 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в случае освобождения сотрудника от выполнения должностных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью ему выплачивается денежное довольствие за весь период временной нетрудоспособности в полном размере.

Вместе с тем на сотрудника органов внутренних дел возложена обязанность в возможно короткие сроки сообщать непосредственному руководителю (начальнику) о происшествиях, наступлении временной нетрудоспособности и об иных обстоятельствах, исключающих возможность выполнения сотрудником своих служебных обязанностей (пункт 5 части 1 статьи 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ). При этом механизм реализации сотрудником органов внутренних дел права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью установлен специальными правовыми нормами - частью 1 статьи 65 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, пунктом 18 Положения об организации медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения в медицинских учреждениях системы МВД России, требования которых в силу пункта 1 части 1 статьи 12 этого же закона сотрудник обязан соблюдать.

Таким образом, временная нетрудоспособность сотрудника органов внутренних дел подтверждается документами, выданными медицинскими учреждениями системы МВД России, к которым прикреплен сотрудник, либо документами, выданными иными медицинскими учреждениями, но зарегистрированными в медицинском учреждении системы МВД России по месту прикрепления на медицинское обслуживание.

Суд первой инстанции правильно применил нормативные положения, регулирующие отношения по медицинскому обслуживанию сотрудников органов внутренних дел, освобождению их от исполнения служебных обязанностей на период временной нетрудоспособности, и сделал основанный на этих правовых нормах вывод о том, что К. не представлено допустимых доказательств, подтверждающих его временную нетрудоспособность на момент издания приказа об увольнении, в связи с чем оспариваемые истцом действия ответчика являются правомерными.

Суд же апелляционной инстанции, не соглашаясь с этим выводом суда первой инстанции, ошибочно полагал, что положения специального законодательства не подлежат применению в данном случае ввиду неотложности медицинской помощи и наличия у истца права на выбор медицинской организации в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 года N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

Суд апелляционной инстанции не принял во внимание, что отношения по медицинскому обслуживанию, освобождению сотрудников органов внутренних дел от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью регулируются специальным законодательством, которым регламентирован в том числе и порядок оказания сотрудникам при необходимости экстренной медицинской помощи в медицинских организациях, не относящихся к Министрству внутренних дел Российской Федерации, а также порядок оформления документов, подтверждающих временную нетрудоспособность и выданных не по месту прикрепления сотрудников на медицинское обслуживание.

Поскольку К., являясь сотрудником территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, прикрепленным на медицинское обслуживание к медицинскому учреждению системы МВД России, и проживая в городе, где оно расположено, обратился за медицинской помощью в медицинское учреждение, относящееся к частной системе здравоохранения, и при этом не принял мер по соблюдению установленной законом и ведомственными нормативными актами процедуры оформления выданных этим учреждением документов для подтверждения права на освобождение от выполнения служебных обязанностей в связи с временной нетрудоспособностью, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с учетом подлежащих применению к спорным отношениям норм специального законодательства пришла к выводу о том, что у суда апелляционной инстанции не имелось оснований для отмены решения суда первой инстанции, правильно разрешившего спор, и для принятия нового решения о признании незаконным приказа об увольнении К. со службы в органах внутренних дел.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда отменила и оставила в силе решение суда первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 30 мая 2016 года N 18-КГ16-13;

аналогичная правовая позиция в отношении сотрудников органов ФСИН России изложена в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2016 года N 47-КГ16-13)

6. Сотрудник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности только в случае установления его вины в нарушении служебной дисциплины.

П. обратился в суд с иском к федеральному казенному учреждению МВД России (далее - ФКУ МВД России) об отмене и о признании незаконными решения о прекращении допуска к государственной тайне, приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности, об освобождении от замещаемой должности и иными требованиями.

В обоснование исковых требований П. указывал на то, что проходил службу в органах внутренних дел, с января 2015 года занимал должность начальника фи-

лиала ФКУ МВД России, имел доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. По результатам служебного расследования за необеспечение защиты сведений, составляющих государственную тайну, П. прекращен доступ к государственной тайне, он отстранен от выполнения служебных обязанностей и зачислен в распоряжение органа внутренних дел, а также привлечен к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора.

П. считает привлечение к дисциплинарной ответственности незаконным, поскольку секретное дело-производство филиала велось ФКУ МВД России, при назначении на должность руководителя филиала он не принимал документы, содержащие секретные сведения, в связи с их отсутствием в филиале, передача секретных дел в ФКУ МВД России осуществлялась ранее бывшим руководителем филиала, на П. обязанности по ведению секретного делопроизводства контрактом не возложены.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований П. отказано.

Судом установлено, что согласно заключению по результатам служебного расследования от 30 сентября 2016 года, проведенного по фактам, выявленным органами ФСБ России в ходе проверки состояния обеспечения защиты государственной тайны, в ФКУ МВД России имеет место ряд нарушений требований режима секретности: обнаружены незарегистрированные секретные материалы, ненадлежащее хранение документов и иных носителей сведений, составляющих государственную тайну, и др. Указанные секретные документы являлись документами филиала ФКУ МВД России, которые ранее были переданы ответчику для хранения в режимно-секретном подразделении.

В заключении по результатам служебного расследования предложено привлечь П. за нарушения, касающиеся ненадлежащего контроля за хранением и учетом указанных документов, к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора и рассмотреть вопрос о прекращении ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Ответчиком П. прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, П. на основании статьи 73 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ временно отстранен от выполнения служебных обязанностей. Для дальнейшего решения вопроса о прохождении П. службы в органах внутренних дел он был освобожден от замещаемой должности, зачислен в распоряжение органов внутренних дел. П. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде строгого выговора.

Судом также установлено, что при вступлении в должность П. в филиале ФКУ МВД России была проведена проверка секретного делопроизводства за 4-й квартал 2014 года, по результатам которой документов, содержащих сведения, составляющих государственную тайну, в филиале ФКУ МВД России не обнаружено.

По состоянию на 2014 год за филиалом числились секретные дела, находящиеся на хранении в режимно-секретном подразделении ФКУ МВД России.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции исходил из того, что П. как руководителем филиала ФКУ МВД России не должным образом выполнялись возложенные на него служебные обязанности по исполнению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне, что создало предпосылки к разглашению сведений, составляющих государственную тайну, и утрате их носителей.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда первой инстанции, как основанными на неправильном применении норм материального права, регулирующих спорные отношения сторон, указав следующее.

В соответствии со статьей 23 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» допуск должностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в названных в данной норме случаях, в частности при однократном нарушении им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

Аналогичные положения содержатся в подпункте «б» пункта 15 Инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне, утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 6 февраля 2010 года N 63, и пункте 13 Инструкции о порядке допуска сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников органов внутренних дел, военнослужащих и гражданского персонала внутренних войск МВД России к государственной тайне, утвержденной приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 20 августа 2010 года N 600.

Неисполнение сотрудником органа внутренних дел законодательства Российской Федерации и нормативных правовых актов федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел в силу части 1 статьи 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ является нарушением служебной дисциплины, то есть дисциплинарным проступком, в случае совершения которого на сотрудника согласно части 1 статьи 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ могут быть наложены дисциплинарные взыскания, в том числе строгий выговор.

В соответствии с частью 8 статьи 51 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ перед наложением дисциплинарного взыскания по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченного руководителя в соответствии со статьей 52 данного федерального закона может быть проведена служебная проверка.

Приказом МВД России от 26 марта 2013 года N 161 утвержден Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее - Порядок проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России).

По фактам разглашения сотрудником органов внутренних дел Российской Федерации сведений, составляющих государственную тайну, утраты носителей таких сведений, иных нарушений режима секретности в органах, организациях и подразделениях МВД России проводятся служебные расследования в порядке, предусмотренном принятыми во исполнение Закона Российской Федерации «О государственной тайне» актами законодательства, регулирующего отношения, связанные с защитой государственной тайны (пункт 4 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России).

Заключение по результатам служебного расследования должно содержать, в частности, факт совершения сотрудником дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия совершения сотрудником дисциплинарного проступка; материалы, подтверждающие (исключающие) вину сотрудника (подпункты 36.3, 35.4, 36.7 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России).

Из приведенных нормативных положений следует, что допуск сотрудника органов внутренних дел к государственной тайне может быть прекращен в случае однократного нарушения им обязательств, связанных с защитой государственной тайны. При этом по фактам разглашения сотрудником органов внутренних дел сведений, составляющих государственную тайну, утраты носителей таких сведений, иных нарушений режима секретности в органах, организациях и подразделениях МВД России проводится служебное расследование, которым должна быть установлена в том числе вина сотрудника органов внутренних дел в нарушении режима секретности. В случае установления вины сотрудника органов внутренних дел в нарушении режима секретности ему может быть прекращен допуск к государственной тайне и он может быть привлечен к дисциплинарной ответственности за нарушение служебной дисциплины.

Судом первой инстанции не применены в системной взаимосвязи и совокупности изложенные выше нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям и не дана надлежащая оценка обстоятельствам дела, касающимся установления вины П. во вмененных ему нарушениях.

Также судом первой инстанции не учтено, что выявленные комиссией ФКУ МВД России нарушения законодательства о государственной тайне применимы к руководителям органов внутренних дел и структурных подразделений указанных органов, в которых ведутся работы со сведениями, составляющими государственную тайну. При этом возглавляемый П. филиал ФКУ МВД России такие работы не осуществляет.

Как было установлено судом первой инстанции, возглавляемый П. филиал ФКУ МВД России не имеет лицензии на ведение секретных работ вследствие небольшой площади служебных помещений филиала, режимно-секретное подразделение в филиале отсутствует, секретные дела были обнаружены не в помещении филиала, а в ином помещении в ФКУ МВД России, все работы с носителями и делами, содержащими секретные сведения, велись в режимно-секретном

подразделении ФКУ МВД России, при вступлении П. в должность начальника данного филиала каких-либо документов и дел, содержащих секретные сведения, в филиале не находилось, все документы и дела, содержащие секретные сведения, были переданы в режимно-секретное подразделение ФКУ МВД России бывшим руководителем филиала С.

С учетом приведенных обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала необоснованным вывод суда первой инстанции о наличии вины П. как руководителя филиала ФКУ МВД России в нарушении требований законодательства и ведомственных актов МВД России о государственной тайне, вследствие чего признала незаконным и подлежащим отмене решение руководителя ФКУ МВД России о прекращении ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, отменила решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение об удовлетворении исковых требований П.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

7. Судам при проверке обоснованности увольнения сотрудника в связи с нарушением служебной дисциплины следует принимать во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, наступившие последствия, прежние поведение сотрудника, его отношение к службе, знание правил ее несения.

В случае установления судом несоразмерности наложенного дисциплинарного взыскания в виде увольнения тяжести совершенного сотрудником проступка сотрудник подлежит восстановлению на службе.

Е. обратился в суд с иском к органу внутренних дел о признании незаконным и об отмене приказа о наложении дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы, а также о восстановлении на службе.

В обоснование предъявленных требований Е. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел в связи с нарушением условий контракта сотрудником по пункту 15 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ. Е. полагал, что данное дисциплинарное взыскание является незаконным, поскольку наложено на него без учета тяжести совершенного проступка и его характера, а также отношения Е. к службе и его прежнего поведения.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований Е. отказано.

Судом установлено, что Е. с 2001 года проходил службу в органах внутренних дел, последняя занимаемая им должность - старший оперуполномоченный подразделения собственной безопасности органа внутренних дел, специальное звание - подполковник полиции. В январе 2012 года с Е. заключен контракт о службе в органах внутренних дел, согласно которому истец обязался в том числе соблюдать служебную дисциплину, ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, не разглашать сведения,

составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, конфиденциальную информацию (служебную тайну).

Согласно заключению по результатам служебной проверки в период с декабря 2015 по март 2016 года Е. допустил нарушения ведомственного нормативного правового акта об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также нарушение пункта 8 части 1 статьи 27 Федерального закона «О полиции», выразившееся в разглашении сведений, ставших ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей.

По результатам служебной проверки в заключении сделан вывод о том, что за нарушение Е. условий заключенного с ним контракта о прохождении службы в органах внутренних дел он подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по основанию, предусмотренному пунктом 15 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ.

В связи с нарушением условий контракта, а именно несоблюдением служебной дисциплины, ограничений и запретов, связанных со службой в органах внутренних дел, разглашением сведений, составляющих служебную тайну, на Е. наложено дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы в органах внутренних дел, контракт с ним расторгнут и он уволен со службы в органах внутренних дел.

Разрешая спор и отказывая в удовлетворении иска Е., суд первой инстанции пришел к выводу о том, что установленные по результатам служебной проверки неправомерные действия Е. свидетельствуют о нарушении истцом контракта о прохождении службы в органах внутренних дел, в связи с чем, по мнению суда первой инстанции, оснований для признания незаконным приказа о привлечении Е. к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы в органах внутренних дел не имеется.

Суд первой инстанции полагал, что при проведении служебной проверки были приняты все меры по объективному и всестороннему установлению фактов и обстоятельств совершения сотрудником дисциплинарного проступка, вины сотрудника, причин и условий, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка, наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в органах внутренних дел. По мнению суда первой инстанции, примененное к истцу дисциплинарное взыскание в виде увольнения соответствует тяжести совершенного им проступка и степени его вины. Сославшись на заключение служебной проверки, суд указал, что при определении вида взыскания ответчиком были приняты во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был допущен, прежние поведение сотрудника, допущившего проступок, его отношение к службе, личные и деловые качества.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с приведенными выводами суда первой инстанции в связи с неправильным применением судом норм материаль-

ного права, регулирующих спорные отношения сторон, несоответствием выводов суда обстоятельствам дела, указав на следующее.

Правоотношения на службе в органах внутренних дел между Российской Федерацией и гражданином возникают и осуществляются на основании контракта, заключенного в соответствии с Федеральным законом от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (часть 1 статьи 20 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Часть 1 статьи 21 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ определяет контракт о прохождении службы в органах внутренних дел как соглашение между руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем и гражданином, поступающим на службу в органы внутренних дел, или сотрудником органов внутренних дел о прохождении службы в органах внутренних дел и (или) замещении должности в органах внутренних дел. Контрактом устанавливаются права и обязанности сторон.

Гражданин, поступающий на службу в органы внутренних дел, и сотрудник органов внутренних дел при заключении контракта обязуются выполнять служебные обязанности в соответствии с должностным регламентом (должностной инструкцией) и соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, а также внутренний служебный распорядок федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения (часть 3 статьи 21 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Пунктом 15 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ установлено, что контракт о прохождении службы в органах внутренних дел может быть расторгнут, а сотрудник может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с нарушением сотрудником условий контракта.

Неисполнение обязательств, предусмотренных контрактом, несоблюдение запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел в силу статьи 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ является нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком).

При необходимости выявления причин, характера и обстоятельств совершенного сотрудником органов внутренних дел дисциплинарного проступка в соответствии с частью 1 статьи 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ по решению руководителя федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел проводится служебная проверка.

При проведении служебной проверки в отношении сотрудника органов внутренних дел должны быть приняты меры по объективному и всестороннему установлению фактов и обстоятельств совершения сотрудником дисциплинарного проступка, вины сотрудника, причин и условий, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка, характера и размера вреда, причиненного сотрудником в результате совершения дисциплинарного проступка, наличия или отсутствия обстоятельств, препятствующих прохождению сотрудником службы в органах

внутренних дел (часть 3 статьи 52 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Организация работы по проведению служебных проверок в органах, организациях и подразделениях МВД России урегулирована Порядком проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденным приказом МВД России от 26 марта 2013 года N 161.

Сотрудник (председатель и члены комиссии), проводящий служебную проверку, обязан документально подтвердить дату и время совершения дисциплинарного проступка, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности сотрудника, в отношении которого проводится служебная проверка, как отягчающие, так и смягчающие его вину; осуществить сбор документов и материалов, характеризующих личные и деловые качества сотрудника, совершившего дисциплинарный проступок, изучить материалы проведенных ранее служебных проверок в отношении сотрудника, информацию о фактах совершения им дисциплинарных проступков (подпункты 30.6 - 30.8 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России).

Заключение по результатам служебной проверки составляется на основании имеющихся в материалах служебной проверки данных и должно содержать в том числе сведения об образовании сотрудника, о времени его службы в органах внутренних дел и в замещаемой должности, количестве поощрений, взысканий, наличии (отсутствии) у него неснятых дисциплинарных взысканий, факте совершения сотрудником дисциплинарного проступка, обстоятельства и последствия совершения сотрудником дисциплинарного проступка, а также содержать материалы, подтверждающие (исключающие) вину сотрудника, обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность сотрудника. С учетом изложенной в заключении информации в его резолютивной части, в частности, указываются предложения о применении (неприменении) к сотруднику, в отношении которого проведена служебная проверка, мер дисциплинарной ответственности, иных мер воздействия (пункт 34, подпункты 36.3, 35.2, 35.4, 36.7, 36.8, пункт 37, подпункт 37.2 Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России).

Статьей 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 14 октября 2012 года N 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» (далее - Дисциплинарный устав органов внутренних дел Российской Федерации), предусмотрено, что дисциплинарное взыскание должно соответствовать тяжести совершенного проступка и степени вины. При определении вида дисциплинарного взыскания принимаются во внимание: характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, прежние поведение сотрудника, совершившего проступок, признание им своей вины, его отношение к службе, знание правил ее несения и другие обстоятельства. При малозначительности совершенного дисциплинарного проступка ру-

ководитель (начальник) может освободить сотрудника от дисциплинарной ответственности и ограничиться устным предупреждением.

Из приведенных нормативных положений следует, что нарушение сотрудником органов внутренних дел условий контракта о прохождении службы в органах внутренних дел не влечет его безусловного расторжения. Сотрудник может быть уволен со службы в органах внутренних дел, однако его действия, послужившие поводом для такого решения, подлежат оценке с точки зрения их характера, наступивших последствий, значимости для интересов службы, условий их совершения, прежнего отношения сотрудника к исполнению служебных обязанностей и других обстоятельств.

Положение пункта 15 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ не предполагает возможности его произвольного применения, поскольку презюмирует, что принятию решения об увольнении сотрудника органов внутренних дел со службы предшествует объективная оценка совершенного им деяния в рамках установленной процедуры привлечения сотрудника к дисциплинарной ответственности и предоставление гарантий его защиты от произвольного увольнения, а обоснованность увольнения со службы может быть предметом судебной проверки (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2016 года № 773-О).

Судом первой инстанции при разрешении спора не применены в системной взаимосвязи и совокупности изложенные выше нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, не дана с их учетом надлежащая оценка обстоятельствам дела, касающимся обоснованности применения в отношении Е. такой крайней меры дисциплинарного взыскания, как увольнение со службы в органах внутренних дел. Поскольку закон предоставляет руководителю органа внутренних дел возможность избрания для сотрудника, допустившего нарушение условий контракта, иной, более мягкой, меры дисциплинарной ответственности, чем увольнение со службы в органах внутренних дел, суду первой инстанции при проверке обоснованности увольнения Е. со службы в органах внутренних дел следовало в соответствии со статьей 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации принять во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был совершен, наступившие последствия, прежние поведение сотрудника, его отношение к службе, знание правил ее несения, что судом сделано не было.

Между тем, как следует из текста заключения по результатам служебной проверки, информация о возможных неправомерных действиях Е. подтвердилась частично, при этом наступление каких-либо негативных последствий не установлено.

Согласно материалам дела на день увольнения Е. стаж его непрерывной службы в органах внутренних дел в календарном исчислении превышал 16 лет, за период прохождения службы в органах внутренних дел Е. награжден ведомственными наградами и почетными грамотами МВД России. В представлении к увольнению Е. со службы в органах внутренних дел указано, что за время службы он зарекомендовал себя с поло-

жительной стороны как подготовленный сотрудник, способный решать оперативно-служебные задачи на профессиональном уровне; он изучил и правильно применяет в своей практической деятельности нормативные акты, регламентирующие работу органов внутренних дел; имея достаточный практический опыт оперативной работы и теоретические знания, умело организует свою служебную деятельность. К дисциплинарной ответственности в период прохождения службы в органах внутренних дел Е. не привлекался.

Ввиду таких обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала необоснованным вывод суда первой инстанции о том, что примененное к Е. дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы соответствует тяжести совершенного проступка и степени его вины с учетом предшествующего поведения и его отношения к службе в органах внутренних дел. Указанный вывод не основан на обстоятельствах дела и не соответствует положениям статьи 40 Дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации.

Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признан противоречащим материалам дела и вывод суда первой инстанции со ссылкой на заключение по результатам служебной проверки о том, что ответчиком при определении вида взыскания приняты во внимание характер проступка, обстоятельства, при которых он был допущен, прежние поведение сотрудника, допустившего проступок, его отношение к службе, личные и деловые качества, поскольку при проведении служебной проверки в отношении Е. были не выполнены требования Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России об указании в заключении сведений об образовании сотрудника, о времени его службы в органах внутренних дел и в замещаемой должности, количестве поощрений, взысканий, наличии (отсутствии) у него неснятых дисциплинарных взысканий, о необходимости указания в описательной части заключения последствий совершения сотрудником дисциплинарного проступка и обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность сотрудника, об указании в резолютивной части заключения выводов о причинах и условиях, способствовавших совершению сотрудником дисциплинарного проступка.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации обратила внимание на то, что именно с учетом изложенной в заключении информации в его резолютивной части указываются предложения о применении (неприменении) к сотруднику, в отношении которого проведена служебная проверка, мер дисциплинарной ответственности, иных мер воздействия.

Поскольку судом первой инстанции не была дана соответствующая правовая оценка заключению по результатам служебной проверки в отношении Е. с учетом подлежащих применению в данном случае нормативных положений Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях МВД России Судебная коллегия по гражданским делам

Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным вывод суда первой инстанции о том, что при проведении служебной проверки были приняты все меры по объективному и всестороннему установлению фактов и обстоятельств совершения Е. дисциплинарного проступка, и о том, что эти обстоятельства учтены ответчиком при определении вида взыскания, примененного к Е.

Принимая во внимание все обстоятельства и характер совершенного Е. в рамках исполнения служебных обязанностей проступка, в том числе отсутствие с его стороны корыстных целей и мотивов, ненаступления каких-либо негативных последствий в результате этого проступка, а также учитывая прежнее поведение истца, который за период прохождения службы в органах внутренних дел к дисциплинарной ответственности не привлекался, вместе с тем неоднократно был представлен к награждению ведомственными наградами, зарекомендовал себя с положительной стороны как подготовленный сотрудник, способный решать оперативно-служебные задачи на профессиональном уровне, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации сделала вывод о том, что такое дисциплинарное взыскание, как увольнение со службы в органах внутренних дел, не соответствует тяжести совершенного Е. проступка.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение, которым удовлетворила искивые требования Е.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

8. Гарантия беременной женщине, установленная частью первой статьи 261 Трудового кодекса Российской Федерации (запрет на расторжение трудового договора по инициативе работодателя), распространяется на женщин, проходящих федеральную государственную службу.

А. обратилась в суд с иском к УФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании увольнения незаконным, восстановлении на службе.

В обоснование исковых требований А. указала, что проходила службу в органах уголовно-исполнительной системы и в августе 2016 года была уволена со службы в связи с нарушением условий контракта по вине сотрудника на основании пункта «д» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденного постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 23 декабря 1992 года N 4202-1 «Об утверждении Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и текста Присяги сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации» (далее - Положение о службе в органах внутренних дел Российской Федерации). Увольнение полагает незаконным, поскольку за время исполнения должностных обязанностей не совершала действий, которые могли привести к расторжению контракта о службе в уголовно-исполнительной системе.

Решением суда первой инстанции искивые требования А. удовлетворены ввиду следующего.

Судом установлено, что после окончания образовательного учреждения приказом начальника УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 4 августа 2016 года А. назначена с 2 августа 2016 года на должность начальника отряда отдела по воспитательной работе с осужденными федерального казенного учреждения УФСИН России, не связанную с работой со сведениями, составляющими государственную тайну.

Приказом начальника УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 11 августа 2016 года А. уволена с замещаемой должности из органов уголовно-исполнительной системы по основанию, предусмотренному пунктом «к» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (за грубое нарушение служебной дисциплины). Поводом для издания данного приказа явилось заключение по результатам служебной проверки от 28 июля 2016 года, проведенной должностными лицами образовательного учреждения по факту нарушения обязательств перед государством по соблюдению требований законодательства Российской Федерации о государственной тайне.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 14 ноября 2016 года в приказ УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 11 августа 2016 года об увольнении А. были внесены уточнения в части изменения основания ее увольнения из органов уголовно-исполнительной системы на пункт «д» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в связи с нарушением условий контракта по вине сотрудника).

В ходе судебного разбирательства дела по иску А. истцом представлена справка медицинского учреждения от 8 ноября 2016 года, в которой содержались сведения о том, что она беременна и срок беременности составляет 15 недель.

Разрешая спор, суд первой инстанции с учетом положений Трудового кодекса Российской Федерации, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, наличия доказательств, подтверждающих, что на момент увольнения А. была беременна, пришел к выводу об удовлетворении исковых требований А. к УФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании увольнения незаконным, восстановлении на работе.

При этом суд первой инстанции исходил из буквального толкования части первой статьи 261 ТК РФ, согласно которому законом установлен запрет на увольнение по инициативе работодателя беременных женщин, кроме единственного исключения - ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем. Названная норма не ставит возможность увольнения беременной женщины в зависимость от того, был ли поставлен работодатель в известность о ее беременности и сообщила ли она ему об этом, поскольку это обстоятельство не должно влиять на соблюдение гарантий, предусмотренных трудовым законодательством для беремен-

ных женщин при увольнении по инициативе работодателя.

Апелляционным определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации решение суда первой инстанции оставлено без изменения в связи со следующим.

Порядок и особенности прохождения службы в уголовно-исполнительной системе установлены специальными нормативными правовыми актами, а именно Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (утверждена приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 6 июня 2005 года N 76, далее - Инструкция о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы).

В случаях, не урегулированных специальными нормативными правовыми актами Российской Федерации, к правоотношениям, связанным со службой в органах внутренних дел, применяются нормы трудового законодательства (часть 2 статьи 3 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Согласно части шестой статьи 11 ТК РФ особенности правового регулирования труда отдельных категорий работников (руководителей организаций, лиц, работающих по совместительству, женщин, лиц с семейными обязанностями, молодежи и других) устанавливаются в соответствии с этим кодексом.

Поскольку особенности труда беременных женщин при прохождении службы в органах внутренних дел специальным законодательством не определены, то к данным отношениям применяются нормы трудового законодательства, в частности статья 261 ТК РФ о гарантиях беременной женщине и лицам с семейными обязанностями при расторжении трудового договора.

В силу части первой статьи 261 ТК РФ расторжение трудового договора по инициативе работодателя с беременной женщиной не допускается, за исключением случаев ликвидации организации либо прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем.

Согласно Конвенции Международной организации труда N 183 «О пересмотре Конвенции (пересмотренной) 1952 года об охране материнства» (заключена в г. Женеве 15 июня 2000 года) защита беременности, в том числе путем установления гарантий для беременных женщин в сфере труда, является общей обязанностью правительств и общества (преамбула).

Часть первая статьи 261 ТК РФ относится к числу специальных норм, закрепляющих для беременных женщин повышенные гарантии по сравнению с другими нормами ТК РФ, регламентирующими вопросы расторжения трудового договора, - как общими, так и предусматривающими особенности регулирования труда женщин и лиц с семейными обязанностями, - и является по своей сути трудовой льготой, обеспечивающей стабильность положения беременных женщин как работников и их защиту от резкого снижения уровня материального благосостояния, обусловленного тем обстоятельством, что поиск новой работы для

них в период беременности затруднителен. Названная норма, предоставляющая женщинам, которые стремятся сочетать трудовую деятельность с выполнением материнских функций, действительно равные с другими гражданами возможности для реализации прав и свобод в сфере труда, направлена на обеспечение поддержки материнства и детства в соответствии со статьями 7 (часть 2) и 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации (пункт 3 постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2012 года N 31-П).

В случае однократного грубого нарушения беременной женщиной, проходящей государственную гражданскую службу, обязанностей государственного гражданского служащего представитель нанимателя может привлечь ее к дисциплинарной ответственности, применив иные, помимо увольнения с государственной гражданской службы, дисциплинарные взыскания, соблюдая при этом принципы привлечения к юридической ответственности - соразмерности (и вытекающие из него требования справедливости, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств за виновное деяние), а также дифференциации наказания в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при применении взыскания (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 декабря 2012 года N 31-П).

В пункте 25 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 года N 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» разъяснено, что, поскольку увольнение беременной женщины по инициативе работодателя запрещается, отсутствие у работодателя сведений о ее беременности не является основанием для отказа в удовлетворении иска о восстановлении на работе. Беременная женщина, трудовой договор с которой расторгнут по инициативе работодателя, подлежит восстановлению на работе и в том случае, если к моменту рассмотрения в суде ее иска о восстановлении на работе беременность не сохранилась.

Необходимо также учитывать, что гарантия, закрепленная частью первой статьи 261 ТК РФ, распространяется также и на лиц, в отношении которых предусмотрено специальное регулирование. К таким лицам относятся: женщины - руководители организации (глава 43 ТК РФ), спортсмены и тренеры (глава 54.1 ТК РФ), женщины, проходящие государственную гражданскую и муниципальную службу, и др. (пункт 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 года N 1).

По результатам исследования и оценки представленных А. медицинских документов суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о том, что на момент увольнения истца из органов уголовно-исполнительной системы по инициативе руководителя территориального органа уголовно-исполнительной системы (11 августа 2016 года) она была беременна.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала выводы суда первой инстанции о незаконности увольнения А. со службы и о восстановлении ее на службе правильными, основанными на приведенных положениях ТК РФ, правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, сделанными с учетом установленных по делу обстоятельств.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

9. При разрешении спора по иску органа внутренних дел о привлечении сотрудника к материальной ответственности суду следует учитывать нормы статьи 250 Трудового кодекса Российской Федерации о возможности снижения размера ущерба исходя из материальности и семейного положения работника.

Орган внутренних дел обратился в суд с иском к Е. о взыскании в порядке регресса материального ущерба в размере 943 340 руб., указав на то, что Е., являясь сотрудником органа внутренних дел, при исполнении служебных обязанностей совершил дорожно-транспортное происшествие. Управляя служебным автомобилем, Е. выехал на полосу встречного движения, где допустил столкновение с автомобилем под управлением А. В результате этого дорожно-транспортного происшествия, произошедшего по вине Е., автомобилю А. причинены технические повреждения, а самому А. - телесные повреждения. Решением районного суда с органа внутренних дел в пользу А. взыскан материальный ущерб, причиненный ему дорожно-транспортным происшествием. Это решение суда органом внутренних дел исполнено.

Орган внутренних дел, ссылаясь на положения части 5 статьи 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, пункта 1 статьи 1068, пункта 1 статьи 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), просил взыскать в порядке регресса (обратного требования) выплаченную в пользу А. сумму возмещения вреда с Е.

Решением районного суда по иску органа внутренних дел к сотруднику Е., оставленным без изменения определением суда апелляционной инстанции, иски требования органа внутренних дел удовлетворены, с Е. в пользу органа внутренних дел взыскан материальный ущерб в порядке регресса в полном размере.

Судом установлено, что в результате дорожно-транспортного происшествия, имевшего место по вине сотрудника органа внутренних дел Е., находившегося при исполнении служебных обязанностей, автомобилю, принадлежащему А., причинены механические повреждения, а самому А. - телесные повреждения.

В связи с совершением этого дорожно-транспортного происшествия постановлением судьи районного суда Е. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного частью 1 статьи 12.24 КоАП РФ (нарушение Правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортного средства, повлекшее причинение легкого вреда здоровью потерпевшего).

Решением районного суда с органа внутренних дел в пользу А. взыскан ущерб, причиненный ему дорожно-транспортным происшествием. Решение суда исполнено органом внутренних дел в полном объеме.

Разрешая спор, суд пришел к выводу о наличии правовых оснований для взыскания в порядке регресса выплаченной органом внутренних дел в пользу А. суммы материального ущерба в полном размере с сотрудника Е., как непосредственного причинителя вреда. При этом суд исходил из того, что орган внутренних дел выплатил А. денежные средства в размере заявленных исковых требований в счет возмещения вреда, причиненного ему в результате дорожно-транспортного происшествия, виновником которого постановлением судьи районного суда по делу об административном правонарушении признан сотрудник органа внутренних дел Е.

Суд апелляционной инстанции согласился с этим выводом суда первой инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведенный вывод судов первой и апелляционной инстанций о взыскании в порядке регресса выплаченной органом внутренних дел в пользу А. суммы материального ущерба в полном размере с Е. основанным на неправильном толковании и применении норм материального права, регулирующих спорные отношения, указав следующее.

Согласно пункту 1 статьи 1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей.

В силу пункта 1 статьи 1081 ГК РФ лицо, возмещившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных, должностных или иных трудовых обязанностей, лицом, управляющим транспортным средством, и т.п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом.

Вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника органов внутренних дел при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации. В случае возмещения Российской Федерацией вреда, причиненного противоправными действиями (бездействием) сотрудника, федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел имеет право обратного требования (регресса) к сотруднику в размере выплаченного возмещения, для чего федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел может обратиться в суд от имени Российской Федерации с соответствующим иском заявлением (часть 5 статьи 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

В соответствии с частью 3 статьи 33 Федерального закона «О полиции» вред, причиненный гражданам и организациям противоправными действиями (бездействием) сотрудника полиции при выполнении им служебных обязанностей, подлежит возмещению в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

За ущерб, причиненный федеральному органу исполнительной власти в сфере внутренних дел, территориальному органу, подразделению полиции либо организации, входящей в систему указанного федерального органа, сотрудник полиции несет материальную ответственность в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации (часть 4 статьи 33 Федерального закона «О полиции»).

Таким образом, из изложенных выше нормативных положений следует, что к спорным отношениям подлежат применению в том числе нормы Трудового кодекса Российской Федерации.

Согласно статье 250 ТК РФ орган по рассмотрению трудовых споров может с учетом степени и формы вины, материального положения работника и других обстоятельств снизить размер ущерба, подлежащий взысканию с работника. Снижение размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, не производится, если ущерб причинен преступлением, совершенным в корыстных целях.

Как разъяснено в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 года № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность работников за ущерб, причиненный работодателю», если в ходе судебного разбирательства будет установлено, что работник обязан возместить причиненный ущерб, суд в соответствии с частью первой статьи 250 ТК РФ может с учетом степени и формы вины, материального положения работника, а также других конкретных обстоятельств снизить размер сумм, подлежащих взысканию, но не вправе полностью освободить работника от такой обязанности. При этом следует иметь в виду, что в соответствии с частью второй статьи 250 ТК РФ снижение размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, не может быть произведено, если ущерб причинен преступлением, совершенным в корыстных целях. Снижение размера ущерба допустимо в случаях как полной, так и ограниченной материальной ответственности. Оценивая материальное положение работника, следует принимать во внимание его имущественное положение (размер заработка, иных основных и дополнительных доходов), его семейное положение (количество членов семьи, наличие иждивенцев, удержания по исполнительным документам) и т.п.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что по смыслу статьи 250 ТК РФ и разъяснений по ее применению, содержащихся в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 года № 52, правила этой нормы о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, могут применяться судом при рассмотрении требований о взыскании с работника причиненного работодателю ущерба не только по заявлению работника, но и по инициативе суда. В случае, если такого заявления от работника не поступило, суду при рассмотрении дела с учетом части 2 статьи 56 ГПК РФ необходимо вынести на обсуждение сторон вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника, и для решения этого вопроса оценить обстоятельства,

касающиеся материального и семейного положения работника.

Однако судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела не учтены положения статьи 250 ТК РФ и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по применению данной нормы, в результате чего вопрос о снижении размера ущерба, подлежащего взысканию с работника (в данном случае с сотрудника органов внутренних дел), на обсуждение сторон не выносился и обстоятельства, связанные с личностью Е., его материальным и семейным положением, при определении размера взыскиваемой с него суммы материального ущерба в пользу органа внутренних дел в порядке регресса не устанавливались. В нарушение части 2 статьи 56 и части 1 статьи 196 ГПК РФ судебные инстанции не определили эти обстоятельства в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки судов.

При разрешении спора Е. указывал на то, что он проходит службу в органах внутренних дел, оплата его труда фиксирована и ограничена денежным довольствием, иного дохода он не имеет, ежемесячно выплачивает содержание на несовершеннолетнего ребенка, а также вносит оплату по кредитному обязательству, имеет семью и пожилых родителей, добровольно за свой счет понес расходы по восстановлению поврежденного служебного транспортного средства.

Между тем судебные инстанции данные доводы Е. не проверили.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2017 года № 83-КГ17-12)

10. Продление срока службы сотруднику уголовно-исполнительной системы, достигшему предельного возраста пребывания на службе, исключает возможность его увольнения в связи с достижением предельного возраста по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа уголовно-исполнительной системы до истечения этого срока.

С. обратилась в суд с иском к федеральному казенному учреждению ФСИН России о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе.

В обоснование иска указала на то, что проходила службу в органах уголовно-исполнительной системы, имела специальное звание подполковника внутренней службы и была уволена в декабре 2016 года по пункту «б» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (по достижении предельного возраста). С. полагала увольнение незаконным.

Решением областного суда в удовлетворении иска С. отказано.

Судом установлено, что в сентябре 2011 года с истцом заключен контракт о службе в уголовно-исполнительной системе на неопределенный срок. В марте 2013 года ответчиком после достижения С. предельного возраста пребывания на службе (45 лет) срок службы в уголовно-исполнительной системе был продлен С. до 1 марта 2018 года.

В октябре 2016 года ответчиком С. было направлено предупреждение о предстоящем увольнении из уголовно-исполнительной системы по пункту «б» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, в декабре 2016 года С. была уволена со службы по указанному основанию.

Разрешая спор и отказывая С. в удовлетворении иска о признании увольнения незаконным и о восстановлении на службе в уголовно-исполнительной системе, суд первой инстанции исходил из того, что С. достигла предельного возраста пребывания на службе в органах уголовно-исполнительной системы, вследствие чего пришел к выводу о том, что у ответчика имелись основания для ее увольнения, порядок и сроки которого ответчиком соблюдены. При этом суд руководствовался Положением о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и указал на то, что увольнение по достижении предельного возраста (пункт «б» части 1 статьи 58 данного положения) к числу оснований увольнения по инициативе начальника соответствующего органа не относится, поскольку осуществляется в силу закона, установившего возрастные ограничения пребывания на службе, и не зависит от воли сторон служебного контракта, наличие же на момент увольнения С. контракта о службе в уголовно-исполнительной системе, заключенного на неопределенный срок, а также оставление ее на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет обстоятельствами, препятствующими ее увольнению в связи с достижением предельного возраста пребывания на службе, не являются.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приведенные выводы суда первой инстанции признала не основанными на нормах материального права, подлежащих применению к спорным отношениям, в связи со следующим.

Основания и порядок увольнения сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы урегулированы Положением о порядке прохождения службы в органах внутренних дел Российской Федерации и Инструкцией о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (часть 3 статьи 24 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», пункт 4 Указа Президента Российской Федерации от 8 октября 1997 года N 1100 «О реформировании уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел Российской Федерации», часть первая статьи 21 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы»).

Согласно пункту «б» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы по достижении предельного возраста, установленного статьей 59 данного положения.

В соответствии с пунктом «а» части 2 статьи 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации сотрудники органов внутренних дел, имеющие специальные звания среднего, старшего и высшего начальствующего состава, в зависимости от присвоенных им специальных званий могут состоять на службе в органах внутренних дел до достижения определенного возраста, в частности подполковники внутренней службы - до достижения возраста 45 лет.

Статьей 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации также предусмотрено, что сотрудники органов внутренних дел, достигшие предельного возраста, установленного данной статьей для службы в органах внутренних дел, подлежат увольнению, за исключением случаев, предусмотренных законом и данным положением (часть 3 статьи 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

В интересах службы при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний сотрудники органов внутренних дел в персональном порядке и с их согласия могут быть оставлены на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет начальниками, которым предоставлено право назначения на должности этих сотрудников (часть 4 статьи 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

В исключительных случаях срок оставления на службе сотрудников органов внутренних дел из числа лиц среднего, старшего и высшего начальствующего состава может быть продлен в таком же порядке повторно на пять лет (часть 5 статьи 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

Решение о продлении срока оставления на службе не исключает возможности увольнения сотрудника органов внутренних дел по основаниям, предусмотренным Положением (часть 6 статьи 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

Частью 4 статьи 21 Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с реформированием уголовно-исполнительной системы» было установлено, что сотрудники органов внутренних дел, оставленные на службе решением начальника соответствующего органа внутренних дел сверх предельного возраста, предусмотренного статьей 59 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, продолжают службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы с учетом срока продления.

Из приведенных норм материального права в их системной взаимосвязи следует, что, по общему правилу, сотрудник учреждения или органа уголовно-исполнительной системы, достигший предельного возраста пребывания на службе, подлежит увольнению. Вместе с тем в интересах службы по решению начальника учреждения или органа уголовно-исполнительной систе-

мы, которому предоставлено право назначения на соответствующие должности, срок службы сотрудника с его согласия при положительной аттестации и отсутствии медицинских противопоказаний может быть продлен на срок до пяти лет. В случае продления сотруднику, достигшему предельного возраста, срока пребывания на службе он продолжает службу в учреждениях или органах уголовно-исполнительной системы с учетом срока продления, что исключает возможность увольнения такого сотрудника до истечения срока продления службы по инициативе руководителя соответствующего учреждения или органа уголовно-исполнительной системы по пункту «б» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в связи с достижением предельного возраста).

Как установлено судом первой инстанции, после достижения С. предельного возраста пребывания на службе действие контракта о службе в уголовно-исполнительной системе, заключенного с ней на неопределенный срок, ответчиком по пункту «б» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (в связи с достижением предельного возраста) прекращено не было, срок службы С. сверх установленного предельного возраста был продлен уполномоченным руководителем в марте 2013 года до марта 2018 года и на момент принятия ответчиком решения об увольнении С. по пункту «б» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации этот срок не истек.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала вывод суда первой инстанции о том, что оставление С. на службе сверх установленного предельного возраста на срок до пяти лет не препятствовало ее увольнению по пункту «б» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (по достижении предельного возраста), незаконным ввиду неправильного толкования судом первой инстанции норм материального права, регулирующих основания увольнения сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, достигших предельного возраста, которым решением начальника учреждения или органа уголовно-исполнительной системы контракт был продлен.

При таких обстоятельствах Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о незаконности и необоснованности решения суда первой инстанции, отменила его и приняла по делу новое решение об удовлетворении исковых требований С.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

11. Если при рассмотрении спора о восстановлении на службе сотрудника федеральной противопожарной службы, уволенного в связи с несоответствием замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии, суд придет к выводу о допущенном нарушении установленного порядка проведения аттестации, сотрудник подлежит восстановлению на службе.

Д. обратился в суд с иском к МЧС России о признании незаконными и об отмене приказа об увольнении, протокола аттестационной комиссии, а также о восстановлении на службе в федеральной противопожарной службе.

В обоснование исковых требований Д. ссылаясь на то, что он проходил службу в федеральной противопожарной службе в должности заместителя начальника управления МЧС России и был уволен со службы приказом ответчика в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 83 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее - Федеральный закон от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ) в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии. По мнению Д., оснований для его увольнения не имелось, поскольку ответчиком нарушен порядок проведения аттестации, с мотивированным отзывом, а также с аттестационным листом (аттестацией) до представления его соответствующему руководителю он ознакомлен не был.

Решением городского суда в удовлетворении исковых требований Д. было отказано.

Судом установлено, что согласно протоколу заседания Центральной аттестационной комиссии МЧС России (далее - ЦАК МЧС России) от 18 января 2017 года проведена внеочередная аттестация Д., по результатам которой принято решение рекомендовать руководству МЧС России расторгнуть контракт с истцом в связи с несоответствием его замещаемой должности в федеральной противопожарной службе.

Приказом МЧС России Д. уволен со службы в федеральной противопожарной службе в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 83 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии.

Разрешая спор и отказывая Д. в удовлетворении заявленных исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о том, что порядок и сроки проведения в отношении истца внеочередной аттестации, предусмотренные Федеральным законом от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ, ответчиком были соблюдены, аттестационный лист и мотивированный отзыв на Д. подписан лицом, имеющим для этого полномочия, нарушений при проведении аттестации допущено не было. По мнению суда первой инстанции, ввиду наличия решения аттестационной комиссии о несоответствии Д. замещаемой им должности в федеральной противопожарной службе у ответчика имелись основания для увольнения истца по указанному основанию.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами суда первой инстанции о законности увольнения Д. со службы в федеральной противопожарной службе, указав, что судом неправильно применены нормы материального права, регулирующие спорные отношения сторон, в связи со следующим.

В соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 83 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ контракт может быть расторгнут и сотрудник федеральной противопожарной службы может быть уволен со службы в федеральной противопожарной службе в связи с несоответствием сотрудника замещаемой должности в федеральной противопожарной службе на основании рекомендации аттестационной комиссии.

Аттестация сотрудника федеральной противопожарной службы проводится в целях определения его соответствия замещаемой должности (часть 1 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

Внеочередная аттестация сотрудника федеральной противопожарной службы проводится, в частности, при решении вопроса о прекращении сотрудником службы в федеральной противопожарной службе в связи с расторжением контракта в соответствии с пунктом 5 части 2 статьи 83 этого федерального закона (пункт 2 части 4 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

Аттестация проводится, как правило, в присутствии сотрудника федеральной противопожарной службы. В случае неявки на аттестацию без уважительных причин или отказа от аттестации сотрудник привлекается к дисциплинарной ответственности в соответствии со статьями 49 и 51 данного федерального закона, а его аттестация переносится (часть 10 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

При проведении аттестации непосредственный руководитель (начальник) сотрудника федеральной противопожарной службы подготавливает мотивированный отзыв о выполнении сотрудником своих служебных обязанностей с предложениями для аттестационной комиссии. С указанным отзывом сотрудник должен быть ознакомлен не менее чем за пять календарных дней до проведения аттестации (часть 11 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

По результатам аттестации сотрудника федеральной противопожарной службы аттестационная комиссия вправе принять рекомендацию, в частности, о том, что сотрудник не соответствует замещаемой должности и подлежит увольнению со службы в федеральной противопожарной службе (пункт 6 части 13 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

Аттестационный лист сотрудника федеральной противопожарной службы представляется руководителю федерального органа исполнительной власти в области пожарной безопасности или уполномоченному руководителю, которые с учетом рекомендаций аттестационной комиссии не позднее чем через две недели после проведения аттестации сотрудника принимают решение в том числе о расторжении с сотрудником контракта и об увольнении его со службы в федеральной противопожарной службе (пункт 7 части 16 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

Сотрудник федеральной противопожарной службы вправе обжаловать рекомендацию аттестационной комиссии и (или) принятое по результатам аттестации решение руководителя в соответствии со статьей 73 указанного выше федерального закона (часть 17 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ).

Разделом IX Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в системе Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденной Приказом МЧС России от 3 ноября 2011 года N 668 (далее - Инструкция от 3 ноября 2011 года) определен порядок проведения аттестации сотрудников.

Основными задачами аттестации сотрудников являются: максимально объективная и полная оценка нравственных, деловых, личных и профессиональных качеств, знаний, умений и навыков аттестуемых на основе глубокого и всестороннего их изучения; определение степени соответствия аттестуемых сотрудников занимаемым должностям и перспективы их служебного использования; формирование кадрового резерва на выдвижение и выявление возможности ротации кадров; формирование стимулов для развития служебной профессиональной активности аттестуемых (пункт 59 Инструкции от 3 ноября 2011 года).

Пунктом 62 Инструкции от 3 ноября 2011 года установлено, что руководители организаций МЧС России обязаны обеспечивать проведение аттестации на высоком организационном уровне, в обстановке принципиальности и доброжелательности, широкой гласности, при строгом соблюдении объективности в оценке аттестуемых.

В силу пункта 66 Инструкции от 3 ноября 2011 года руководители, готовящие аттестации на сотрудников, обязаны: проанализировать прохождение службы аттестуемыми, состояние дел на порученном им участке служебной деятельности, условия, в которых они проходят службу; провести предварительную беседу с аттестуемыми сотрудниками; дать оценку качествам, определяющим нравственный облик, профессиональное мастерство аттестуемых, а также состояние их подготовленности к выполнению должностных обязанностей с учетом итогов профессиональной подготовки; отметить качества, на которые необходимо обратить особое внимание аттестуемых в целях устранения недостатков, выявленных в их деятельности и поведении; подготовить согласованный с представителями кадрового подразделения текст аттестации с заключением о степени соответствия аттестуемого занимаемой должности и перспективе его дальнейшего использования, подписать аттестацию; не позднее чем в трехдневный срок до проведения аттестации ознакомить под роспись аттестуемого с текстом аттестации и заключением по ней. При несогласии аттестуемого с ее содержанием или заключением по ней аттестуемый собственноручно пишет об этом в соответствующем разделе аттестации.

Абзацем четвертым пункта 69 Инструкции от 3 ноября 2011 года также определено, что аттестуемый имеет право предоставить в аттестационную комиссию дополнительные сведения о своей служебной деятельности за период, предшествующий аттестации, а также рапорт о своем несогласии с представленным текстом аттестации.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, учитывая приведен-

ные нормативные положения, указала, что в системе действующего правового регулирования аттестация сотрудников федеральной противопожарной службы является специальным правовым инструментом (процедурой), использование которого позволяет определить соответствие сотрудника федеральной противопожарной службы замещаемой должности с точки зрения его деловых и личных качеств. При этом внеочередная аттестация является обязательным элементом порядка досрочного увольнения сотрудника с федеральной противопожарной службы, поскольку при соблюдении оснований, правил и сроков ее проведения способна обеспечить необходимую степень полноты, объективности и всесторонности при оценке невозможности продолжения с сотрудником служебных отношений и обоснованности его досрочного увольнения со службы.

Объективность выводов аттестационной комиссии, равно как и соблюдение прав и законных интересов лица, подлежащего аттестации, обеспечивается помимо прочего предоставлением ему возможности ознакомиться с аттестационным листом, заявить в письменной форме о своем несогласии с отзывом о своей служебной деятельности, сообщить дополнительные сведения, лично участвовать в заседании аттестационной комиссии (в установленных случаях), обжаловать ее заключение и порядок проведения аттестации как вышестоящему руководителю, так и в суд, что позволяет избежать принятия произвольного, необоснованного решения о досрочном увольнении со службы (постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 марта 2013 года N 6-П).

Суд первой инстанции при разрешении спора по требованиям истца не применил в системной взаимосвязи и совокупности изложенные выше нормативные положения, подлежащие применению к спорным отношениям, не дал с их учетом надлежащую оценку обстоятельствам дела, касающимся порядка проведения аттестации и последовавшего увольнения Д. со службы в федеральной противопожарной службе, регламентированного Федеральным законом от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ.

Как установлено судом первой инстанции, основанием к проведению внеочередной аттестации Д. послужило решение коллегии МЧС России от 18 января 2017 года, которым постановлено рассмотреть на заседании ЦАК МЧС России служебную деятельность Д. за 2016 год.

Мотивированный отзыв (без указания даты его составления) о выполнении Д. своих служебных обязанностей с предложением для ЦАК МЧС России о рассмотрении вопроса о соответствии его замещаемой должности по результатам служебной деятельности за 2016 год, а также аттестация (аттестационный лист) подготовлены заместителем начальника управления - начальником отдела управления МЧС России.

В аттестационном листе и мотивированном отзыве указано на серьезные и систематические недостатки в служебной деятельности Д.

Согласно извещению от 13 января 2017 года департаментом кадровой политики МЧС России было направлено уведомление на имя начальника управления

- непосредственного руководителя Д. о проведении заседания ЦАК МЧС России 18 января 2017 года и рассмотрении вопроса о результатах служебной деятельности Д. за 2016 год. При этом начальнику управления было указано прибыть лично и организовать прибытие Д. в установленном порядке. Сведений о том, что на заседании ЦАК МЧС России будет рассматриваться вопрос об аттестации истца, указанное извещение не содержит.

Между тем в нарушение требований части 11 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ Д. не был ознакомлен с мотивированным отзывом о выполнении им своих служебных обязанностей и с предложениями для аттестационной комиссии не менее чем за пять календарных дней до проведения аттестации, чем существенно нарушены его права, связанные с предоставлением возможности подготовиться к заседанию аттестационной комиссии, предоставить дополнительные сведения о своей служебной деятельности за период, предшествующий аттестации, а также рапорт о своем несогласии с представленным текстом аттестации.

В заседании ЦАК МЧС России 18 января 2017 года, на котором рассматривался вопрос о внеочередной аттестации Д., он не участвовал, поскольку в указанный период находился на стационарном лечении в медицинском учреждении.

В соответствии с протоколом заседания ЦАК МЧС России от 18 января 2017 года причины неявки Д. на заседание аттестационной комиссии не выяснились, вопрос о привлечении истца к дисциплинарной ответственности в соответствии с частью 10 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ, а также о переносе аттестации не обсуждался.

Кроме того, Д. не был ознакомлен в трехдневный срок с утвержденной аттестацией, в связи с чем был лишен возможности в силу части 17 статьи 33 Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ обжаловать выводы по утвержденной аттестации.

Вследствие этого Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что внеочередная аттестация Д. как противоречащая требованиям нормативных положений, регулирующих порядок ее проведения, не может быть признана законной, равно как и увольнение со службы истца по результатам аттестации, что судом первой инстанции не принято во внимание.

Выводы суда первой инстанции о соблюдении ответчиком порядка проведения аттестации Д. и его увольнения со службы в федеральной противопожарной службе в связи с несоответствием замещаемой должности признаны Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации ошибочными и основанными на неправильном применении и толковании норм материального права.

С учетом изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что увольнение Д. из федеральной противопожарной службы не соответствует требованиям Федерального закона от 23 мая 2016 года N 141-ФЗ и имеются основания для признания неза-

конными и отмены приказов МЧС России об увольнении Д. со службы на основании рекомендации аттестационной комиссии, в связи с чем отменила решение суда первой инстанции и приняла по делу новое решение об удовлетворении исковых требований Д.

(По материалам апелляционной практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации)

12. Сотрудник может быть уволен со службы в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при условии, что на него ранее наложено дисциплинарное взыскание в письменной форме и на момент повторного неисполнения им без уважительных причин должностных обязанностей оно не снято и не погашено.

П. обратился в суд с иском к УФСИН России по субъекту Российской Федерации о признании незаконными и об отмене заключения служебной проверки, приказов о привлечении его к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы, восстановлении на службе в ранее занимаемой должности.

В обоснование требований П. указал, что проходил службу в должности начальника филиала федерального казенного учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации (далее - учреждение УФСИН России по субъекту Российской Федерации).

Приказом ответчика от 28 августа 2013 года П. объявлен выговор за допущенные нарушения служебной дисциплины.

На основании приказов ответчика от 28 и 29 августа 2013 года П. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения и уволен с занимаемой должности по пункту «о» статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, наложение которого осуществлено в письменной форме). По мнению П., при привлечении его к дисциплинарной ответственности ответчиком нарушен порядок применения дисциплинарного взыскания.

Решением районного суда в удовлетворении исковых требований П. отказано.

Судом установлено, что в ходе служебной проверки, проведенной учреждением УФСИН России по субъекту Российской Федерации в связи с поступлением 30 января 2013 года представления прокуратуры об устранении нарушений уголовно-исполнительного законодательства в деятельности филиала данного учреждения, были выявлены факты неисполнения П. указания руководителя учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации.

14 февраля 2013 года на имя начальника учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации поступил рапорт старшего инспектора филиала названного учреждения, в котором было указано, что 13 февраля 2013 года П. осуществил несанкционированное изъятие и вынос личных дел осужденных, за которыми он осуществляет контроль.

По факту несанкционированного выноса П. личных дел осужденных УФСИН России по субъекту Российской Федерации была проведена служебная проверка,

в заключении по результатам которой были установлены обстоятельства неисполнения П. должностных обязанностей и игнорирования требований приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 года N 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества». За нарушение П. служебной дисциплины рекомендовано привлечь его к дисциплинарной ответственности после выхода на службу и рассмотреть вопрос о целесообразности дальнейшего прохождения им службы.

В период с февраля по август 2013 года П. не исполнял должностные обязанности в связи с временной нетрудоспособностью, приступил к их исполнению 24 августа 2013 года, и 26 августа 2013 года по указанному факту П. были даны объяснения.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 августа 2013 года за нарушение служебной дисциплины, выразившееся в неисполнении указания руководителя учреждения УФСИН России по субъекту Российской Федерации и требований должностной инструкции, П. был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде выговора.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 августа 2013 года за допущенное 13 февраля 2013 года нарушение служебной дисциплины при исполнении наказаний в отношении осужденных без изоляции их от общества, неисполнение требований должностной инструкции, приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 года N 142 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» П. привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы из органов уголовно-исполнительной системы.

Приказом УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 29 августа 2013 года П. уволен со службы из органов уголовно-исполнительной системы по пункту «о» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации (за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, наложение которого осуществлено в письменной форме).

Отказывая в удовлетворении исковых требований П., суд первой инстанции исходил из того, что порядок привлечения истца к дисциплинарной ответственности ответчиком соблюден, увольнение П. произведено в соответствии с требованиями Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда решение районного суда отменено в части отказа П. в удовлетворении исковых требований о признании незаконными приказов о привлечении к дисциплинарной ответственности, об увольнении со службы и о восстановлении на службе, принято новое решение об удовлетворении указанных требований.

Суд апелляционной инстанции признал незаконными приказы УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 и 29 августа 2013 года и восстановил П. в занимаемой должности.

Отменяя решение суда первой инстанции в указанной части и принимая новое решение об удовлетворении указанных требований, суд апелляционной инстанции исходил из того, что оснований для увольнения П. за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания у ответчика не имелось, поскольку на момент издания приказа УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 28 августа 2013 года о привлечении П. к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы и приказа УФСИН России по субъекту Российской Федерации от 29 августа 2013 г. об увольнении его со службы по пункту «о» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации у П. не имелось снятых и непогашенных дисциплинарных взысканий.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала приведенные выводы суда апелляционной инстанции основанными на неправильном применении норм материального права, указав следующее.

В соответствии со статьей 38 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации за нарушение служебной дисциплины на сотрудников могут налагаться следующие виды взысканий: замечание, выговор, строгий выговор, предупреждение о неполном служебном соответствии, понижение в должности, снижение в специальном звании на одну ступень, лишение нагрудного знака, увольнение.

Дисциплинарное взыскание, наложенное на сотрудника органов внутренних дел приказом, считается снятым, если в течение года со дня его наложения этот сотрудник не будет подвергнут новому дисциплинарному взысканию (часть 15 статьи 39 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации).

Пунктом «о» части 1 статьи 58 названного положения установлено, что сотрудники органов внутренних дел могут быть уволены со службы за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, наложение которого осуществлено в письменной форме.

Из содержания приведенных нормативных положений, в частности, следует, что сотрудник органов уголовно-исполнительной системы может быть уволен со службы в связи с неоднократным нарушением служебной дисциплины при условии, что к нему ранее было применено дисциплинарное взыскание и на момент повторного неисполнения им без уважительных причин должностных обязанностей оно не снято и не погашено.

Судом установлено, что П. 14 августа 2012 года привлечен к дисциплинарной ответственности в виде замечания за осуществление слабого контроля за работой подчиненных сотрудников, недобросовестное исполнение требований должностной инструкции.

13 февраля 2013 года имел место факт совершения П. дисциплинарного проступка в виде осуществления несанкционированного изъятия и выноса из служебного помещения личных дел осужденных.

В период с февраля по август 2013 года П. не исполнял должностные обязанности по причине временной нетрудоспособности. К исполнению должностных

обязанностей П. приступил 24 августа 2013 года и 28 августа 2013 года был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы.

Исходя из норм права, регулирующих спорные отношения, и приведенных обстоятельств дела, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что суду апелляционной инстанции для правильного разрешения спора следовало установить юридически значимые обстоятельства, а именно, являлось ли ранее наложенное на истца дисциплинарное взыскание в виде замечания 14 августа 2012 года погашенным на момент повторного неисполнения П. без уважительных причин должностных обязанностей 13 февраля 2013 года.

Однако суд апелляционной инстанции в результате неправильного толкования норм материального права, регулирующих спорные отношения, эти обстоятельства при разрешении дела не устанавливал, не определил их в качестве юридически значимых для правильного разрешения спора, они не вошли в предмет доказывания по делу и, соответственно, не получили правовой оценки суда.

С учетом указанных обстоятельств Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала неправомерным вывод суда апелляционной инстанции об отсутствии у ответчика оснований для увольнения П. по пункту «о» части 1 статьи 58 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации за неоднократное нарушение служебной дисциплины при наличии дисциплинарного взыскания, отменила апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам краевого суда и направила дело на новое апелляционное рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 октября 2015 года N 19-КГ15-22)

13. При проведении организационно-штатных мероприятий в территориальном органе федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделении сотрудник органов внутренних дел подлежит зачислению в распоряжение органа внутренних дел. Вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел или о расторжении с ним контракта при проведении организационно-штатных мероприятий относится к компетенции уполномоченного руководителя.

Г. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Федерации о признании незаконными приказов о зачислении его в распоряжение органа внутренних дел и об увольнении со службы в органах внутренних дел, а также о восстановлении на службе.

В обоснование иска Г. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, занимал должность заместителя начальника отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, в связи с реорганизацией подразделений территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации был зачислен в его распоряжение

и уволен со службы на основании пункта 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником). Г. полагал, что у ответчика не имелось законных оснований для его зачисления в распоряжение и увольнения, поскольку его должность сокращена не была, на нее был назначен другой сотрудник.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением суда апелляционной инстанции, иски Г. удовлетворены частично. Приказ территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации в части зачисления Г. в распоряжение органа внутренних дел и приказ об увольнении Г. из органов внутренних дел признаны незаконными. Г. восстановлен в ранее занимаемой должности.

Судом установлено, что во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 года N 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» об осуществлении организационно-штатных изменений в системе МВД России ответчиком издан приказ о сокращении должностей в подразделениях территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации.

Согласно данному приказу подразделение, в котором проходил службу истец, подлежало реорганизации, а все должности данного подразделения подлежали сокращению. В указанном подразделении введено новое штатное расписание.

Приказом руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации Г. зачислен в распоряжение органа внутренних дел в соответствии с пунктом 1 части 10 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (зачисление сотрудника органов внутренних дел в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения в случае упразднения (ликвидации) территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделения либо сокращения замещаемой сотрудником должности в органах внутренних дел).

Заключением аттестационной комиссии Г. признан не соответствующим замещаемой должности в органах внутренних дел, внесено предложение о его увольнении со службы. Приказом руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации Г., находящийся в распоряжении органа внутренних дел, уволен из органов внутренних дел по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ.

Разрешая спор и удовлетворяя иски Г., суд первой инстанции исходил из того, что сокращения должности, которую занимал истец до зачисления в распоряжение органов внутренних дел, не произведено, в связи с этим, по мнению суда первой инстанции, не имелось оснований для зачисления истца в распоряжение органа внутренних дел и для последующего увольнения Г. со службы по указанному основанию.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выво-

ду о том, что при рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций допущены нарушения норм материального права, которые выразились в следующем.

Назначение на должности рядового состава, младшего, среднего и старшего начальствующего состава осуществляется руководителем федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченным руководителем в порядке, определяемом Федеральным законом от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, Федеральным законом «О полиции» и нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел (часть 2 статьи 27 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Частью 2 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ предусмотрено, что при реорганизации федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения либо изменения их структуры правоотношения с сотрудником органов внутренних дел, замещающим должность в федеральном органе исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальном органе или подразделении, могут быть прекращены в случае сокращения должности в органах внутренних дел.

В соответствии с частью 9 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ для решения вопроса об условиях дальнейшего прохождения сотрудником органов внутренних дел службы в органах внутренних дел или о ее прекращении Президент Российской Федерации, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель может освободить сотрудника от замещаемой должности в органах внутренних дел. Сотрудник, освобожденный от замещаемой должности, может быть зачислен в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения. При этом сохраняются установленные названным федеральным законом правовое положение (статус), гарантии социальной защиты сотрудника и правоотношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел, за исключением выполнения сотрудником обязанностей и наделения его правами, которые установлены должностным регламентом (должностной инструкцией).

Частью 2 статьи 10 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ предусмотрено, что сотрудник органов внутренних дел может проходить службу в органах внутренних дел в случае его зачисления в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа, подразделения. При этом сотрудник не замещает должность в органах внутренних дел.

Порядок зачисления в распоряжение и нахождения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в распоряжении органов внутренних дел Российской Федерации утвержден приказом МВД России от 31 января 2013 года N 54. В соответствии с пунктом 3 названного порядка зачисление сотрудников в распоряжение МВД России, территориальных органов,

организаций, подразделений МВД России допускается в случаях, предусмотренных частью 10 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ.

Согласно пункту 1 части 10 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ зачисление сотрудника органов внутренних дел в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения допускается в случае упразднения (ликвидации) территориального органа федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделения либо сокращения замещаемой сотрудником должности в органах внутренних дел.

Руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель в срок, установленный для нахождения сотрудника органов внутренних дел в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, после уведомления сотрудника о сокращении или о возможном расторжении контракта и увольнении со службы в органах внутренних дел решает вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел в соответствии со статьей 30 названного выше федерального закона либо о расторжении с ним контракта в соответствии со статьей 82 названного выше федерального закона (часть 18 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Пунктом 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ предусмотрено, что контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником.

Из приведенных положений закона следует, что при проведении организационно-штатных мероприятий в территориальном органе федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или подразделении сотрудник органов внутренних дел подлежит зачислению в распоряжение органа внутренних дел, такой сотрудник считается продолжающим службу в органах внутренних дел. При этом сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в связи с сокращением его должности в органах внутренних дел, вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел либо о расторжении с ним контракта решается руководителем федерального органа исполнительной власти или уполномоченным руководителем.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что, поскольку на основании Указа Президента Российской Федерации от 5 мая 2014 года N 300 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» и приказа территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации об организационно-штатных изменениях в подразделениях органов внутренних дел в подразделении, где Г. проходил службу, произошли структурные изменения, в соответствии с которыми все имеющиеся в этом подразделении должности подлежали сокращению,

а сотрудники - зачислению в распоряжение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, вывод судов первой и апелляционной инстанций о том, что должность истца не была сокращена, противоречит установленным по делу обстоятельствам.

Зачисление истца в распоряжение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации произведено во исполнение названного выше указа Президента Российской Федерации, а также приказа территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации и соответствует положениям частей 2, 9, 10, 18 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, регулирующих возникшие отношения.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что судебные инстанции, признавая приказ о зачислении истца в распоряжение территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации незаконным, не учли указанные правовые нормы, подлежащие применению в данном случае в их взаимосвязи и совокупности.

Поскольку на руководителей подразделений территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации была возложена обязанность произвести комплектование должностей по новому штатному расписанию и принимая во внимание, что Г. заключением аттестационной комиссии признан не соответствующим замещаемой должности в органах внутренних дел, руководитель территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации правомерно принял решение об увольнении истца со службы и о принятии на новую должность заместителя начальника отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации другого сотрудника. Эти действия руководителя территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации соответствуют положениям статьи 75 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, закрепляющей принципы и основные направления формирования кадрового состава органов внутренних дел, в том числе обязательный профессиональный отбор при равном доступе граждан к службе в органах внутренних дел; назначение сотрудников органов внутренних дел на должности с учетом уровня их квалификации, заслуг в служебной деятельности, личных и деловых качеств; оценку результатов служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел путем проведения аттестации (пункты 1, 3 части 1, пункт 3 части 2 статьи 75).

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу о том, что у судов первой и апелляционной инстанций не имелось правовых оснований для признания приказа об увольнении Г. незаконным и о восстановлении истца на службе, в связи с чем отменила состоявшиеся по делу судебные акты и приняла новое решение, которым Г. отказано в удовлетворении исковых требований.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 сентября 2015 года N 20-КГ15-9)

14. В случае сокращения должности, замещаемой сотрудником органов внутренних дел, на федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган или подразделение возложена обязанность предлагать такому сотруднику равноценную или нижестоящую должность.

Перевод сотрудника органа внутренних дел на вышестоящую должность, в том числе в связи с сокращением замещаемой сотрудником должности, является правом, а не обязанностью органа внутренних дел.

П. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации о восстановлении на службе.

В обоснование заявленных требований П. указал, что проходил службу в органах внутренних дел в должности начальника отдела территориального органа внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации. Приказом ответчика П. был уволен со службы по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником. По мнению П., увольнение являлось незаконным ввиду нарушения процедуры его увольнения, выразившегося в том, что ему ответчиком не были предложены имевшиеся на тот момент равнозначные занимаемой или вышестоящие должности.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, искивые требования П. удовлетворены, он восстановлен на службе в органах внутренних дел.

Судом установлено, что в результате проведения организационно-штатных мероприятий замещаемая истцом должность была сокращена.

20 октября 2014 года П. был предупрежден о предстоящем увольнении из органов внутренних дел по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ и с 1 января 2015 года П. освобожден от замещаемой должности и зачислен в распоряжение органа внутренних дел.

П. была предложена для замещения должность начальника реорганизованного подразделения территориального органа внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, однако от предложенной должности П. отказался. Также П. был ознакомлен со списками вакантных должностей руководителей территориальных органов и подразделений органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, согласия на замещение которых П. выражено не было.

Приказом ответчика от 29 июля 2015 года П. уволен со службы по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником.

Разрешая спор и удовлетворяя искивые требования П. о восстановлении его на службе в органах внутренних дел, суд первой инстанции исходил из того, что в период с 20 октября 2014 года по 29 июля 2015 года в территориальном органе внутренних дел по субъекту Российской Федерации имелись вакантные должности,

равнозначные занимаемой истцом, и вышестоящие вакантные должности, которые не были предложены П., в связи с чем пришел к выводу о нарушении процедуры увольнения П. со службы в органах внутренних дел по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ. При этом суд указал на то, что статьей 36 названного закона предусмотрена обязанность руководителя решить вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел, и того, что эта иная должность должна быть равнозначной или нижестоящей по отношению к ранее занимаемой, данная норма закона не содержит.

Суд апелляционной инстанции согласился с этими выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации нашла указанные выводы судов первой и апелляционной инстанций ошибочными, основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные правоотношения, указав следующее.

В соответствии с пунктом 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ основанием для расторжения контракта и увольнения сотрудника со службы в органах внутренних дел является сокращение должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником.

Пунктом 1 части 1 и частью 4 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ установлено, что при сокращении должностей в органах внутренних дел правоотношения с сотрудником органов внутренних дел, замещающим сокращаемую должность, продолжают в случае предоставления сотруднику с учетом уровня его квалификации, образования и стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет) или стажа (опыта) работы по специальности возможности замещения иной должности в органах внутренних дел. Сотрудник органов внутренних дел в случае отказа от предложенной ему для замещения иной должности в органах внутренних дел либо от направления на обучение по дополнительным профессиональным программам освобождается от замещаемой должности и увольняется со службы в органах внутренних дел. В этом случае контракт с сотрудником расторгается в соответствии с пунктом 11 части 2 статьи 82 данного федерального закона.

Согласно части 1 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ перевод сотрудника органов внутренних дел в случаях, установленных федеральным законом, на вышестоящую, равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел, в другую местность либо в связи с его зачислением в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел допускается с согласия сотрудника, выраженного в письменной форме, если иное не предусмотрено поименованным федеральным законом.

Должность в органах внутренних дел считается вышестоящей, если для нее предусмотрено более высокое специальное звание, чем специальное звание по прежней должности в органах внутренних дел, а при

равенстве специальных званий - более высокий должностной оклад (часть 2 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Должность в органах внутренних дел считается равнозначной, если для нее предусмотрены специальное звание и должностной оклад, равные специальному званию и должностному окладу по прежней должности в органах внутренних дел (часть 4 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Должность в органах внутренних дел считается нижестоящей, если для нее предусмотрено более низкое специальное звание, чем специальное звание по прежней должности в органах внутренних дел, а при равенстве специальных званий - более низкий должностной оклад (часть 6 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

В соответствии с частью 3 статьи 30 указанного закона перевод сотрудника органов внутренних дел на вышестоящую должность рядового состава, младшего, среднего или старшего начальствующего состава осуществляется по результатам аттестации и (или) конкурса, за исключением случаев, если назначение сотрудника на вышестоящую должность в органах внутренних дел осуществляется из кадрового резерва, в котором он состоял в соответствии со статьей 78 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ.

Перевод сотрудника органов внутренних дел на равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел осуществляется в том числе в связи с сокращением замещаемой сотрудником должности (пункт 4 части 5, пункт 3 части 7 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Для решения вопроса об условиях дальнейшего прохождения сотрудником органов внутренних дел службы в органах внутренних дел или о ее прекращении Президент Российской Федерации, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель может освободить сотрудника от замещаемой должности в органах внутренних дел. Сотрудник, освобожденный от замещаемой должности, может быть зачислен в распоряжение федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения. При этом сохраняются установленные данным федеральным законом правовое положение (статус), гарантии социальной защиты сотрудника и правоотношения, связанные с прохождением службы в органах внутренних дел, за исключением выполнения сотрудником обязанностей и наделения его правами, которые установлены должностным регламентом (должностной инструкцией) (часть 9 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель в срок, установленный для нахождения сотрудника органов внутренних дел в распоряжении федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, после уведомления сотрудника о сокращении или о возможном расторжении

контракта и увольнении со службы в органах внутренних дел решает вопрос о переводе сотрудника на иную должность в органах внутренних дел в соответствии со статьей 30 названного федерального закона либо о расторжении с ним контракта в соответствии со статьей 82 данного федерального закона (часть 18 статьи 36 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

Из приведенных норм закона следует, что контракт с сотрудником органов внутренних дел подлежит расторжению по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (в связи с сокращением должности в органах внутренних дел, замещаемой сотрудником), если сотрудник был уведомлен о расторжении контракта не позднее чем за два месяца до увольнения, отсутствует возможность перевода сотрудника органа внутренних дел с учетом уровня его квалификации, образования, стажа службы в органах внутренних дел (выслуги лет), стажа (опыта) работы по специальности на другую должность или сотрудник органа внутренних дел отказался от перевода на другую должность.

При этом на федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган или подразделение законом возложена обязанность предложить сотруднику имеющиеся у него и отвечающие указанным выше требованиям вакантные равнозначные замещаемой сотрудником органов внутренних дел должности или нижестоящие должности.

Обязанности предлагать сотруднику органов внутренних дел в случае сокращения замещаемой им должности все имеющиеся в распоряжении органа внутренних дел вакантные должности, включая вышестоящие должности, законом на федеральный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориальный орган или подразделение не возложено, что соответствует положениям статьи 75 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, закрепляющей принципы и основные направления формирования кадрового состава органов внутренних дел.

Перевод сотрудника органа внутренних дел на вышестоящую должность, в том числе в связи с сокращением замещаемой сотрудником должности, является правом, а не обязанностью федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел. При этом такой перевод осуществляется в порядке, предусмотренном частью 3 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что для решения вопроса о законности увольнения П. со службы в органах внутренних дел по пункту 11 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ юридически значимым, подлежащим выяснению и доказыванию с учетом содержания спорных правоотношений сторон и основания заявленного П. иска являлось установление обстоятельств соблюдения ответчиком процедуры увольнения П. со службы, в частности, исполнена ли должным образом обязанность по предложению П. имеющихся в распоряжении органа внутренних дел вакантных равнозначных или

нижестоящих должностей, соответствующих уровню квалификации, образованию и стажу службы, опыту работы П. по специальности.

Между тем суд первой инстанции, разрешая спор по требованиям П. о восстановлении его на службе в органах внутренних дел, неправильно применил и истолковал нормы материального права, регулирующие спорные отношения, вследствие чего пришел к ошибочному выводу о том, что при увольнении сотрудника органа внутренних дел по указанному основанию орган внутренних дел обязан предлагать сотруднику все имеющиеся вакантные должности, в том числе и вышестоящие по отношению к замещаемой сотрудником органов внутренних дел.

Судом первой инстанции также не принято во внимание и не дана оценка тому обстоятельству, что П. неоднократно предлагались для замещения вакантные должности, на замещение которых он согласия не выразил со ссылкой на обязанность ответчика предлагать ему только равнозначные или вышестоящие должности. П. предлагалась вакантная должность начальника отдела территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, которая является вышестоящей по отношению к ранее занимаемой П. должности, согласия на ее замещение П. также не дал.

Ввиду изложенного Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала незаконными состоявшиеся по делу судебные постановления, отменила их и направила дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2016 года N 14-КГ16-15)

15. В связи с прекращением сотруднику органов внутренних дел допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, руководитель федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел или уполномоченный руководитель обязан предложить такому сотруднику перевод на вакантные равнозначные или нижестоящие должности, не требующие допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

В. обратился в суд с иском к управлению территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации о восстановлении на службе.

В обоснование заявленных требований В. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, по роду своей служебной деятельности и должностным обязанностям был допущен к сведениям, составляющим государственную тайну. Ответчиком ему прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и он временно отстранен от занимаемой должности. Контракт с В. был расторгнут, и он уволен со службы в органах внутренних дел по пункту 21 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (в связи с прекращением допуска сотрудника к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей требует допуска к таким сведениям). В. полагал, что в связи с прекращением ему необ-

ходимого для выполнения служебных обязанностей допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, он подлежал переводу на равнозначную или нижестоящую должность в отделе внутренних дел и мог быть уволен только при невозможности его перевода на иную должность в органах внутренних дел или его отказе от такого перевода.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам краевого суда, в удовлетворении исковых требований В. отказано.

Судом установлено, что ответчиком В. за допущенные им нарушения режима секретности прекращен доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и он отстранен от занимаемой должности, в связи с чем В. неоднократно обращался с рапортами к руководству управления, в которых просил перевести его на равнозначную должность, для занятия которой не требуется доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, а при невозможности такого перевода - на нижестоящую должность.

В ответ на указанные обращения В. предложено самостоятельно изыскать должность для перевода и предоставить соответствующий рапорт в территориальный орган внутренних дел Российской Федерации. Кроме того, истцу разъяснено, что при увольнении по пункту 21 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ не предусмотрено обязанности руководства органа внутренних дел по предложению вакантных должностей увольняемому сотруднику, после чего В. был уволен со службы по указанному основанию.

Разрешая спор и отказывая В. в удовлетворении исковых требований, суд первой инстанции пришел к выводу о законности его увольнения ответчиком со службы по пункту 21 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ, признав установленным установленный законом порядок увольнения. Суд исходил из того, что при решении вопроса о расторжении контракта в связи с прекращением допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, не предусмотрена возможность перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность, в силу чего к возникшим отношениям не применимы положения статьи 30 этого федерального закона, регламентирующие перевод сотрудника органов внутренних дел.

Суд также указал, что перечень оснований увольнения, при которых сотруднику органов внутренних дел должна предлагаться другая работа, предусмотренный в части 7 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ (пункты 8, 11 и 12 части 2 данной статьи), расширительному толкованию не подлежит.

С приведенными выводами согласился суд апелляционной инстанции.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации нашла указанные выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения сторон.

Статьей 23 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» предусмотрено, что доступ долж-

ностного лица или гражданина к государственной тайне может быть прекращен по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации в случаях, перечисленных в названной норме, в том числе в случае однократного нарушения им взятых на себя предусмотренных трудовым договором (контрактом) обязательств, связанных с защитой государственной тайны.

При этом в соответствии с этой же нормой закона прекращение допуска должностного лица или гражданина к государственной тайне является дополнительным основанием для расторжения с ним трудового договора (контракта), если такие условия предусмотрены в трудовом договоре (контракте).

Статья 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ устанавливает основания прекращения или расторжения контракта о прохождении службы в органах внутренних дел. Частью 1 - 2 данной статьи (в редакции Федерального закона от 25 ноября 2013 года N 317-ФЗ) определены основания, при которых контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел (то есть возможно увольнение со службы), частями 3 - 4 соответственно - основания, при которых контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел (то есть увольнение со службы обязательно).

Согласно пункту 21 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ контракт может быть расторгнут, а сотрудник органов внутренних дел может быть уволен со службы в органах внутренних дел в связи с прекращением допуска сотрудника к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, если выполнение служебных обязанностей требует допуска к таким сведениям.

Таким образом, из содержания статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ следует, что пункт 21 части 2 статьи 82 данного федерального закона не предусматривает безусловного расторжения контракта и увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы в органах внутренних дел в связи с прекращением необходимого для выполнения служебных обязанностей допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну.

В соответствии с пунктом 7 части 5 и пунктом 6 части 7 статьи 30 указанного выше федерального закона сотрудник органов внутренних дел в связи с прекращением необходимого для выполнения служебных обязанностей допуска к сведениям, составляющим государственную и иную охраняемую законом тайну, может быть переведен на равнозначную или нижестоящую должность в органах внутренних дел.

Согласно части 10 статьи 30 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ при невозможности перевода сотрудника органов внутренних дел на иную должность в органах внутренних дел или его отказе от такого перевода сотрудник подлежит увольнению со службы в органах внутренних дел, за исключением случаев отказа от перевода по основаниям, предусмотренным частью 3, пунктами 1, 3 и 6 части 5, пунктом

2 части 7 и частью 9 данной статьи. При этом контракт с сотрудником расторгается в связи с невозможностью перевода или отказом сотрудника от перевода на иную должность в органах внутренних дел, если иное не предусмотрено поименованным федеральным законом. О невозможности перевода сотрудника кадровым подразделением федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения подготавливается соответствующее заключение. Отказ сотрудника от перевода оформляется рапортом. В случае отказа сотрудника подать рапорт составляется соответствующий акт.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации с учетом приведенных положений закона пришла к выводу о том, что при решении вопроса о возможности увольнения В. со службы в связи с прекращением ему допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, ответчик был обязан предложить В. перевод на вакантные равнозначные или нижестоящие должности, не требующие допуска к сведениям, составляющим государственную тайну.

Поскольку пункт 21 части 2 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ не предполагает возможности его произвольного применения, обоснованность увольнения сотрудника органов внутренних дел со службы по основанию, предусмотренному им, должна быть предметом судебной проверки.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что судебные инстанции, разрешая спор, не применили положений приведенных норм в их системной взаимосвязи, не проверили соблюдение ответчиком при увольнении В. следующей из предписаний закона указанной выше обязанности, несмотря на то, что от перевода на иную должность в органах внутренних дел истец не отказывался, неоднократно обращался к руководству с соответствующими рапортами, выражая согласие на перевод как на равнозначную, так и нижестоящую должность, его контракт о прохождении службы содержал условие о согласии с возможностью перевода на другую равнозначную должность, в том числе в другую местность, а в случае отказа - с возможностью перевода в установленном порядке на нижестоящую должность или увольнения со службы.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала состоявшиеся по делу судебные акты об отказе в удовлетворении требований В. незаконными, отменила их и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 2 марта 2015 года N 56-КГ14-13)

16. В случае совершения сотрудником органов внутренних дел проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, он подлежит безусловно увольнению со службы в органах внутренних дел, а контракт с ним - расторжению.

А. обратился в суд с иском к территориальному органу внутренних дел по субъекту Российской Феде-

рации о признании увольнения незаконным и восстановлении на службе.

В обоснование требований А. указал, что проходил службу в органах внутренних дел, был уволен из органов внутренних дел по пункту 9 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел. А. считал увольнение незаконным, поскольку подобный проступок он не совершал. При увольнении А. ответчиком не учтены соразмерность примененного взыскания совершенному проступку, отношение А. к исполнению служебных обязанностей, его характеристика.

Решением районного суда, оставленным без изменения апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам областного суда, искивые требования А. удовлетворены.

Судом установлено, что основанием к увольнению А. со службы в органах внутренних дел послужило заключение служебной проверки территориального органа внутренних дел по субъекту Российской Федерации, из которого следует, что 20 августа 2013 года сотрудниками полиции задержан находившийся в отпуске А., который в грубой форме, выражаясь нецензурной бранью, требовал от наряда полиции не задерживать граждан Республики Узбекистан для проверки соблюдения правил въезда в Российскую Федерацию и режима проживания в Российской Федерации, угрожая принять меры к сотруднику полиции после выхода из отпуска. По заключению служебной проверки А., нарушив положения Кодекса профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденного приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 24 декабря 2008 года N 1138 (действовавшего в период возникновения спорных отношений), совершил проступок, порочащий честь сотрудника полиции, в связи с чем подлежит увольнению.

Разрешая спор и удовлетворяя заявленные А. требования, суд первой инстанции исходил из того, что совершенный истцом проступок порочит честь сотрудника правоохранительных органов, однако ответчиком при проведении служебной проверки в нарушение требований Порядка проведения служебной проверки в органах, организациях и подразделениях Министерства внутренних дел Российской Федерации не установлены объективно и всесторонне обстоятельства совершения проступка, а также обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность сотрудника органов внутренних дел, мера ответственности в виде увольнения применена к А. без учета тяжести совершенного проступка, степени вины, прежнего поведения истца и его отношения к службе.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции и их правовым обоснованием.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации нашла приведенные выводы судебных инстанций основанными на неправильном применении и толковании норм материального права, регулирующих спорные отношения.

Согласно части 4 статьи 7 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции как в служебное, так и во внеслужебное время должен воздерживаться от любых действий, которые могут вызвать сомнение в его беспристрастности или нанести ущерб авторитету полиции.

Сотрудник органов внутренних дел обязан не допускать злоупотреблений служебными полномочиями, соблюдать установленные федеральными законами ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел, а также соблюдать требования к служебному поведению сотрудника (пункт 12 части 1 статьи 12 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ).

В силу пункта 2 части 1 статьи 13 данного федерального закона, предусматривающего требования к служебному поведению сотрудника органов внутренних дел, при осуществлении служебной деятельности, а также во внеслужебное время сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении своих чести и достоинства, не допускать принятия решений из соображений личной заинтересованности, не совершать при выполнении служебных обязанностей поступки, вызывающие сомнение в объективности, справедливости и беспристрастности сотрудника, наносящие ущерб его репутации, авторитету федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, а также государственной власти.

Согласно части 1 статьи 49 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ нарушением служебной дисциплины (дисциплинарным проступком) признается виновное действие (бездействие), выразившееся в нарушении сотрудником органов внутренних дел законодательства Российской Федерации, дисциплинарного устава органов внутренних дел Российской Федерации, должностного регламента (должностной инструкции), правил внутреннего служебного распорядка федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, его территориального органа или подразделения, либо в несоблюдении запретов и ограничений, связанных со службой в органах внутренних дел, и требований к служебному поведению, либо в неисполнении (ненадлежащем исполнении) обязательств, предусмотренных контрактом служебных обязанностей, приказов и распоряжений прямых руководителей (начальников) и непосредственного руководителя (начальника) при выполнении основных обязанностей и реализации предоставленных прав.

Согласно пункту 6 части 1 статьи 50 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ на сотрудника органов внутренних дел в случае нарушения им служебной дисциплины может налагаться дисциплинарное взыскание в виде увольнения со службы в органах внутренних дел по соответствующим основаниям. Порядок и сроки применения к сотрудникам органов внутренних дел дисциплинарных взысканий установлены статьей 51 данного федерального закона.

Служба в органах внутренних дел является особым видом государственной службы, направлена на реализацию публичных интересов, что предопределяет наличие у сотрудников, проходящих службу в этих органах, специального правового статуса, обусловленного

Постановление Конституционного суда РФ от 14 ноября 2017 г. N 28-П

выполнением конституционно значимых функций по обеспечению правопорядка и общественной безопасности. Законодатель, определяя правовой статус сотрудников, проходящих службу в органах внутренних дел, вправе устанавливать для этой категории граждан особые требования, в том числе к их личным и деловым качествам, и особые обязанности, обусловленные задачами, принципами организации и функционирования органов внутренних дел, а также специфическим характером деятельности указанных лиц (определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 апреля 2009 года N 566-О-О).

В силу пункта 9 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ контракт подлежит расторжению, а сотрудник органов внутренних дел увольнению со службы в органах внутренних дел в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел.

Из содержания приведенных нормативных положений в их системной взаимосвязи следует, что в случае совершения сотрудником органов внутренних дел проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел, он подлежит безусловному увольнению, а контракт с ним - расторжению. Применение других мер ответственности в данном случае невозможно, поскольку закон не предоставляет руководителю органа внутренних дел права избрания для такого сотрудника иной, более мягкой, меры ответственности, чем увольнение из органов внутренних дел.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признала вывод судебных инстанций о несоразмерности примененного к А. дисциплинарного взыскания в виде увольнения со службы в органах внутренних дел не соответствующим положениям Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ. Факт совершения истцом проступка, порочащего честь сотрудника полиции, подтвержден заключением служебной проверки, порядок привлечения истца к дисциплинарной ответственности в виде увольнения со службы ответчиком соблюден, поэтому оснований не применять к спорным отношениям пункт 9 части 3 статьи 82 Федерального закона от 30 ноября 2011 года N 342-ФЗ у судов первой и апелляционной инстанций не имелось.

В связи с изложенным Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

(Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2015 года N 45-КГ14-13;

аналогичная правовая позиция содержится в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 12 сентября 2014 года N 45-КГ14-7, от 16 марта 2015 года N 19-КГ14-25, от 4 июля 2015 года N 70-КГ16-13, от 18 января 2016 года N 74-КГ15-145, от 11 июля 2016 года N 30-КГ16-4).

Федеральный законодатель обязан установить гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права на реабилитацию в отношении этого лица (вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства - досудебной или судебной - оно было реабилитировано).

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 14 ноября 2017 г. N 28-П

**ПО ДЕЛУ О ПРОВЕРКЕ КОНСТИТУЦИОННОСТИ
ОТДЕЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СВЯЗИ С ЖАЛОБОЙ
ГРАЖДАНИНА М.И. БОНДАРЕНКО**

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

с участием гражданина М.И. Бондаренко и его представителей - адвокатов Б.А. Алексюка, А.В. Леонидченко и В.В. Леонидченко, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Т.В. Касаевой, представителя Совета Федерации - кандидата юридических наук Е.Ю. Егоровой, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации М.В. Кротова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина М.И. Бондаренко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание представителей: от Министерства юстиции Российской Федерации - М.А. Мельниковой, от Генерального прокурора Российской Федерации - Т.А. Васильевой, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Заявитель по настоящему делу гражданин М.И. Бондаренко оспаривает конституционность следую-

щих положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

пункта 3 части второй статьи 133, части пятой статьи 135, части первой статьи 136, статей 137 и 138, регламентирующих соответственно основания возникновения права на реабилитацию, порядок возмещения реабилитированному имущественного вреда, устранения последствий морального вреда, восстановления иных его прав, а также обжалования решения о производстве выплат в возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием;

статьи 63, закрепляющей недопустимость повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела; части первой статьи 214, устанавливающей правила отмены постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования; пункта 1 статьи 397 и статьи 399, определяющих круг вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора, и порядок их разрешения.

1.1. Оправдательный приговор, вынесенный 12 августа 2009 года Октябрьским районным судом города Краснодара в отношении М.И. Бондаренко, обвинявшегося в совершении ряда преступлений, был отменен определением Краснодарского краевого суда от 18 ноября 2009 года, с чем согласился судья того же суда, отказав постановлением от 23 марта 2010 года в удовлетворении надзорной жалобы стороны защиты. По результатам нового судебного рассмотрения суд первой инстанции 17 мая 2010 года возвратил уголовное дело прокурору в порядке статьи 237 УПК Российской Федерации, а 9 октября 2012 года орган предварительного следствия прекратил уголовное дело в отношении М.И. Бондаренко за отсутствием состава преступления и признал за ним право на реабилитацию.

В удовлетворении требования М.И. Бондаренко о возмещении ему как реабилитированному имущественного вреда, связанного с уголовным преследованием, было отказано постановлением Октябрьского районного суда города Краснодара от 28 августа 2013 года, с которым согласились суды апелляционной и кассационной инстанций. Однако президиум Краснодарского краевого суда, рассмотрев переданную ему 11 декабря 2014 года заместителем Председателя Верховного Суда Российской Федерации кассационную жалобу М.И. Бондаренко, постановлением от 11 февраля 2015 года заявленные требования удовлетворил, решения судов первой и второй инстанций отменил, а дело направил на новое судебное рассмотрение, по результатам которого Прикубанский районный суд города Краснодара постановлением от 18 августа 2015 года, признанным вышестоящими судами законным и обоснованным, отказал в удовлетворении требования заявителя, сославшись помимо прочего на то, что прокурор представил в судебном заседании постановление от 13 августа 2015 года, которым отменено постановление органа предварительного следствия от 9 октября 2012 года о прекращении в отношении заявителя уголовного дела и его уголовное преследование возобновлено.

Второе заявление М.И. Бондаренко о возмещении имущественного вреда оставлено без удовлетворения постановлением Прикубанского районного суда горо-

да Краснодара от 24 октября 2013 года, с чем согласились суды апелляционной и кассационной инстанций. В свою очередь, президиум Краснодарского краевого суда, куда 2 февраля 2015 года судьей Верховного Суда Российской Федерации была передана кассационная жалоба М.И. Бондаренко, 25 марта 2015 года отменил решения судов первой и второй инстанций и направил дело на новое рассмотрение, по итогам которого постановлением Прикубанского районного суда города Краснодара от 18 мая 2015 года требования заявителя частично удовлетворены и в его пользу взыскано 1 114 912 руб. 44 коп. Однако по заявлению прокурора данное постановление отменено судом первой инстанции ввиду вновь открывшегося обстоятельства - возобновления уголовного преследования М.И. Бондаренко после отмены прокурором 13 августа 2015 года постановления о прекращении уголовного дела от 9 октября 2012 года (постановление от 9 октября 2015 года, с которым согласился судья Краснодарского краевого суда, вынесший по кассационной жалобе заявителя постановление от 7 июля 2016 года).

Впоследствии производство по второму заявлению М.И. Бондаренко было приостановлено постановлением Прикубанского районного суда города Краснодара от 16 октября 2015 года до получения результатов дополнительного расследования, что счел законным и обоснованным судья Краснодарского краевого суда (постановление от 7 июля 2016 года). После того как постановлением следователя от 26 октября 2015 года уголовное преследование М.И. Бондаренко было вновь прекращено за отсутствием состава преступления с признанием за ним права на реабилитацию, Прикубанский районный суд города Краснодара приостановленное производство возобновил и постановлением от 30 марта 2016 года, оставленным без изменения судом апелляционной инстанции, требования заявителя удовлетворил частично, взыскав в его пользу 50 000 руб., во взыскании остальной суммы отказал, с чем согласились вышестоящие суды (постановления судьи Краснодарского краевого суда от 7 июля 2016 года и судьи Верховного Суда Российской Федерации от 28 февраля 2017 года, решение заместителя Председателя Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 2017 года).

В рамках того же дела кассационные жалобы М.И. Бондаренко на постановления Прикубанского районного суда города Краснодара от 9 октября 2015 (в том числе об отмене его же постановления от 18 мая 2015 года по вновь открывшимся обстоятельствам) судьей Верховного Суда Российской Федерации переданы 23 мая 2017 года в президиум Краснодарского краевого суда, который 5 июля 2017 года отменил их, а дело направил в тот же районный суд для выполнения требований закона о производстве в суде апелляционной инстанции. Постановлением судьи Краснодарского краевого суда от 24 августа 2017 года материалы апелляционного производства сняты с рассмотрения и направлены в Прикубанский районный суд города Краснодара.

Третье заявление М.И. Бондаренко, поданное, как и первые два, в порядке уголовного судопроизводства, рассмотрено по правилам гражданского процесса,

и решением Прикубанского районного суда города Краснодара от 18 мая 2015 года, оставленным без изменения апелляционным определением Краснодарского краевого суда от 4 августа 2015 года, в его пользу взыскано 517 766 руб. 41 коп. в возмещение расходов на оплату труда адвоката, связанных с уголовным преследованием. Данные решения отменены постановлением президиума Краснодарского краевого суда от 3 февраля 2016 года со ссылкой на то, что требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда не могли быть рассмотрены в порядке гражданского судопроизводства. В дальнейшем произведен поворот исполнения постановления Прикубанского районного суда города Краснодара от 18 мая 2015 года и выплаченные на его основании денежные средства возвращены в казну Российской Федерации (определение Прикубанского районного суда города Краснодара от 22 сентября 2016 года).

1.2. По мнению гражданина М.И. Бондаренко, оспариваемые им положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации противоречат статьям 2, 15 (часть 1), 18, 45 (часть 1), 46 (части 1 и 2), 53, 123 (часть 3) и 129 (часть 1) Конституции Российской Федерации, а именно, как утверждает заявитель, часть пятая статьи 135 и часть шестая статьи 399 допускают участие прокурора в рассмотрении требований реабилитированного без установления в законе функций и задач такого участника процесса и тем самым не препятствуют прокурору действовать в качестве процессуального противника реабилитированного; пункт 3 части второй статьи 133 и часть первая статьи 214 позволяют прокурору - в любое время, в том числе в период рассмотрения судом требований реабилитированного, - без специальных поводов, сроков, предварительного судебного контроля отменять постановление о прекращении уголовного дела, которое служит основанием для признания права на реабилитацию, что ведет к прекращению судебного рассмотрения материалов о реабилитации и нарушает баланс интересов реабилитированного и противостоящей ему стороны обвинения; часть первая статьи 136 не устанавливает в системе прокуратуры конкретного прокурора, обязанного принести официальное извинение реабилитированному, позволяя уклоняться от исполнения этой обязанности; часть пятая статьи 135 во взаимосвязи со статьями 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 не позволяют определить, в порядке гражданского или уголовного судопроизводства должны рассматриваться требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда; статья 63, часть пятая статьи 135, статьи 137 и 399 допускают участие в рассмотрении требований реабилитированного тех судей, которые ранее участвовали в рассмотрении его уголовного дела и высказали свою позицию о его виновности, а также повторное участие судей в рассмотрении требований реабилитированного в случае отмены вышестоящими судами решений, вынесенных этими судьями по обращениям реабилитированного.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются следующие положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации:

часть пятая статьи 135 и часть шестая статьи 399 - как устанавливающие право прокурора участвовать в судебном рассмотрении и разрешении требования реабилитированного о возмещении имущественного вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием;

пункт 3 части второй статьи 133 и часть первая статьи 214 - постольку, поскольку они позволяют прекращать судебное рассмотрение требования реабилитированного лица о возмещении причиненного ему в результате уголовного преследования вреда в случае, когда прокурор отменяет выступающее юридическим основанием для возникновения права на реабилитацию решение о прекращении уголовного преследования этого лица;

часть первая статьи 136 - применительно к возможности определить в системе прокуратуры конкретного прокурора, обязанного принести от имени государства официальное извинение реабилитированному за вред, причиненный ему незаконным или необоснованным уголовным преследованием;

часть пятая статьи 135 во взаимосвязи со статьями 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 - как допускающие отмену вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым удовлетворено требование реабилитированного о возмещении имущественного вреда;

статья 63, часть пятая статьи 135, статьи 137 и 399, на основании которых решается вопрос о возможности участия в рассмотрении требования реабилитированного тех судей, которые ранее принимали процессуальные решения в отношении этого лица при рассмотрении его уголовного дела, а также вопрос о возможности повторного участия судьи в рассмотрении требования реабилитированного в случае возвращения вышестоящим судом этого требования на новое судебное рассмотрение.

2. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 53), реализация которого гарантируется конституционной обязанностью государства обеспечивать защиту, в том числе судебную, прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1; статья 46, части 1 и 2), доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью (статья 52). Конституционным гарантиям находящегося под судебной защитой права на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, корреспондируют нормы Международного пакта о гражданских и политических правах (подпункт «а» пункта 3 статьи 2, пункт 5 статьи 9 и пункт 6 статьи 14), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (пункт 5 статьи 5) и Протокола N 7 к ней (статья 3), признающие право каждого, кто стал жертвой незаконного ареста, заключения под стражу или судебной ошибки, на компенсацию и обязывающие государство обеспечить эффективные средства правовой защиты нарушенных прав.

Опираясь на приведенные положения Конституции Российской Федерации и международно-правовых актов, Конституционный Суд Российской Федерации сформулировал правовые позиции, согласно которым государство, обеспечивая - на основе принципов верховенства права, юридического равенства и справедливости - пострадавшим от незаконного или необоснованного привлечения к уголовной ответственности лицам эффективное и полное восстановление в правах, обязано гарантировать им и максимально возможное возмещение причиненного вреда; при этом, по смыслу статьи 49 Конституции Российской Федерации, на гражданина не может быть возложена обязанность доказывания оснований для возмещения вреда, непосредственно связанная с доказыванием невиновности в совершении преступления; как более слабая сторона в правоотношении, он не должен подвергаться излишним обременениям; соответственно, предусматривая в этих целях наряду с общими гражданско-правовыми правилами компенсации вреда специальные публично-правовые механизмы, упрощающие процедуру восстановления прав реабилитированных и обусловленные спецификой их правового статуса как лиц, нуждающихся в особых гарантиях защиты своих прав, федеральный законодатель обязан создавать такие процедурные условия, которые, не подвергая сомнению принцип исполнимости принятых решений о выплатах компенсации вреда указанным лицам, способствовали бы скорейшему определению его размера и возмещению (постановления от 2 марта 2010 года N 5-П, от 14 июля 2011 года N 16-П, от 19 июля 2011 года N 18-П и от 17 октября 2011 года N 22-П; определения от 8 апреля 2010 года N 524-О-П, от 2 ноября 2011 года N 1463-О-О и N 1477-О-О, от 2 июля 2013 года N 1058-О, от 2 апреля 2015 года N 708-О и др.).

Таким образом, для обеспечения полной, действенной и справедливой судебной защиты права реабилитированного лица на возмещение вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, федеральный законодатель обязан установить гарантии признания, сохранения и беспрепятственной реализации права на реабилитацию в отношении этого лица (вне зависимости от того, на какой стадии судопроизводства - досудебной или судебной - оно было реабилитировано), а правоприменитель - неукоснительно соблюдать установленные гарантии.

3. Конкретизируя в рамках предоставленных ему дискреционных полномочий соответствующие конституционные предписания, федеральный законодатель определил назначение уголовного судопроизводства как защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, указав при этом, что уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания и реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (статья 6 УПК Российской Федерации).

Исходя из этого в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации закрепляются правила и условия возмещения вреда, причиненного реабилитированному, а также основания возникновения права на реабилитацию, под которой пунктом 34 его статьи 5 понимается порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

В силу части первой статьи 133 УПК Российской Федерации право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах; вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины причинившего его правоприменительного органа. Как следует из части второй той же статьи, право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют подсудимый, осужденный и лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, в установленных ее пунктами 1, 2, 4 и 5 случаях, а в силу ее пункта 3 - подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4 - 6 части первой статьи 27 данного Кодекса.

Соответственно, право на реабилитацию признается судом в приговоре, определении, постановлении либо следователем, дознавателем в постановлении за оправданным или лицом, уголовное преследование которого прекращено; одновременно реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием (часть первая статьи 134 УПК Российской Федерации). Требование же реабилитированного о возмещении имущественного вреда, заявленное в указанный в части второй статьи 135 УПК Российской Федерации суд, согласно части пятой той же статьи разрешается судьей в порядке, установленном статьей 399 данного Кодекса для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, часть шестая которой наделяет прокурора правом участвовать в судебном заседании.

Правовое положение прокурора как участника процедуры восстановления прав лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда, в том числе как участника судебного заседания по рассмотрению соответствующего требования, обуславливается статусом прокуратуры, ее местом и назначением в государственном механизме. Так, Федеральный закон от 17 января 1992 года N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», устанавливающий в соответствии со статьей 129 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочия, организацию и порядок деятельности прокуратуры Российской Федерации, определяет ее как единую федеральную централизованную систему органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов (пункт 1 статьи 1), а также

обязывает прокурора разъяснять пострадавшим от правонарушений порядок защиты их прав и свобод, осуществлять меры по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба (пункт 1 статьи 27).

В свою очередь, статья 136 УПК Российской Федерации возлагает на прокурора как участника процедуры реабилитации следующие полномочия: принести от имени государства официальное извинение реабилитированному за причиненный вред (часть первая), дать письменное указание об опубликовании в средствах массовой информации сообщения о реабилитации (часть третья), направить письменные сообщения о принятых решениях, оправдывающих гражданина, по месту его работы, учебы или месту жительства (часть четвертая). Осуществление прокурором этих полномочий в предваряющем судебное разбирательство о возмещении вреда порядке соответствует его статусу должностного лица, осуществляющего от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия (часть первая статьи 37 УПК Российской Федерации) и потому несущего перед гражданином ответственность за ошибки, допущенные органами предварительного расследования.

Поскольку к моменту рассмотрения требования реабилитированного о возмещении вреда вопросы о его виновности в совершении преступления, о правомерности применения к нему мер процессуального принуждения уже получили свое разрешение и право на реабилитацию у него уже возникло (части вторая и третья статьи 133 УПК Российской Федерации), прокурор осуществляет в предусмотренной главой 18 УПК Российской Федерации процедуре реабилитации, включая судебное рассмотрение указанного требования по правилам статьи 399 данного Кодекса, не уголовное преследование, а особый вид деятельности, связанный с реализацией последствий оправдания подсудимого либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям, представляя суду материалы, которые касаются имевшего место ранее уголовного преследования. Не ставится прокурор в положение стороны, противостоящей реабилитированному при рассмотрении судом его требования, даже когда основания для реабилитации утратили юридическую силу (решение, являющееся основанием для реабилитации, отменено в установленном законом порядке): в этих случаях прокурор, как участник соответствующей судебной процедуры, вправе проинформировать суд о наличии причин для ее прекращения.

Таким образом, часть пятая статьи 135 и часть шестая статьи 399 УПК Российской Федерации - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения, допускающая участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным пре-

следованием, предполагают, что прокурор не выступает в этой процедуре в качестве процессуального оппонента (противника) реабилитированного, а обеспечивает доведение до суда необходимых для решения вопроса о возмещении такого вреда сведений.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет прокурора полномочиями осуществлять надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, в предмет которого входит законность и обоснованность процессуальных действий и решений; прокурор вправе проверить решение следователя или руководителя следственного органа о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования и, признав его незаконным или необоснованным, отменить его своим постановлением с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию (часть первая и пункт 5.1 части второй статьи 37, часть первая статьи 213 и часть первая статьи 214).

В случае отмены решения о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по реабилитирующим основаниям аннулируются и его последствия, в том числе право на реабилитацию. Данный вывод, содержащийся в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 19 июля 2016 года N 1684-О, основан на неоднократно выраженной им ранее правовой позиции, в силу которой возможность отменить незаконное или необоснованное решение о прекращении уголовного дела и возобновить производство по делу вытекает из предписаний Конституции Российской Федерации, обязывающих органы государственной власти, должностных лиц и граждан соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы (статья 15, часть 2), гарантирующих государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 45, часть 1) и возлагающих на государство обязанность обеспечивать потерпевшим от преступлений и злоупотреблений властью доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статья 52).

Не влияет на возможность возобновить производство по уголовному делу и рассмотрение на момент принятия решения об этом вопроса о реабилитации, - связанность прокурора при принятии такого решения идущим процессом реабилитации противоречила бы конституционно значимым целям уголовного судопроизводства. Прекращение действий по реабилитации после возобновления уголовного преследования является естественным следствием такового и само по себе не вызывает сомнений с точки зрения конституционной обоснованности, однако, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, при решении вопросов, связанных с возобновлением прекращенных уголовных дел, надлежит исходить из необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов на основе принципа справедливости, что предполагает защиту как интересов правосудия, прав и свобод потерпевших, так и прав и законных интересов лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и считающихся невиновными до тех пор, пока их виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (статья 49, часть 1,

Конституции Российской Федерации); недопустимо произвольное возобновление прекращенного уголовного дела, в том числе многократное его возобновление по одному и тому же основанию, создающее для лица, в отношении которого дело было прекращено, постоянную угрозу уголовного преследования.

4.1. В соответствии с частью первой статьи 214 УПК Российской Федерации прокурор вправе отменить постановление руководителя следственного органа или следователя о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования (за исключением дел частного обвинения) в срок не позднее 14 суток с момента получения материалов уголовного дела, о чем выносит мотивированное постановление с изложением конкретных обстоятельств, подлежащих дополнительному расследованию, которое незамедлительно направляет руководителю следственного органа вместе с материалами уголовного дела. Указанный 14-дневный срок исчисляется с момента получения прокурором материалов уголовного дела, которое может быть истребовано для проверки в рамках надзорной деятельности, а его истечение не влечет для прокурора запрета принять соответствующее решение, т.е. данный срок не является пресекательным, препятствующим осуществлению прокурором своих полномочий.

По смыслу действующего правового регулирования, возможность отмены незаконного или необоснованного постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, в том числе по реабилитирующим основаниям (пункт 3 части второй статьи 133 УПК Российской Федерации), не ограничена даже истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. При этом согласно указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 3 июля 2013 года № 267/12 «О порядке реализации положений части 1 статьи 136 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» прокурор обязан оперативно обеспечить проверку законности принятого дознавателем, следователем либо судом решения, влекущего право на реабилитацию, при наличии оснований - принять меры для отмены решения дознавателя или следователя, оспаривания судебного акта, а в случае отсутствия оснований для отмены или оспаривания - принести официальное извинение в письменной форме в возможно короткий срок, но не позднее одного месяца со дня вынесения такого решения либо вступления в законную силу судебного акта. Из данных предписаний следует, что прокурор выполняет последовательные действия по проверке законности и обоснованности указанного решения и принесению официального извинения реабилитированному, причем общий срок, в течение которого прокурор вправе получить истребованные им материалы уголовного дела и отменить вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, не может превышать одного месяца со дня его вынесения. Что касается правоприменительной практики, то, как свидетельствуют в том числе материалы, представленные заявителем по настоящему делу, несоблюдение прокурором срока для отмены постановления о прекращении уголовного дела либо

уголовного преследования не оценивается судами как процессуальное нарушение.

Между тем отсутствие в уголовно-процессуальном законе срока для отмены постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования, вынесенного на досудебной стадии уголовного судопроизводства, умаляет гарантии защиты от необоснованного возобновления прекращенного уголовного преследования, создает для лица постоянную угрозу привлечения к уголовной ответственности, что в любой момент может воспрепятствовать (хотя это лишь одно из многих и не самое значимое неблагоприятное последствие возвращения лица в состояние претерпевания уголовного преследования) разрешению судом вопроса о размере причиненного в связи с уголовным преследованием вреда и о производстве выплат в его возмещение. Кроме того, поскольку процедура приостановления процесса возмещения вреда в рамках реабилитации отсутствует, а отмена постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования служит основанием именно для прекращения этого процесса, судебная проверка в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации решения прокурора об отмене такого постановления, направленная на защиту подозреваемого, обвиняемого от повторного уголовного преследования, не обеспечивает защиту другого его права - на реабилитацию в силу того, что даже удовлетворение жалобы, поданной по правилам этой статьи, не влечет продолжения судебной защиты прав реабилитированного в порядке главы 18 данного Кодекса.

4.2. Таким образом, часть первая статьи 214 УПК Российской Федерации не соответствует Конституции Российской Федерации, ее статьям 46 (часть 1) и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в ней положение во взаимосвязи с пунктом 3 части второй статьи 133 данного Кодекса позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, - при сохранении баланса публично- и частных правовых интересов - эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования.

Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, изложенных в настоящем Постановлении, - внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать государственную, в том числе судебную, защиту от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования и ограничения права на возмещение вреда лицу, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование прекращено на досудебной стадии уголовного процесса по реабилитирующим основаниям, но при этом не допускать ситуацию, при которой (по крайней мере, в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности) исключалась бы воз-

возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования лица, если выявились новые сведения о его виновности в совершении преступления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений.

Несмотря на то что введение различного порядка отмены вступившего в законную силу оправдательного приговора суда как акта правосудия (включая срок, в пределах которого допустим поворот к худшему, - статья 401.6 и часть вторая статьи 412.9 УПК Российской Федерации) и вынесенного на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела как решения об отказе стороны обвинения от дальнейшего уголовного преследования не может расцениваться в качестве нарушения требований равенства (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2016 года N 223-О), Конституционный Суд Российской Федерации, учитывая пресекаемый годичный срок для поворота к худшему при пересмотре вступившего в законную силу приговора и руководствуясь пунктом 12 части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», считает необходимым установить следующее: впредь до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений, вытекающих из настоящего Постановления, отмена или изменение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения; по прошествии года постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования может быть отменено только судом по заявлению прокурора по правилам статьи 165 УПК Российской Федерации или потерпевшего - по правилам статьи 125 данного Кодекса с обязательным представлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании.

5. Определяя понятие «прокурор», статья 5 УПК Российской Федерации включает в это понятие Генерального прокурора Российской Федерации и подчиненных ему прокуроров, их заместителей и иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре (пункт 31).

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» и применяемое во взаимосвязи с ним указание Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 3 июля 2013 года N 267/12, возлагая на заместителей Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроров субъектов Российской Федерации, приравненных к ним военных прокуроров и прокуроров иных специализированных прокуратур, прокуроров городов и районов, иных территориальных, военных и специализированных прокуратур обусловленные их статусом обязанности, относят к ним и обязанность обеспечить лично исполнение предписания части пер-

вой статьи 136 УПК Российской Федерации о принесении прокурором от имени государства официального извинения реабилитированному за вред, причиненный незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

В силу принципов законности и разумности срока уголовного судопроизводства, закрепленных в статьях 6.1 и 7 УПК Российской Федерации, прокурор не вправе уклоняться от исполнения данной обязанности (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 23 октября 2014 года N 2392-О и от 19 июля 2016 года N 1609-О). Отказ прокурора принести реабилитированному официальное извинение, а равно бездействие в исполнении данной обязанности или ее ненадлежащее исполнение затрагивают гарантированное статьей 53 Конституции Российской Федерации право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, а потому подлежат обжалованию в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации, согласно части первой которой действия (бездействия) и решения прокурора, способные причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, могут быть обжалованы в суд.

Данный вывод согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой право на судебную защиту, будучи универсальным правовым средством защиты прав и свобод человека и гражданина, выполняет обеспечительно-восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, что предопределено особой ролью судебной власти и вытекающими из статей 18, 118 (часть 2), 120 (часть 1), 125, 126 и 128 (часть 3) Конституции Российской Федерации ее прерогативами по осуществлению правосудия, характеризующего содержательную сторону процессуальной деятельности суда как таковую, в том числе при осуществлении судебного контроля за законностью решений и действий (бездействия) субъектов публичной власти (Постановление от 11 июля 2017 года N 20-П).

Таким образом, часть первая статьи 136 УПК Российской Федерации не противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагает, что обязанность принести от имени государства официальное извинение лицу, реабилитированному на основании постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования в досудебной стадии уголовного судопроизводства, за причиненный ему вред лежит на прокуроре города или района, иной территориальной, военной или специализированной прокуратуры, непосредственно осуществляющем надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия, если иное не установлено для конкретного случая вышестоящим прокурором; неисполнение же или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному могут быть обжалованы в суд.

6. Необходимость восстановления прав лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и недопустимость возложения на него излишних обременений, вытекающие из положений Конституции Российской Федерации, предполагают, что обязанность обеспечить судебную защиту прав и свобод реабилитированного, в частности определить судебную процедуру для рассмотрения и разрешения его требования о возмещении вреда, лежит на суде, следователе, дознавателе, которые, в силу части первой статьи 134 УПК Российской Федерации, одновременно с признанием права на реабилитацию направляют реабилитированному извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

Согласно же Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации иски о восстановлении пенсионных и жилищных прав, возврате имущества или его стоимости, связанные с возмещением убытков, причиненных гражданину незаконным осуждением, незаконным привлечением к уголовной ответственности, незаконным применением в качестве меры пресечения заключения под стражу, подписки о невыезде либо незаконным наложением административного наказания в виде ареста, могут предъявляться в суд по месту жительства истца (часть шестая статьи 29); нарушение или неправильное применение норм процессуального права является основанием для изменения или отмены решения суда первой инстанции в апелляционном порядке, если это нарушение привело или могло привести к принятию неправильного решения, а правильное по существу решение суда первой инстанции не может быть отменено по одним только формальным соображениям (части третья и шестая статьи 330); основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, защита охраняемых законом публичных интересов (статья 387).

По смыслу приведенного регулирования, неприменение судом дополнительных гарантий защиты прав реабилитированного, реализуемых в рамках уголовного процесса, само по себе не влечет отмену судебного решения, постановленного в порядке гражданского судопроизводства, если такая отмена связана с ухудшением положения реабилитированного лица. Иное нарушало бы предписания не только статей 2, 18, 52 и 53 Конституции Российской Федерации, но и ее статьи 46 (часть 1), гарантирующей эффективное восстановление в правах посредством судебной защиты, отвечающей требованиям справедливости. Соответственно, несоблюдение судом в таких случаях норм главы 18 УПК Российской Федерации не может служить основанием для отмены судебного решения о возмещении реабилитированному вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием, притом что такое решение принято судом в состязательной процедуре рассмотрения иска

с участием ответчика - представителя казны Российской Федерации.

Таким образом, часть пятая статьи 135 УПК Российской Федерации во взаимосвязи с его статьей 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по конституционно-правовому смыслу содержащихся в них положений предполагается, что само по себе несоблюдение в части рассмотрения судом требования реабилитированного о возмещении причиненного ему в связи с уголовным преследованием имущественного вреда в порядке уголовного судопроизводства не может служить основанием для отмены вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым данное требование реабилитированного было удовлетворено.

7. Конституция Российской Федерации, устанавливая, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом, и гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод и на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом (статья 46, часть 1; статья 47, часть 1; статья 118, часть 1), основывается на признанных мировым сообществом принципах справедливого, независимого, объективного и беспристрастного правосудия (статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах). Данные принципы - исходя из обязанности государства принимать меры к такой организации судебной системы, которая во избежание конфликта интересов не допускала бы выполнение различных функций в судебном процессе одним и тем же лицом, - в полной мере применимы к судебной защите права лица на возмещение ему вреда, причиненного незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Согласно статье 137 УПК Российской Федерации постановление судьи о производстве выплат в возмещение причиненного реабилитированному вреда может быть обжаловано в порядке, установленном его главами 43 - 45. Данные главы регламентировали апелляционное и кассационное обжалование в суде второй инстанции судебных решений, не вступивших в законную силу, и прекратили действие с 1 января 2013 года (Федеральный закон от 29 декабря 2010 года № 433-ФЗ). В связи с этим Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание федерального законодателя на необходимость приведения содержания указанной статьи в соответствие с положениями уголовно-процессуального закона, в настоящее время определяющими основания и порядок обжалования судебных решений, не вступивших в законную силу.

На судебное производство о возмещении в соответствии с частью пятой статьи 135, частью первой статьи 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 УПК Российской Федерации вреда реабилитированному, восстановлении его трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав распространяются положения его статьи 63 о недопустимости повторного участия судьи в рассмотрении уголовного дела, что направлено на обеспечение конституционно-го права на рассмотрение дела независимым и беспри-

страстным судом, поскольку при определенных обстоятельствах участие судьи в двух разбирательствах по поводу одних и тех же событий может поставить под сомнение его непредвзятость. Вместе с тем, по смыслу правовой позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации применительно к разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора (определения от 23 декабря 2014 года N 2843-О, от 25 февраля 2016 года N 270-О и др.), при разрешении требования реабилитированного о возмещении вреда вопросы обоснованности уголовного преследования, служившие предметом судебного заседания по уголовному делу, не рассматриваются, а потому такое требование может - по общему правилу - разрешить судья, ранее участвовавший в рассмотрении уголовного дела.

Обусловленная предыдущим участием судьи в рассмотрении уголовного дела осведомленность о его обстоятельствах и имеющихся в нем доказательствах способствует быстрой и эффективной восстановлению нарушенных прав и свобод в предусмотренной главой 18 УПК Российской Федерации процедуре, которая с точки зрения действующей модели правового регулирования является ускоренным, сокращенным, квазиприказным производством, предназначенным для скорейшего рассмотрения требования реабилитированного в условиях отсутствия спора о его субъективном праве на возмещение вреда и о фактических обстоятельствах, предопределяющих размер возмещения. Такая процедура не предполагает наличия у судьи широких пределов усмотрения, поскольку законодатель в названной главе не закрепляет специальных правил доказывания и непосредственно определяет состав денежных средств и имущества, подлежащих возмещению (часть первая статьи 135 УПК Российской Федерации).

В частности, разрешая по существу уголовное дело, суд в приговоре, определении или постановлении признает за оправданным или лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию (часть первая статьи 134 УПК Российской Федерации). Соответственно, возложение на судью, ранее принимавшего участие в рассмотрении уголовного дела и высказавшего свою позицию о невиновности подсудимого, обязанности рассмотреть его требование о возмещении вреда тем более не порождает сомнений в объективности и беспристрастности этого судьи.

Однако в случаях, когда постановление о производстве выплат в возмещение причиненного реабилитированному вреда или об отказе в таковых оспаривается в вышестоящем суде на основании статьи 137 УПК Российской Федерации и вышестоящий суд отменяет его как незаконное или необоснованное и направляет соответствующие материалы на новое рассмотрение, фактор скорости, достигаемой за счет упрощения процедуры (принимая во внимание в том числе возможное знакомство судьи с материалами уголовного дела), должен уступить место фактору процедурной безкоризненности их рассмотрения. Гражданин в этих случаях, свидетельствующих о неоднократном претерпевании им неблагоприятных последствий деятельности государственных органов (сначала при не-

правомерном уголовном преследовании, а затем при вынесении неправосудного решения по вопросу о возмещении вреда), нуждается в дополнительных гарантиях его прав, включая право на судебную защиту, которое должно быть обеспечено в условиях, исключающих любые - даже не имеющие веских оснований - сомнения в беспристрастности суда с учетом наличия спора о праве и об обстоятельствах дела. При обусловленном отменой решения суда вышестоящим судом новым (повторном) рассмотрении требования реабилитированного лица факт предыдущего участия судьи в рассмотрении данного требования и принятия им решений в отношении этого лица создает дополнительные риски для оценки правосудия как справедливого.

Если судья ранее высказал позицию о виновности обвиняемого, о законности и обоснованности уголовного преследования, а значит, позицию о наличии обстоятельств, не предполагающих реабилитацию, возникает почва для переоценки доказательств, конфликта интересов и оправданных сомнений в способности такого судьи объективно и непредвзято разрешить требование реабилитированного. В частности, высказанная судьей в приговоре позиция относительно наличия события преступления, обоснованности вывода о виновности обвиняемого, достаточности собранных доказательств определенным образом ограничивает свободу судьи и его независимость при дальнейшем производстве по делу (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 1 марта 2012 года N 426-О-О). Соответственно, рассматривая в этих случаях материалы о возмещении реабилитированному вреда, судья вынужден - по меньшей мере, в косвенной форме - подвергать критике принятые им же самим решения, что не только ставит под угрозу ограничения закрепленные в статье 17 УПК Российской Федерации принцип свободы оценки доказательств, в котором воплощается в том числе независимость суда (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2011 года N 30-П), гарантированная статьей 120 (часть 1) Конституции Российской Федерации, но и идет вразрез с вытекающими из ее статей 46 (части 1 и 2) и 53 требованиями эффективности и справедливости судебной защиты прав реабилитированного.

Таким образом, статья 63, часть пятая статьи 135, статьи 137 и 399 УПК Российской Федерации не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу содержащиеся в них положения предполагают, что в случае возвращения вышестоящим судом требования реабилитированного лица о возмещении причиненного в связи с уголовным преследованием вреда на новое судебное рассмотрение судья, выразивший при рассмотрении его уголовного дела позицию об обоснованности подозрения, обвинения и об отсутствии тем самым оснований для реабилитации, не должен участвовать в рассмотрении этого требования, равно как и судья, который ранее дал юридическую оценку этому требованию, вновь ставшему предметом судебного разбирательства.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 87 и 100 Федерального консти-

туционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать часть пятую статьи 135 и часть шестую статьи 399 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения, допуская участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием, предполагают, что прокурор не выступает в этой процедуре в качестве процессуального оппонента (противника) реабилитированного, а обеспечивает доведение до суда необходимых для решения вопроса о возмещении такого вреда сведений.

2. Признать часть первую статьи 214 УПК Российской Федерации не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 46 (часть 1) и 53, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в ней положение во взаимосвязи с пунктом 3 части второй статьи 133 данного Кодекса позволяет прокурору в течение неопределенного срока отменять вынесенное по реабилитирующим основаниям постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования без предоставления лицу, в отношении которого оно вынесено, - при сохранении баланса публично- и частных правовых интересов - эффективных гарантий защиты, включая судебную, от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования.

3. Признать часть первую статьи 136 УПК Российской Федерации не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку - по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования - она предполагает, что:

обязанность от имени государства принести официальное извинение лицу, в отношении которого вынесено постановление о прекращении по реабилитирующему основанию уголовного дела либо уголовного преследования на досудебной стадии уголовного судопроизводства, за причиненный ему вред лежит на прокуроре города или района, иной территориальной, военной или специализированной прокуратуры, непосредственно осуществляющем надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия, если иное не установлено для конкретного случая вышестоящим прокурором;

неисполнение или ненадлежащее исполнение прокурором обязанности принести официальное извинение реабилитированному лицу могут быть обжалованы в судебном порядке.

4. Признать часть пятую статьи 135 УПК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 138, пунктом 1 статьи 397 и пунктом 1 части первой статьи 399 данного Кодекса не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по конституционно-правовому смыслу содержащихся в них положе-

ний предполагается, что само по себе их несоблюдение в части рассмотрения судом требования реабилитированного о возмещении причиненного ему в связи с уголовным преследованием имущественного вреда в порядке уголовного судопроизводства не может служить основанием для отмены вынесенного в порядке гражданского судопроизводства судебного решения, которым данное требование реабилитированного было удовлетворено.

5. Признать статью 63, часть пятую статьи 135, статьи 137 и 399 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку - по своему конституционно-правовому смыслу - содержащиеся в них положения предполагают, что:

в случае возвращения вышестоящим судом требования реабилитированного лица о возмещении причиненного в связи с уголовным преследованием вреда на новое судебное рассмотрение судья, выразивший ранее, при рассмотрении уголовного дела этого лица, позицию об обоснованности подозрения, обвинения и об отсутствии тем самым оснований для реабилитации, не должен участвовать в рассмотрении данного требования;

не должен участвовать в рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении причиненного в связи с уголовным преследованием вреда судья, который ранее дал юридическую оценку данному требованию, вновь ставшему предметом судебного разбирательства.

6. Конституционно-правовой смысл положений статей 63, 135, 136, 137, 138, 397 и 399 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

7. Федеральному законодателю надлежит - исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, - внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации необходимые изменения, с тем чтобы гарантировать эффективную государственную, в том числе судебную, защиту от незаконного и необоснованного возобновления уголовного преследования и от ограничения права на возмещение вреда лицу, в отношении которого уголовное дело либо уголовное преследование прекращено на досудебной стадии уголовного процесса по реабилитирующим основаниям, но при этом не допускать ситуацию, при которой (по крайней мере, в пределах срока давности привлечения к уголовной ответственности) исключалась бы возможность отмены принятого на досудебной стадии постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования лица, если выявились новые сведения о его виновности в совершении преступления и, соответственно, такая отмена необходима для восстановления справедливости и предупреждения совершения новых преступлений.

Впредь до внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации изменений, вытекающих из настоящего Постановления, отмена или изме-

нение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения; по прошествии года постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования может быть отменено только судом по заявлению прокурора по правилам статьи 165 УПК Российской Федерации или потерпевшего - по правилам статьи 125 данного Кодекса с обязательным предоставлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании.

8. Правоприменительные решения, принятые в отношении гражданина Бондаренко Максима Ивановича, основанные на положениях статей 63, 133, 135, 136, 137, 138, 214, 397 и 399 УПК Российской Федерации, подлежат пересмотру в установленном порядке с учетом настоящего Постановления.

9. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

10. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный Суд
Российской Федерации

Суд не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности оспариваемых действий (бездействия) или решений.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 21 ноября 2017 г. N 30-П

по делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации в связи с жалобой гражданина

В.В. Ченского

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева,

Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности положений статей 38 и 125 УПК Российской Федерации. Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В.В. Ченского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В. Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Статья 38 УПК Российской Федерации определяет правовой статус и полномочия следователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Судебный порядок рассмотрения жалобы на его действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ граждан к правосудию, регламентирован статьей 125 данного Кодекса.

Оспаривающий конституционность указанных законоположений гражданин В.В. Ченский был задержан по подозрению в совершении преступления в рамках уголовного дела, возбужденного по факту дорожно-транспортного происшествия, повлекшего смерть человека, и помещен в изолятор временного содержания, где находился с 29 июня 2015 года по 1 июля 2015 года; при этом произведены осмотр и выемка принадлежащего ему автомобиля, признанного впоследствии вещественным доказательством. В дальней-

шем по данному уголовному делу проведены судебные экспертизы с исследованием изъятого транспортного средства, его осмотры, следственный эксперимент, а В.В. Ченский допрошен в качестве свидетеля, однако постановление о прекращении его уголовного преследования не выносилось и автомобиль ему возвращен не был. В удовлетворении же ходатайства о привлечении его в качестве обвиняемого либо о прекращении в отношении него уголовного преследования и о возврате автомобиля было отказано следователем и руководителем следственного органа.

В.В. Ченский обратился в районный суд в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации с жалобой, в которой просил признать незаконными действия (бездействие) названных должностных лиц, связанные с отказом в вынесении постановления о прекращении его уголовного преследования и в разъяснении ему права на реабилитацию, а также в возврате изъятого транспортного средства. Постановлением судьи от 20 июля 2016 года, оставленным 28 сентября 2016 года судом апелляционной инстанции без изменения, жалоба удовлетворена частично: действия следователя, связанные с отказом в возврате автомобиля, признаны незаконными с возложением обязанности устранить допущенные нарушения. В остальной части производство по обращению прекращено, поскольку, как указано в судебном решении, В.В. Ченский, по смыслу заявленного им требования, поставил перед судом вопрос о возложении на следователя обязанности совершить конкретное процессуальное действие, что противоречит статье 38 УПК Российской Федерации, согласно которой следователь, помимо прочего, уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 46 (части 1 и 2), 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что они, ограничивая гражданина в возможности обратиться за судебной проверкой необходимости принятия в отношении него процессуального решения о прекращении или о продолжении уголовного преследования, тем самым лишают его в дальнейшем права на реабилитацию.

Соответственно, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», положения статей 38 и 125 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос о судебной проверке действий (бездействия) следователя, связанных с определением процессуального статуса лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 данного Кодекса, допрашивается в качестве свидетеля о тех же событиях и по тому же уголовному делу без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью

и возлагает на Россию как демократическое правовое государство, в котором охраняется достоинство личности, обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, в том числе право каждого на защиту своей чести и доброго имени, и в этих целях, а также для обеспечения иных конституционных ценностей, включая законность и правопорядок, закрепляет требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда данные ценности становятся объектом преступного посягательства, - осуществления уголовного преследования лиц, преступивших закон (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1).

Относя к неотчуждаемым правам человека право каждого на судебную защиту его прав и свобод, Конституция Российской Федерации гарантирует возможность обжалования в судебном порядке решений и действий или бездействия органов государственной власти и должностных лиц и право на возмещение причиненного их незаконными действиями или бездействием вреда (статья 46, части 1 и 2; статья 53), одновременно закрепляя, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, он не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности толкуются в его пользу (статья 49). Эти права, как следует из статей 17 (часть 1) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не подлежат ограничению, признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в том числе нашедшим отражение во Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8, 10 и 11), Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в силу которых каждый при рассмотрении предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и считается невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону.

С учетом того, что право на судебную защиту - это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством в соответствии с критериями эффективности и справедливости, конституционные принципы правосудия, вытекающие из статей 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предполагают как неукоснительное следование процедуре уголовного судопроизводства, так и своевременность защиты прав и законных интересов не только обвиняемых, но и лиц, подозреваемых в совершении преступления.

3. Согласно части первой статьи 46 УПК Российской Федерации подозреваемым является лицо, в от-

ношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, установленным главой 20 данного Кодекса (пункт 1), либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 данного Кодекса (пункт 2), либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 данного Кодекса (пункт 3), либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном его статьей 223¹ (пункт 4). Следовательно, само возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления, применение к нему меры пресечения или его уведомление о подозрении в совершении преступления обуславливают приобретение им процессуального статуса подозреваемого. При этом статья 46 УПК Российской Федерации определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым.

Приобретение указанного статуса создает для лица ряд процессуальных гарантий защиты от осуществляемого в его отношении уголовного преследования, к числу которых статья 46 УПК Российской Федерации относит обязательный допрос подозреваемого не позднее 24 часов с момента его фактического задержания (часть вторая), а также право знать, в чем он подозревается, давать объяснения и показания по поводу имеющегося подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний (пункты 1 и 2 части четвертой). Тем самым статус подозреваемого как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты позволяет лицу защищаться от уголовного преследования, для чего оно наделяется соответствующими возможностями, а потому основания и порядок изменения этого статуса должны быть четко определены в уголовно- процессуальном законе с тем, чтобы такое лицо не было ограничено в правах, включая право на судебную защиту и право на реабилитацию в случае причинения ему вреда незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регулируя основания и порядок задержания подозреваемого, одновременно закрепляет и основания его освобождения. В частности, статья 91 данного Кодекса наделяет орган дознания, дознавателя, следователя правом задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, либо когда потерпевшие или очевидцы укажут на это лицо как на совершившее преступление, либо когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления (часть первая); при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении этого лица меры пресечения в виде заключения под стражу (часть

вторая). Статья же 94 УПК Российской Федерации обязывает дознавателя или следователя освободить подозреваемого, если не подтвердилось подозрение в совершении преступления, либо отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, либо задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 данного Кодекса, о чем выносится постановление (часть первая); по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если ему не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 данного Кодекса (часть вторая); при освобождении подозреваемого из-под стражи ему выдается справка, в которой указывается, кем он был задержан, дата, время, место и основания задержания, дата, время и основания освобождения (часть пятая).

Из взаимосвязанных положений пункта 55 статьи 5, статей 46, 91 и 94 УПК Российской Федерации - принимая во внимание различия юридических оснований, в силу которых лицо является подозреваемым, в том числе оснований для задержания, а также дифференциацию оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи - не следует, что само по себе такое освобождение во всех случаях означает прекращение процессуального статуса лица в качестве подозреваемого, снятие с него подозрения в преступлении, а равно прекращение его уголовного преследования, т.е. процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения в совершении преступления.

Так, прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования, причем допускается прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела (статьи 24 и 27 УПК Российской Федерации). В числе же оснований для прекращения уголовного преследования пункт 1 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации предусматривает и непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, свидетельствующую либо об отсутствии доказательств (достаточных данных), позволяющих продолжить уголовное преследование конкретного лица (неустановленная причастность), либо об установленной его непричастности к совершению преступления (пункт 20 статьи 5 УПК Российской Федерации). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, указанное законоположение подлежит применению во взаимосвязи с иными нормами данного Кодекса, определяющими подозреваемого и обвиняемого как участников уголовного судопроизводства и регулируемыми их правовой статус (статьи 46 и 47), а его назначение в системе этих норм - как прекращение в отношении таких лиц процессуальной деятельности, нацеленной на их изобличение, и защита тем самым их прав (определения от 23 апреля 2015 года № 849-О и от 29 сентября 2015 года № 2068-О). В случае прекращения уголовного преследования подозреваемого в связи с непричастностью к совершению преступления с него снимается подозрение в преступлении и у него воз-

никает право на реабилитацию (пункт 3 части второй статьи 133 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем постановлением об освобождении задержанного подозреваемого со ссылкой на пункт 1 части первой статьи 94 УПК Российской Федерации подтверждается отсутствие достаточных данных даже для выдвижения такого подозрения, что служит поводом и для разрешения вопроса о прекращении (невозможности продолжения) уголовного преследования лица, освобожденного из-под стражи. Иное влекло бы необоснованное продолжение обвинительной деятельности в отношении этого лица, чья непричастность к преступлению фактически констатируется вынесенным постановлением, и ограничение принадлежащих ему прав.

Незаконное же или необоснованное уголовное преследование, в том числе задержание в качестве подозреваемого, - это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство, а потому возможность реабилитации, восстановления чести и доброго имени опороченного неправомерным подозрением либо обвинением лица, а также обеспечение проверки законности и обоснованности уголовного преследования и принимаемых в связи с ним процессуальных решений (в случае необходимости - в судебном порядке) являются непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту, включая судебную, его прав и свобод (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П). Следовательно, государство не вправе оставить неисполненными возложенные на него Конституцией Российской Федерации обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, оно не освобождается - исходя из требований ее статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 49, 52, 53 и 54 (часть 2) - от необходимости гарантировать лицам, неправомерно подвергнутым уголовному преследованию, охрану достоинства личности и обеспечить им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на всех стадиях уголовного судопроизводства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2013 года № 24-П).

В свою очередь, отсутствие процессуального документа, свидетельствующего о том, что подозрение снято и уголовное преследование прекращено, способно воспрепятствовать восстановлению прав, нарушенных уголовным преследованием, делая, в частности, невозможным применение статьи 133 УПК Российской Федерации об основаниях возникновения права на реабилитацию. Поскольку же уголовно-процессуальный закон определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым, неопределенность правового статуса этого лица в ситуации фактического уголовного преследования - без его юридического оформления и, соответственно, без предоставления прав по защите от него - может сохраняться вплоть до истечения сроков давности уголовного преследования (статья 78 УК Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации).

Между тем, как прямо предусмотрено пунктом 3 части второй статьи 133 УПК Российской Федерации, подозреваемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4-6 части первой статьи 27 данного Кодекса, имеет право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с его уголовным преследованием, что следователь в силу требований части первой статьи 11 данного Кодекса обязан разъяснить лицу, обеспечив возможность осуществления его прав.

4. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон (часть первая статьи 15 УПК Российской Федерации), чем предопределяется участие подозреваемого в уголовном процессе со стороны защиты от обвинения, а свидетеля - в качестве иного, нейтрального участника судопроизводства. Применительно к одному и тому же событию преступления, по факту которого возбуждено уголовное дело, лицо не может одновременно находиться в статусе подозреваемого (статья 46 УПК Российской Федерации), т.е. лица, подвергнутого уголовному преследованию, и свидетеля - лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний (статья 56 УПК Российской Федерации). Тем самым допросу лица в качестве свидетеля по уголовному делу, в котором это лицо имело статус подозреваемого, должно предшествовать процессуальное решение о прекращении его уголовного преследования; следователь не вправе допрашивать по одному и тому же делу, об одних и тех же событиях в качестве свидетеля лицо, чей статус подозреваемого не прекращен надлежащим процессуальным решением. Иное приводило бы к нарушению прав такого лица, гарантируемых статьями 46 (часть 1 и 2), 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации.

Следовательно, лицо, которое задерживалось по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 УПК Российской Федерации и после освобождения из-под стражи - при отсутствии процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, а значит, и процессуального оформления прекращения его статуса подозреваемого - допрашивается (подлежит допросу) в качестве свидетеля, лишено возможности защитить свои нарушенные права, а потому в силу статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации вправе обжаловать в суд бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о прекращении его уголовного преследования, в необеспечении реализации права на реабилитацию.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, определяя в статье 38 следователя как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной данным Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (часть первая), закрепляет его общие полномочия, в том числе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключени-

ем случаев, когда в соответствии с данным Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (пункт 3 части второй). Предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и в порядке, установленным уголовно-процессуальным законом.

Наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключает необходимость выполнения следователем при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных Уголовно- процессуальным кодексом Российской Федерации, в частности его статьями 7, 11, 14 и 16, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63- О-О, от 16 июля 2015 года № 1616-О, от 26 января 2017 года № 4-О и др.). Такие же обязанности возлагаются на следователя и при решении вопросов о начале (продолжении) уголовного преследования в отношении конкретного лица и о его прекращении по соответствующим основаниям.

При этом действия (бездействие) и решения следователя могут быть обжалованы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (часть первая статьи 123 УПК Российской Федерации). Так, подлежат обжалованию в районный суд постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные его действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (статья 125 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, в силу принципа состязательности сторон судопроизводства, закрепленного в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и предполагающего разграничение в уголовном процессе функций осуществления правосудия, обвинения и защиты, на суд как орган правосудия не может возлагаться выполнение несвойственных ему процессуальных обязанностей, связанных с уголовным преследованием (постановления от 14 января 2000 года № 1-П и от 27 июня 2005 года № 7-П; определения от 15 апреля 2008 года № 310-0-0, от 15 июля 2008 года № 445- О-О и др.). При рассмотрении жалоб по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации суд, признавая действие (бездействие) или решение должностного лица незаконным либо необоснованным и обязывая его устранить допущенное нарушение, не наделен полномочием самому отменять решения органов предварительного расследования и прокурора, а также принимать взамен них другие решения, поскольку в этом случае он в той или иной мере

фактически принимал бы участие в осуществлении предварительного расследования, а значит, и в деятельности по уголовному преследованию, что несовместимо с ролью суда, как она определена в законе (части вторая и третья статьи 15 УПК Российской Федерации) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 года № 2- О, от 17 июня 2013 года № 1003-О и от 29 марта 2016 года № 551-0).

Соответственно, суд не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности оспариваемых действий (бездействия) или решений, которые способны затруднить доступ граждан к правосудию либо причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в том числе праву на охрану достоинства личности, на защиту своей чести и доброго имени и на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 21, часть 1 ; статья 23, часть 1; статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации).

По результатам рассмотрения жалобы в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации суд выносит постановление либо о признании действия (бездействия) или решения должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение, либо об оставлении жалобы без удовлетворения; данное постановление должно быть законным, обоснованным и мотивированным (часть четвертая статьи 7 и часть пятая статьи 125 УПК Российской Федерации). При этом, рассматривая жалобу, суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности оспариваемых действий (бездействия) и решений. Такая оценка закономерно включает в себя и полномочие суда указать соответствующему органу или должностному лицу на конкретные нарушения, которые ими допущены и которые они обязаны устранить. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий (бездействия) прокурору или в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 464-О, от 25 января 2005 года № 2-О, от 24 марта 2005 года № 151-О, от 23 июня 2005 года № 299-О, от 17 июня 2013 года № 1003-О, от 23 декабря 2014 года № 3005-0, от 18 июля 2017 года № 1545-О и др.).

Таким образом, положения статей 38 и 125 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают полномочие суда при рассмотрении жалобы лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 данного Кодекса, допрашивается в качестве свидетеля без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, на

бездействие следователя, выразившееся в неприятии решения о процессуальном статусе этого лица, разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановления законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать взаимосвязанные положения статей 38 и 125 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают полномочие суда при рассмотрении жалобы лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 данного Кодекса, допрашивается в качестве свидетеля без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, на бездействие следователя, выразившееся в неприятии решения о процессуальном статусе этого лица, разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановления законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

2. Конституционно-правовой смысл положений статей 38 и 125 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Ченского Владислава Владимировича на основании положений статей 38 и 125 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный суд Российской Федерации
№ 30-П

Лицо, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, должно быть ознакомлено с данным процессуальным решением и положенными в его основу материалами, содержащими составляющие государственную тайну сведения в области оперативно-розыскной деятельности, которые отражают фактические обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии или о наличии оснований для возбуждения уголовного дела

Именем Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статей 21 и 21¹
Закона Российской Федерации «О государственной тайне»
в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горovenko

город Санкт-Петербург

23 ноября 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д. Зорькина, судей К.В. Арановского, А.И. Бойцова, Н.С. Бондаря, Г.А. Гаджиева, Ю.М. Данилова, Л.М. Жарковой, С.М. Казанцева, С.Д. Князева, А.Н. Кокотова, Л.О. Красавчиковой, С.П. Маврина, Н.В. Мельникова, Ю.Д. Рудкина, О.С. Хохряковой, В.Г. Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статей 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Е.Ю. Горovenko. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика А.И. Бойцова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Закон Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5485-1 «О государственной тайне» устанавливает общий порядок допуска должностных лиц и граждан к государственной тайне, включающий, помимо прочего, добровольное принятие на себя обязательств перед государством по нераспространению доверенных им сведений, согласие на частичные, временные ограничения их прав, письменное согласие на проведение в отношении них полномочными органами проверочных мероприятий, ознакомление с нормами законодательства о государственной тайне, предусматривающими ответственность за его нарушение (статья 21), а также закрепляет особый порядок допуска

к государственной тайне, в соответствии с которым члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы, судьи на период исполнения ими своих полномочий, адвокаты, участвующие в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к этим сведениям без проведения проверочных мероприятий, предусмотренных статьей 21 данного Закона, предупреждаются о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с исполнением своих полномочий, и о привлечении к ответственности в случае ее разглашения, о чем у них отбирается расписка, а сохранность государственной тайны в таких случаях гарантируется путем установления ответственности указанных лиц федеральным законом (статья 21¹).

1.1. Конституционность названных законоположений оспаривает гражданин Е.Ю. Горovenko, в отношении которого во время прохождения им службы в органах внутренних дел в должности оперуполномоченного отделения по борьбе с экономическими преступлениями осуществлялось дисциплинарное производство в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей по ведению дел оперативного учета в процессе оперативно - розыскной деятельности. 12 апреля 2010 года Е.Ю. Горovenko был уволен из органов внутренних дел за допущенные им нарушения, а 9 ноября 2010 года в отношении него возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного частью второй статьи 306 «Заведомо ложный донос» УК Российской Федерации, и 27 октября 2011 года постановлен обвинительный приговор, вступивший в законную силу.

В ходе производства по данному уголовному делу по ходатайству Е.Ю. Горovenko была назначена почерковедческая экспертиза, выявившая факты подделки его подписей в делах оперативного учета, в связи с нарушениями при ведении которых он был уволен. На основании результатов экспертизы материалы, касающиеся подделки подписей, были выделены в отдельное производство для проверки наличия в действиях неизвестных лиц признаков преступления, предусмотренного статьей 292 «Служебный подлог» УК Российской Федерации. По результатам такой проверки неоднократно выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которые впоследствии отменялись, о чем Е.Ю. Горovenko извещался без ознакомления с их содержанием.

Постановлением Кировского районного суда города Астрахани от 15 декабря 2015 года была частично удовлетворена поданная в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации жалоба Е.Ю. Горovenko на бездействие должностных лиц следственного органа, выразившееся в непредоставлении ему информации, связанной с материалами указанной проверки. Поскольку именно Е.Ю. Горovenko инициировал ее проведение своим ходатайством о назначении экспертизы, суд признал его лицом, чьи права и законные интересы затрагивает эта проверка и принятые по ее итогам решения. Вместе с тем суд, руководствуясь пунктом 4 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне», согласно которому государственную

тайну составляют в том числе сведения в области оперативно-розыскной деятельности (о силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах этой деятельности), пришел к выводу, что Е.Ю. Горovenko, не имея допуска к секретной информации, вправе ознакомиться лишь с той частью материалов проверки, которая не содержит сведений, составляющих государственную тайну, а также вправе получить копии вынесенных в ходе проверки постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела.

Во исполнение данного судебного решения Е.Ю. Горovenko был ознакомлен с несколькими томами не секретных материалов указанной проверки, а с томами, содержащими секретные и совершенно секретные сведения, ознакомление не производилось. Ему также были вручены копии семи постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, за исключением последнего, вынесенного 18 сентября 2015 года, которому был присвоен гриф секретности. Жалоба Е.Ю. Горovenko на бездействие должностных лиц следственного органа, не предоставивших ему данное постановление, оставлена Кировским районным судом города Астрахани без удовлетворения со ссылкой на то, что требуемая информация содержит государственную тайну (постановление от 16 ноября 2016 года), с чем согласился суд апелляционной инстанции (постановление от 29 декабря 2016 года).

Нарушение статьями 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне» своих прав, гарантированных статьями 24 (часть 2) и 46 Конституции Российской Федерации, заявитель связывает с тем, что они, неполно определяя круг лиц, которым может быть разрешен доступ к материалам уголовного судопроизводства, содержащим сведения, составляющие государственную тайну, позволяют - по смыслу, придаваемому данным законоположениям правоприменительной практикой, - отказывать заинтересованному лицу, защищающему свои права без участия адвоката, в ознакомлении с материалами проводимой на стадии возбуждения уголовного дела проверки сообщения о преступлении и с вынесенными на их основании решениями об отказе в возбуждении уголовного дела, если эти решения и материалы содержат сведения, составляющие государственную тайну, а также в предоставлении копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, которому присвоен гриф секретности, в связи с отсутствием у такого лица допуска к государственной тайне.

1.2. Из представленных Е.Ю. Горovenko судебных решений следует, что неознакомление его с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и с материалами процессуальной проверки, содержащими сведения, составляющие государственную тайну, обусловлено отсутствием у него допуска к государственной тайне, порядок которого регламентирован статьями 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне». Соответственно, несмотря на то что в указанных решениях отсутствуют прямые ссылки на данные статьи, их положения фактически были применены в деле заявителя во взаимосвязи с нормами статей 144, 145 и 148 УПК Российской Федерации.

Таким образом, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», статьи 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне» являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку содержащиеся в них положения применяются для разрешения вопроса об ознакомлении лица, не имеющего допуска к государственной тайне и защищающего свои права и свободы без участия адвоката, с затрагиваемыми эти права и свободы решением об отказе в возбуждении уголовного дела и материалами процессуальной проверки, послужившими основанием для его вынесения, если данное решение и материалы содержат сведения в области оперативно-розыскной деятельности, составляющие государственную тайну.

2. Конституция Российской Федерации гарантирует охрану достоинства личности, прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на основе равенства всех перед законом и судом, признания права каждого на защиту своей чести и доброго имени (статья 19, часть 1; статья 21, часть 1;

статья 23, часть 1; статья 52). Из этого следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации) и спорить с государством в лице любых его органов. При этом, по смыслу статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства и связанных с ним прав (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 3 мая 1995 года № 4 -П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 25 апреля 2001 года № 6-П, от 20 апреля 2006 года № 4-П и от 9 июля 2013 года № 18-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 года № 42 -О, от 25 января 2007 года № 135-О-О, от 26 мая 2011 года № 619-О-О, от 29 марта 2016 года № 551-О и др.).

Предусматривая возможность обжалования в судебном порядке решений и действий (бездействия) органов государственной власти и их должностных лиц, Конституция Российской Федерации одновременно обязывает их обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (статья 24, часть 2; статья 46, часть 2), что позволяет гражданам отстаивать свои интересы, в том числе в суде (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1999 года № 5-П, от 8 декабря 2003 года № 18-П и от 6 ноября 2014 года № 27-П).

В силу предписания статьи 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации любая информация должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы непосредственно затрагивают его права и свободы, а законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами,

обосновывающими необходимость ее особой защиты. Данное право, исходя из требований статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, может быть ограничено исключительно федеральным законом, причем законодатель, определяя средства и способы защиты государственной и иной охраняемой законом тайны, должен использовать лишь те из них, которые в конкретной правоприменительной ситуации исключают несоразмерное ограничение прав и свобод человека и гражданина (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года № 8 - П, от 18 февраля 2000 года № 3-П и от 6 ноября 2014 года № 27-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июля 2000 года № 191-О, от 19 февраля 2003 года № 78-О, от 18 декабря 2003 года № 429-О, от 7 ноября 2008 года № 1029-О-П, от 29 сентября 2011 года № 1251-О-О, от 16 июля 2015 года № 1615-О и др.). Следовательно, устанавливая правовой режим доступа к охраняемой законом тайне, законодатель должен избегать создания неустраняемых препятствий в ознакомлении с непосредственно затрагиваемыми права и свободы заинтересованных лиц документами и материалами, влекущих ограничение права на судебную защиту, которое, выступая гарантией в отношении всех иных прав и свобод, по самой своей сути не может противоречить конституционно значимым ценностям, а потому не подлежит ограничению ни при каких обстоятельствах (статья 56, часть 3, Конституции Российской Федерации).

3. Как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, любое посягательство на личность, ее права и свободы является одновременно и посягательством на человеческое достоинство, поскольку человек становится объектом произвола и насилия, а ограничение доступа к правосудию в то же время является ограничением фундаментального права на защиту достоинства личности; государство обязано способствовать устранению нарушений прав пострадавших от преступлений, предоставлять им защиту и обеспечивать возможность собственными действиями добиваться восстановления своих прав и законных интересов; непринятие своевременных мер к выявлению и пресечению нарушений прав и свобод в тех случаях, когда в дальнейшем их восстановление оказывается невозможным, означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством, а также должно расцениваться как невыполнение государством и его органами своих конституционных обязанностей (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 15 января 1999 года № 1-П, от 14 февраля 2000 года № 2-П, от 24 апреля 2003 года № 7-П, от 11 мая 2005 года № 5-П, от 16 октября 2012 года № 22-П и от 2 июля 2013 года № 16-П).

Закрепленные в Конституции Российской Федерации права обращаться лично и направлять обращения в государственные органы, защищать свои права и свободы всеми не запрещенными законом способами, а также право на судебную защиту (статья 33; статья 45, часть 2; статья 46, части 1 и 2) предполагают не только возможность подать в соответствующий орган или должностному лицу предложение, заявление или

жалобу, но и право получить на это обращение адекватный ответ. В частности, конституционные требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах обуславливают обязательность обоснования органами предварительного расследования принимаемых ими решений, включая отказ в возбуждении уголовного дела. В силу части четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации такой отказ должен быть законным, обоснованным и мотивированным и - поскольку он является итоговым для стадии возбуждения уголовного дела решением, препятствующим дальнейшему ходу уголовного процесса, - может быть обжалован в суд по правилам статьи 125 данного Кодекса, как способный причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства.

В развитие конституционных положений о праве на судебную защиту Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предусматривает, что действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном данным Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (часть первая статьи 123); такая жалоба может быть подана в суд заявителем, его защитником, законным представителем или представителем (часть вторая статьи 125).

Рассматривая вопросы, связанные с обеспечением указанного права в уголовном судопроизводстве, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 23 марта 1999 года № 5-П признал неконституционным ограничение права на судебное обжалование действий и решений, затрагивающих права и законные интересы граждан, на том лишь основании, что они не были признаны в установленном законом порядке участниками производства по уголовному делу. По смыслу же правовой позиции, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П и других его решениях, обеспечение гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод в уголовном судопроизводстве обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующего права.

Кроме того, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации наделяет лицо, сообщившее о преступлении, комплексом прав, включая право обжаловать решение, принятое по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, в том числе постановление об отказе в возбуждении уголовного дела (часть первая статьи 125, пункт 2 части первой и часть вторая статьи 145), что предполагает ознакомление с таким постановлением и материалами проверки, послужившими основанием для его вынесения; в соот-

ветствии с данным Кодексом реализуется и право на пересмотр приговора вышестоящим судом (статья 50, часть 3, Конституции Российской Федерации), в частности по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (определения от 21 декабря 2006 года № 591-О и от 26 мая 2011 года № 619-О-О).

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации обязывает дознавателя, орган дознания, следователя, руководителя следственного органа принять, проверить сообщение о любом совершенном или готовящемся преступлении и в пределах своей компетенции при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, вынести постановление о возбуждении уголовного дела, а при их отсутствии - отказать в возбуждении дела (статьи 24, 140, 144-146 и 148). Соответствующие решения не могут быть произвольными и должны отвечать требованиям законности и обоснованности, соблюдение которых оценивается судом как при рассмотрении уголовного дела по существу, так и в рамках предварительного судебного контроля. Поскольку же разрешение вопроса о законности и обоснованности постановления об отказе в возбуждении уголовного дела предполагает, по меньшей мере, установление обстоятельств, позволяющих дать предполагаемому событию преступления правильную правовую оценку с учетом собранных данных, достаточных как для вынесения процессуального решения, так и для проверки его правомерности, такое постановление должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно - процессуальным законом порядке, - иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица относительно вероятного события преступления и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это процессуальное решение.

В свою очередь, право обжаловать отказ в возбуждении уголовного дела в суд (часть первая статьи 125, часть вторая статьи 145 и часть пятая статьи 148 УПК Российской Федерации) предполагает обязанность государства обеспечить возможность его реализации, которая прямо зависит от доступа к обжалуемому решению и материалам соответствующей проверки, поскольку мотивированно оспорить законность и обоснованность постановления об отказе в возбуждении уголовного дела можно, только ознакомившись как с его содержанием, так и с положенными в его основу материалами. В противном случае сообщившее о преступлении лицо, хотя и не признанное в официальном порядке потерпевшим, но полагающее себя пострадавшим от преступления, будет ущемлено в праве на судебную защиту, которое предполагает предоставление заинтересованным лицам реальной возможности отстаивать перед судом свою позицию, оспаривать доводы других участников процесса, а также обжаловать принятые в отношении них решения, в том числе судебные, поскольку правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах.

Должностное лицо, принимающее решение об отказе в возбуждении уголовного дела исходя из привле-

ченных для его обоснования материалов и засекречивающее его со ссылкой на наличие в нем и проверочных материалах сведений в области оперативно-розыскной деятельности, отнесенных к государственной тайне, создает этим условия для отказа заинтересованному лицу в ознакомлении с решением и материалами проверки по причине отсутствия у этого лица допуска к государственной тайне, не позволяя таким образом стороне, оппонировавшей должностному лицу в споре о правомерности вынесенного им решения, оценить основательность или произвольность сделанных им выводов о наличии либо отсутствии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Тем самым возможность ознакомления с документами и материалами предопределяется содержанием оспариваемого решения, формируемым принимающим его должностным лицом, а потому заинтересованное лицо, чьи права непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, оказывается необоснованно ограниченным в праве мотивированно обжаловать его в суде.

5. Результаты оперативно-розыскной деятельности служат вспомогательным средством, позволяющим установить обстоятельства, имеющие значение для принятия предусмотренного статьей 145 УПК Российской Федерации решения по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, и не могут подменять фактические данные, получаемые и подтверждаемые в уголовно-процессуальных процедурах (доказательства, понятие которых раскрывается в статье 74 УПК Российской Федерации), обеспечивающих допустимость и достоверность добытых сведений, возможность их проверки и оценки.

Для оценки законности и обоснованности решений о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении необходима именно информация, предоставляемая принимающим такие решения уполномоченным должностным лицам, поскольку уголовное дело подлежит возбуждению лишь при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Напротив, сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах оперативно - розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, не будучи сами по себе результатами оперативно-розыскной деятельности, способными служить средством для процессуальной проверки и установления фактов и обстоятельств, имеющих значение для вынесения решения по итогам рассмотрения сообщения о преступлении, не могут быть положены в основу принимаемых в порядке статей 144 и 145 УПК Российской Федерации процессуальных решений и, следовательно, приобщены к материалам уголовного дела или проверки сообщения о преступлении.

Использование уполномоченными должностными лицами для решения вопроса о возбуждении уголовно-

го дела результатов оперативно-розыскной деятельности, хотя и включенных, как следует из пункта 4 статьи 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» и части первой статьи 12 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», в перечень сведений, составляющих государственную тайну, но содержащих лишь информацию о наличии или отсутствии признаков преступления и о других обстоятельствах, имеющих значение для принятия процессуальных решений на стадии возбуждения уголовного дела, а значит, не выходящих за пределы, за которыми ознакомление заинтересованного лица с фактическими данными, полученными процессуальным путем, и процессуальными актами, отражающими способ их получения, в целях обжалования указанных решений, нарушающих, по мнению этого лица, права и свободы, наносило бы ущерб обеспечению государственной тайны, не может служить препятствием для ознакомления этого лица с процессуальным решением об отказе в возбуждении уголовного дела и материалами, дающими основание для его вынесения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 ноября 2014 года № 27-П).

Кроме того, Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за злоупотребление должностными полномочиями (статья 285), их превышение (статья 286), служебный подлог (статья 292) и фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности (статья 303), при совершении которых документы и материалы, созданные в ходе оперативно-розыскной деятельности и (или) отражающие ее результаты, могут выступать предметом либо средством преступления или способствовать его обнаружению. Лишение возможности ознакомиться с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, вынесенным по результатам проверки сообщения о таком преступлении, и положенными в его основу материалами, содержащими сведения, позволяющие оценить достаточность данных, указывающих на его признаки, фактически обесмысливает право на судебную защиту лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются этим постановлением.

6. Федеральный законодатель, устанавливая в Законе Российской Федерации «О государственной тайне» правовое регулирование отношений, возникающих в связи с отнесением сведений к государственной тайне, их засекречиванием или рассекречиванием и защитой в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации (преамбула), предусматривает допуск должностных лиц и граждан к государственной тайне - процедуру оформления права на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, определяет доступ к этим сведениям как ознакомление с ними конкретного лица, санкционированное полномочным должностным лицом, регламентирует основания для отказа в допуске к государственной тайне, условия его прекращения, ограничения прав лиц, допущенных или ранее допускавшихся к государственной тайне (статьи 2 и 21-24). Обычно допуск к государственной тайне осуществляется на относительно постоянной основе, оформляется на продолжительное время и предпола-

гает доступ к сведениям, объем которых обуславливается необходимостью выполнения лицом должностных (функциональных) обязанностей.

Вместе с тем, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, закрепленный статьей 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» порядок допуска к государственной тайне, осуществляемого по решению руководителя органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации после проведения проверочных мероприятий с целью выявления обстоятельств, которые в силу статьи 22 данного Закона могут служить основанием для отказа в допуске, носит характер общего правила, не исключающего использование иных способов доступа к государственным секретам и защиты государственной тайны, само существование которых обусловлено, в частности, особенностями правового статуса отдельных категорий лиц, вытекающего из Конституции Российской Федерации или непосредственно предусмотренного законом (Постановление от 27 марта 1996 года № 8-П). В частности, статья 21¹ данного Закона предусматривает особый порядок допуска к государственной тайне перечисленных в ней лиц - без проведения предусмотренных его статьей 21 проверочных мероприятий, что предопределяется спецификой занимаемой этими лицами должности или осуществляемой ими профессиональной деятельности.

Учитывая, что статус участников уголовного судопроизводства определяется не только отраслевыми нормами, но и требованиями Конституции Российской Федерации (статья 45; статья 46, части 1 и 2; статья 48, часть 2; статья 49; статья 50, часть 3; статья 52 и др.), их процессуальное положение, наполняемое в том числе конституционно-правовым содержанием, не исключает доступа к конкретным сведениям, составляющим государственную тайну, способами, не связанными с оформлением допуска к таким сведениям, притом что защита государственной тайны будет обеспечена предусмотренными законом средствами. Иное приводило бы к тому, что лица, не имеющие допуска к государственной тайне, ограничивались бы в праве на судебную защиту в случаях, когда сведения об оспариваемых решениях (действиях, бездействии) нашли отражение в материалах, которым присвоен гриф секретности (статьи 2, 8, 9 и 11 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»). Соответственно, распространение действия статей 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне» на лиц, которые наделены правом обжаловать постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и которые не осуществляют в уголовном процессе служебную или профессиональную деятельность, и лишение их тем самым возможности ознакомиться с этим процессуальным решением и материалами, послужившими основанием для его вынесения, со ссылкой на отсутствие у них допуска к государственной тайне противоречили бы Конституции Российской Федерации, ее статьям 21 (часть 1), 23 (часть 1), 24 (часть 2), 33, 45, 46 (части 1 и 2), 50 (часть 3) и 56 (часть 3).

Исходя из принципа равенства перед законом и судом, закрепленного статьей 19 (часть 1) Конституции Российской Федерации, участники уголовного судопроизводства, относящиеся к одной категории, наделены равными процессуальными правами. В силу своего универсального характера конституционный принцип равенства оказывает, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений и выступает конституционным критерием оценки законодательного регулирования не только прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции Российской Федерации, но и прав, приобретаемых на основании закона; соблюдение данного принципа, гарантирующего защиту от всех форм дискриминации при осуществлении прав и свобод, означает, помимо прочего, запрет вводить такие различия в правах лиц, принадлежащих к одной категории, которые не имеют объективного и разумного оправдания (постановления от 16 июня 2006 года № 7-П, от 5 апреля 2007 года № 5-П, от 16 июля 2007 года № 12-П, от 25 марта 2008 года № 6-П, от 26 февраля 2010 года № 4-П, от 25 февраля 2016 года № 6-П, от 16 марта 2017 года № 7-П, от 11 мая 2017 года № 13-П, от 6 июня 2017 года № 15-П и др.).

Действие названного принципа, равно как и баланс между защитой прав лиц, заинтересованных в получении информации, и соблюдением правового режима государственной тайны должны обеспечиваться и при реализации этими лицами права на обжалование в суд решений органов государственной власти и должностных лиц и права на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими их права и свободы (статья 24, часть 2; статья 46, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации). Соответственно, если постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, содержащее сведения в области оперативно-розыскной деятельности, составляющие государственную тайну, затрагивает права и свободы лица так, что в случае возбуждения уголовного дела это лицо было бы признано потерпевшим или в случае завершения возбужденного уголовного дела обвинительным приговором возникли бы основания для пересмотра ранее вынесенного в его отношении судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, то этому лицу - в силу принципа состязательности и равноправия сторон судопроизводства (статья 123, часть 3, Конституции Российской Федерации) - должны быть обеспечены процессуальные гарантии его участия в уголовном судопроизводстве на равноправной основе с органами и должностными лицами, осуществляющими на стадии возбуждения уголовного дела проверку сообщения о преступлении, включая возможность надлежащей подготовки и изложения им своей позиции по делу. Указанное лицо должно быть ознакомлено с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и с положенными в основу такого решения материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии или о наличии оснований для возбуждения уголовного дела, что обусловлено, наряду с особенностями данной процессуальной стадии, значимостью закрепленного статьей 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации права как гарантии конституционного права на судебную защиту.

Таким образом, исходя из требований Конституции Российской Федерации, ее статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 24 (часть 2), 33, 45, 46 (части 1 и 2) и 50 (часть 3), лицо, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, должно быть ознакомлено с данным процессуальным решением и положенными в его основу материалами, содержащими составляющие государственную тайну сведения в области оперативно-розыскной деятельности, которые отражают фактические обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии или о наличии оснований для возбуждения уголовного дела.

7. Средствами обеспечения государственной тайны в различных видах судопроизводства могут, кроме прочего, выступать проведение закрытого судебного заседания, предупреждение участников процесса о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с производством по делу, их привлечение к уголовной ответственности в случае ее разглашения (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года № 8-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2002 года № 293-О и № 314-О).

Применительно к ознакомлению в уголовном судопроизводстве соответствующих лиц с затрагиваемыми их права и свободы процессуальным решением и послужившими основанием для его вынесения материалами, содержащими сведения в области оперативно-розыскной деятельности, отнесенные к государственной тайне, режим секретности может быть обеспечен - учитывая, что ознакомление предстоит с конкретными материалами, содержащими ограниченный объем сведений, - путем использования предусмотренных законом и применяемых на практике механизмов, таких как предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной лицу в связи с ознакомлением с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и положенными в его основу материалами проверки сообщения о преступлении, предупреждение о привлечении этого лица к уголовной ответственности в случае разглашения государственной тайны, а также хранение копий и выписок из процессуальных документов вместе с материалами указанной проверки.

Уполномоченные должностные лица, как подчеркнул Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 6 ноября 2014 года № 27-П, обязаны предпринимать все относящиеся к их компетенции меры, с тем чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении, направляемых для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, содержались лишь те сведения, которые согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству необходимы для принятия соответствующего процессуального решения, и тем самым исключались бы коллизии между требованиями защиты государственной тайны применительно к сведениям об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах оперативно-розыскной деятельности, о лицах, внедренных в организованные преступные

группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно - розыскную деятельность, и лицах, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе, об организации и тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий, с одной стороны, и гарантиями прав лица, требующего возбуждения уголовного дела, на ознакомление с процессуальным решением об отказе в его возбуждении и материалами, дающими основание для его вынесения, с другой стороны.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать статьи 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне» не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что:

использование уполномоченными должностными лицами (органами) для решения вопроса о возбуждении уголовного дела относящихся к государственной тайне результатов оперативно-розыскной деятельности не может служить препятствием для ознакомления лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела (поскольку в случае возбуждения уголовного дела он был бы признан потерпевшим или в случае завершения возбужденного уголовного дела обвинительным приговором возникли бы основания для пересмотра ранее вынесенного в его отношении судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам), с этим постановлением и дающими основание для его вынесения материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах, свидетельствующих об отсутствии или наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления;

в случае приобщения к материалам проверки сообщения о преступлении документов и материалов, содержащих сведения в области оперативно-розыскной деятельности, имеющие гриф секретности, сохранность государственной тайны при ознакомлении лица, чьи права и свободы непосредственно затрагиваются постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела, с материалами такой проверки и решением, принятым по ее результатам, может быть обеспечена путем использования предусмотренных законом механизмов, включая предупреждение о неразглашении государственной тайны, ставшей известной лицу в связи с ознакомлением с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела и положенными в его основу материалами проверки сообщения о преступлении, предупреждение о привлечении к уголовной ответственности в случае разглашения государственной тайны, а также хранение копий и выписок из процессуальных документов вместе с материалами указанной проверки;

уполномоченные должностные лица обязаны принимать все относящиеся к их компетенции меры, с тем чтобы в материалах проверки сообщения о преступлении содержались лишь те сведения, которые необходимы для принятия соответствующего процессуального решения, и тем самым исключались бы коллизии между требованиями защиты государственной тайны и гарантиями права лица на ознакомление с непосредственно затрагивающими его права и свободы документами и материалами, дающими основание для вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Конституционно-правовой смысл статей 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне», выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, принятые в отношении гражданина Горовенко Евгения Юрьевича на основании статей 21 и 21¹ Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Конституционный суд
Российской Федерации

Верховным Судом РФ обобщена практика разрешения судами споров, связанных с ограничением или лишением родительских прав, а также отобранием ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 14 ноября 2017 г. N 44

**О ПРАКТИКЕ
ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ЗАЩИТОЙ
ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ РЕБЕНКА
ПРИ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ УГРОЗЕ ЕГО ЖИЗНИ ИЛИ
ЗДОРОВЬЮ, А ТАКЖЕ ПРИ ОГРАНИЧЕНИИ
ИЛИ ЛИШЕНИИ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ**

Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье, право на совместное проживание с родителями и воспитание ими, а также право не быть разлученным со своими родителями вопреки их желанию, за исключением случаев, когда компетентные органы, согласно судебному решению, определяют в соответствии с применимым законом и процедурами, что такое разлучение необходимо в наилучших интересах ребенка (пункт 1 статьи 8, пункт 1 статьи 9 Конвенции о правах ребенка, пункт 2 статьи 54 Семейного кодекса Российской Федерации).

В целях обеспечения единства практики применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с ограничением или лишением родительских прав, а также отобранием ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

Общие положения

1. Семейный кодекс Российской Федерации (далее - СК РФ), закрепив приоритет в воспитании детей за их родителями, установил, что родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка; при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию, а способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей (пункт 1 статьи 63, пункт 1 статьи 65 СК РФ).

Родители, осуществляющие родительские права в ущерб правам и интересам детей, могут быть ограничены судом в родительских правах или лишены родительских прав (пункт 1 статьи 65, статья 69, статья 73 СК РФ).

В исключительных случаях, при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки

и попечительства вправе в соответствии со статьей 77 СК РФ немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, на основании акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования, если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами (далее - акт органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка). В случае несогласия с актом органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка родители или лица, на попечении которых ребенок находился, могут обратиться в суд с иском о признании указанного акта недействительным и о возврате ребенка в семью.

2. Дела об ограничении или о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских правах, а также о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате ребенка в семью подлежат разрешению районным судом по месту жительства (нахождения) ответчика (статьи 24 и 28 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, далее - ГПК РФ). Если одновременно с иском об ограничении или о лишении родительских прав заявлено требование о взыскании алиментов на ребенка (например, родителем, с которым проживает ребенок), то такой иск исходя из положений части 3 статьи 29 ГПК РФ может быть предъявлен истцом в суд по месту его жительства.

Решая вопрос о принятии к производству суда искового заявления по этим делам, необходимо иметь в виду, что в соответствии с пунктом 1 статьи 54 СК РФ ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия).

Если ребенок достиг возраста восемнадцати лет либо приобрел полную дееспособность до достижения названного возраста в результате эмансипации или вступления в брак (пункт 2 статьи 21, пункт 1 статьи 27 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее - ГК РФ), судья с учетом положений пункта 2 статьи 61 СК РФ отказывает в принятии искового заявления на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, а если производство по делу возбуждено, суд прекращает производство по делу в соответствии с абзацем вторым статьи 220 ГПК РФ.

3. С учетом положений статьи 78 СК РФ и статьи 47 ГПК РФ дела указанной категории рассматриваются судом с участием органа опеки и попечительства, который обязан провести обследование условий жизни ребенка и его родителя (родителей), в отношении которого (которых) поставлен вопрос об ограничении или о лишении родительских прав, либо лица, претендующего на воспитание ребенка (родителя (родителей), обратившегося в суд с иском об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских правах, родителя (родителей) или лица, на попе-

чении которого ребенок находился, требующих возврата ребенка, отобранного у них на основании статьи 77 СК РФ).

Вопрос о проведении обследования условий жизни ребенка и названных лиц суду следует разрешать на стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Представленный акт обследования и основанное на нем заключение органа опеки и попечительства по существу спора подлежат оценке судом в совокупности со всеми собранными по делу доказательствами (статья 67 ГПК РФ).

Судам следует иметь в виду, что исходя из положения пункта 1 статьи 34 ГК РФ, пункта 2 статьи 121 СК РФ, а также статьи 6 Федерального закона от 24 апреля 2008 года N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» заключение органа опеки и попечительства должно быть подписано уполномоченным на это должностным лицом органа опеки и попечительства субъекта Российской Федерации или органа местного самоуправления (если законом субъекта Российской Федерации органы местного самоуправления наделены полномочиями по опеке и попечительству в соответствии с федеральными законами).

4. При рассмотрении дел об ограничении или о лишении родительских прав, отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских правах, а также о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате ребенка в семью судам следует учитывать положения статьи 12 Конвенции о правах ребенка и статьи 57 СК РФ, в соответствии с которыми ребенок вправе свободно выражать свое мнение по всем вопросам, затрагивающим его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства.

С учетом положений названных норм ребенок, достигший возраста десяти лет либо в возрасте младше десяти лет (если суд придет к выводу о том, что он способен сформулировать свои взгляды по вопросам, затрагивающим его права), может быть опрошен судом непосредственно в судебном заседании в целях выяснения его мнения по рассматриваемому вопросу. При этом следует учитывать, что решение о восстановлении в родительских правах в отношении ребенка, достигшего возраста десяти лет, может быть принято судом только с согласия ребенка (статья 57, пункт 4 статьи 72 СК РФ).

5. Если требование об ограничении родительских прав либо о лишении родительских прав, об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских правах, а также о возврате детей в семью, в том числе и в случае, когда они были отобраны в порядке, предусмотренном статьей 77 СК РФ, заявлено в отношении двух и более детей, оно подлежит разрешению судом с учетом интересов каждого ребенка.

6. Дела об ограничении или о лишении родительских прав, а также о восстановлении в родительских правах рассматриваются судами с участием прокурора (пункт 4 статьи 73 СК РФ, пункт 2 статьи 70, пункт 2 статьи 72, статья 45 ГПК РФ).

С участием прокурора исходя из аналогии закона (часть 4 статьи 1 ГПК РФ) подлежат рассмотрению также дела об отмене ограничения родительских прав и дела о признании недействительным акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка и о возврате его в семью с учетом того, что в соответствии с пунктом 2 статьи 77 СК РФ в случае отобрания ребенка в связи с непосредственной угрозой его жизни или здоровью прокурор незамедлительно уведомляется об этом органом опеки и попечительства.

7. Если при рассмотрении дела суд обнаружит в действиях стороны, других участников процесса, должностного или иного лица признаки преступлений, предусмотренных главой 20 Уголовного кодекса Российской Федерации, либо признаки иных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетнего, он в соответствии с частью 3 статьи 226 ГПК РФ сообщает об этом в органы дознания или предварительного следствия.

Судам следует также не оставлять без внимания факты несвоевременного принятия органами опеки и попечительства мер к защите прав и охраняемых законом интересов несовершеннолетних, неправомерных действий со стороны иных лиц, влекущие нарушения прав детей, и реагировать на них путем вынесения частных определений в адрес соответствующих организаций или должностных лиц (часть 1 статьи 226 ГПК РФ).

Ограничение и лишение родительских прав

8. В целях охраны прав ребенка и с учетом его интересов родители могут быть ограничены судом в родительских правах (статья 73 СК РФ).

В соответствии с абзацем первым пункта 2 статьи 73 СК РФ ограничение родительских прав допускается в случае, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другие). При этом закон не связывает возможность ограничения в родительских правах с признанием родителей недееспособными или ограниченно дееспособными.

Суд вправе также принять решение об ограничении родительских прав, если оставление ребенка с родителями (одним из них) вследствие их виновного поведения является опасным для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав (абзац второй пункта 2 статьи 73 СК РФ).

9. Иск об ограничении родительских прав может быть предъявлен в суд близкими родственниками ребенка, органами и организациями, на которые законом возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (пункт 1 статьи 70 СК РФ), дошкольными образовательными организациями, общеобразовательными организациями и другими организациями, а также прокурором (пункт 3 статьи 73 СК РФ).

Исходя из положений абзаца третьего статьи 14 СК РФ близкими родственниками ребенка, которые могут обратиться в суд с иском об ограничении родительских прав, являются один из его родителей, бабушки и бабушки, полнородные и неполнородные братья и сестры.

В случае, если заявление об ограничении родительских прав подано лицом, являющимся родственником ребенка, но не относящимся к числу его близких родственников (например, тетей или дядей ребенка), судья отказывает в принятии искового заявления на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ.

10. С учетом того, что предъявление иска об ограничении родительских прав возможно только к родителям, судья также отказывает в принятии искового заявления на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, если такое требование предъявлено к лицам, на попечении которых находится ребенок (опекуны, попечители, приемные родители, патронатные воспитатели).

В случае, если отсутствуют установленные законом основания к отмене усыновления ребенка (статья 141 СК РФ), однако оставление ребенка с усыновителями (одним из них) опасно для ребенка по обстоятельствам, не зависящим от усыновителей (например, болезнь усыновителей, стечение тяжелых обстоятельств и другие), исходя из аналогии закона к усыновителям (одному из них) может быть предъявлен иск об ограничении их в правах родителей, приобретенных ими в результате усыновления ребенка (статья 5, пункт 1 статьи 137 СК РФ).

11. Решая вопрос об ограничении родительских прав, суду следует исходить из характера и степени опасности, а также возможных последствий для жизни или здоровья ребенка в случае оставления его с родителями (одним из них), а также учитывать иные обстоятельства (в частности, при виновном поведении родителей (одного из них), создающем опасность для ребенка, - осознают ли родители виновность своего поведения и имеют ли стойкое намерение изменить его в лучшую сторону, какие конкретные меры намереваются предпринять либо предприняли в целях исправления своего поведения).

12. С учетом того, что статьей 73 СК РФ не установлен срок, на который родители (один из них) могут быть ограничены в родительских правах (независимо от причин, послуживших основанием для ограничения родительских прав), суд выносит решение об ограничении родительских прав без указания срока ограничения родительских прав.

Вместе с тем, удовлетворяя иск об ограничении родительских прав в связи с виновным поведением родителей (одного из них), суду следует разъяснить родителям (одному из них), что в случае если они не изменят своего поведения, к ним может быть предъявлен иск о лишении их родительских прав в порядке и в сроки, предусмотренные абзацем вторым пункта 2 статьи 73 СК РФ.

13. Лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, которая применяется судом только за виновное поведение родителей по

основаниям, указанным в статье 69 СК РФ, перечень которых является исчерпывающим.

Лишение родительских прав допускается в случае, когда защитить права и интересы детей иным образом не представляется возможным.

14. Исходя из положений статей 47 и 69 СК РФ лишение родительских прав допускается только в отношении родителей, то есть лиц, записанных в записи акта о рождении ребенка в качестве матери и (или) отца ребенка (пункты 1 и 2 статьи 51 СК РФ).

Не могут быть лишены родительских прав лица, заменяющие ребенку родителей (усыновители, опекуны, попечители, приемные родители, патронатные воспитатели).

Если усыновители уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребляют родительскими правами, жестоко обращаются с усыновленным ребенком, являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией, суд в соответствии с пунктом 1 статьи 141 СК РФ вправе отменить усыновление.

В случаях ненадлежащего исполнения опекунами (попечителями), приемными родителями или патронатными воспитателями возложенных на них обязанностей, нарушения ими прав и законных интересов подопечного, в том числе при осуществлении опеки или попечительства в корыстных целях либо при оставлении подопечного без надзора и необходимой помощи, указанные лица могут быть отстранены органом опеки и попечительства от исполнения обязанностей опекуна (попечителя), приемного родителя или патронатного воспитателя (часть 5 статьи 29 Федерального закона от 24 апреля 2008 года № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»).

15. В соответствии с пунктом 1 статьи 70 СК РФ дела о лишении родительских прав рассматриваются судом по заявлениям:

одного из родителей независимо от того, проживает ли он вместе с ребенком;

лиц, заменяющих родителей (усыновители, опекуны, попечители, приемные родители, патронатные воспитатели);

прокурора;

органа или организации, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей (органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги (статья 155.1 СК РФ), и другие).

16. В соответствии со статьей 69 СК РФ родители (один из них) могут быть лишены судом родительских прав, если они:

а) уклоняются от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов.

Уклонение родителей от выполнения своих обязанностей по воспитанию детей может выражаться в отсутствии заботы об их здоровье, о физическом, психическом, духовном и нравственном развитии, обучении.

Разрешая вопрос о том, имеет ли место злостное уклонение родителя от уплаты алиментов, необходимо, в частности, учитывать продолжительность и причины неуплаты родителем средств на содержание ребенка.

О злостном характере уклонения от уплаты алиментов могут свидетельствовать, например, наличие задолженности по алиментам, образовавшейся по вине плательщика алиментов, уплачиваемых им на основании нотариально удостоверенного соглашения об уплате алиментов или судебного постановления о взыскании алиментов; сокрытие им действительного размера заработка и (или) иного дохода, из которых должно производиться удержание алиментов; розыск родителя, обязанного выплачивать алименты, ввиду сокрытия им своего места нахождения; привлечение родителя к административной или уголовной ответственности за неуплату средств на содержание несовершеннолетнего (часть 1 статьи 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, часть 1 статьи 157 Уголовного кодекса Российской Федерации);

б) отказываются без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций.

При рассмотрении иска о лишении родительских прав по данному основанию суду, в частности, следует проверить: какими причинами был обусловлен такой отказ и являются ли они уважительными; имеют ли родители (один из них) предусмотренное законом право на устройство своего ребенка на полное государственное обеспечение в соответствующие организации и учреждения, и если имеют, то на какой срок (пункт 2 статьи 155.1 СК РФ, статья 13 и пункт 3 статьи 14 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», статья 1 Федерального закона от 24 июля 1998 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», часть 3 статьи 54 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»); поддерживают ли родители (один из них) отношения с ребенком; предпринимались ли родителями (одним из них) какие-либо меры к преодолению обстоятельств, послуживших основанием для отказа взять ребенка, и (или) изменились ли эти обстоятельства (например, родителям, временно поместившим ребенка на основании подпункта 2 пункта 3 статьи 14 Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в связи с утратой семьей жилого помещения в результате стихийного бедствия, предоставлено жилое помещение; одинокий родитель, находившийся в трудной жизненной ситуации в связи с утратой работы, трудоустроился);

в) злоупотребляют своими родительскими правами.

Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми, склонение к бродяжничеству, попрошайничеству, воровству, проституции, употреблению алкогольной и спиртосодержащей продукции, наркотических средств или психотропных веществ, потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ, вовлечение в деятельность общественного или религиозного объединения либо иной организации, в отношении которых имеется вступившее в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности (статья 9 Федерального закона от 25 июля 2002 года N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», статья 24 Федерального закона от 6 марта 2006 года N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»);

г) жестоко обращаются с детьми.

Жестокое обращение с детьми может выражаться, в частности, в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность;

д) являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией.

Хронический алкоголизм или заболевание родителей наркоманией должны быть подтверждены соответствующими медицинскими документами. Лишение родительских прав по этому основанию может быть произведено независимо от признания ответчика ограниченно дееспособным;

е) совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Факт совершения указанного преступления должен быть подтвержден вступившим в законную силу обвинительным приговором суда либо постановлением (определением) суда или постановлением органа предварительного расследования о прекращении уголовного дела по нереабилитирующему основанию.

17. Исходя из положений статьи 69 СК РФ не могут быть лишены родительских прав лица, не выполняющие свои родительские обязанности вследствие стечения тяжелых обстоятельств и по другим причинам, от них не зависящим (например, психического расстройства или иного хронического заболевания, за исключением лиц, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией). В указанных случаях суд может вынести решение об ограничении родительских прав, если оставление ребенка у родителей опасно для него (пункт 2 статьи 73 СК РФ).

18. Поскольку лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, в исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя суд с учетом характера его поведения, личности и других конкретных обстоятельств, а также с учетом интересов ребенка может отказать в удовлетворении иска о лишении родительских прав и предупредить ответчика о необходимости изменения своего отношения к воспитанию детей.

Отказывая в иске о лишении родительских прав, суд при наличии указанных выше обстоятельств вправе также в соответствии со статьей 73 СК РФ принять решение об ограничении родителя в родительских правах, если этого требуют интересы ребенка.

19. Исходя из положений пункта 1 статьи 71 СК РФ вынесение судом решения о лишении родительских прав влечет за собой утрату родителями (одним из них) не только тех прав, которые они имели до достижения детьми совершеннолетия, но и всех других прав, основанных на факте родства с ребенком и вытекающих как из семейных, так и иных правоотношений (в частности, гражданских, трудовых, пенсионных), включая и право на льготы и пособия, установленные для граждан, имеющих детей, право на получение от совершеннолетних трудоспособных детей содержания (статья 87 СК РФ).

20. В решении суда об ограничении или о лишении родительских прав должно быть указано, кому передается ребенок на воспитание: другому родителю, опекуну (попечителю), если он уже назначен в установленном порядке, либо органу опеки и попечительства.

В целях защиты прав несовершеннолетнего и обеспечения надлежащих условий его дальнейшего воспитания, а также охраны прав родителя, не проживающего вместе с ребенком, суду необходимо известить этого родителя о времени и месте судебного разбирательства дела об ограничении или о лишении родительских прав и разъяснить ему, что он вправе заявить требование о передаче ему ребенка на воспитание.

При невозможности передать ребенка другому родителю или в случае ограничения или лишения родительских прав обоих родителей, когда опекун (попечитель) еще не назначен, ребенок передается судом на попечение органа опеки и попечительства.

При этом необходимо иметь в виду, что передача судом ребенка на воспитание родственникам и другим лицам допускается только в случае, когда эти лица назначены его опекунами или попечителями.

При передаче ребенка на попечение органов опеки и попечительства суд не решает вопрос о том, как должна быть определена этими органами судьба ребенка (помещение в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, назначение опекуна и т.п.), поскольку выбор способа устройства детей относится к компетенции данных органов (пункт 5 статьи 71, пункт 4 статьи 74, статья 121 СК РФ).

21. Ограничение или лишение родительских прав не освобождает родителя от обязанности содержать своего ребенка (пункт 2 статьи 74, пункт 2 статьи 71 СК РФ). С учетом этого при рассмотрении дела об ограничении или о лишении родительских прав суд решает также и вопрос о взыскании алиментов на ребенка, независимо от того, предъявлен ли такой иск (пункт 5 статьи 73, пункт 3 статьи 70 СК РФ).

22. В течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об ограничении или о лишении родительских прав выписка из решения суда подлежит направлению судом в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка (пункт 6 статьи 73, пункт 5 статьи 70 СК РФ).

Отмена ограничения родительских прав и восстановление в родительских правах

23. Отмена ограничения родительских прав или восстановление в родительских правах производится судом по иску родителей (одного из них), ограниченных в родительских правах или лишенных родительских прав (пункт 1 статьи 76, пункт 2 статьи 72 СК РФ).

Такое требование предъявляется к лицу, на попечении которого находится ребенок (другой родитель, опекун (попечитель), приемные родители, патронатные воспитатели, органы опеки и попечительства, организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

24. Суд может принять решение об отмене ограничения родительских прав и о возвращении ребенка родителям (одному из них), если основания, в силу которых родители (один из них) были ограничены в родительских правах, отпали (например, имеет место изменение в лучшую сторону поведения или образа жизни родителей (одного из них) либо их состояния здоровья) и возвращение ребенка родителям (одному из них) отвечает интересам ребенка (пункты 1 и 2 статьи 76 СК РФ).

Если суд придет к выводу о том, что возвращение ребенка родителям (одному из них) противоречит интересам ребенка, суд вправе, исходя из положений пункта 2 статьи 76 СК РФ, с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска в части возврата ребенка родителям (одному из них).

25. При рассмотрении иска о восстановлении в родительских правах суд, исходя из пункта 1 статьи 72 СК РФ, проверяет, изменились ли поведение и образ жизни родителей, лишенных родительских прав, и (или) их отношение к воспитанию ребенка.

При этом следует учитывать, что суд отказывает в удовлетворении иска, если родители изменили свое поведение и могут надлежащим образом воспитывать ребенка, однако ребенок усыновлен и усыновление не отменено в установленном порядке, а также в случае, когда ребенок, достигший возраста десяти лет, возражает против восстановления родителей в родительских правах, независимо от того, по каким мотивам ребенок не согласен на восстановление родительских прав (абзац второй и третий пункта 4 статьи 72 СК РФ).

Суд также вправе с учетом мнения ребенка отказать в удовлетворении иска родителей (одного из них) о восстановлении в родительских правах, если придет к выводу о том, что восстановление в родительских правах противоречит интересам ребенка (абзац первый пункта 4 статьи 72 СК РФ).

В соответствии с пунктом 3 статьи 72 СК РФ одновременно с заявлением родителей (одного из них) о восстановлении в родительских правах может быть рассмотрено требование о возврате ребенка родителям (одному из них). Если суд придет к выводу о том, что возвращение ребенка родителям (одному из них) не отвечает интересам ребенка, суд вправе отказать в удовлетворении этого требования, в том числе и в случае удовлетворения иска в части восстановления в родительских правах.

26. Удовлетворяя иск об отмене ограничения родительских прав (о восстановлении в родительских правах) и о возвращении ребенка родителям (одному из них), суд разрешает вопрос о прекращении взыскания с этих родителей (одного из них) алиментов на ребенка.

27. В течение трех дней со дня вступления в законную силу решения суда об отмене ограничения родительских прав или о восстановлении в родительских правах суд направляет выписку из решения суда в орган записи актов гражданского состояния по месту государственной регистрации рождения ребенка (пункт 3 статьи 76, пункт 5 статьи 72 СК РФ).

Отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью

28. При непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка орган опеки и попечительства вправе на основании акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится, незамедлительно уведомить об этом прокурора, обеспечить временное устройство ребенка и в течение семи дней после вынесения указанного акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их родительских прав (статья 77 СК РФ).

Под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка, которая может явиться основанием для вынесения органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главой муниципального образования акта о немедленном отобрании ребенка и изъятии его из семьи, следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится. Такие последствия могут быть вызваны, в частности, отсутствием ухода за ребенком, отвечающего физиологическим потребностям ребенка в соответствии с его возрастом и состоянием здоровья (например, непредоставление малолетнему ребенку воды, питания, крова, неосуществление ухода за грудным ребенком либо оставление его на длительное время без присмотра).

Характер и степень опасности должен определяться в каждом конкретном случае с учетом возраста, состояния здоровья ребенка, а также иных обстоятельств.

29. Разрешение вопроса о немедленном отобрании ребенка на основании статьи 77 СК РФ отнесено к исключительной компетенции органа опеки и попечительства и производится во внесудебном порядке. С учетом этого в случае обращения органа опеки и попечительства с указанным требованием в суд судья отказывает в принятии искового заявления на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ.

30. Поскольку немедленное отобрание ребенка на основании статьи 77 СК РФ допускается не только у родителей, но и у других лиц, на попечении которых

ребенок находится на законных основаниях (у усыновителей, опекунов (попечителей), приемных родителей, патронатных воспитателей), в случае несогласия с актом органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка эти лица также вправе обратиться в суд с иском о признании недействительным акта об отобрании ребенка и о возврате ребенка в семью.

31. Судам необходимо иметь в виду, что предусмотренная статьей 77 СК РФ мера по защите прав ребенка носит чрезвычайный характер, применение которой возможно в исключительных случаях, не терпящих отлагательств в связи с угрозой жизни или здоровью ребенка, и только на основании соответствующего акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главы муниципального образования, принятие которого влечет за собой временное прекращение права родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находился, на личное воспитание ребенка (до рассмотрения судом заявления об ограничении родителей (одного из них) в родительских правах или о лишении их родительских прав, об отмене усыновления либо до разрешения органом опеки и попечительства вопроса об отстранении опекуна (попечителя), приемного родителя, патронатного воспитателя от выполнения своих обязанностей).

С учетом указанного выше названную меру по защите прав ребенка судам следует отличать от иных мер защиты прав несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении, в частности, предусмотренных Федеральным законом от 24 июня 1999 года N 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

32. Разрешая вопрос о том, имелись ли основания для отобрания ребенка в порядке, предусмотренном статьей 77 СК РФ, суду, в частности, надлежит исследовать акты обследования условий жизни родителей (лиц, на попечении которых находился ребенок) и ребенка, заслушать показания свидетелей, объяснения представителей органов опеки и попечительства, а также исследовать заключения экспертов и иные доказательства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела.

33. Тяжелое материальное положение семьи само по себе не является достаточным основанием для отобрания детей у родителей на основании статьи 77 СК РФ, если родители добросовестно исполняют свои обязанности по воспитанию детей, заботятся о них, создают необходимые условия для развития детей в соответствии с имеющимися материальными и финансовыми возможностями семьи.

34. Если немедленное отобрание ребенка на основании статьи 77 СК РФ было произведено в связи с угрозой жизни или здоровью ребенка, исходящей от третьих лиц (например, от лиц, проживающих совместно с семьей родителей ребенка, соседей по коммунальной квартире), то с учетом конкретных обстоятельств дела суд может отказать в иске о признании акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации либо главы муниципального образования об отобрании ребенка недействительным и о возврате ребенка

в семью, если родители или лица, на попечении которых ребенок находился, не принимали мер к защите прав ребенка.

35. В случае удовлетворения иска о признании акта органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации или главы муниципального образования об отобрании ребенка недействительным и о возврате ребенка в семью, с учетом конкретных обстоятельств дела суд на основании части 1 статьи 212 ГПК РФ может по просьбе истца обратиться решение суда к немедленному исполнению.

36. В связи с принятием настоящего постановления признать утратившими силу второе предложение абзаца первого и абзац второй пункта 3, пункты 9 - 16, абзац первый пункта 17, пункты 18 - 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 мая 1998 года N 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изменениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 6 февраля 2007 года N 6).

Председатель Верховного Суда
Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума, судья
Верховного Суда
Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Верховным Судом РФ разъяснены вопросы, возникающие при рассмотрении дел об административной ответственности за привлечение к трудовой деятельности госслужащего с нарушением антикоррупционного законодательства

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 28 ноября 2017 г. N 46

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ,
ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДЬЯМИ
ДЕЛ О ПРИВЛЕЧЕНИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СТАТЬЕ 19.29 КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ**

В целях обеспечения единства практики применения судьями судов общей юрисдикции положений статьи 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать следующие разъяснения:

1. Статья 19.29 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП РФ) устанавливает административную ответственность работодателя или заказчика работ (услуг) за привлечение к трудовой деятельности либо к выполнению работ или оказанию услуг государственного или муниципального служащего либо бывшего государственного или муниципального служащего с нарушением требований Федерального закона от 25 декабря 2008 года N 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее - Федеральный закон «О противодействии коррупции»).

Исходя из взаимосвязанных положений частей 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, выражается в неисполнении работодателем при привлечении к трудовой деятельности на условиях трудового договора или гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) на выполнение работ (оказание услуг) в течение месяца стоимостью более ста тысяч рублей гражданина, замещавшего должности государственной (муниципальной) службы, перечень которых установлен нормативными правовыми актами Российской Федерации (далее - бывший государственный (муниципальный) служащий), обязанности сообщать в десятидневный срок о заключении такого договора представителю нанимателя (работодателю) государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы в порядке, устанавливаемом нормативными правовыми актами Российской Федерации, в течение двух лет после его увольнения с государственной (муниципальной) службы.

Указанное сообщение направляется независимо от того, входили ли в должностные (служебные) обязанности бывшего государственного (муниципального) служащего функции государственного, муниципаль-

ного (административного) управления организацией, заключившей с ним указанные договоры.

Ограничения и обязанности, предусмотренные частями 1 и 2 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», налагаются на бывшего государственного (муниципального) служащего, и их несоблюдение не может являться основанием привлечения работодателя (заказчика работ (услуг) бывшего государственного (муниципального) служащего к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ.

2. При рассмотрении дел об административных правонарушениях по статье 19.29 КоАП РФ следует учитывать, что предусмотренная частью 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность возникает у работодателя при заключении с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового договора вне зависимости от размера предусмотренной им заработной платы.

При заключении гражданско-правового договора (гражданско-правовых договоров) работодатель обязан направить соответствующее сообщение, если стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) по такому договору (договорам) превышает сто тысяч рублей в месяц либо если указанный договор (договоры) заключен на срок менее месяца, но стоимость выполняемых работ (оказываемых услуг) также превышает сто тысяч рублей.

3. При решении вопроса о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ необходимо принимать во внимание, что под указанными в статье 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» перечнями, установленными нормативными правовыми актами Российской Федерации, следует понимать как перечни, утвержденные непосредственно для целей названной нормы, так и - в случае отсутствия названных перечней - нормативные правовые акты, определяющие должности государственной службы (должности муниципальной службы), при замещении которых государственные служащие (муниципальные служащие) обязаны представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (далее - Перечни), поскольку принятие последних также обусловлено предусмотренными законодательством мерами по противодействию коррупции.

4. Неисполнение работодателем обязанности направить представителю нанимателя (работодателю) бывшего государственного (муниципального) служащего сообщение о заключении с ним трудового (гражданско-правового) договора не образует объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, если в период прохождения бывшим государственным (муниципальным) служащим государственной (муниципальной) службы замещаемая им должность не была включена в Перечни либо была исключена из них к дате заключения трудового (гражданско-правового) договора.

5. Судьям следует учитывать, что ограничения, налагаемые на бывшего государственного (муниципального) служащего, установлены в целях противодействия коррупции при осуществлении данным лицом деятельности или выполнении работ (оказании услуг) в сфере, не связанной с обеспечением исполнения государственных или иных публичных полномочий. В связи с этим обязанность по направлению сообщения о заключении с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового (гражданско-правового) договора представителю нанимателя (работодателю) по последнему месту службы данного лица не распространяется на государственные (муниципальные) органы, в том числе в случае, когда бывший государственный (муниципальный) служащий трудоустраивается в данный орган на должность, не относящуюся к должностям государственной (муниципальной) службы, либо заключает с указанным органом гражданско-правовой договор (договоры).

При этом исходя из смысла статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность, предусмотренную частью 4 названной статьи, несут организации независимо от их организационно-правовой формы.

6. При рассмотрении дел о привлечении к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ следует учитывать, что предусмотренная частью 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность подлежит исполнению в течение двух лет после увольнения гражданина с государственной или муниципальной службы независимо от последнего места работы бывшего государственного (муниципального) служащего и количества заключенных им за этот период трудовых договоров.

Не является нарушением требований части 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» несообщение работодателем представителю нанимателя (работодателя) бывшего государственного (муниципального) служащего в случае перевода последнего на другую должность или на другую работу в пределах одной организации, а также при заключении с ним трудового договора о выполнении в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у того же работодателя (внутреннее совместительство).

При этом заключение с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового договора о выполнении им в свободное от основной работы время другой регулярной оплачиваемой работы у другого работодателя (внешнее совместительство) влечет обязанность последнего сообщить о заключении трудового договора по совместительству представителю нанимателя (работодателю) бывшего государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы.

7. При уклонении работодателя от оформления с бывшим государственным (муниципальным) служащим трудового договора или его ненадлежащем оформлении виновное лицо может быть привлечено к административной ответственности, предусмотренной частями 4 или 5 статьи 5.27 КоАП РФ.

Кроме того, указанное обстоятельство при условии доказанности продолжительности фактического допу-

щения работника к работе с введомо или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя (часть третья статьи 16 Трудового кодекса Российской Федерации) в течение десяти дней и более не исключает возможности привлечения данного лица к административной ответственности также по статье 19.29 КоАП РФ, поскольку данный срок предусмотрен для выполнения работодателем обязанности, предусмотренной частью 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции».

8. Если на момент заключения трудового (гражданско-правового) договора с бывшим государственным (муниципальным) служащим государственный (муниципальный) орган, в котором данное лицо проходило государственную (муниципальную) службу, реорганизован или упразднен, соответствующее сообщение подлежит направлению в государственный (муниципальный) орган, который осуществляет функции реорганизованного (упраздненного) органа.

В случае, когда функции реорганизованного (упраздненного) государственного (муниципального) органа распределены между несколькими государственными (муниципальными) органами, допустимо направление соответствующих сведений в любой государственный (муниципальный) орган, который осуществляет функции реорганизованного (упраздненного) органа.

9. Предусмотренный Федеральным законом «О противодействии коррупции» десятидневный срок для направления сообщения о заключении трудового (гражданско-правового) договора с бывшим государственным (муниципальным) служащим, исчисляемый в календарном порядке, начинается со дня, следующего за днем заключения договора с указанным лицом либо его фактического допущения к работе с введомо или по поручению работодателя или его уполномоченного на это представителя. В случае если последний день срока исполнения указанной обязанности приходится на нерабочий день, то днем окончания срока считается ближайший следующий за ним рабочий день.

10. При решении вопроса о наличии объективной стороны состава административного правонарушения, предусмотренного статьями 19.29 КоАП РФ, следует учитывать, что сообщение о заключении договора с бывшим государственным (муниципальным) служащим представителю нанимателя (работодателю) государственного или муниципального служащего по последнему месту его службы должно быть направлено с соблюдением порядка, устанавливаемого нормативными правовыми актами Российской Федерации, включая требования к форме и содержанию данного сообщения.

11. Субъектами административных правонарушений, предусмотренных статьями 19.29 КоАП РФ, являются граждане, должностные лица и юридические лица - работодатели либо заказчики работ (услуг), которые привлекли к трудовой деятельности на условиях трудового договора либо к выполнению работ или оказанию услуг на условиях гражданско-правового договора бывшего государственного (муниципального) служащего с нарушением требований, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии коррупции».

Граждане (физические лица) подлежат административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ в случае привлечения ими к трудовой деятельности на договорной основе иных физических лиц, являвшихся бывшими государственными (муниципальными) служащими. Например, к таким гражданам могут быть отнесены занимающиеся частной практикой нотариусы, адвокаты, учредившие адвокатские кабинеты, и другие лица, занимающиеся в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой.

Исходя из примечания к статье 2.4 КоАП РФ лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, совершившее административное правонарушение, предусмотренное статьей 19.29 КоАП РФ, несет административную ответственность как должностное лицо, в том числе в случае, когда дело о данном административном правонарушении возбуждено после утраты данным лицом статуса индивидуального предпринимателя.

К административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ подлежат привлечению должностные лица организации, занимающие должность руководителя или уполномоченные на подписание трудового (гражданско-правового) договора со стороны работодателя, в том числе и в тех случаях, когда обязанность по направлению соответствующего сообщения возложена на иное должностное лицо данной организации.

В силу положений части 1 статьи 1.5 КоАП РФ руководитель организации не может являться субъектом административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, совершенного до его назначения на указанную должность. Однако это не исключает обязанности данного лица в случае выявления им нарушений требований части 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», допущенных до его назначения на указанную должность, принять меры по их устранению. При этом направление данным лицом сообщения о заключении трудового (гражданско-правового) договора на выполнение работ (оказание услуг) с бывшим государственным (муниципальным) служащим за пределами предусмотренного частью 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» срока не может являться основанием для его привлечения к административной ответственности.

Прекращение трудовых отношений с руководителем организации, допустившим в период исполнения им своих служебных обязанностей нарушение требований части 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции», не исключает возможности возбуждения в отношении этого лица производства по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 19.29 КоАП РФ, и привлечения его к административной ответственности в качестве должностного лица.

В случае, когда нарушение указанных требований допущено при трудоустройстве бывшего государственного (муниципального) служащего в организацию в качестве ее руководителя, привлечению к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ подлежит должностное лицо, подписавшее с быв-

шим государственным (муниципальным) служащим трудовой договор.

Обратить внимание судей на то, что исходя из толкования части 3 статьи 2.1 КоАП РФ привлечение к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ должностного лица не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение юридическое лицо, равно как и назначение административного наказания юридическому лицу не освобождает от административной ответственности за данное правонарушение виновное должностное лицо.

Регистрация бывшего государственного (муниципального) служащего в качестве индивидуального предпринимателя или учреждение данным гражданином юридического лица не порождает установленной частью 4 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанности.

12. С учетом того, что обязанность по сообщению сведений о замещаемой гражданином в течение предшествующих трудоустройству двух лет должности государственной (муниципальной) службы, включенной в Перечни, возложена на бывшего государственного (муниципального) служащего, невыполнение данной обязанности указанным лицом при отсутствии у работодателя сведений о ранее замещаемой им должности государственной (муниципальной) службы, включенной в Перечни (например, отсутствие указанных сведений в трудовой книжке, документах воинского учета, военном билете, заполняемой гражданином при трудоустройстве анкете), свидетельствует об отсутствии оснований для привлечения работодателя к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ (части 2, 4 и 5 статьи 12 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

13. Учитывая, что назначение виновному лицу административного наказания должно быть строго индивидуализировано, при наличии совокупности исключительных обстоятельств, связанных с характером совершенного административного правонарушения и его последствиями, имущественным и финансовым положением привлекаемого к административной ответственности юридического лица, судья, в производстве которого находится дело о таком административном правонарушении, вправе назначить юридическому лицу административный штраф в размере менее минимального размера административного штрафа, предусмотренного санкцией статьи 19.29 КоАП РФ (часть 3 и 3.2 статьи 4.1 КоАП РФ).

Например, при решении вопроса о возможности назначения юридическому лицу наказания ниже низшего предела, установленного санкцией названной статьи, может быть учтен факт содействия юридического лица в раскрытии данного административного правонарушения, а также отсутствие в числе должностных (служебных) обязанностей бывшего государственного (муниципального) служащего отдельных функций государственного, муниципального (административного) управления данной организацией.

Следует иметь в виду, что, поскольку санкция статьи 19.29 КоАП РФ не отвечает критериям, установленным частью 2.2 статьи 4.1 КоАП РФ для примене-

ния наказания ниже низшего предела в отношении граждан и должностных лиц, данный институт не подлежит применению при привлечении названных субъектов к административной ответственности по статье 19.29 КоАП РФ.

14. В случае, когда административное правонарушение, предусмотренное статьей 19.29 КоАП РФ, не является существенным нарушением охраняемых общественных отношений в сфере противодействия коррупции (например, выразилось в нарушении требований к форме и содержанию сообщения, направляемого по последнему месту службы государственного (муниципального) служащего, которое не привело к nepолучению необходимой для целей Федерального закона «О противодействии коррупции» информации), данное административное правонарушение может быть признано малозначительным.

15. Объективная сторона состава административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, выражается в нарушении законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции, в связи с этим срок давности привлечения к административной ответственности за его совершение составляет шесть лет (часть 1 статьи 4.5 КоАП РФ).

Указанный срок начинает исчисляться со дня, следующего за днем совершения административного правонарушения, поскольку административное правонарушение, предусмотренное статьей 19.29 КоАП РФ, не является длящимся, в том числе в случае, когда его объективная сторона выразилась в несообщении в установленный законом срок представителю нанимателя (работодателю) бывшего государственного (муниципального) служащего по последнему месту его службы о заключении с последним трудового (гражданско-правового) договора.

16. В силу части 4 статьи 4.1 КоАП РФ назначение виновному лицу административного наказания за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 19.29 КоАП РФ, не освобождает данное лицо от исполнения требований, предусмотренных Федеральным законом «О противодействии коррупции».

При рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном статьей 19.29 КоАП РФ, судьям следует принимать во внимание положения статьи 29.13 КоАП РФ о внесении в соответствующие организации и соответствующим должностным лицам, не исполнившим предусмотренную статьей 12 Федерального закона «О противодействии коррупции» обязанность, представления о принятии мер по устранению причин и условий, способствующих совершению административного правонарушения.

Председатель
Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Актуализированы разъяснения судебной практики для судов по делам о мошенничестве, присвоении и растрате.

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
от 30 ноября 2017 г. N 48

**О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ
ПО ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВЕ,
ПРИСВОЕНИИ И РАСТРАТЕ**

В целях обеспечения единообразного применения судами норм уголовного закона об ответственности за мошенничество, присвоение и растрату, а также в связи с вопросами, возникшими у судов, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 2 и 5 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 года N 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения:

1. Обратить внимание судов на то, что способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со статьями 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием, под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом.

2. Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

Сообщаемые при мошенничестве ложные сведения (либо сведения, о которых умалчивается) могут относиться к любым обстоятельствам, в частности к юридическим фактам и событиям, качеству, стоимости имущества, личности виновного, его полномочиям, намерениям.

Если обман не направлен непосредственно на завладение чужим имуществом, а используется только для облегчения доступа к нему, действия виновного в зависимости от способа хищения образуют состав кражи или грабежа.

3. Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании с корыстной целью доверительных отношений с владельцем имущества или иным лицом, уполномоченным принимать решения о передаче этого имущества третьим лицам. Доверие может быть обусловлено различными обстоятельства-

ми, например служебным положением лица либо его личными отношениями с потерпевшим.

Злоупотребление доверием также имеет место в случаях принятия на себя лицом обязательств при заведомом отсутствии у него намерения их выполнить с целью безвозмездного обращения в свою пользу или в пользу третьих лиц чужого имущества или приобретения права на него (например, получение физическим лицом кредита, аванса за выполнение работ, услуг, предоплаты за поставку товара, если оно заведомо не намеревалось возвращать долг или иным образом исполнять свои обязательства).

4. В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возник у лица до получения чужого имущества или права на него.

О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие.

Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства.

5. Мошенничество, то есть хищение чужого имущества, совершенное путем обмана или злоупотребления доверием, признается оконченным с момента, когда указанное имущество поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность (в зависимости от потребительских свойств этого имущества) пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению.

Если предметом преступления при мошенничестве являются безличные денежные средства, в том числе электронные денежные средства, то по смыслу положений пункта 1 примечаний к статье 158 УК РФ и статьи 128 Гражданского кодекса Российской Федерации содеянное должно рассматриваться как хищение чужого имущества. Такое преступление следует считать оконченным с момента изъятия денежных средств с банковского счета их владельца или электронных денежных средств, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб.

6. Если мошенничество совершено в форме приобретения права на чужое имущество, преступление считается оконченным с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности всту-

пить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество, подлежащих такой регистрации в соответствии с законом; со времени заключения договора; с момента совершения передаточной надписи (индоссамента) на векселе; со дня вступления в силу принятого уполномоченным органом или лицом, введенными в заблуждение относительно наличия у виновного или иных лиц законных оснований для владения, пользования или распоряжения имуществом, правоустанавливающего решения).

7. Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ.

Если лицо подделало официальный документ, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось этим документом, содеянное следует квалифицировать по части 1 статьи 327 УК РФ. Содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умыслом лица охватывалось использование подделанного документа для совершения преступлений, предусмотренных частями 3, 4, 6 или 7 статьи 159, частями 3 или 4 статьи 159.1, частями 3 или 4 статьи 159.2 УК РФ либо частями 3 или 4 статьи 159.5 УК РФ.

В том случае, когда лицо использовало изготовленный им самим поддельный документ в целях хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло изъять имущество потерпевшего либо приобрести право на чужое имущество, содеянное следует квалифицировать как совокупность преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 327 УК РФ, а также частью 3 статьи 30 УК РФ и, в зависимости от обстоятельств конкретного дела, соответствующей статьей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за мошенничество.

Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, полностью охватывается составом мошенничества и не требует дополнительной квалификации по статье 327 УК РФ.

8. Неправомерное завладение денежными средствами, иным чужим имуществом или приобретение права на него путем предъявления (представления) чужих личных или иных официальных документов (например, паспорта, пенсионного удостоверения, свидетельства о рождении ребенка) в зависимости от непосредственного объекта посягательства и иных обстоятельств дела квалифицируется как мошенничество соответственно по статьям 158.1, 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5 УК РФ.

Постановление Конституционного Суда

Если виновным указанные документы были предварительно похищены, то его действия должны быть дополнительно квалифицированы по части 1 статьи 325 УК РФ (когда похищен официальный документ) либо по части 2 этой статьи (когда похищен паспорт или другой важный личный документ).

9. Если в результате мошенничества гражданин лишился права на жилое помещение, то действия виновного надлежит квалифицировать по части 4 статьи 159 УК РФ независимо от того, являлось ли данное жилое помещение у потерпевшего единственным и (или) использовалось ли оно потерпевшим для собственного проживания.

По смыслу указанной нормы уголовного закона в ее взаимосвязи с примечанием к статье 139 УК РФ и статьей 16 Жилищного кодекса Российской Федерации к такому жилому помещению относятся жилой дом, часть жилого дома, квартира, часть квартиры, комната в жилом доме или квартире независимо от формы собственности, входящие в жилищный фонд. Те обстоятельства, что данное помещение не соответствует санитарным, техническим и иным нормам, непригодно для проживания, на квалификацию содеянного не влияют. В качестве жилого помещения не могут рассматриваться объекты, не являющиеся недвижимым имуществом, - палатки, автоприцепы, дома на колесах, строительные бытовки, иные помещения, строения и сооружения, не входящие в жилищный фонд.

Для целей части 4 статьи 159 УК РФ правом на жилое помещение признается принадлежащее гражданину на момент совершения преступления право собственности на жилое помещение или право пользования им (в частности, право пользования членами семьи собственника, право пользования на основании завещательного отказа, право пользования на основании договора ренты и пожизненного содержания с иждивением, право пользования на основании договора социального найма).

10. Если в результате мошенничества гражданин лишился не права на жилое помещение, а возможности приобретения такого права (например, в случае хищения денег при заключении фиктивного договора аренды жилого помещения либо хищения денег под видом привлечения средств для участия в долевом строительстве многоквартирных домов), то в действиях виновного отсутствует признак лишения гражданина права на жилое помещение.

Ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости при отсутствии признаков мошенничества наступает в соответствии со статьей 200.3 УК РФ.

11. Судам необходимо иметь в виду, что состав мошенничества, предусмотренного частями 5 - 7 статьи 159 УК РФ, имеет место в случае, если:

в действиях лица имеются признаки хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием;

указанные действия сопряжены с умышленным неисполнением принятых на себя виновным лицом обя-

зательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации;

виновное лицо является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации.

Указанное преступление совершается с прямым умыслом, направленным на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество, возникшим у лица до получения такого имущества или права на него. При этом не имеет значения, каким образом виновный планировал распорядиться или распорядился похищенным имуществом (например, использовал в личных целях или для предпринимательской деятельности).

Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, признается уголовно наказуемым, если это деяние повлекло причинение ущерба индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации в размере десяти тысяч рублей и более. Размер причиненного ущерба надлежит исчислять исходя из стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления. Согласно положениям пункта 2 примечаний к статье 158 УК РФ значительный ущерб, причиненный потерпевшему в результате преступления, предусмотренного частью 5 статьи 159 УК РФ, определяется без учета его имущественного положения.

12. Если умысел лица направлен на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием под видом привлечения денежных средств или иного имущества граждан или юридических лиц для целей инвестиционной, предпринимательской или иной законной деятельности, которую фактически не осуществляло, то содеянное в зависимости от обстоятельств дела образует состав мошенничества (части 1, 2, 3 или 4 статьи 159 УК РФ) или мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5, 6 или 7 статьи 159 УК РФ), и дополнительной квалификации по статье 172.2 либо 200.3 УК РФ не требует.

13. Действия заемщика, состоящие в получении наличных либо безналичных денежных средств путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений с целью безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц при заведомом отсутствии у него намерения возратить их в соответствии с требованиями договора, подлежат квалификации по статье 159.1 УК РФ.

Для целей статьи 159.1 УК РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представленного им на законных основаниях юридического лица.

По смыслу закона кредитором в статье 159.1 УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного до-

говора (статья 819 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Обман при совершении мошенничества в сфере кредитования заключается в представлении кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений об обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога).

14. В случаях когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по статье 159.1 УК РФ отсутствует, ответственность виновного наступает по статье 159 УК РФ.

Если индивидуальный предприниматель либо руководитель организации представил кредитору заведомо ложные сведения о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации не с целью хищения денежных средств, а с целью получения кредита либо льготных условий кредитования, намереваясь при этом исполнить договорные обязательства, то такие действия не образуют состава мошенничества в сфере кредитования. Указанные действия этих лиц, причинившие крупный ущерб кредитору, квалифицируются по части 1 статьи 176 УК РФ.

15. По статье 159.2 УК РФ квалифицируется такое хищение денежных средств или иного имущества в форме мошенничества, которое связано с незаконным получением социальных выплат, а именно установленных федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления выплат гражданам, нуждающимся в социальной поддержке.

Для целей статьи 159.2 УК РФ к социальным выплатам, в частности, относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т.п.), специального транспорта, путевок, продуктов питания.

Не относятся к социальным выплатам по смыслу статьи 159.2 УК РФ гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства. Мошенничество при получении указанных выплат квалифицируется по статье 159 УК РФ.

16. Обман как способ совершения мошенничества при получении выплат, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ, выражается в представлении в органы исполнительной власти, учреждения или организации, уполномоченные принимать решения о получении выплат, заведомо ложных и (или) недостоверных сведений о наличии обстоятельств, наступление которых согласно закону или иному нормативному правовому акту является условием для получения соответствующих выплат в виде денежных средств или иного имущества (в частности, о личности получателя, об инвалидности, о наличии детей, наличии иждивенцев, об участии в боевых действиях, отсутствии возможности трудоустройства), а также путем умолчания о прекращении оснований для получения указанных выплат.

Если лицо путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах получило документ (справку, удостоверение, сертификат и пр.), подтверждающий его право на получение социальных выплат, однако по независящим от него обстоятельствам фактически не воспользовалось им для получения социальных выплат, содеянное следует квалифицировать в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству при получении выплат, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что умысел лица был направлен на использование данного документа для совершения преступлений, предусмотренных частями 3 или 4 статьи 159.2 УК РФ.

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 159.2 УК РФ, может быть лицо, как не имеющее соответствующего права на получение социальных выплат, так и обладающее таким правом (например, в случае введения в заблуждение относительно фактов, влияющих на размер выплат).

17. Действия лица следует квалифицировать по статье 159.3 УК РФ в случаях, когда хищение имущества осуществлялось с использованием поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем сообщения уполномоченному работнику кредитной, торговой или иной организации заведомо ложных сведений о принадлежности указанному лицу такой карты на законных основаниях либо путем умолчания о незаконном владении им платежной картой.

Не образует состава мошенничества хищение чужих денежных средств путем использования заранее похищенной или поддельной платежной карты, если выдача наличных денежных средств была произведена посредством банкомата без участия уполномоченного работника кредитной организации. В этом случае содеянное следует квалифицировать как кражу.

В случаях когда лицо похитило безналичные денежные средства, воспользовавшись необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией держателя платежной карты (например, персональными данными владельца, данными платежной карты, контрольной информацией, паролем), переданной злоумышленнику самим держателем платежной карты под воздействием обмана или злоупотребления доверием, действия виновного квалифицируются как кража.

Постановление Конституционного Суда

18. Если изготовление, приобретение, хранение, транспортировку поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, лицо совершило в целях их использования им же для совершения преступления, предусмотренного частью 3 или частью 4 статьи 158 УК РФ, частью 3 или частью 4 статьи 159 УК РФ, частью 3 или частью 4 статьи 159.3 УК РФ либо частью 3 или частью 4 статьи 159.6 УК РФ, которое по независящим от него обстоятельствам не смогло довести до конца, то содеянное следует квалифицировать как совокупность приготовления к указанному преступлению и оконченного преступления, предусмотренного статьей 187 УК РФ.

Сбыт поддельных платежных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты (за исключением случаев, предусмотренных статьей 186 УК РФ), а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приема, выдачи, перевода денежных средств, заведомо непригодных к использованию, образует состав мошенничества и подлежит квалификации по статье 158.1 УК РФ или соответствующей части статьи 159 УК РФ. В случае, когда лицо изготовило, приобрело, хранило, транспортировало с целью сбыта указанные средства платежа, заведомо непригодные к использованию, однако по независящим от него обстоятельствам не смогло их сбыть, содеянное должно быть квалифицировано в соответствии с частью 1 статьи 30 УК РФ как приготовление к мошенничеству, если обстоятельства дела свидетельствуют о том, что эти действия были направлены на совершение преступлений, предусмотренных частью 3 или частью 4 статьи 159 УК РФ.

19. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 159.5 УК РФ, судам следует иметь в виду, что мошенничество в сфере страхования совершается путем обмана относительно наступления страхового случая (например, представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества) либо относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате (представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю).

Субъектом преступления, предусмотренного статьей 159.5 УК РФ, может быть признано лицо, выполнявшее объективную сторону данного преступления (например, страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, вступившие в сговор с выгодоприобретателем представитель страховщика, эксперт).

20. По смыслу статьи 159.6 УК РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или инфор-

мационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) - ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по статье 272, 273 или 274.1 УК РФ.

21. В тех случаях, когда хищение совершается путем использования учетных данных собственника или иного владельца имущества независимо от способа получения доступа к таким данным (тайно либо путем обмана воспользовался телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк», авторизовался в системе интернет-платежей под известными ему данными другого лица и т.п.), такие действия подлежат квалификации как кража, если виновным не было оказано незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. При этом изменение данных о состоянии банковского счета и (или) о движении денежных средств, произошедшее в результате использования виновным учетных данных потерпевшего, не может признаваться таким воздействием.

Если хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество осуществляется путем распространения заведомо ложных сведений в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет» (например, создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, использование электронной почты), то такое мошенничество следует квалифицировать по статье 159, а не 159.6 УК РФ.

22. От мошенничества следует отличать причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения (статья 165 УК РФ). В последнем случае отсутствуют в своей совокупности или отдельно такие обязательные признаки мошенничества, как противоправное, совершенное с корыстной целью, безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц.

При решении вопроса о том, имеется ли в действиях лица состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 165 УК РФ, суду необходимо установить, причинен ли собственнику или иному владельцу имущества реальный материальный ущерб либо ущерб в виде упущенной выгоды, то есть неполученных доходов, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено путем обмана или злоу-

потребления доверием, и превышает ли сумма ущерба двести пятьдесят тысяч рублей (пункт 4 примечаний к статье 158 УК РФ).

Обман или злоупотребление доверием в целях получения незаконной выгоды имущественного характера может выражаться, например, в представлении лицом поддельных документов, освобождающих от уплаты установленных законодательством платежей (кроме указанных в статьях 194, 198, 199, 199.3, 199.4 УК РФ) или от платы за коммунальные услуги, в несанкционированном подключении к энергосетям, создающем возможность неучтенного потребления электроэнергии или эксплуатации в личных целях вверенного этому лицу транспорта.

23. Противоправное, безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, должно квалифицироваться судами как присвоение или растрата при условии, что похищенное имущество находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества.

Решая вопрос об отграничении составов присвоения или растраты от кражи, суды должны установить наличие у лица вышеуказанных полномочий. Совершение тайного хищения чужого имущества лицом, не обладающим такими полномочиями, но имеющим доступ к похищенному имуществу в силу выполняемой работы или иных обстоятельств, должно быть квалифицировано как кража.

24. При рассмотрении дел о преступлениях, предусмотренных статьей 160 УК РФ, судам следует иметь в виду, что присвоение состоит в безвозмездном, совершенном с корыстной целью, противоправном обращении лицом вверенного ему имущества в свою пользу против воли собственника.

Присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Как растрата должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам.

Растрату следует считать оконченным преступлением с момента начала противоправного издержания вверенного имущества (его потребления, израсходования или отчуждения).

В том случае, когда лицо совершает с единым умыслом хищение вверенного ему имущества, одна часть которого им присваивается, а другая часть этого иму-

щества растрачивается, содеянное не образует совокупности преступлений.

25. Разрешая вопрос о наличии в деянии состава хищения в форме присвоения или растраты, суд должен установить обстоятельства, подтверждающие, что умыслом лица охватывался противоправный, безвозмездный характер действий, совершаемых с целью обратить вверенное ему имущество в свою пользу или пользу других лиц.

Направленность умысла в каждом подобном случае должна определяться судом исходя из конкретных обстоятельств дела, например таких, как наличие у лица реальной возможности возратить имущество его собственнику, совершение им попыток путем подлога или другим способом скрыть свои действия.

При этом судам необходимо учитывать, что частичное возмещение ущерба потерпевшему само по себе не может свидетельствовать об отсутствии у лица умысла на присвоение или растрату вверенного ему имущества.

26. При решении вопроса о виновности лиц в совершении мошенничества, присвоения или растраты суды должны иметь в виду, что обязательным признаком хищения является наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен.

От хищения следует отличать случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, если лицо обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, не исполненного собственником имущества). При наличии оснований, предусмотренных статьей 330 УК РФ, в указанных случаях содеянное образует состав самоуправства.

27. При рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, присвоении или растрате, совершенных двумя и более лицами, суду с учетом положений статей 32, 33, 35 УК РФ надлежит выяснить, какие конкретно действия, непосредственно направленные на исполнение объективной стороны этих преступлений, выполнял каждый из соучастников.

Исполнителем мошенничества, сопряженного с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности (части 5, 6, 7 статьи 159 УК РФ), мошенничества в сфере кредитования (статья 159.1 УК РФ), присвоения или растраты (статья 160 УК РФ) может являться только лицо, обладающее признаками специального субъекта этого преступления. Исходя из положений части 4 статьи 34 УК РФ лица, не обладающие соответствующим статусом или полномочиями, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, либо с заемщиком, либо с лицом, которому вверено имущество, должны нести уголов-

Постановление Конституционного Суда

ную ответственность по статье 33 и соответственно по части 5, 6 или 7 статьи 159, статье 159.1 или статье 160 УК РФ в качестве организаторов, подстрекателей или пособников.

28. Мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, мошенничество в сфере кредитования, присвоение или растрату надлежит считать совершенными группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающие признакам специального субъекта этих преступлений, которые заранее договорились о совместном совершении преступления.

В отличие от группы лиц, заранее договорившихся о совместном совершении преступления, в организованную группу по смыслу части 3 статьи 35 УК РФ могут входить также лица, не обладающие признаками специального субъекта, предусмотренными частями 5, 6 или 7 статьи 159, статьей 159.1 или статьями 160 УК РФ, которые заранее объединились для совершения одного или нескольких преступлений.

В случае признания мошенничества, присвоения или растраты совершенными организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке или в совершении преступления, независимо от их фактической роли следует квалифицировать по соответствующей части статей 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6, 160 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ.

29. Под лицами, использующими свое служебное положение при совершении мошенничества, присвоения или растраты (часть 3 статьи 159, часть 3 статьи 159.1, часть 3 статьи 159.2, часть 3 статьи 159.3, часть 3 статьи 159.5, часть 3 статьи 159.6, часть 3 статьи 160 УК РФ), следует понимать должностных лиц, обладающих признаками, предусмотренными пунктом 1 примечаний к статье 285 УК РФ, государственных или муниципальных служащих, не являющихся должностными лицами, а также иных лиц, отвечающих требованиям, предусмотренным пунктом 1 примечаний к статье 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации).

Признак совершения преступления с использованием своего служебного положения отсутствует в случае присвоения или растраты принадлежащего физическому лицу (в том числе индивидуальному предпринимателю) имущества, которое было вверено им другому физическому лицу на основании гражданско-правовых договоров аренды, подряда, комиссии, перевозки, хранения и др. или трудового договора. Указанные действия охватываются частью 1 статьи 160 УК РФ, если в содеянном не содержится иных квалифицирующих признаков, предусмотренных этой статьей.

Действия организаторов, подстрекателей и пособников мошенничества, присвоения или растраты, заведомо для них совершенных лицом с использованием своего служебного положения, квалифицируются по соответствующей части статьи 33 УК РФ и по части 3 статьи 159, части 3 статьи 159.1, части 3 статьи 159.2,

части 3 статьи 159.3, части 3 статьи 159.5, части 3 статьи 159.6 или по части 3 статьи 160 УК РФ соответственно.

30. Определяя стоимость имущества, похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты, следует исходить из его фактической стоимости на момент совершения преступления. При отсутствии сведений о стоимости похищенного имущества она может быть установлена на основании заключения специалиста или эксперта.

При установлении размера похищенного в результате мошенничества, присвоения или растраты судам надлежит иметь в виду, что хищение имущества с одновременной заменой его менее ценным квалифицируется как хищение в размере стоимости изъятого имущества.

Если стоимость имущества, похищенного путем мошенничества (за исключением части 5 статьи 159 УК РФ), присвоения или растраты, составляет не более двух тысяч рублей, а виновный является лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение чужого имущества стоимостью более одной тысячи рублей, но не более двух тысяч пятисот рублей, и в его действиях отсутствуют признаки преступлений, предусмотренных частями 2, 3 и 4 статьи 159, частями 2, 3 и 4 статьи 159.1, частями 2, 3 и 4 статьи 159.2, частями 2, 3 и 4 статьи 159.3, частями 2, 3 и 4 статьи 159.5, частями 2, 3 и 4 статьи 159.6, частями 2 и 3 статьи 160 УК РФ, то содеянное подлежит квалификации по статье 158.1 УК РФ.

31. Мошенничество, присвоение или растрата, совершенные с причинением значительного ущерба гражданину, могут быть квалифицированы как оконченные преступления по части 2 статьи 159, части 2 статьи 159.3, части 2 статьи 159.5, части 2 статьи 159.6 или части 2 статьи 160 УК РФ соответственно только в случае реального причинения значительного имущественного ущерба, который в соответствии с пунктом 2 примечаний к статье 158 УК РФ не может составлять менее пяти тысяч рублей.

При решении вопроса о наличии в действиях лица квалифицирующего признака причинения гражданину значительного ущерба судам наряду со стоимостью похищенного имущества надлежит учитывать имущественное положение потерпевшего, в частности наличие у него источника доходов, их размер и периодичность поступления, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство. Мнение потерпевшего о значительности или незначительности ущерба, причиненного ему в результате преступления, должно оцениваться судом в совокупности с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественное положение потерпевшего.

32. Вопрос о наличии в действиях виновных квалифицирующего признака совершения мошенничества, присвоения или растраты в крупном или особо крупном размере должен решаться в соответствии с пунктом 4 примечаний к статье 158 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159, частей 3 и 4 статьи 159.2, частей 3 и 4 статьи 160 УК РФ, в соответствии с пунктами 2 и 3 примечаний к статье 159 УК РФ для целей частей 6 и 7 статьи 159 УК РФ и в соответствии с примеча-

нием к статье 159.1 УК РФ для целей частей 3 и 4 статьи 159.1, частей 3 и 4 статьи 159.3, частей 3 и 4 статьи 159.5, частей 3 и 4 статьи 159.6 УК РФ.

В случае совершения нескольких хищений чужого имущества, общая стоимость которого образует крупный или особо крупный размер, содеянное квалифицируется с учетом соответствующего признака, если эти хищения совершены одним способом и при обстоятельствах, свидетельствующих об умысле совершить хищение в крупном или особо крупном размере.

Разрешая вопрос о квалификации действий лиц, совершивших мошенничество, присвоение или растрату в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы по признаку «причинение значительного ущерба гражданину» либо по признаку «в крупном размере» или «в особо крупном размере», следует исходить из общей стоимости имущества, похищенного всеми участниками преступной группы.

33. Если действия лица при мошенничестве, присвоении или растрате хотя формально и содержали признаки указанного преступления, но в силу малозначительности не представляли общественной опасности, то суд прекращает уголовное дело на основании части 2 статьи 14 УК РФ.

34. Рекомендовать судам при рассмотрении уголовных дел о мошенничестве, присвоении или растрате выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению указанных преступлений, нарушения прав и свобод граждан, а также другие нарушения закона, допущенные при производстве дознания или предварительного следствия, и в частном определении или постановлении обращать внимание соответствующих организаций и должностных лиц на данные обстоятельства и факты нарушений закона, требующие принятия необходимых мер.

35. Признать утратившим силу постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 года № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате».

Председатель
Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. МОМОТОВ

Работодатель не обязан наказывать сотрудников по требованию прокурора

ВС РФ в очередной раз подчеркнул: применить к работнику дисциплинарные меры - это право, а не обязанность работодателя.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 30 октября 2017 г. N 30-АД17-2

Судья Верховного Суда Российской Федерации Меркулов В.П., рассмотрев жалобу Казбекова Таймураза Эдуардовича на вступившие в законную силу постановление мирового судьи судебного участка № 7 судебного района г. Черкесска Карачаево-Черкесской Республики от 14 сентября 2016 г., решение судьи Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 9 декабря 2016 г. и постановление заместителя председателя Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 22 марта 2017 г., вынесенные в отношении директора ООО «Казачье» Казбекова Таймураза Эдуардовича по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях,

установил:

постановлением мирового судьи судебного участка № 7 судебного района г. Черкесска Карачаево-Черкесской Республики от 28 марта 2016 г. производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, в отношении директора ООО «Казачье» (далее также общество) Казбекова Т.Э. прекращено на основании пункта 6 части 1 статьи 24.5 названного Кодекса в связи с истечением срока давности привлечения к административной ответственности.

Решением судьи Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 4 июля 2016 г. указанное постановление о прекращении производства по делу отменено, дело возвращено мировому судье на новое рассмотрение.

Постановлением мирового судьи судебного участка № 7 судебного района г. Черкесска Карачаево-Черкесской Республики от 14 сентября 2016 г., оставленным без изменения решением судьи Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 9 декабря 2016 г. и постановлением заместителя председателя Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 22 марта 2017 г., Казбеков Т.Э., являвшийся директором ООО «Казачье» (на основании решения единственного участника ООО «Казачье» от 18 апреля 2016 г. полномочия досрочно прекращены с избранием на должность единоличного исполнительного органа иного лица), признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 2 000 рублей.

В жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Казбеков Т.Э. ставит вопрос об отмене постановлений, вынесенных в отношении его по настоящему делу об административном правонарушении, ссылаясь на их незаконность.

Изучив материалы дела об административном правонарушении и доводы жалобы заявителя, прихожу к следующим выводам.

В соответствии со статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях умышленное невыполнение требований прокурора, вытекающих из его полномочий, установленных федеральным законом, а равно законных требований следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц - от двух тысяч до трех тысяч рублей либо дисквалификацию на срок от шести месяцев до одного года; на юридических лиц - от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток.

В силу положений пункта 1 статьи 6 Федерального закона от 17 января 1992 г. N 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее - Закон о прокуратуре) требования прокурора, вытекающие из его полномочий, перечисленных в статьях 9.1, 22, 27, 30 и 33 данного Федерального закона, подлежат безусловному исполнению в установленный срок.

Согласно Закону о прокуратуре одной из мер реагирования прокуратуры на нарушение закона является представление об устранении нарушений закона.

В пункте 3 статьи 22 Закона о прокуратуре указано, что прокурор или его заместитель в случае установления факта нарушения закона органами и должностными лицами, указанными в пункте 1 статьи 21 данного Федерального закона вносит представление об устранении нарушений закона.

Согласно пункту 1 статьи 24 Закона о прокуратуре представление об устранении нарушений закона вносится прокурором или его заместителем в орган или должностному лицу, которые полномочны устранить допущенные нарушения, и подлежит безотлагательному рассмотрению. В течение месяца со дня внесения представления должны быть приняты конкретные меры по устранению допущенных нарушений закона, их причин и условий, им способствующих; о результатах принятых мер должно быть сообщено прокурору в письменной форме.

Из материалов дела следует, что в ходе проверки, проведенной Минераловодской межрайонной прокуратурой в отношении ООО «Казачье», выявлено нарушение правил охраны окружающей среды при эксплуатации объектом промышленного объекта - завода по производству спирта, что повлекло загрязнение почвы (береговой полосы), поверхностных вод (река Кума), ухудшение качества окружающей среды и ее компонентов, гибель объектов животного мира, в том числе рыбы и других водных биологических ресурсов.

Установлено, что вопреки требованиям статьи 23, пункта 1 статьи 34 Федерального закона от 10 января 2002 г. N 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (далее - Федеральный закон «Об охране окружающей среды»), части 6 статьи 56, части 16 статьи 65 Водного кодекса Российской Федерации обществом осуществляются сбросы сточных вод с превышением норм предельно допустимых сбросов загрязняющих веществ, установленных разрешением от 4 сентября 2012 г. N 000090.

В нарушение статей 12, 13 Земельного кодекса Российской Федерации в результате сброса сточных вод с превышением норм предельно допустимых сбросов загрязняющих веществ часть береговой полосы залита мутной жидкостью, содержащей загрязняющие вещества, что повлекло загрязнение почвы.

По факту указанных нарушений 8 октября 2015 г. Минераловодским межрайонным прокурором в адрес директора общества Казбекова Т.Э. внесено представление N 7/3-84-2015 об устранении нарушений законодательства об охране окружающей среды.

В представлении прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015 изложено требование о его рассмотрении с направлением уведомления о вменении и месте рассмотрения в Минераловодскую межрайонную прокуратуру для обеспечения участия прокурора; принятии мер к устранению выявленных нарушений Конституции Российской Федерации, Федерального закона «Об охране окружающей среды», Водного кодекса Российской Федерации, Земельного кодекса Российской Федерации; рассмотрении вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях закона; сообщении о результатах рассмотрения представления в Минераловодскую межрайонную прокуратуру в установленный законом месячный срок.

13 ноября 2015 г. директором общества Казбековым Т.Э. в адрес Минераловодской межрайонной прокуратуры направлен ответ N 397, согласно которому решение об устранении выявленных нарушений будет принято по результатам рассмотрения находящихся в производстве Минераловодского городского суда Ставропольского края жалоб на постановления по делам об административных правонарушениях.

Мер, направленных на устранение допущенных нарушений закона не принято, изложенные в представлении требования прокурора в установленный законом срок не выполнены.

Фактические обстоятельства дела подтверждаются собранными доказательствами: постановлением о возбуждении дела об административном правонарушении (л.д. 2 - 5); письменными объяснениями директора ООО «Казачье» Казбекова Т.Э. (л.д. 6 - 7); ответом директора ООО «Казачье» Казбекова Т.Э. на представление прокурора (л.д. 9); обращением начальника МБУ «Управление по защите населения, гражданской обороне и чрезвычайным ситуациям Минераловодского муниципального района Ставропольского края» к Минераловодскому межрайонному прокурору (л.д. 120); представлением Минераловодского межрайонного прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015 (л.д. 121 - 124); копиями материалов по факту проведения в отношении ООО «Казачье» проверки, содержащих,

в том числе сведения о привлечении его к административной ответственности по части 1 статьи 8.42, части 1 статьи 8.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (л.д. 125 - 132, 137 - 174, 245 - 256), и иными материалами дела, которым дана оценка на предмет допустимости, достоверности, достаточности по правилам статьи 26.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Правомерность привлечения Казбекова Т.Э., являвшегося на момент внесения представления и истечения срока устранения указанных в нем нарушений директором ООО «Казачье», к административной ответственности за невыполнение требований прокурора в части устранения нарушений законодательства об охране окружающей среды сомнений не вызывает.

Деяние указанного лица квалифицировано в соответствии с установленными обстоятельствами, нормами Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Закона о прокуратуре.

В настоящей жалобе Казбеков Т.Э., заявляя о необоснованности привлечения его к административной ответственности, указывает, что представление прокурора направлено в адрес общества факсимильной связью, оригинал данного документа вручен не был, что противоречит положениям Инструкции по делопроизводству в органах и учреждениях прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 29 декабря 2011 г. N 450.

Данный довод не ставит под сомнение законность и обоснованность состоявшихся по настоящему делу судебных актов.

В ходе производства по делу установлено, что 14 октября 2015 г. представление Минераловодского межрайонного прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015 было направлено в адрес общества по факсу (л.д. 137 - 140). Факт получения представления посредством данного вида связи Казбековым Т.Э. не оспаривался.

Кроме того, материалами дела подтвержден тот факт, что ранее представление прокурора в день его внесения 8 октября 2015 г. было направлено Казбекову Т.Э. по почте по адресу места нахождения ООО «Казачье»: Ставропольский край, Минераловодский район, с. Гражданское, ул. Юбилейная, д. 1А (л.д. 119).

До поступления дела на рассмотрение судье вопрос о получении оригинала представления Казбековым Т.Э. не ставился.

Судебные инстанции пришли к обоснованному выводу о том, что прокуратурой приняты необходимые меры к надлежащему направлению представления и получению его лицом, в адрес которого оно внесено. Оснований ставить под сомнение данное обстоятельство и получение Казбековым Т.Э. представления по почте не имеется.

Ссылка заявителя на положения подпункта «б» пункта 10, пункта 31 Правил оказания услуг почтовой связи, утвержденных приказом Министерства связи и массовых коммуникаций от 31 июля 2014 г. N 234, несостоятельна, так как из материалов дела не следует, что представление прокурора было направлено в адрес

Казбекова Т.Э. посредством почтового отправления той категории, которая указана в данных нормах.

Правовая позиция, выраженная в судебных актах, состоявшихся по другим делам, которые заявитель упоминает в обоснование приведенного выше довода, неприменима в рассматриваемом случае, поскольку соответствующие решения приняты на основании иных конкретных обстоятельств дел, не схожих с установленными по настоящему делу.

Доводы, имеющие правовое значение, являлись предметом проверки в ходе судебного разбирательства, и правомерно отклонены по мотивам, приведенным в обжалуемых актах.

Несогласие заявителя с оценкой установленных судебными инстанциями обстоятельств правовым основанием к отмене вынесенных по настоящему делу актов не является.

Нарушений норм процессуального закона в ходе производства по делу не допущено, нормы материального права применены правильно.

Срок давности и порядок привлечения Казбекова Т.Э. к административной ответственности соблюдены.

Административное наказание назначено Казбекову Т.Э. в пределах, установленных санкцией статьи 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Вместе с тем имеются основания для изменения состоявшихся по настоящему делу постановлений.

В соответствии с частью 2 статьи 30.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях судья, принявший к рассмотрению жалобу, протест, в интересах законности имеет право проверить дело об административном правонарушении в полном объеме.

Пунктом 4 статьи 10 Закона о прокуратуре предусмотрено, что прокурор в установленном законом порядке принимает меры по привлечению к ответственности лиц, совершивших правонарушения.

В соответствии с пунктом 2 статьи 22 Закона о прокуратуре прокурор или его заместитель по основаниям, установленным законом, возбуждает производство об административном правонарушении, требует привлечения лиц, нарушивших закон, к иной установленной законом ответственности, предупреждает о недопустимости нарушения закона.

Представление Минераловодского межрайонного прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015 в числе прочих содержит требование о привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях закона.

Между тем данное требование не соответствует приведенным положениям Закона о прокуратуре.

Частью первой статьи 192 Трудового кодекса Российской Федерации установлено, что за совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить перечисленные в указанной норме дисциплинарные взыскания.

Применение к работнику мер дисциплинарной ответственности является правом, а не обязанностью работодателя, производится в законодательно уста-

Постановление Верховного суда РФ от 30 октября 2017 г. N 30-АД17-2

новленном порядке. Содержащееся в представлении Минераловодского межрайонного прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015 императивное требование о привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях закона, противоречит приведенным нормам Закона о прокуратуре, Трудового кодекса Российской Федерации.

Таким образом, невыполнение указанного требования представления прокурора необоснованно вменено Казбекову Т.Э., являвшемуся директором ООО «Казачье», при привлечении к административной ответственности, предусмотренной статьей 17.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

В силу пункта 2 части 2 статьи 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях по результатам рассмотрения жалобы, протеста на вступившие в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалоб, протестов выносятся решения об изменении постановления по делу об административном правонарушении, решения по результатам рассмотрения жалобы, протеста, если допущенные нарушения названного Кодекса и (или) закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях могут быть устранены без возвращения дела на новое рассмотрение и при этом не усиливается административное наказание или иным образом не ухудшается положение лица, в отношении которого вынесены указанные постановления, решение.

При таких обстоятельствах постановление мирового судьи судебного участка N 7 судебного района г. Черкесска Карачаево-Черкесской Республики от 14 сентября 2016 г., решение судьи Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 9 декабря 2016 г. и постановление заместителя председателя Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 22 марта 2017 г. подлежат изменению путем исключения из них указания на невыполнение пункта 2 представления Минераловодского межрайонного прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015, содержащего требование о привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях закона. В остальной части указанные судебные акты подлежат оставлению без изменения.

На основании изложенного, руководствуясь статьями 30.13 и 30.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, судья Верховного Суда Российской Федерации

постановил:

постановление мирового судьи судебного участка N 7 судебного района г. Черкесска Карачаево-Черкесской Республики от 14 сентября 2016 г., решение судьи Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики от 9 декабря 2016 г. и постановление заместителя председателя Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики от 22 марта 2017 г., вынесенные в отношении директора ООО «Казачье» Казбекова Т.Э. по делу об административном правонарушении, предусмотренном статьей 17.7 Кодекса Российской

Федерации об административных правонарушениях, изменить, исключив из них указание на невыполнение пункта 2 представления Минераловодского межрайонного прокурора от 8 октября 2015 г. N 7/3-84-2015, содержащего требование о привлечении к дисциплинарной ответственности лиц, виновных в допущенных нарушениях закона.

В остальной части названные судебные постановления оставить без изменения, жалобу Казбекова Т.Э. - без удовлетворения.

Судья Верховного Суда
Российской Федерации
В.П. МЕРКУЛОВ

Верховный Суд РФ представил подробные указания, как следует рассматривать дела об убытках, причиненных управляющими

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 26 октября 2017 г. N 305-ЭС17-8225

Резолютивная часть определения объявлена 19 октября 2017 г.

Определение изготовлено в полном объеме 26 октября 2017 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Самуйлова С.В.,

судей Кирейковой Г.Г. и Разумова И.В. -

рассмотрела в судебном заседании кассационную жалобу публичного акционерного общества «Сбербанк России» (г. Москва, далее - Банк)

на постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2016 (судьи Назарова С.А., Солопова Е.А., Клеандрова И.М.), постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2017 (судьи Михайлова Л.В., Голобородько В.Я., Мысак Н.Я.) по делу N А40-154653/2015

по иску Банка к Богинской Лидии Николаевне и Прохоренко Анне Михайловне о взыскании убытков.

В заседании приняли участие Прохоренко А.М., а также представители:

Банка - Сафонов Д.Н., Сашин М.С., Шабас В.И.;

Богинской Л.Н. - Сапегина О.А.;

Прохоренко А.М. - Плясенко Н.А., Шипачева Я.С.;

Ассоциации «Московская саморегулируемая организация профессиональных арбитражных управляющих» (далее - Ассоциация МСОПАУ) - Шапенкова С.В.;

Ассоциации Ведущих Арбитражных Управляющих «Достояние» (далее - Ассоциация «Достояние») - Сергеева Е.С.;

Акционерного общества «Государственная страховая компания «Югория» (далее - страховая компания) - Касимова И.Р.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Самуйлова С.В., вынесшего определение от 19.09.2017 о передаче кассационной жалобы вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании, а также объяснения представителей лиц, участвующих в деле, судебная коллегия

установила:

как следует из судебных актов и материалов дела, 23.10.2010 Арбитражный суд города Москвы возбудил дело о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «АГИС СТАЛЬ» (далее - должник) как ликвидированного должника (дело N А40-137258/2010).

25.10.2010 общество «АГИС СТАЛЬ» и Волосовец Игорь Леонидович заключили договор купли-продажи, в соответствии с которым последний приобрел одну акцию закрытого акционерного общества «Муромэнергомаш» за 125 000 руб. В тот же день по со-

глашению об отступном обществом «АГИС СТАЛЬ» отчуждены 50 акций общества «Муромэнергомаш» в пользу компании RendezoInvestmentsLimited (далее - Компания) за 4 415 000 руб. (Компании принадлежало право требования к обществу «АГИС СТАЛЬ» о возврате кредита, уступленное открытым акционерным обществом «МДМ Банк», обеспеченное залогом пятидесяти акций).

27.10.2010 ликвидатор должника Трелина Е.Ф. от имени общества «АГИС СТАЛЬ» подписала передаточные распоряжения в отношении указанных акций.

26.04.2011 Трелина Е.Ф. передала Богинской Л.Н. бухгалтерскую документацию, учредительные документы и печать общества «АГИС СТАЛЬ».

28.04.2011 общество «АГИС СТАЛЬ» признано банкротом, в отношении его открыто конкурсное производство. Конкурсным управляющим по предложению Трелиной Е.Ф. утверждена Богинская Л.Н.

14.11.2011 конкурсный кредитор (Банк) уведомил конкурсного управляющего о нахождении в собственности общества «АГИС СТАЛЬ» непосредственно перед банкротством 51% акций общества «Муромэнергомаш» (51 акция) и потребовал отыскать документы по отчуждению этих акций.

28.12.2011 Федеральная служба по финансовым рынкам по запросу конкурсного управляющего предоставила информацию о том, что по состоянию на 27.07.2008 общество «АГИС СТАЛЬ» владело 51% акций общества «Муромэнергомаш».

15.02.2012 общество «Муромэнергомаш» на запрос конкурсного управляющего сообщило о готовности предоставить информацию, касающуюся акций этого общества.

18.04.2012 Богинская Л.Н. освобождена от исполнения обязанностей конкурсного управляющего, конкурсным управляющим утверждена Прохоренко А.М.

01.10.2012 Волосовец И.Л. представил конкурсному управляющему документы по договору купли-продажи акций.

13.02.2013 Банк, имея в наличии сведения об основаниях признания сделок по отчуждению акций недействительными, обратился к конкурсному управляющему с требованием об оспаривании этих сделок.

06.06.2013 Прохоренко А.М. отстранена от исполнения обязанностей конкурсного управляющего в связи с бездействием по оспариванию договора купли-продажи и соглашения об отступном от 25.10.2010 по основаниям, предусмотренным главой III.1 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее - Закон о банкротстве).

01.07.2013 конкурсный управляющий обществом «АГИС СТАЛЬ» Краснюк Н.А. предъявила в суд заявление к Волосовцу И.Л. и Компании о признании недействительными договора купли-продажи акций от 25.10.2010 и соглашения об отступном от 25.10.2010 и применении последствий недействительности сделок по реализации имущества общества «АГИС СТАЛЬ» в виде 51% акций общества «Муромэнергомаш». Сделка с Волосовцом И.Л. оспаривалась по статье 61.2 Закона о банкротстве, сделка с Компанией - по статьям 61.2 и 61.3 того же закона.

В ходе рассмотрения заявления Волосовец И.Л. и Компания заявили о пропуске сроков исковой давности по оспариванию сделок.

29.09.2014 определением Арбитражного суда города Москвы по делу N А40-137258/2010, оставленным без изменения апелляционным и окружным судами (постановления от 29.12.2014 и 03.04.2015), в удовлетворении заявления конкурсного управляющего отказано в связи с пропуском годичного срока исковой давности.

16.04.2015 определением Арбитражного суда города Москвы, оставленным без изменения апелляционным судом (постановление от 09.07.2015), процедура банкротства в отношении общества «АГИС СТАЛЬ» завершена.

В рамках настоящего дела Банк, основываясь на материалах дела о банкротстве общества «АГИС СТАЛЬ», потребовал взыскать с Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М. солидарно убытки в размере 64 990 450 руб., причиненные бездействием ответчиков, своевременно не оспоривших сделки по отчуждению должником акций общества «Муромэнергомаш», что сделало невозможным пополнение конкурсной массы должника и, как следствие, привело к нарушению имущественных прав Банка как конкурсного кредитора.

Банк указал, что по заключению оценщиков рыночная стоимость одной акции общества «Муромэнергомаш» на дату ее отчуждения составляла 9 468 000 руб., стоимость пятидесяти акций - 1 112 849 000 руб. Соглашение об отступном между обществом «АГИС СТАЛЬ» и Компанией совершено в отношении заложенного имущества. В отсутствие кредиторов первой и второй очереди требования Компании были бы погашены в размере 95 процентов от стоимости реализации акций. Следовательно, в конкурсную массу должника должно было поступить пять процентов от 1 112 849 000 руб. или 55 642 450 руб. Убытки, причиненные сделкой с Волосовцом И.Л., составили 9 348 000 руб. (разность между рыночной стоимостью одной акции по состоянию на дату совершения сделки и фактически оплаченной ценой акции по договору купли-продажи). Совокупный размер убытков от двух сделок составил цену иска.

Решением Арбитражного суда города Москвы от 30.06.2016 (судья Лежнева О.Ю.) требования Банка удовлетворены: с Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М. взыскано солидарно 64 990 450 руб.

Суд исходил из того, что по вине Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М., исполнявших обязанности конкурсного управляющего должником и располагавших достаточной информацией об отчуждении обществом «АГИС СТАЛЬ» в преддверии своего банкротства и будучи в неплатежеспособном состоянии ликвидного актива (акций общества «Муромэнергомаш») по многократно заниженной цене, ответчиками пропущена исковая давность по перспективному иску об оспаривании указанных сделок и в конкурсную массу не возвращено имущество должника.

В основу судебного решения положены факты, установленные судебными актами по делу N А40-137258/2010, а также содействие Банка конкурсному управляющему в отыскании документов, необходи-

мых для оспаривания сделок, и иные обстоятельства. Судом не установлены объективные препятствия для оспаривания сделок. Оценивая размер убытков, суд согласился с расчетом, предложенным Банком.

Суд руководствовался статьями 15, 196, 199, 200, 204 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), пунктами 4, 6 статьи 20.3, пунктом 2 статьи 126, пунктом 2 статьи 129, статьей 138 Закона о банкротстве, пунктом 32 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63 (далее - постановление N 63), пунктом 53 постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации N 35 от 22.06.2012, пунктом 11 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации N 150 от 22.05.2012.

Девятый арбитражный апелляционный суд постановлением от 14.11.2016, оставленным без изменения окружным судом, судебное решение отменил и отказал в удовлетворении иска, указав на отсутствие причинно-следственной связи между установленными действиями Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М. и фактом причинения убытков в заявленном Банком размере. Выводы апелляционного суда мотивированы ссылками на обстоятельства, установленные определениями Арбитражного суда города Москвы от 18.04.2012 и от 25.02.2014 по делу N А40-137258/2010.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, Банк указал на нарушение апелляционным и окружным судами норм права и просил постановления этих судов отменить, оставив в силе решение суда первой инстанции.

Доводы заявителя сводились к тому, что установлена вся совокупность обстоятельств, необходимых для применения статьи 15 ГК РФ. Убытки обусловлены бездействием ответчиков, не выполнивших своих обязанностей по оспариванию сделок при наличии к тому оснований. Обстоятельства, установленные судами в определениях от 18.04.2012 и от 25.02.2014 по делу N А40-137258/2010, не относятся к предмету данного дела и не имеют преюдициального значения. Размер убытков определен с разумной степенью достоверности.

В судебном заседании представители Банка поддержали доводы, изложенные в кассационной жалобе.

Богинская Л.Н., Прохоренко А.М., Ассоциация МСОПАУ, Ассоциация «Достояние» и страховая компания в отзывах и в судебном заседании просили судебные акты оставить без изменения, кассационную жалобу - без удовлетворения, сославшись на недоказанность в действиях ответчиков состава правонарушения.

Судебная коллегия пришла к следующим выводам. Из пунктов 2, 4 статьи 20.3, пункта 2 статьи 129 Закона о банкротстве следует, что конкурсный управляющий, действуя добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества, должен анализировать финансовое состояние должника и результаты его финансовой, хозяйственной и инвестиционной деятельности; принимать меры по защите имущества должника, а также по поиску, выявлению и возврату имущества должника, находящегося у третьих лиц.

Интересы кредиторов в целом сводятся к максимально полному удовлетворению должником их имущественных требований.

Для реализации этих интересов и возврата должнику его имущества конкурсный управляющий наделен помимо прочего правами по оспариванию по своей инициативе сделок должника (пункт 1 статьи 61.9 Закона о банкротстве).

Потенциальная осведомленность арбитражного управляющего об обстоятельствах заключения сделки устанавливается с учетом требований о стандартах поведения, предъявляемых к среднему профессиональному арбитражному управляющему, действующему разумно и проявляющему требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность в аналогичной ситуации.

Разумный управляющий, утвержденный при введении процедуры, оперативно запрашивает всю необходимую ему для осуществления своих полномочий информацию, в том числе такую, которая может свидетельствовать о совершении подозрительных сделок и сделок с предпочтением. В частности, разумный управляющий запрашивает у руководителя должника и предыдущих управляющих бухгалтерскую и иную документацию должника (пункт 2 статьи 126 Закона о банкротстве), запрашивает у соответствующих лиц сведения о совершенных в течение трех лет до возбуждения дела о банкротстве и позднее сделках по отчуждению имущества должника.

Затем управляющий оценивает реальную возможность фактического восстановления нарушенных прав должника и его кредиторов в случае удовлетворения судом заявлений об оспаривании сделок.

Под надлежащим предъявлением в арбитражный суд требования о признании недействительным договора понимается подача заявления с соблюдением правил о форме и содержании такого заявления, а также других положений процессуального закона и Закона о банкротстве (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.02.2012 N 15935/11).

Как профессиональный участник конкурсного производства арбитражный управляющий должен знать положения законодательства о последствиях пропуска срока исковой давности оспаривания сделок.

Действуя разумно и осмотрительно, конкурсный управляющий понимает, что другая сторона оспариваемой сделки может получить защиту против иска об оспаривании сделки путем применения исковой давности (пункт 2 статьи 199 ГК РФ), поэтому обращается в суд в пределах годичного срока исковой давности, предусмотренного для оспариваемых сделок.

Срок исковой давности по заявлению об оспаривании сделки должника исчисляется с момента, когда первоначально утвержденный внешний или конкурсный управляющий узнал или должен был узнать о наличии оснований для оспаривания сделки, предусмотренной статьями 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве.

Если исковая давность по требованию о признании сделки недействительной пропущена по вине арбитражного управляющего, то с него могут быть взысканы убытки, причиненные таким пропуском, в размере,

определяемом судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности (пункт 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве, пункт 32 постановления N 63).

Под убытками, причиненными кредиторам, понимается в том числе и утрата возможности увеличения конкурсной массы, которая произошла вследствие неправомерного бездействия конкурсного управляющего. Права конкурсных кредиторов считаются нарушенными всякий раз при причинении убытков (пункт 11 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 22.05.2012 N 150).

Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно (статья 1080 ГК РФ).

В силу гражданско-правового характера ответственности конкурсного управляющего убытки подлежат взысканию посредством доказывания истцом всех признаков состава правонарушения.

В споре о взыскании с Богинской Л.Н. и (или) Прохоренко А.М. убытков, ответчикам вменялось бездействие по своевременному оспариванию сделок, поэтому подлежали установлению следующие обстоятельства:

- дата и условия совершения сделок по отчуждению должником акций общества «Муромэнергомаш» (в том числе цена сделок);
- период исполнения Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М. обязанностей конкурсного управляющего должником;
- дата, когда первый конкурсный управляющий узнал или должен был узнать о сделках (начало течения срока исковой давности), а также дата, когда об этих сделках узнали или должны были узнать последующие конкурсные управляющие;
- наличие достаточных оснований полагать о недействительности (подозрительности или предпочтительности) сделок и дата, когда каждый из конкурсных управляющих должен был знать об указанных основаниях;
- наличие у конкурсного управляющего объективных препятствий для оспаривания сделок;
- вероятность признания сделок недействительными и возможные последствия, в том числе размер денежных средств, которые подлежали бы возвращению в конкурсную массу;
- размер убытков, причиненных конкретному кредитору.

Закон не позволяет суду отказать в удовлетворении требования кредитора о возмещении убытков, причиненных неисполнением обязательства, только на том основании, что размер убытков не может быть установлен с разумной степенью достоверности. В таком случае суд обязан определить размер подлежащих возмещению убытков с учетом всех обстоятельств дела исходя из принципов справедливости и соразмерности ответственности допущенному нарушению обязательства (пункт 5 статьи 393 ГК РФ).

Расчет убытков и обстоятельства, влияющие на определение их размера, в соответствии со статьями 9, 65, 66, 71, 168, 271 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ), устанавлива-

ются судом на основании доказательств, представленных лицами, участвующими в деле. При этом ответчик, оспаривающий сам факт причинения убытков, не лишен возможности также оспорить и их размер на тот случай, если суд не согласится с его первой позицией.

В связи с этим судебная коллегия не может согласиться с мотивами отказа в удовлетворении иска, изложенными в апелляционном и окружном постановлениях.

Для отказа в удовлетворении иска суды должны были установить отсутствие противоправности в действиях (бездействии) Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М., в то время как отсутствие причинно-следственной связи между действиями конкурсного управляющего и убытками в заявленном истцом размере обязывало суд самостоятельно определить их размер и удовлетворить иск исходя из этой суммы.

Кроме того, из содержания судебных актов, на которые сослался апелляционный суд (определения от 18.04.2012 и от 25.02.2014), не следует, что в них устанавливались обстоятельства, оправдывающие бездействие конкурсного управляющего по несвоевременно оспариванию сделок.

В то же время судебная коллегия не может согласиться и с решением суда первой инстанции по следующим основаниям.

Во-первых, судебной оценке подлежала деятельность Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М. с момента потенциальной или реальной осведомленности каждой из них о заключении спорных сделок до истечения годового срока исковой давности. Последующая деятельность конкурсного управляющего не имела значения для дела.

Однако, эти обстоятельства судом определено не установлены.

Указание в судебном решении на различные даты и события, определяющие момент осведомленности о сделках (передача бухгалтерской документации, запрос в депозитарий, ответы от Федеральной службы по финансовым рынкам, от общества «Муромэнерго-маш», от Волосовца И.Л.), влечет правовую неопределенность и нарушает права ответчиков на защиту своих интересов. К тому же из судебного решения не ясно, содержалась ли в бухгалтерской документации должника информация по спорным сделкам.

Для определения указанной даты ссылка на обстоятельства, установленные в судебных актах по делу N А40-137258/2010 по заявлению от 01.07.2013 об оспаривании сделок (определение от 29.09.2014, а также постановления от 29.12.2014 и от 03.04.2015) сама по себе недостаточна, так как Богинская Л.Н. и Прохоренко А.М. не участвовали в данном обособленном споре и возражали против этих обстоятельств. Кроме того, для вывода о пропуске срока исковой давности по заявлению от 01.07.2013 было достаточно установить, что конкурсный управляющий по крайней мере до 01.07.2012 мог знать о сделках и имел возможность их оспорить, что и было сделано судами. Однако, этот вывод не исключает и более ранней даты осведомленности конкурсного управляющего.

Для определения даты осведомленности суду следует установить, в связи с какими обстоятельствами

конкурсный управляющий имел (должен был иметь) основания для оспаривания сделок.

В условиях продажи должником имущества накануне или во время его банкротства разумный и осмотрительный конкурсный управляющий, основываясь на совокупности различных источников информации, проверяет обстоятельства сделок на их соответствие требованиям статей 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, в том числе сопоставляет цену отчужденного имущества с рыночной.

В данном случае Банк указывал на совокупность обстоятельств, объективно, по его мнению, порождающих сомнения у среднего разумного добросовестного лица в равноценности встречного исполнения, притом что посредством отчуждения акций фактически сняты претензии их покупателя к обществу «АГИС СТАЛЬ» на сумму, в десятки раз превышающую покупную цену акций. Довод Банка в данном вопросе относился к фактическим обстоятельствам дела и подлежал судебной проверке наряду с доводами ответчиков о том, что достаточным основанием для оценки акций был отчет N 127-10, выполненный обществом с ограниченной ответственностью «Бюро оценки Консалтум», а оценка, предложенная Банком, не учитывала значительных долгов общества «Муромэнерго-маш».

Во-вторых, для применения в отношении Богинской Л.Н. и Прохоренко А.М. статьи 1080 ГК РФ суду следовало установить, что действий каждой из них было достаточно для причинения убытков. Иными словами и Богинская Л.Н., и Прохоренко А.М. должны были иметь возможность своевременно оспорить каждую из сделок, однако, без объективных на то препятствий не сделали этого.

В то же время в зависимости от определения даты осведомленности о заключении спорных сделок не исключалась ситуация, когда к моменту назначения конкурсным управляющим Прохоренко А.М. с учетом разумного срока, необходимого ей для ознакомления с имевшейся документацией конкурсного производства, у нее могла отсутствовать реальная возможность своевременно оспорить сделки должника по отчуждению акций. При таких обстоятельствах в действиях Прохоренко А.М. не было бы признака противоправности и, как следствие, оснований для ее привлечения к ответственности.

Указанные обстоятельства остались у суда первой инстанции без внимания.

В-третьих, в соответствии с пунктом 2 статьи 15 ГК РФ возмещение убытков должно привести к восстановлению нарушенного права Банка. В случае надлежащего исполнения арбитражными управляющими своих обязанностей и пополнении конкурсной массы по правилам статьи 61.6 Закона о банкротстве Банк получил бы удовлетворение в порядке, предусмотренном статьями 134, 137, пунктом 3 статьи 142 Закона о банкротстве, то есть наряду с другими кредиторами соответствующей очереди пропорционально сумме его требований, включенных в реестр требований кредиторов.

Взыскав в пользу Банка убытки без учета его доли в общей сумме требований кредиторов третьей очереди, суд неправильно применил нормы права.

Доводы ответчиков о том, что ранее в судебном порядке не признавались их действия незаконными, несостоятельны. Из названных ответчиками судебных актов следует, что ранее суды не оценивали действия арбитражных управляющих применительно к соблюдению ими срока исковой давности по оспариванию сделок. В рамках данного дела суд не лишен возможности оценить эти обстоятельства.

Вопреки доводам ответчиков, отсутствие судебного акта о недействительности сделок не препятствует суду в данном деле оценить доводы Банка о судебной перспективе оспаривания сделок при соблюдении срока исковой давности. При этом суду достаточно вывода о высокой вероятности признания сделок недействительными.

Существенные нарушения норм права повлияли на исход дела. Без их устранения невозможны восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов в сфере предпринимательской деятельности как Банка, так и арбитражных управляющих, поэтому на основании пункта 1 статьи 291.11 АПК РФ судебные акты по существу рассматриваемого спора в данном деле подлежат отмене.

Ввиду того, что для принятия решения необходимы оценка доказательств и установление обстоятельств, указанных в настоящем определении, дело направляется на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы.

Руководствуясь статьями 291.11 - 291.14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, судебная коллегия

определила:

решение Арбитражного суда города Москвы от 30.06.2016, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.11.2016 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.03.2017 по делу N А40-154653/2015 отменить, направить дело на новое рассмотрение в Арбитражный суд города Москвы.

Определение вступает в законную силу со дня его вынесения.

Председательствующий судья
С.В. САМУЙЛОВ

Судья
Г.Г. КИРЕЙКОВА

Судья
И.В. РАЗУМОВ

Изменение процессуальной позиции может быть признано недобросовестным поведением.

При рассмотрении дела ответчик не возражал против удовлетворения требований истца. Однако решение суда первой инстанции он обжаловал, заявив об отсутствии оснований для удовлетворения требований и о пропуске срока исковой давности.

Апелляция приняла сторону ответчика, отменила решение и отказала в иске. Возвращая дело на новое рассмотрение, ВС РФ отметил помимо прочего, что апелляционному суду следовало разобраться, почему ответчик изменил позицию, соответствует ли такое поведение требованиям добросовестности.

Мнение гражданской коллегии ВС РФ основывается на принципе процессуального эстоппеля, который заключается в лишении стороны права на возражение, если она действовала недобросовестно. Он применяется, например, в вопросах подсудности: если сторона не ходатайствовала о подсудности в первой инстанции, то она не может ссылаться на это в апелляции.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 25 июля 2017 г. N 18-КГ17-68

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе председательствующего Горшкова В.В., судей Марьина А.Н. и Киселева А.П., рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Захарова В.П. и других к ЗАО «Лебяжье-Чепигинское» о применении последствий недействительности ничтожной сделки, по кассационной жалобе Захарова В.П., Захаровой И.В. на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 13 сентября 2016 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Киселева А.П., объяснения истца Захаровой И.В. и ее представителя Михайловой Е.Г., поддержавших доводы кассационной жалобы, представителя ЗАО «Лебяжье-Чепигинское» Клейменова А.В., возражавшего против удовлетворения кассационной жалобы, представителя Федеральной кадастровой палаты Науменко Н.Ю., полагавшего принять решение по усмотрению суда,

установила:

Захаров В.П., Захарова И.В. и другие обратились в суд с иском (с учетом уточнения требований) к ЗАО «Лебяжье-Чепигинское» о применении последствий недействительности ничтожной сделки по выделу земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения и восстановлении права общей долевой собственности на земельный участок с кадастровым номером <...>, расположенный по адресу: <...> край, <...> район, <...> с/п, в границах СПК колхоз «<...>».

В обоснование заявленных требований истцы указали, что вступившими в законную силу решениями суда удовлетворены иски о признании СПК колхоз «<...>» о признании незаконными выделов земельных участков с кадастровыми номерами <...>, <...> и <...> из исходного земельного участка с кадастровым номером

<...>, находившегося в общей долевой собственности истцов и других собственников. Указанными решениями применены последствия недействительности сделок по выделу земельных участков, однако стороны в первоначальное положение не приведены, описание границ и площадь исходного земельного участка не восстановлены, как и принадлежавшие истцам доли в праве собственности на исходный земельный участок.

Решением Тимашевского районного суда Краснодарского края от 19 апреля 2016 г. иски удовлетворены.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 13 сентября 2016 г. решение суда первой инстанции отменено, по делу постановлено новое решение, которое в удовлетворении иска отказано.

В кассационной жалобе Захарова В.П. и Захаровой И.В. поставлен вопрос об отмене указанного апелляционного определения, как вынесенного с нарушением требований закона.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2017 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что имеются предусмотренные законом основания для удовлетворения кассационной жалобы и отмены апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 13 сентября 2016 г.

В соответствии со статьей 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

При рассмотрении настоящего такие нарушения норм материального и процессуального права были допущены судом апелляционной инстанции.

Судом установлено и из материалов дела следует, что 25 апреля 2006 г. между СПК колхоз «<...>» как арендатором и участниками общей долевой собственности на земельный участок с кадастровым номером <...> как арендодателями заключен договор аренды земельного участка при множественности лиц на стороне арендодателей, зарегистрированный в установленном законом порядке 26 мая 2006 г. (л.д. 111 - 112).

26 мая 2008 г. сторонами названного договора аренды заключено дополнительное соглашение к этому договору, предусматривающее уточнение предмета аренды и зарегистрированное в установленном законом порядке 26 июня 2008 г.

На основании указанных договоров было установлено право аренды СПК колхоз «<...>» в отношении

земельного участка с кадастровым номером <...> площадью 5080,6 кв. м, расположенного в с/о Новоленинский, в границах СПК колхоз «<...>».

Впоследствии права арендатора этого земельного участка были переданы ЗАО «Лебяжье-Чепигинское» (л.д. 113 - 114).

Сособственниками земельного участка произведен выдел принадлежащих им земельных долей из этого земельного участка, в результате чего были образованы земельные участки с кадастровыми номерами <...>.

Вступившими в законную силу решением Тимашевского районного суда от 28 октября 2009 г., решением Тимашевского районного суда от 3 декабря 2009 г., решением Тимашевского районного суда от 7 декабря 2009 г. названные выделы земельных долей признаны недействительными, применены последствия недействительности ничтожных договоров аренды, заключенных в отношении образованных в результате этих выделов земельных участков (л.д. 17 - 66).

Удовлетворяя иски, суд первой инстанции исходил из того, что вступившими в законную силу судебными постановлениями, которыми признаны недействительными выделы земельных долей из принадлежавшего истцам и другим собственникам земельного участка, не восстановлено право общей долевой собственности истцов на исходный земельный участок с кадастровым номером <...>, а также прежние границы исходного земельного участка. В связи с этим суд первой инстанции, применив положения пункта 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации о последствиях недействительности сделки, возвратил стороны в первоначальное положение.

Отменяя решение суда первой инстанции и принимая по делу новое решение об отказе в удовлетворении исковых требований, суд апелляционной инстанции со ссылкой на положения статьи 304 Гражданского кодекса Российской Федерации о праве собственника требовать устранения всяких нарушений его прав, хотя бы и не связанных с лишением владения, указал, что истцами не представлено доказательств нарушения их прав действиями ЗАО «Лебяжье-Чепигинское». Суд указал, что ответчик не лишил истцов прав на земельные доли и не создает препятствий истцам в пользовании принадлежащим им земельным участком.

Суд апелляционной инстанции также указал, что долевыми сособственниками исходного земельного участка с кадастровым номером <...> помимо истцов являлись и иные лица, в связи с чем удовлетворение исковых требований может повлечь нарушение существующих земельных прав этих лиц и создать неопределенность в осуществлении землепользования.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что с апелляционным определением согласиться нельзя, поскольку оно основано на неправильном применении норм материального и процессуального права.

Согласно части 1 статьи 196 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при принятии решения суд оценивает доказательства, определяет, какие обстоятельства, имеющие значение для рассмотрения дела, установлены и какие обстоятельства не установлены, каковы правоотношения сторон,

какой закон должен быть применен по данному делу и подлежит ли иск удовлетворению.

По смыслу приведенной нормы процессуального права суду при рассмотрении дела следует вынести на обсуждение вопрос о юридической квалификации правоотношения и определить, какие нормы права подлежат применению при разрешении спора.

Пунктом 6 части 2 статьи 329 названного выше кодекса предусмотрено, что в апелляционном определении должны быть указаны мотивы, по которым суд пришел к своим выводам, и ссылка на законы, которыми суд руководствовался.

Следовательно, в случае несогласия суда апелляционной инстанции с юридической квалификацией правоотношений сторон, данной судом первой инстанции, в апелляционном определении должны быть указаны мотивы такого несогласия.

Разрешая спор, суд первой инстанции квалифицировал заявленные истцами требования о восстановлении права общей долевой собственности как требования о применении последствий недействительности сделок, применив к установленным обстоятельствам положения статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции квалифицировал заявленные истцами требования как негативные и применил к установленным обстоятельствам положения статьи 304 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Однако в нарушение приведенных выше норм процессуального права суд апелляционной инстанции не указал мотивы, по которым он не согласился с квалификацией заявленных требований как требований о применении последствий недействительности сделки и пришел к выводу о том, что по своей правовой природе эти требования являются негативными.

В соответствии со статьей 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации лицами, участвующими в деле, являются стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 названного кодекса, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства.

Возможность участия тех или иных лиц в процессе по конкретному делу определяется характером спорного правоотношения и наличием материально-правового интереса. Поэтому определение возможного круга лиц, которые должны участвовать в деле, начинается с анализа правоотношений и установления конкретных носителей прав и обязанностей. С учетом конкретных обстоятельств дела по делам, рассматриваемым в порядке искового производства, судья разрешает вопрос о составе лиц, участвующих в деле, то есть о сторонах и третьих лицах, а также об участниках, содействующих рассмотрению дела.

При таких обстоятельствах для правильного разрешения спора о правах истцов на исходный земельный участок с кадастровым номером <...> суду следовало установить круг лиц, владеющих земельными долями

в этом земельном участке, и определить их процессуально-правовой статус.

Однако суд апелляционной инстанции, формально сославшись на то, что удовлетворение исковых требований затрагивает права третьих лиц, не установил круг этих лиц и не определил их процессуально-правовой статус.

В силу статьи 248 Гражданского кодекса Российской Федерации плоды, продукция и доходы от использования имущества, находящегося в долевой собственности, поступают в состав общего имущества и распределяются между участниками долевой собственности соразмерно их долям, если иное не предусмотрено соглашением между ними.

Пунктом 1 статьи 614 названного кодекса предусмотрено, что арендатор обязан своевременно вносить плату за пользование имуществом (арендную плату). Порядок, условия и сроки внесения арендной платы определяются договором аренды. В случае, когда договором они не определены, считается, что установлены порядок, условия и сроки, обычно применяемые при аренде аналогичного имущества при сравнимых обстоятельствах.

Из приведенных правовых норм следует, что по общему правилу арендная плата за владение и пользование имуществом, находящимся в общей долевой собственности, подлежит распределению между долевыми собственниками пропорционально принадлежащим им долям.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что передача земельного участка в аренду ответчику без учета принадлежащих истцам земельных долей не нарушает их прав.

Однако в нарушение приведенных выше норм процессуального права суд не дал какую-либо оценку вопросу о том, нарушается ли такой передачей право истцов на получение части арендной платы.

В соответствии со статьей 1 Гражданского кодекса Российской Федерации при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно (пункт 3).

Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения (пункт 4).

Частью 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами.

Согласно разъяснению, содержащемуся в пункте 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела

выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались (статья 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Из приведенных правовых норм и акта их толкования следует, что в случае отклонения действий участвующих в деле лиц от добросовестного поведения суд обязан дать надлежащую правовую оценку таким действиям и при необходимости вынести этот вопрос на обсуждение сторон.

При рассмотрении настоящего дела судом первой инстанции ответчик против удовлетворения заявленных требований не возражал.

Однако после принятия решения судом первой инстанции ответчиком была подана апелляционная жалоба на это решение, содержащая доводы об отсутствии оснований для удовлетворения исковых требований и о пропуске срока исковой давности.

При таких обстоятельствах суду апелляционной инстанции следовало дать оценку вопросу о соответствии изменения ответчиком своей процессуальной позиции требованиям добросовестности, предприняв меры к выяснению оснований для такого изменения.

Однако это судом апелляционной инстанции сделано не было.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит допущенные нарушения норм права существенными, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможно восстановление и защита нарушенных прав и законных интересов Захарова В.П. и Захаровой И.В.

Поскольку повторное рассмотрение дела в суде апелляционной инстанции предполагает проверку и оценку фактических обстоятельств дела и их юридическую квалификацию в пределах доводов апелляционных жалобы, представления и в рамках тех требований, которые уже были предметом рассмотрения в суде первой инстанции (пункт 21 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2012 г. N 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции»), а также учитывая необходимость соблюдения разумных сроков судопроизводства (статья 6.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации), дело подлежит направлению на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и разрешить спор в соответствии с требованиями закона.

Руководствуясь статьями 387, 388, 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 13 сентября 2016 г. отменить, направить дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Неполный комплект документов для выплаты по ОСАГО не лишает права на страховое возмещение.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

от 31 октября 2017 г. N 18-КГ17-188

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего Асташова С.В.,
судей Романовского С.В. и Киселева А.П.

рассмотрела в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Глуценко Николая Васильевича к САО «ВСК» о взыскании суммы страхового возмещения, штрафа и компенсации морального вреда,

по кассационной жалобе представителя Глуценко Н.В. - Ветвицкого Р.В. на апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 20 декабря 2016 г.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Киселева А.П., выслушав объяснения представителя САО «ВСК» - Ермашова О.А., возражавшего против удовлетворения кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Глуценко Николай Васильевич обратился в суд с иском к САО «ВСК» о взыскании суммы страхового возмещения в размере 65 149,53 руб., 10 000 руб. в счет компенсации морального вреда и штрафа в размере 50% от присужденной суммы за неудовлетворение в добровольном порядке требования потребителя.

В обоснование иска Глуценко Н.В. сослался на то, что 12 августа 2015 г. по вине водителя Мальцева И.Ю., автогражданская ответственность которого застрахована в САО «ВСК», произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого был поврежден принадлежащий истцу на праве собственности автомобиль «Mazda». В добровольном порядке страховое возмещение не выплачено.

Решением Первомайского районного суда г. Краснодара от 23 августа 2016 г. иск удовлетворен частично. Суд взыскал с ответчика в пользу истца страховое возмещение в сумме 53 424,07 руб., 1 000 руб. в счет компенсации морального вреда и штраф в размере 15 000 руб.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 20 декабря 2016 г. решение суда первой инстанции отменено, по делу вынесено новое решение об отказе в удовлетворении иска.

В кассационной жалобе представителя Глуценко Н.В. - Ветвицкого Р.В. ставится вопрос об отмене апелляционного определения судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 20 декабря 2016 г., как незаконного.

Определением судьи Верховного Суда Российской Федерации Киселева А.П. от 28 сентября 2017 г. кассационная жалоба с делом переданы для рассмотрения

в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, возражения на кассационную жалобу, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению.

Согласно статье 387 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального или процессуального права, повлиявшие на исход дела, без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Такие нарушения были допущены судом апелляционной инстанции при рассмотрении данного дела.

Как установлено судом, 12 августа 2015 г. по вине водителя автомобиля марки Hyundai Мальцева И.Ю. произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобилю Mazda, принадлежащему Глуценко Н.В., причинены механические повреждения.

Риск наступления гражданской ответственности Мальцева И.Ю. застрахован по договору ОСАГО от 5 ноября 2014 г. в САО «ВСК».

17 сентября 2015 г. Глуценко Н.В. направил в САО «ВСК» заявление о страховой выплате с приложением заключения об оценке размера ущерба и документов об оплате расходов по проведению оценки.

САО «ВСК» направило Глуценко Н.В. ответ о том, что страховая выплата не может быть произведена, поскольку истцом не представлен полный комплект документов, перечень которых утвержден Положением о правилах обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств (пункт 3.2).

20 июля 2016 г. Глуценко Н.В. направил ответчику претензию, а 21 июля 2016 г. обратился в суд.

В процессе рассмотрения дела судом первой инстанции была назначена судебная экспертиза, согласно заключению которой размер ущерба составил 53 424,07 руб.

Разрешая спор и удовлетворяя иск частично, суд первой инстанции исходил из того, что по вине водителя, гражданская ответственность которого застрахована у ответчика, произошло дорожно-транспортное происшествие, в результате которого автомобилю истца причинены механические повреждения. В связи с наступлением страхового случая Глуценко Н.В. своевременно обратился в САО «ВСК» с соответствующим заявлением. Выплата страхового возмещения ответчиком неправомерно не произведена. Размер причиненного ущерба определен судом на основании заключения судебной автотехнической экспертизы.

Рассматривая дело в апелляционном порядке, судебная коллегия по гражданским делам Краснодарского краевого суда факт наступления страхового случая под сомнение не поставила, равно как и установленный экспертом размер ущерба.

Отменяя решение суда и отказывая в иске, судебная коллегия указала, что в ответ на поданную Глуценко Н.В. претензию о выплате страхового возмещения ответчик уведомил его о необходимости представить в страховую компанию полный пакет документов, необходимых для признания случая страховым и выплаты страхового возмещения.

Поскольку истец представил страховщику не все необходимые документы, суд апелляционной инстанции, сославшись на разъяснения, содержащиеся в пункте 52 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», указал, что со стороны истца имеет место злоупотребление правом и отказал в удовлетворении исковых требований о взыскании со страховщика страхового возмещения, штрафа и компенсации морального вреда.

С выводами суда апелляционной инстанции согласиться нельзя по следующим основаниям.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в пункте 52 постановления от 29 января 2015 г. № 2 «О применении судами законодательства об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» разъяснил, что если одна из сторон для получения преимуществ при реализации прав и обязанностей, возникающих из договора обязательного страхования, действует недобросовестно, в удовлетворении исковых требований этой стороны может быть отказано в той части, в какой их удовлетворение создавало бы для нее такие преимущества (пункт 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации). При установлении факта злоупотребления потерпевшим правом суд отказывает в удовлетворении исковых требований о взыскании со страховщика неустойки, финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда (статьи 1 и 10 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Кроме того, в пункте 43 названного постановления разъяснено, что если потерпевшим представлены документы, которые не содержат сведения, необходимые для выплаты страхового возмещения, в том числе по запросу страховщика, то страховая организация освобождается от уплаты неустойки, финансовой санкции, штрафа и компенсации морального вреда (пункт 3 статьи 405 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Из приведенных разъяснений Пленума следует, что непредставление потерпевшим необходимых документов освобождает страховщика от ответственности за невыплату страхового возмещения, однако само по себе не может являться основанием для лишения потерпевшего права на страховое возмещение при установлении факта страхового случая и размера причиненного ущерба.

Вопреки указанным разъяснениям, суд апелляционной инстанции, сославшись только лишь на неполное представление истцом документов страховщику, отказал ему не только во взыскании неустойки, штрафа и компенсации морального вреда, но и в праве на страховое возмещение, несмотря на то, что факт наступления страхового случая установлен судом и не

Решение Верховного суда РФ от 10 ноября 2017 г. N АКПИ17-867

оспорен ответчиком, а стоимость восстановительного ремонта автомобиля истца определена на основании судебной автотехнической экспертизы.

Учитывая изложенное, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит, что судом апелляционной инстанции допущены существенные нарушения норм материального права, вследствие чего апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 20 декабря 2016 г. подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Руководствуясь статьями 387, 388, 390 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда от 20 декабря 2016 г. отменить, дело направить на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции.

Верховный Суд РФ разрешил адвокатам (защитникам) при свиданиях с осужденным использовать технические средства связи.

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Именем Российской Федерации

РЕШЕНИЕ

от 10 ноября 2017 г. N АКПИ17-867

Верховный Суд Российской Федерации в составе: судьи Верховного Суда Российской Федерации Романенкова Н.С.,

при секретаре Т.,

рассмотрев в открытом судебном заседании дело по административному исковому заявлению Ш. о признании частично недействующими пункта 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. N 295, пункта 17 приложения N 1 к данным Правилам,

установил:

согласно пункту 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (далее - Правила) лица, прибывшие на свидание с осужденными, после разъяснения им администрацией исправительного учреждения (далее - ИУ) порядка проведения свидания сдают запрещенные к использованию в ИУ вещи, деньги и ценности на хранение до окончания свидания младшему инспектору по проведению свиданий под роспись в специальном журнале. После чего одежда и вещи граждан, прибывших на свидание, подлежат досмотру. В случае обнаружения запрещенных вещей администрация ИУ принимает меры в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации и названных Правил.

В силу пункта 17 приложения N 1 к Правилам осужденным запрещается изготавливать, иметь при себе, получать в посылках, передачах, бандеролях либо приобретать фотоаппараты, фотоматериалы, химикаты, кинокамеры, видео-, аудиотехнику (кроме телевизионных приемников, радиоприемников общего пользования), телевизионные приемники с выходом в информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и с встроенными медиаплеерами, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу.

Гражданин Ш., имеющий статус адвоката, обратился в Верховный Суд Российской Федерации с административным исковым заявлением о признании недействующими пункта 77 Правил, пункта 17 приложения N 1 к Правилам в части, допускающей распространение положений этих пунктов на пронос и использование адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным мобильных средств связи, фотоаппаратов, видео- и аудиотехники, ссылаясь на то, что оспариваемые положения нормативного правового акта не соответствуют статье 48 Конституции Российской Федерации, подпункту «б» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах

(принят 16 декабря 1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН), подпунктам «b», «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), части 1 статьи 16, пункту 11 части 1 статьи 53, статье 84, пункту 1 части 3 статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, подпунктам 1, 3 пункта 3 статьи 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ограничивают право адвоката (защитника) на оказание квалифицированной юридической помощи осужденному.

В суде административный истец Ш. и его представитель адвокат А. поддержали заявленные требования, уточнив перечень предметов, необходимых адвокату, которые запрещены к проносу.

Представители Министерства юстиции Российской Федерации Х., Д., О., Генеральной прокуратуры Российской Федерации М. возражали против удовлетворения заявленных требований и пояснили суду, что оспариваемые положения нормативного правового акта соответствуют действующему законодательству и не нарушают прав административного истца, поскольку адвокат имеет право на пронос средств мобильной связи для использования в личных целях.

Выслушав объяснения административного истца Ш., его представителя адвоката А., представителей Минюста России Х., Д., О., Генеральной прокуратуры Российской Федерации М., исследовав материалы дела, заслушав судебные прения, Верховный Суд Российской Федерации находит, что заявленные требования подлежат удовлетворению.

В соответствии с частью 1 статьи 82 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее - УИК РФ) режим в исправительных учреждениях - установленный законом и соответствующими закону нормативными правовыми актами порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, назначенного судом, изменение условий отбывания наказания.

Согласно части 3 данной статьи 82 в исправительных учреждениях действуют Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утверждаемые Министерством юстиции Российской Федерации по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. N 295 утверждены Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений. Приказ согласован с Генеральной прокуратурой Российской Федерации, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации 26 декабря 2016 г., регистрационный номер 44930.

Нормативный правовой акт размещен на «Официальном интернет-портале правовой информации»

(<http://www.pravo.gov.ru>) 27 декабря 2016 г., действует в редакции приказа Минюста России от 6 июля 2017 г. N 127.

Правила регламентируют и конкретизируют соответствующие вопросы деятельности исправительных учреждений, в том числе порядок предоставления осужденным свиданий (глава XIV).

Как следует из содержания статьи 89 УИК РФ законодатель, предусматривая предоставление свиданий осужденным к лишению свободы, различает, с одной стороны, свидания, которые предоставляются им в целях сохранения социально полезных связей с родственниками или иными лицами, и с другой - свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа, устанавливая различные условия и порядок реализации данного права в зависимости от вида свидания.

Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 25 октября 2001 г. N 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева», анализируя правовой режим свиданий с адвокатом, признал не соответствующим Конституции Российской Федерации, ее статьям 48 (часть 2) и 55 (часть 3), положение пункта 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», допускающее регулирование конституционного права на помощь адвоката (защитника) ведомственными нормативными актами.

Из представленных административным истцом письменных документов следует, что при посещении в исправительных учреждениях осужденных адвокату Ш. предъявлялись требования о сдаче на хранение мобильных средств связи без учета правовых позиций, изложенных в решениях Верховного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2009 г. по делу N ГКПИ09-13 и от 7 февраля 2012 г. по делу N ГКПИ11-2095, поскольку они касались ранее действовавших Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений (л.д. 28, 29).

Пункт 77 Правил предписывает лицам, прибывшим на свидание с осужденными, сдать запрещенные к использованию в ИУ вещи, деньги и ценности на хранение. К таким предметам пункт 17 приложения N 1 к Правилам, в частности, относит: фотоаппараты, видео-, аудиотехнику, электронные носители и накопители информации, средства мобильной связи и коммуникации либо комплектующие к ним, обеспечивающие их работу.

Правила обязательны для персонала исправительных учреждений, содержащихся в них осужденных, а также иных лиц, посещающих эти учреждения и не делают исключений относительно свиданий осужденных с адвокатами.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, неопределенность содержа-

ния правовой нормы препятствует ее единообразному пониманию, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, а нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей законодательству (постановления от 6 апреля 2004 г. N 7-П, от 20 декабря 2011 г. N 29-П и др.).

Согласно части 1 статьи 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» защитнику запрещается проносить на территорию места содержания под стражей технические средства связи, а также технические средства (устройства), позволяющие осуществлять кино съемку, аудио- и видеозапись. Данные ограничения обусловлены режимом содержания под стражей, обеспечивающим безопасность следственного изолятора, соблюдение прав подозреваемых и обвиняемых, исполнение ими своих обязанностей, их изоляцию, а также выполнение задач, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, включая предотвращение преступлений.

Для получения юридической помощи осужденными Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации предусматривает предоставление свидания с адвокатами или иными лицами, имеющими право на оказание юридической помощи, без ограничения их числа продолжительностью до четырех часов (часть 4 статьи 89) и не устанавливает запретов проносить на территорию исправительного учреждения технические средства связи.

Доводы представителей Минюста России о неправомерном правоприменении оспариваемых положений нормативного правового акта в отношении адвокатов не могут служить основанием для отказа в удовлетворении заявленных требований.

В силу пункта 1 части 2 статьи 215 КАС РФ по результатам рассмотрения административного дела об оспаривании нормативного правового акта судом принимается решение об удовлетворении заявленных требований полностью или в части, если оспариваемый нормативный правовой акт полностью или в части признается не соответствующим иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и не действующим полностью или в части со дня принятия или с иной определенной судом даты.

Статья 216 КАС РФ предусматривает последствия признания нормативного правового акта не действующим полностью или в части. Поскольку вопросы, связанные с оказанием юридической помощи, регулируются федеральным законодателем, то отсутствуют основания для применения положений части 4 данной статьи.

На основании изложенного и руководствуясь статьями 175, 176, 180, 215 КАС РФ, Верховный Суд Российской Федерации

решил:

административное исковое заявление Ш. удовлетворить:

признать недействующими со дня вступления в законную силу решения суда пункт 77 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 16 декабря 2016 г. N 295, пункт 17 приложения N 1 к данным Правилам в части, допускающей распространение положений этих пунктов на пронос и использование адвокатом (защитником) при свиданиях с осужденным фотоаппаратов, видео-, аудиотехники, электронных носителей и накопителей информации, средств мобильной связи и коммуникации либо комплектующих к ним, обеспечивающих их работу.

Решение может быть обжаловано в Апелляционную коллегию Верховного Суда Российской Федерации в течение одного месяца со дня принятия решения суда в окончательной форме.

Судья Верховного Суда
Российской Федерации
Н.С. РОМАНЕНКОВ

Минфин напомнил, как вернуть госпошлину, если суд не принял иск

Если определение суда об отказе в принятии или возвращении иска принято по АПК РФ и КАС РФ, то о возврате госпошлины должно быть указано в самом акте. К заявлению нужно приложить решение, определение или справку суда с основаниями возврата. Если заявитель хочет получить всю сумму, то потребуются оригиналы платежек, при частичном возврате достаточно их копий.

Что касается ГПК РФ, то он не регулирует этот вопрос. Минфин считает, что госпошлину должны вернуть независимо от того, сказал ли суд об этом в определении. К заявлению надо приложить справку суда, в которой указаны основания для возврата.

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ФЕДЕРАЛЬНАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА****ПИСЬМО**

от 23 октября 2017 г. N ГД-4-8/21383

О НАПРАВЛЕНИИ ДЛЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В РАБОТЕ

КонсультантПлюс: примечание.

В официальном тексте документа, видимо, допущена опечатка: имеется в виду подпункт 2 пункта 1 статьи 333.40, а не подпункт 23 пункта 1 статьи 333.40.

Федеральная налоговая служба направляет для сведения и использования в работе разъяснения Министерства финансов Российской Федерации от 04.10.2017 N 03-05-04-03/64446 по вопросу возврата уплаченной государственной пошлины в соответствии с подпунктом 23 пункта 1 статьи 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации.

Довести указанное письмо до нижестоящих налоговых органов.

Действительный
государственный советник
Российской Федерации
2 класса
Д.Ю. ГРИГОРЕНКО

МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**ПИСЬМО**

от 4 октября 2017 г. N 03-05-04-03/64446

В связи с письмом по вопросу возврата излишне уплаченной государственной пошлины по делам, рассматриваемым судами, Департамент налоговой и таможенной политики сообщает следующее.

В соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 333.40 Налогового кодекса Российской Федерации (далее - Кодекс) уплаченная государственная пошлина подлежит возврату частично или полностью в случае возвращения заявления, жалобы или иного обращения или отказа в их принятии судами либо отказа в совершении нотариальных действий уполномоченными на то органами и (или) должностными лицами.

Согласно части 3 статьи 127.1 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) об отказе в принятии искового заявления, судья выносит определение, в котором указывает обстоятельства, послужившие основанием для отказа в принятии искового заявления, заявления, и решает вопрос о возврате государственной пошлины лицу, предъявившему исковое заявление, заявление, если государственная пошлина была уплачена.

На основании части 2 статьи 129 АПК РФ о возвращении искового заявления арбитражный суд выносит определение. В определении указываются основания для возвращения заявления, решается вопрос о возврате государственной пошлины из федерального бюджета.

В соответствии с частью 2 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее - КАС РФ) об отказе в принятии к рассмотрению административного искового заявления к производству суда судья выносит мотивированное определение, в котором указывает обстоятельства, послужившие основанием для отказа в принятии административного искового заявления, и решает вопрос о возврате государственной пошлины лицу, предъявившему административное исковое заявление, если государственная пошлина была уплачена.

Согласно части 2 статьи 129 КАС РФ о возвращении судом административного искового заявления судья выносит мотивированное определение, в котором указывает обстоятельства, послужившие основанием для возвращения административного искового заявления, и способ устранения обстоятельств, препятствующих возбуждению административного дела, а также решает вопрос о возврате административному истцу государственной пошлины.

В силу абзаца шестого пункта 3 статьи 333.40 Кодекса к заявлению о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, арбитражными судами, Верховным Судом Российской Федерации, Конституционным Судом Российской Федерации и конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, мировыми судьями, прилагаются решения, определения или справки

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

судов об обстоятельствах, являющихся основанием для полного или частичного возврата излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины, а также подлинные платежные документы в случае, если государственная пошлина подлежит возврату в полном размере, а в случае, если она подлежит возврату частично, - копии указанных платежных документов.

Учитывая изложенное, возврат государственной пошлины в соответствии с подпунктом 2 пункта 1 статьи 333.40 Кодекса должен осуществляться на основании определения суда об отказе в принятии, либо о возвращении искового заявления в том случае, если в самом определении есть соответствующее указание и решение принято судом на основании положений АПК РФ и КАС РФ.

При этом статьи 134 и 135 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК

РФ), регулирующие отказ в принятии искового заявления и возвращение искового заявления, не содержат специального регулирования вопроса возврата государственной пошлины.

Следовательно, при возвращении или отказе в принятии искового заявления в соответствии с ГПК РФ государственная пошлина подлежит возврату независимо от наличия указания об этом в определении суда.

При этом полагаем, что в указанном случае к заявлению о возврате излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины должна прилагаться справка суда об обстоятельствах, являющихся основанием для полного или частичного возврата излишне уплаченной (взысканной) суммы государственной пошлины.

Директор Департамента
А.В. САЗАНОВ

УТВЕРЖДЕНА
распоряжением Правительства
Российской Федерации
от «___» _____ 2017 г.
№ _____

К О Н Ц Е П Ц И Я регулирования рынка профессиональной юридической помощи

I. Общие положения

В соответствии с государственной программой Российской Федерации «Юстиция», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 312 (далее – государственная программа) (Собрание законодательства Российской Федерации, 2014, № 18 (ч. III), ст. 2158), приоритетами и целями государственной политики в сфере юстиции в Российской Федерации являются соблюдение прав и основных свобод человека, повышение уровня защиты прав и законных интересов граждан и организаций, улучшение качества исполнения судебных решений, актов иных органов и приговоров. Целью государственной программы является развитие в обществе правовой модели поведения граждан, преодоление правового нигилизма, поддержание устойчивого уважения к закону.

Подпрограммой 1 «Обеспечение защиты публичных интересов, реализация прав граждан и организаций» (далее – подпрограмма 1) государственной программы предусмотрено решение следующих задач: упорядочение системы оказания квалифицированной юридической помощи, в том числе оказываемой бесплатно, и регулирование рынка оказания квалифицированной юридической помощи (далее – рынок); обеспечение оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами, в том числе бесплатно.

В числе мер правового регулирования, необходимых для достижения целей подпрограммы 1, определено совершенствование нормативной правовой базы, в том числе путем принятия федерального закона,

направленного на регулирование профессиональной юридической помощи в Российской Федерации, которым будут внесены необходимые изменения в Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре). Также потребуется внесение изменений в процессуальное законодательство, законодательство о государственных и муниципальных закупках и ряд других законодательных актов.

При подготовке Концепции проанализировано актуальное состояние национального рынка юридических услуг; изучен зарубежный опыт правового регулирования данной сферы в различных юрисдикциях; идентифицированы проблемы, возникающие в связи с предоставлением юридических услуг (как у потребителей, так и у консультантов); проведен ретроспективный анализ законодательства, регулирующего данную сферу деятельности; определен комплекс мер по реформированию рынка в целях преодоления его негативных характеристик для повышения качества предоставления квалифицированной юридической помощи и надлежащего обеспечения конституционного права граждан на получение такой помощи.

Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на приоритетные цели, задачи и направления деятельности по реформированию национального рынка юридических услуг.

При подготовке Концепции в Министерстве юстиции Российской Федерации проведен ряд встреч с представителями профессионального юридического сообщества: российскими юридическими компани-

ями, филиалами, представительствами и дочерними компаниями международных юридических фирм, профильными средствами массовой информации, Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации. Замечания, предложения и комментарии, высказанные в ходе встреч, в целом учтены при разработке Концепции. При ее подготовке принят во внимание зарубежный опыт в сфере регулирования предоставления юридических услуг.

Принятие Концепции обусловлено необходимостью повышения уровня защиты прав и законных интересов граждан и организаций и разрешения проблем, препятствующих эффективной реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к правосудию.

II. Современное состояние рынка профессиональной юридической помощи в Российской Федерации

2.1. Основные характеристики

Право на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе бесплатной юридической помощи в случаях, предусмотренных законом, гарантировано статьей 48 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем в силу ряда причин реализация этого права на сегодняшний день затруднена. В первую очередь это выражается в получении потребителями юридических услуг низкого качества.

До конца 1980-х годов система организации адвокатуры предусматривала наличие одной коллегии адвокатов в каждом регионе. Затем дополнительно начали создаваться и другие коллегии адвокатов, которые также имели право присваивать лицам, имеющим высшее юридическое образование, статус адвоката. Наряду с этим юридические услуги стали оказывать лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, что привело к формированию группы самостоятельных консультантов, не обладающих адвокатским статусом. Постепенно из последней группы консультантов возникли юридические фирмы. Одновременно на российском рынке юридических услуг появились филиалы и представительства зарубежных юридических фирм. Таким образом, сфера профессиональной юридической помощи на протяжении более чем 20 лет развивалась стихийно в условиях минимального регулирования. Подобное развитие рынка юридических услуг привело к тому, что преимуществами свободного регулирования воспользовались как юристы, опережавшие его развитие, чутко реагирующие на возрастающие потребности в юридической помощи субъектов интенсивно развивающихся экономических отношений, так и те, кого привлекала в нерегулируемом правовом поле возможность избежать какого бы то ни было профессионального и этического контроля.

Согласно статистическим данным объем российского рынка правовых услуг является более чем значительным. По данным Федеральной службы государственной статистики объем платных услуг населению по разделу «услуги правового характера» в 2014 году составил 88 миллиардов 641 миллион рублей, в 2015 –

96 миллиардов 497 миллиона рублей, в 2016 – 96 миллиардов 49 миллионов рублей. При этом объем предложения юридических услуг постоянно растет, в том числе за счет увеличения числа его участников со стороны предложения. Так, по данным, предоставленным Министерством образования и науки Российской Федерации, в 2014 году на бакалаврских программах по направлению «юриспруденция» обучалось 470043 студентов, по программе магистратуры – 26410 студентов; по программе специалитета – 98739 студентов; в 2015 году на бакалаврских программах – 466752 студентов, по программе магистратуры – 41968 студентов; по программе специалитета – 32234 студентов; в 2016 году на бакалаврских программах – 403347 студентов, по программе магистратуры – 59863 студентов; по программе специалитета – 1355 студентов.

По данным Федеральной налоговой службы Российской Федерации по состоянию на конец 2016 года в Едином государственном реестре юридических лиц содержатся сведения о 55376 не прекративших деятельность юридических лица, указавших в качестве основного вида деятельности деятельность в области права (коды 69.1 и 69.10 «Деятельность в области права» по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности ОК 029-2014 (КДСЕ ред.2)). В едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей числится 27206 не прекративших деятельность индивидуальных предпринимателей, указавших в качестве основного вида деятельности деятельность в области права.

По данным Федеральной государственной информационной системы «Учет адвокатов Российской Федерации и адвокатов иностранных государств, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации», эксплуатацию которой осуществляет Министерство юстиции Российской Федерации, по состоянию на 18.10.2017 в реестре адвокатов субъектов Российской Федерации содержатся сведения о 73127 адвокатах с действующим статусом. При этом по информации Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации в 2016 году в России действовало 2960 коллегий адвокатов, 824 адвокатских бюро, 21823 адвокатских кабинета (не являются юридическими лицами), 199 юридических консультаций.

На основании существующих официальных статистических данных и показателей сделать достоверный вывод о количестве практикующих юристов, предоставляющих юридические услуги неограниченному числу лиц в нерегулируемом сегменте рынка, не представляется возможным. Имеющиеся немногочисленные исследования по данному вопросу содержат значительные ограничения и также не претендуют на достоверность. Так, в аналитическом обзоре Европейского университета в Санкт-Петербурге «Рынок юридических услуг в России: что говорит статистика», проведенном в 2016 году, при всей полноте исследования отмечены следующие ограничения, подтверждающие вывод о низком уровне транспарентности рынка: «Собранные данные имеют несколько существенных ограничений. Во-первых, они позволяют говорить только о количестве юридических организаций, но не о количестве юристов. В статистику юридических лиц не

попадают in-house юристы, то есть юрисконсульты, работающие в организациях и на предприятиях (как государственных, так и частных). Кроме того, данные по количеству сотрудников, работающих в юридических организациях, нельзя считать полностью надежными, так как неизвестно, какую долю из них составляет административный персонал, а также сколько юристов работают по договору оказания услуг (то есть, не числятся в штате). Во-вторых, организация, вставшая на учёт под первичным кодом экономической деятельности 69.10, со временем может переключиться на другой вид услуг, и в базе это не отразится¹.

Фрагментация рынка профессиональной юридической помощи в Российской Федерации предопределена историческими особенностями его формирования. Разнообразие организационных форм юридического консультирования связано с тем, что правом предоставления юридических услуг обладает неограниченный круг лиц, к одной части которых применяется ряд специальных требований, а другие находятся в условиях минимального правового регулирования.

2.2. Проблемы рынка профессиональной юридической помощи и недостатки правового регулирования адвокатской деятельности

Сектор юридических услуг в России представлен двумя основными группами участников, разделенных по регуляторному критерию:

- адвокаты, оказывающие квалифицированную юридическую помощь в порядке, предусмотренном Законом об адвокатуре;

- иные участники рынка, не обладающие адвокатским статусом и предоставляющие юридические услуги неограниченному кругу лиц, в частности:

- юридические лица в форме коммерческих организаций (как правило, общества с ограниченной ответственностью) и индивидуальные предприниматели без образования юридического лица, основными и дополнительными видами деятельности которых является оказание юридических услуг;

- филиалы и представительства международных юридических фирм;

- юристы, оказывающие правовые услуги в составе некоммерческих организаций и общественных объединений;

- иные лица, основным или дополнительным видом деятельности которых является предоставление юридических услуг.

В качестве отдельной категории следует выделить корпоративных юристов, то есть лиц, осуществляющих профессиональную юридическую деятельность по трудовому договору в составе юридических подразделений (или других структурных подразделений) компаний, а также патентных поверенных, нотариусов, аудиторов, государственных служащих.

Важно отметить, что только адвокатская деятельность имеет установленные Законом об адвокатуре и Кодексом профессиональной этики адвоката, при-

нятым Первым Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 (далее – Кодекс), требования к ее осуществлению. Правила допуска к предоставлению юридических услуг и квалификационные требования для второй группы участников не установлены.

В отчете миссии Международной комиссии юристов за 2015 год отмечено: «Тот факт, что большинство юристов в России действуют за рамками какой-либо системы самоуправления (будь то адвокатура или иная независимая параллельная структура), означает, что российская правовая система во многом полагается на лиц, которые не подчиняются требованиям кодекса этики и дисциплинарной системы. Следовательно, многие люди, которые обращаются к ним, чтобы получить доступ к правосудию, в том числе добиться исправления нарушенных прав человека, не смогут привлечь своих юридических представителей к ответственности, если обнаружат, что они проявляют некомпетентность, халатность или коррумпированность при ведении их дела»².

За 2015 и 2016 годы только центральным аппаратом Министерства юстиции Российской Федерации в порядке, предусмотренном Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», было рассмотрено более 1000 жалоб и заявлений граждан, связанных с предоставлением юридических услуг ненадлежащего качества лицами, не обладающими статусом адвоката. Статистика демонстрирует, что значительное число таких граждан являются малоимущими, пенсионерами, инвалидами, относятся к иным социально незащищенным категориям граждан. Известны случаи, когда для оплаты услуг юристов такие граждане вынуждены были обращаться в кредитные учреждения.

Большинство жалоб содержит информацию о получении юристами денежного вознаграждения с последующим недобросовестным исполнением (или неисполнением) принятых на себя обязательств и отказом возвращать денежные средства.

Анализ обращений показывает, что в ряде случаев при отсутствии оснований для перенаправления таких обращений в правоохранительные органы, единственным доступным способом защиты гражданами своих прав является подача гражданского иска в суд в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. Вместе с тем временный характер осуществления деятельности конкретных юридических лиц, от имени которых оказываются услуги, в совокупности с отсутствием у них какого-либо имущества и иных активов, а также обязательного страхования ответственности перед клиентами сводят к минимуму возможность граждан компенсировать понесенные ими потери.

Отсутствие нормативного регулирования деятельности по оказанию юридических услуг и каких-либо стандартов их предоставления ставят их потребителей в заведомо незащищенное положение в сравнении с потребителями других видов услуг. Так, статьей 39.1

¹ http://enforce.spb.ru/images/lawfirms_report_e_version.pdf

² <https://www.icj.org/wp-content/uploads/2016/10/Russia-Towards-A-Stronger-Legal-Prof-Publication-2015-RUS-.pdf>

Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) установлено, что правила оказания отдельных видов услуг, выполнения отдельных видов работ потребителям устанавливаются Правительством Российской Федерации. В развитие данного положения Правительством Российской Федерации утверждены правила оказания более чем 15 видов услуг: Правила бытового обслуживания населения в Российской Федерации (от 15.08.1997 № 1025), Правила оказания услуг общественного питания (от 15.08.1997 № 1036), Правила предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг (от 04.10.2012 № 1006), Правила оказания платных образовательных услуг (от 15.08.2013 № 706) и т.д.

Показательно, что в Государственном докладе Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2015 году»³ в основном отсутствует какая-либо информация, касающаяся предоставления юридических услуг, и вместе с тем отмечено следующее: «Снижение в последние годы числа обращений потребителей, отмечаемое большинством региональных членов СПРФ, объясняется как сокращением доходов (а значит и приобретений) потребителей и соответствующим снижением спроса на правовую помощь, так и значительным расширением числа предложений правовой помощи потребителям. При отсутствии стандартных методик защиты прав потребителей, особенно в наиболее сложных в правовом отношении сегментах потребительского рынка, услуги новых участников этого сегмента рынка юридических услуг не всегда оказываются квалифицированно и добросовестно, а потребитель не в состоянии выбрать действительно квалифицированных исполнителей среди множества рекламируемых предложений услуг юридических компаний и отдельных юристов и нередко лишь несет дополнительные расходы, не дающие ожидаемого им и обещанного ему результата».

Отсутствие специального нормативного правового регулирования деятельности лиц, предоставляющих юридические услуги вне установленных требований к качеству таких услуг и правил их предоставления, лишает государство возможности предпринимать какие-либо меры, направленные на санацию рынка путем исключения из него недобросовестных участников в целях предупреждения нарушения конституционных прав граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

В то же время распространены случаи оказания и адвокатами юридической помощи, не соответствующей требованиям законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса. Только Минюстом России и его территориальными органами⁴ в 2013 году была рассмотрена 1691 жалоба на действия (бездействие)

³ Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]: Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. URL: http://www.rospotrebnadzor.ru/deyatelnost/zpp/?ELEMENT_ID=6856

⁴ В соответствии со статьей 20 Кодекса жалоба на действия адвоката может быть подана заявителем непосредственно в адвокатскую палату субъекта Российской Федерации.

адвокатов, в 2014 – 1411, в 2015 – 1516, в 2016 – 1633, за первое полугодие 2017 – 776.

Квалификационными комиссиями адвокатских палат субъектов Российской Федерации в 2013 году было рассмотрено 4638 дисциплинарных производств, по результатам которых вынесено 2719 решений о наличии в действиях (бездействии) адвокатов нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и Кодекса, в 2014 году указанное соотношение составило – 4738/2798, в 2015 году – 4894/2942, в 2016 году – 5236/3245, в первом полугодии 2017 года – 2433/1428.

Основное число жалоб, поступающих в Министерство юстиции Российской Федерации, касается недобросовестного исполнения адвокатами своих обязанностей перед клиентами, несоблюдения норм профессиональной этики, нарушения положений Кодекса, неисполнения соглашений об оказании юридической помощи, игнорирования ограничений, предписанных Законом об адвокатуре.

Отсутствие единого правового регулирования рынка приводит к тому, что адвокаты, статус которых прекращен за нарушения Кодекса или неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих профессиональных обязанностей перед доверителем, могут продолжить оказывать юридические услуги низкого качества (в том числе осуществлять судебное представительство) в нерегулируемом сегменте рынка.

Второй проблемой, требующей разрешения в рамках реализации Концепции и непосредственно влияющей на качество оказания квалифицированной юридической помощи, является существующее регулирование адвокатской деятельности, которое не создает точек роста для развития института адвокатуры. Конфигурация действующего Закона об адвокатуре, разработанного в начале 2000-х годов, не полностью синхронизирована с современными потребностями рынка юридических услуг и не создает оптимальных условий для пополнения адвокатского сообщества высокопрофессиональными юристами, практикующими в нерегулируемой части рынка, даже несмотря на такие дополнительные преференции статуса, как адвокатская тайна и право на адвокатский запрос. В частности, можно выделить следующие аспекты, требующие нормативной актуализации в ходе реализации положений Концепции:

- ограниченность определенных Законом об адвокатуре организационно-правовых форм адвокатских образований, что выражается в невозможности заключения соглашения об оказании юридической помощи между адвокатским образованием и доверителем, распределения прибыли между партнерами и свободного распоряжения трудовыми ресурсами, оптимизации налоговой нагрузки адвокатской деятельности;

- невозможность осуществления адвокатской деятельности по трудовому договору, в том числе найма адвоката адвокатом;

- отсутствие утвержденных профессиональных и этических стандартов предоставления юридических услуг, которые должны соблюдаться всеми участниками рынка;

- отсутствие возможности для использования адвокатами средств индивидуализации;

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

– невозможность участия адвокатских образований в государственных и муниципальных закупках.

Указанные особенности законодательства об адвокатуре и практики его применения объясняют причины малочисленности адвокатского корпуса, отсутствия у большинства высокопрофессиональных юристов, практикующих вне адвокатуры по гражданским и коммерческим делам и осуществляющих правовое сопровождение бизнеса, какой-либо мотивации для вступления в ее ряды, что снижает конкурентоспособность адвокатуры по отношению к другим участникам рынка. В ходе подготовки Концепции и ее обсуждения со стороны профессиональных консультантов неоднократно высказывалось мнение о необходимости совершенствования законодательства об адвокатуре в целях оптимизации правил допуска к адвокатской профессии на переходном этапе, поддержания должной квалификации адвокатов, обеспечения возможности эффективного структурирования деятельности. Незначительный рост числа действующих адвокатов в соотношении с числом выпускников по направлению «юриспруденция» и общими данными о количественных показателях рынка также подтверждает данные выводы.

Все перечисленные проблемы функционирования национального рынка юридических услуг существенно затрудняют реализацию прав граждан и организаций на получение квалифицированной юридической помощи и отрицательно влияют на обеспечение защиты публичных интересов. Неприемлемой представляется ситуация, при которой разные группы профессионалов, оказывающих одни и те же услуги, подпадают под существенно различающиеся регуляторные режимы и несут разный объем ответственности за предоставление некачественных юридических услуг. Кроме того, стихийность рынка предоставления юридической помощи дезориентирует граждан и бизнес-сообщество в вопросе выбора надлежащих поставщиков таких услуг.

С учетом изложенного основными задачами Концепции в целях создания условий, обеспечивающих эффективную реализацию гражданами Российской Федерации конституционных прав и свобод, являются: определение комплекса мер, необходимых для структурирования системы оказания квалифицированной юридической помощи, объединение разрозненного рынка юридических услуг в единую регулируемую профессию, подчиняющуюся общим профессиональным и этическим требованиям, ограничение доступа на рынок и исключение с рынка недобросовестных участников. Установление единого порядка в сфере оказания юридической помощи должно быть, прежде всего, ориентированно на интересы граждан и организаций – получателей юридических услуг.

III. Зарубежный опыт регулирования профессиональной юридической помощи

В мировой практике в большинстве иностранных юрисдикций деятельность по оказанию профессиональной юридической помощи строго регламентирована: в национальное законодательство включены нормативные предписания, определяющие

порядок осуществления такой деятельности и создающие предпосылки для выработки и соблюдения юристами корпоративных, профессиональных и этических стандартов.

Исследование существующих в мире моделей законодательного регулирования сферы оказания профессиональной юридической помощи позволяет определить наиболее оптимальные механизмы реализации Концепции, исходя из ее целей и задач с учетом актуального состояния российской правовой системы и национального рынка юридических услуг. При этом в целях совершенствования существующих правовых институтов и выработки новых концептуальных решений могут рассматриваться отдельные правовые конструкции и их элементы, традиционные для иностранных правовых семей и систем: как европейских, так и сложившихся на постсоветском пространстве.

В связи с этим представляется важным для исследования опыт регулирования сферы оказания юридической помощи на территории Федеративной Республики Германия, Французской Республики, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Японии, Республики Индия, Китайской Народной Республики, а также некоторых государств постсоветского пространства, поскольку их стремление включиться в мировые интеграционные процессы обуславливало гармонизацию законодательства и унификацию правовых норм в соответствии с принципами международного и европейского права.

3.1. Право оказания юридических услуг

В подавляющем большинстве стран с развитыми правовыми системами оказывать профессиональную юридическую помощь вправе лица, обладающие специальным правовым статусом (адвоката, барристера, солиситора и иных). Так, в Германии, Франции, Японии, Индии, Белоруссии большая часть юридических услуг, таких как правовое консультирование и представление интересов доверителя в суде, оказываются именно адвокатами.

Вместе с тем законодательство ряда стран закрепляет определенные изъятия из указанного правила. Например, в Германии предоставление юридических услуг лицами, не обладающими статусом адвоката, допускается в кругу семьи или среди близких родственников, а также если юридические услуги сопутствуют основной профессиональной деятельности лица. Правовое консультирование разрешается профессиональным союзам или союзам по интересам только в целях защиты общих интересов членов объединений и при условии соответствия такой деятельности уставным задачам организаций. При этом нарушение данного правила может повлечь наложение запрета на правовое консультирование сроком до пяти лет. Профессиональное судебное представительство на платной основе могут осуществлять только адвокаты.

Во Франции правом предоставления юридических услуг на постоянной и возмездной основе наделены адвокаты. Участие адвоката не является обязательным в Судах малой инстанции, в судах по рассмотрению трудовых споров, а также в судах по делам аренды сельскохозяйственных земель.

Исключительное право на оказание юридических услуг, в том числе на судебное представительство, в Японии принадлежит адвокатам. При этом оказание таких услуг лицами, не обладающими статусом адвоката, является преступлением, и преследуется уголовным законом.

В Белоруссии и Китае некоторые виды юридических услуг могут оказываться лицами, не обладающими статусом адвоката, но имеющими юридическое образование. Законодательство Великобритании допускает возможность самостоятельного представления интересов в судах непосредственно участниками судопроизводства без обязательного участия адвокатов.

Вместе с тем в некоторых государствах, аналогично сложившейся в Российской Федерации системе оказания юридической помощи, отсутствуют строгие требования к наличию у лица, оказывающего юридические услуги, специального правового статуса. Так, право предоставления юридической помощи в Великобритании не ограничено условием о наличии статуса адвоката. На территории Армении и Казахстана деятельность по оказанию профессиональной юридической помощи гражданам и организациям вправе осуществлять как адвокаты, так и частнопрактикующие юристы. В Китае лицами, обладающими правом на оказание юридических услуг, являются юристы (консультанты), юристы предприятий, адвокаты, а также ученые, правоведа и научные сотрудники правовых институтов.

Адвокатская деятельность в Казахстане подлежит обязательному лицензированию. В качестве лицензирующего органа выступает Комитет регистрационной службы и оказания правовой помощи Министерства юстиции Республики Казахстан. Комитет осуществляет ведение реестра лицензий на занятие адвокатской деятельностью и размещение указанного реестра на официальном сайте Министерства юстиции. Необходимо отметить, что в целях защиты прав человека в уголовном судопроизводстве представление интересов в судах в большинстве стран осуществляется исключительно адвокатами.

Во многих странах адвокаты в целях сохранения статуса обязаны регулярно проходить повышение квалификации. Например, практикующие солиситоры в Великобритании ежегодно обязаны получать от Общества юристов (высшего органа самоуправления) сертификат на ведение практики. Данный сертификат подтверждает, что солиситор отвечает всем необходимым требованиям, и соблюдает все профессиональные правила, определяемые Обществом юристов. Ведение деятельности без сертификата квалифицируется в качестве уголовно-наказуемого деяния.

3.2. Получение статуса адвоката. Организация адвокатуры

К претендентам на получение специального правового статуса, подтверждающего право оказывать юридические услуги, во всех рассмотренных странах предъявляются строгие требования. К их числу традиционно относятся наличие полной дееспособности; наличие гражданства соответствующего государства (или гражданства союзного государства); высшего юридического образования, полученного в националь-

ном учебном заведении; прохождение стажировки или обучения в специализированном учебном заведении; сдача квалификационных экзаменов; отсутствие судимости и сведений о банкротстве.

Во многих государствах кандидаты на получение адвокатского статуса должны пройти специализированное обучение. Например, в соответствии с французским законодательством при соответствии претендента установленным требованиям он допускается до прохождения вступительного экзамена в Центре профессиональной подготовки. В течение года обучения в Центре профессиональной подготовки претендент обязан прослушать теоретический курс, пройти практическую стажировку и сдать выпускной экзамен.

Для получения статуса адвоката в Японии кандидату необходимо пройти обучение в юридической школе, сдать экзамен, пройти годовую стажировку в институте при Верховном Суде Японии и сдать итоговый квалификационный экзамен.

В Армении для получения статуса адвоката соискатель должен пройти дополнительное обучение в школе адвокатов с последующей сдачей квалификационного экзамена. Обучение в школе адвокатов состоит из теоретического и практического этапов и проводится в порядке и сроки, закрепленные уставом школы адвокатов. Общий период обучения составляет не менее 6 месяцев, однако при наличии у слушателя пятилетнего стажа работы по юридической профессии обучение осуществляется по сокращенной программе.

В целях наиболее эффективной защиты прав граждан и организаций законодательством некоторых государств к претендентам установлены специальные требования. Так, в Германии лицо, успешно сдавшее квалификационные экзамены, к заявлению о приеме в члены адвокатского сообщества прикладывает договор страхования профессиональной ответственности, который заключается в целях покрытия рисков ответственности и возмещения материального ущерба, причиненного адвокатом в ходе осуществления профессиональной деятельности. Согласно законодательству Великобритании солиситоры обязаны иметь профессиональную страховку, а также обязаны производить отчисления в компенсационный фонд, который гарантирует возмещение убытков клиенту в случае недобросовестной работы юриста.

В целях контроля качества оказываемых юридических услуг некоторыми из рассматриваемых государств установлены специальные ограничения допуска лиц к получению адвокатского статуса. Так, в соответствии с законодательством Германии в допуске к адвокатской деятельности может быть отказано, в том числе, если претендент на основании решения Федерального конституционного суда утратил одно из конституционных прав; вследствие осуждения судом по уголовному делу лишился права занимать государственные должности; проявил поведение, недостойное профессии адвоката; занимался деятельностью, несовместимой с профессией адвоката или ставящей под сомнение его независимость; находился на грани банкротства.

К адвокатской деятельности на территории Белоруссии не могут быть допущены лица, ограниченные или лишены дееспособности; ранее совершившие

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

умышленное преступление; исключенные (уволненные) из коллегии адвокатов, а также уволенные из правоохранительных органов и других органов по дискредитирующим обстоятельствам в течение трех лет со дня принятия соответствующих решений об увольнении; занимавшие должности государственной службы в период со дня подачи заявления о допуске к квалификационному экзамену до дня получения лицензии.

В Казахстане не могут претендовать на получение статуса адвоката лица, уволенные с государственной, воинской службы или исключенные из коллегии адвокатов по отрицательным мотивам, ранее лишённые лицензии на право осуществления адвокатской деятельности.

В некоторых государствах присутствуют различия и между практикующими адвокатами. Так, в Великобритании солиситор при соблюдении определенных условий вправе получить квалификацию барристера, которая позволит ему работать в высших судебных инстанциях. Особенностью адвокатуры Индии является положение закона об адвокатской деятельности, в соответствии с которым адвокаты делятся на классы: старшие адвокаты и адвокаты. Повышение адвоката до старшего адвоката возможно с согласия Верховного Суда Индии либо высшего суда штата в том случае, если в силу своей продолжительной профессиональной деятельности, а также накопленных профессиональных знаний, навыков и опыта заслуживает повышения.

Одним из важнейших условий осуществления адвокатской деятельности многие государства признают периодическое повышение квалификации адвокатов. Нормы законов об адвокатской деятельности Франции и Великобритании прямо предусматривают необходимость совершенствования знаний адвокатов, устанавливая соответствующие условия повышения квалификации (периодичность, количество часов).

Все большее распространение в разных странах получает специализация адвокатов, как путем выбора предпочтительной практики в определенных отраслях, так и путем приобретения дополнительной квалификации. Это обусловлено объективными процессами юридизации почти всех сфер жизни, увеличением объема и усложнением законодательства и растущей конкуренцией.

Примером успешной организации специализированной адвокатуры может служить опыт Германии, где специализация адвокатов существовала с конца 1980-х годов и постепенно завоевывала признание адвокатов и их клиентов, что подтверждается как ростом количества адвокатов, претендующих на звание «специализированный адвокат», так и разнообразием областей специализации (в 1990 году таких областей было 4, и звание «специализированный адвокат» носили только 6 процентов адвокатов общего профиля, в настоящее время таких областей 22, а специализированных адвокатов – 25 процентов). При этом специализированные адвокаты сохраняют все права практиковать в качестве адвокатов общего профиля. Адвокат может иметь одновременно не больше трех специализаций.

Полученный статус подтверждается специальным сертификатом и обязывает адвоката к прохождению

ежегодного курса повышения квалификации в соответствующей сфере, невыполнение этого требования влечет за собой отзыв статуса специализированного адвоката палатой федеральной земли.

Во всех рассмотренных государствах адвокатское сообщество имеет собственные органы адвокатского самоуправления. На территории Германии таким органом выступает Федеральная палата адвокатов, являющаяся корпорацией публичного права. При этом контроль и надзор за Федеральной палатой адвокатов в части соблюдения законодательства об адвокатуре осуществляет Федеральное министерство юстиции Германии.

На национальном уровне адвокатура Франции представлена Советом ассоциаций адвокатов. Основной деятельностью Совета ассоциаций адвокатов Франции является координация учебных центров по подготовке адвокатов, представление сообщества адвокатов перед государственными органами и общественностью, разработка и совершенствование дисциплинарных и этических норм для всей профессии.

В Великобритании солиситоры и барристеры также имеют собственные высшие профессиональные организации самоуправления: Общество юристов и Генеральный совет адвокатуры, соответственно.

На территории Белоруссии контроль и надзор в сфере адвокатуры осуществляет Министерство юстиции Республики Беларусь. К его полномочиям, в частности, относятся выдача лицензий на право осуществления адвокатской деятельности и исключение из адвокатского сообщества; принятие нормативных правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры; организация деятельности квалификационной комиссии; государственная регистрация адвокатских образований; регистрация адвокатов, осуществляющих адвокатскую деятельность индивидуально; ведение реестра адвокатов; осуществление в установленном порядке контроля за соблюдением адвокатами, коллегиями адвокатов, юридическими консультациями и адвокатскими бюро законодательства.

Высшим органом адвокатского самоуправления в Армении выступает Палата адвокатов Республики Армения. Палата осуществляет контроль за соблюдением адвокатами законодательства об адвокатуре, а также норм профессиональной этики. В компетенцию Палаты также входят вопросы, связанные с проведением квалификационного экзамена; организацией процесса лицензирования адвокатов (выдача, прекращение, приостановление действия лицензии); организацией профессионального обучения и переподготовки адвокатов.

3.3. Формы осуществления адвокатской деятельности

В рассматриваемых правовых системах адвокаты могут оказывать юридическую помощь в различных формах: сообществе корпоративных юристов, товариществах, партнерствах, ассоциациях, обществах с ограниченной ответственностью, акционерных обществах, адвокатских кабинетах, бюро и конторах. При этом адвокаты вправе осуществлять деятельность в коммерческих юридических лицах, владеть их долями, акциями (паями), а также распределять прибыль

между участниками, несмотря на закрепленный в законодательстве некоторых стран некоммерческий характер адвокатской деятельности (Германия, Франция, Великобритания, Армения).

Адвокатская деятельность в Германии осуществляется в следующих организационно-правовых формах: корпоративное сообщество, товарищество (общество гражданского права), партнерство, партнерство с ограниченной профессиональной ответственностью, общество с ограниченной ответственностью, акционерное общество. Наиболее распространенной формой ведения адвокатской деятельности является товарищество.

Во Франции адвокаты могут осуществлять совместную деятельность в ассоциациях, групповых адвокатских конторах, обществах представителей свободных профессий с ограниченной ответственностью. Одной из распространенных форм адвокатских объединений являются гражданско-профессиональные товарищества, которые подлежат регистрации как юридические лица и вносятся в списки ассоциаций адвокатов. Особенностью данной формы адвокатского образования является то, что адвокат получает не гонорар, а долю в прибыли товарищества в соответствии с размером своей доли в уставном капитале. При этом текущие и производственные затраты товарищество несет самостоятельно. Договоры с клиентами заключаются от имени товарищества, ответственность адвоката перед клиентами подлежит обязательному страхованию.

Закон о юридических услугах Великобритании позволяет адвокатам работать в партнерствах (товариществах), участвовать в управлении и владеть акциями и паями обществ, одновременно работать индивидуально и по найму.

Основными формами коллективной деятельности адвокатов в Японии являются адвокатские кабинеты и профессиональные юридические корпорации. Особенностью рынка профессиональной юридической помощи в Японии является то, что более половины адвокатов практикуют индивидуальную деятельность.

Избрание конкретной формы ведения деятельности обуславливает дифференциацию объема ответственности адвокатов перед клиентами. Так, в Германии при выборе формы общества с ограниченной ответственностью адвокаты несут ответственность в пределах вкладов в уставный капитал, неограниченная ответственность адвокатов может быть установлена при избрании формы полного товарищества. В свою очередь, французским законодательством неограниченная ответственность адвоката установлена при участии в гражданско-профессиональном товариществе, партнерстве – в Великобритании.

Отличительной особенностью рынка оказания юридических услуг в рассматриваемых государствах является возможность адвокатов работать по трудовому договору. Немецкое законодательство допускает осуществление адвокатом деятельности по трудовому договору в качестве адвоката компании. При этом работа по трудовому договору не снимает с адвоката обязательств перед адвокатской палатой федеральной земли.

Во Франции адвокаты также могут работать по трудовому договору. При этом коллизия между принци-

пом независимости адвокатской деятельности и работой по трудовому договору разрешается в государстве за счет введения специальных норм, определяющих особенности занятости адвоката в качестве работника (адвокат независим в своей профессиональной деятельности; адвокат по найму вправе отказаться от принятия поручения и пользоваться всеми правами, установленными для адвокатов).

В соответствии с законодательством Белоруссии адвокатские бюро вправе принимать на работу адвокатов, помощников адвокатов и иных работников, заключая с ними трудовой договор. Вместе с тем в случае аннулирования или прекращения действия лицензии на занятие адвокатской деятельностью трудовой договор подлежит прекращению.

3.4. Дисциплинарная ответственность адвокатов

За нарушение норм законодательства об адвокатской деятельности, а также положений актов, регулирующих правила поведения адвокатов, во всех рассматриваемых государствах предусмотрены строгие меры дисциплинарной ответственности.

Самыми распространенными из них являются: предупреждение, выговор, штраф, запрет осуществлять адвокатскую деятельность в течение определенного периода времени, исключение из адвокатского сообщества.

Так, нарушение законодательства об адвокатуре и требований профессиональной этики адвоката в Германии влечет за собой применение к адвокату мер дисциплинарной ответственности в форме предупреждения, выговора, штрафа, запрета заниматься адвокатской деятельностью на срок от одного года до пяти лет, исключение из адвокатуры. Решение о применении мер дисциплинарной ответственности принимается специально образованными органами – судами чести, действующими по местонахождению палат адвокатов.

В случае нарушения солиситором установленных правил поведения он может подвергнуться дисциплинарному взысканию (от порицания до полного исключения из реестра юристов). Это обусловлено тем, что этические нормы требуют от солиситоров соблюдения различных ограничений, например: обязанность отказаться от ведения дела в случае возникновения конфликта интересов, обязанность обеспечивать конфиденциальность информации о клиенте, исполнение своих обязательств перед клиентом даже в том случае, если такое исполнение не обеспечено мерами юридического принуждения.

При наличии жалоб на действия барристера любое заинтересованное лицо вправе обратиться в Коллегию по стандартам с соответствующей жалобой. Видами дисциплинарной ответственности барристеров являются штраф, выговор, ограничение условия действия лицензии или осуществления практики, исключение из профессии.

В Белоруссии в случае нарушения законодательства об адвокатуре или правил профессиональной этики к адвокату могут быть применены меры дисциплинарной ответственности, в числе которых замечание, выговор, исключение из территориальной коллегии ад-

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

вокатов. Дисциплинарное производство в отношении адвоката возбуждается органами управления коллегии адвокатов, а также Министром юстиции Республики Беларусь и рассматривается дисциплинарной комиссией коллегии адвокатов. В случае лишения статуса вновь стать членом адвокатуры лицо вправе только по истечении трех лет с момента лишения статуса (за исключением случая лишения статуса за совершение умышленного преступления).

В Китае дисциплинарное производство в отношении адвоката, недобросовестно исполняющего свои обязанности, может инициироваться территориальным органом Министерства юстиции Китая. Основными видами дисциплинарной ответственности адвокатов являются штраф и конфискация незаконных доходов, приостановление адвокатской деятельности, приостановление действия лицензии, прекращение лицензии, штраф в отношении руководителя адвокатской фирмы.

Несмотря на имеющиеся различия в порядках и условиях применения дисциплинарных взысканий, основной их целью является поддержание высокого качества оказания юридических услуг лицами, получившими статус адвоката, а равно исключение из адвокатуры лиц, деятельность которых не соответствует профессиональным и этическим стандартам и создает риски нарушения прав доверителей.

3.5. Заключение по результатам изучения зарубежного опыта

Изучение сферы оказания юридической помощи иностранных государств демонстрирует, что, несмотря на общие различия регуляторных режимов, им присущи единообразные концептуальные подходы к нормативному разрешению вопросов, связанных с определением порядка и условий ведения деятельности по оказанию юридических услуг. При этом можно выделить следующие общие тенденции в специальном правовом регулировании профессии:

- определение круга лиц, наделенных правом предоставления профессиональной правовой помощи. В связи с тем, что деятельность по судебному представительству предъявляет наиболее высокие требования к профессиональной компетенции юристов, определение со стороны государства круга лиц, которым предоставлено право ведения дел в судах, и установление статуса таких лиц является одним из традиционных направлений регуляторного участия государства в сфере правового регулирования порядка оказания юридических услуг;

- предъявление строгих требований к претендентам на получение статуса адвоката, прохождение стажировок и многоступенчатых систем квалификационных экзаменов;

- установление требований к адвокатам, связанных с регулярным повышением и подтверждением квалификации, в качестве условия сохранения адвокатского статуса;

- применение мер дисциплинарной ответственности по отношению к адвокатам, нарушающим обязательства перед клиентами и не соблюдающим

законодательство об адвокатской деятельности, профессиональные и этические стандарты;

- высокая степень защищенности клиентов, которая достигается за счет введения инструментов, гарантирующих возмещение убытков, принесенных непрофессиональными и (или) недобросовестными действиями адвокатов (во многих случаях законодательством об адвокатуре предусмотрено обязательное страхование профессиональной деятельности адвокатов);

- гибкий подход к вопросу выбора форм ведения совместной деятельности: как правило, законодательство иностранных государств допускает осуществление коллективной деятельности адвокатов как в коммерческих, так и в некоммерческих формах. При этом даже в тех странах, где предусмотрено создание только некоммерческих адвокатских образований, их правовой режим позволяет эффективно разрешать вопросы распределения прибыли, заключения соглашений с клиентами, структурирования партнерских и трудовых отношений.

- возможность заключения адвокатами трудовых договоров при одновременном установлении специальных норм, гарантирующих такие общие принципы организации и деятельности адвокатуры как независимость, самоуправление и корпоративность.

В некоторых странах продолжается поиск наиболее оптимальных моделей правового регулирования оказания юридических услуг, что при отсутствии единых стратегических концептуальных подходов к нормотворчеству может приводить к существованию в рамках единой отрасли нескольких профессиональных сообществ, имеющих различное регулирование при одинаковом функционале.

Так, в Польше с принятием отдельных законов об адвокатуре и о юридических советниках фактически закрепилось разделение юридической профессии, что выразилось в создании и функционировании двух равнозначных групп субъектов оказания юридической помощи – адвокатов и юридических советников. При этом в законах содержатся одинаковые положения, касающиеся как видов предоставляемых ими услуг, так и правил допуска в профессию. Отличие двух категорий юристов заключается лишь в большем объеме полномочий адвокатов по участию в уголовном судопроизводстве. Адвокаты и юридические советники также имеют собственные кодифицированные своды правил и норм поведения. По экспертным оценкам, данный эксперимент не удовлетворил общественный интерес в должном урегулировании статуса лиц, деятельность которых обеспечивает право граждан на получение квалифицированной юридической помощи.

Изучение зарубежного опыта регулирования сферы оказания профессиональной юридической помощи позволяет прийти к выводу о том, что при подготовке нормативных правовых решений в ходе реализации Концепции целесообразно имплементировать в российское законодательство об адвокатуре лучшие мировые практики и традиционные решения в сфере правового регулирования оказания юридических услуг. При этом необходимо уделить особое внимание единству профессии, стандартизации и прозрачности процедур допуска в профессиональное сообщество,

поддержанию квалификации юристов, расширению возможностей использования различных корпоративных форм организации деятельности, дисциплинарным практикам.

IV. Задачи Концепции и ограничения предмета регулирования

Учитывая цели государственной программы, актуальное состояние рынка профессиональной юридической помощи в Российской Федерации, выявленные проблемы его функционирования, а также принимая во внимание зарубежный опыт регулирования института оказания профессиональной юридической помощи, основной задачей Концепции представляется формирование единой правовой основы предоставления юридических услуг в Российской Федерации, предполагающей:

- повышение уровня правовой защиты получателей юридических услуг;
- совершенствование института адвокатуры, в том числе путем устранения ограничений, затрудняющих организацию эффективной адвокатской деятельности;
- создание условий для недопущения низкоквалифицированных юристов к оказанию юридических услуг, условий исключения из профессии недобросовестных консультантов;
- создание системы профессиональной правовой помощи, отвечающей общепризнанным международным стандартам, и формирование условий для интеграции институциональной среды адвокатуры в мировое правовое пространство.

Реформирование не затрагивает профессиональную служебную деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; полномочий субъектов Российской Федерации; органов государственной власти субъектов Российской Федерации; лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов; лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации. Концепция не затрагивает деятельность муниципальных служащих органов местного самоуправления, нотариусов.

Положения проектируемых в развитие Концепции нормативных правовых актов не будут распространяться на юристов, осуществляющих профессиональную деятельность по трудовому договору в составе юридических подразделений (иных структурных подразделений) организаций. Данная категория юристов сохранит право представлять интересы своих компаний-работодателей в судах.

При подготовке проектов нормативных правовых актов следует рассмотреть вопрос о сохранении права судебного представительства для лиц, являющихся близкими родственниками представляемого. Судебное

представительство также продолжат осуществлять лица, являющиеся законными представителями граждан, руководителями организаций.

Право оказания юридической помощи (в том числе, право на ведение дел в судах) сохраняют участники государственной системы бесплатной юридической помощи в рамках Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Закон о бесплатной юридической помощи), а также некоммерческие организации, зарегистрированные в установленном законодательством порядке и оказывающие юридическую помощь на безвозмездной основе в соответствии с целями их создания.

V. Механизмы реализации Концепции

Механизмом реализации Концепции будет являться разработка и принятие нормативных правовых актов по нескольким направлениям с учетом следующих предпосылок:

- рынок юридических услуг представлен двумя основными группами участников: адвокаты и лица, не обладающие статусом адвокатов;
- законодательство об адвокатской деятельности структурировано, обеспечивает возможность выработки профессиональных и этических стандартов предоставления квалифицированной юридической помощи, обладает инструментами допуска к ее осуществлению и исключения из состава адвокатуры лиц, недобросовестно исполняющих свои обязанности. Вместе с тем оно потребует актуализации по направлениям, обозначенным в Концепции;
- лица, не обладающие статусом адвокатов, предоставляют юридические услуги при наличии только общих установленных требований к ним как к субъектам предпринимательской деятельности (регистрация в качестве юридического лица или индивидуально-предпринимателя, постановка на налоговый учет, уплата обязательных платежей), требования к ним как к специальным субъектам рынка, оказывающим юридические услуги, не установлены, профессиональные и этические стандарты деятельности отсутствуют, механизмов отстранения недобросовестных лиц от оказания юридической помощи в качестве специальных субъектов не имеется;

– в законодательстве отсутствует единый терминологический аппарат, позволяющий определить понятие, объем и содержание деятельности по предоставлению юридических услуг, что препятствует проектированию нормативных положений для определения круга лиц, обладающих правом предоставления таких услуг, и правил осуществления такой деятельности.

При анализе возможных вариантов упорядочения системы оказания профессиональной юридической помощи рассматривались два основных сценария: введение института саморегулирования части рынка, для которой правила предоставления юридических услуг не установлены, или объединение всех участников рынка на площадке модернизированной адвокатуры.

Развитие и внедрение механизмов саморегулирования предпринимательской и профессиональной деятельности с обязательным членством в саморегу-

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

лируемых организациях на протяжении длительного времени рассматривается в Российской Федерации в качестве одного из способов снятия излишних административных барьеров. Институт саморегулирования используется в качестве альтернативы государственному лицензированию или иным разрешительным механизмам. Несколько видов лицензирования, в частности лицензирование оценочной, аудиторской, актуарной деятельности, деятельности арбитражных управляющих, деятельности в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования, строительства, заменены требованием об обязательном членстве хозяйствующих субъектов в саморегулируемых организациях⁵.

Согласно Федеральному закону от 01.12.2007 № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях» (далее – Закон о саморегулируемых организациях) под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, осуществляемая субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности, и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил такой деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил.

Согласно мировой практике общие регулятивные и охранительные меры, вводимые субъектами саморегулирования, зачастую устанавливаются более высокий и детальный уровень требований к участникам рынка и их товарам (работам, услугам), нежели акты государственных органов власти. Вместе с тем применение механизмов саморегулирования в качестве альтернативы институту государственного лицензирования показывает, что при наличии определенных улучшений, выразившихся, в том числе, в избавлении ряда отраслей от недобросовестных и недостаточно компетентных участников и повышении прозрачности процедур допуска на рынок, наблюдается также и ряд объективных недостатков, связанных в первую очередь с низкой эффективностью исполнения саморегулируемыми организациями возложенных на них законодательством функций.

Концепция совершенствования механизмов саморегулирования, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.12.2015 № 2776-р, в качестве таких недостатков называет: неэффективное выполнение функции по выработке отраслевых стандартов деятельности, низкую эффективность и формальность контроля саморегулируемой организации за соблюдением ее членами установленных требований, неэффективность механизмов обеспечения имущественной ответственности субъектов саморегулирования перед потребителями. Указанным документом предусмотрено принятие в 2016-2020 гг. комплекса мер, направленных на последовательное совершенствование института саморегулирования в Российской Федерации. В этой связи достижение целей Концепции с использованием механизмов саморегулирования представляется преждевременным.

⁵ Так, например, федеральным законом от 22.07.2008 № 148-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» отменены требования лицензирования деятельности в области инженерных изысканий и архитектурно-строительного проектирования, строительства.

Кроме того, отрицательными последствиями выбора такой модели регулирования рынка профессиональной юридической помощи могут стать:

- создание двойных профессиональных и этических стандартов однородной по своему содержанию деятельности по предоставлению юридических услуг в рамках адвокатуры и саморегулируемых организаций;
- потенциальное введение в заблуждение потребителей относительно различных регуляторных режимов разных субъектов рынка предоставления юридических услуг (адвокатов и не адвокатов);
- неэффективное исполнение функций саморегулируемыми организациями и, как следствие, допуск на рынок участников, только формально отвечающих установленным требованиям;
- увеличение расходов бюджета, необходимых для реализации полномочий по контролю и надзору за деятельностью саморегулируемых организаций.

На сегодняшний день только адвокатская деятельность обладает установленными Законом об адвокатуре и Кодексом едиными требованиями к претендентам на допуск к оказанию квалифицированной юридической помощи, нормами и этическими правилами осуществления такой деятельности, механизмами дисциплинарной ответственности. Одновременно в целях обеспечения исполнения адвокатом возложенных на него обязанностей и реализации предоставленных ему полномочий законом установлен ряд гарантий адвокатской деятельности (адвокатская тайна, адвокатский запрос, особый порядок привлечения к ответственности).

Зарубежный опыт правового регулирования деятельности по оказанию юридических услуг демонстрирует, что во многих странах задача по обеспечению права граждан на получение квалифицированной юридической помощи при оптимальном уровне саморегулирования профессионального сообщества с минимальным участием государства в качестве регулятора отрасли была решена посредством объединения практикующих юристов на площадке института адвокатуры. При этом комплексный и сравнительный анализ законодательства иностранных государств позволяет выявить единообразные подходы к установлению правил осуществления адвокатской деятельности, которые релевантны целям Концепции.

Адвокатура является оптимальной платформой для объединения профессии и достижения цели повышения качества предоставления юридических услуг также по следующим причинам:

- адвокатская деятельность в наибольшей степени соответствует природе квалифицированной юридической помощи, поскольку она обеспечивает доступ к правосудию и непосредственно связана с публично-правовыми функциями (прежде всего, в случаях судебного представительства);
- статус адвоката предоставляет дополнительные гарантии оказания квалифицированной юридической помощи (адвокатская тайна, адвокатский запрос);
- адвокатура обеспечена механизмами привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности и прекращения статуса при нарушении законодатель-

ства об адвокатской деятельности, в том числе по жалобам доверителей;

- адвокатура располагает инструментами внутрикорпоративного управления и саморегулирования;

- адвокатура на сегодняшний день обладает сформированной структурой, органы адвокатского самоуправления действуют на территории всех субъектов Российской Федерации, что позволяет избежать необходимости создания новых форм организации участников рынка;

- законодательство об адвокатуре содержит базовые положения, необходимые для разработки единых стандартов предоставления юридических услуг;

- информирование граждан о праве адвокатов на предоставление юридических услуг не потребует проведения обширной просветительской кампании в связи с тем, что институт адвокатуры является узнаваемым и понятным для потребителей;

- адвокатура является общепринятой и понятной мировому сообществу конструкцией, что обеспечивает синхронизацию реформы с интеграцией российского рынка юридических услуг в международный юридический бизнес, а равно повышает прозрачность российского правового пространства для иностранных инвесторов.

Важно отметить, что, несмотря на существующие проблемы в законодательном регулировании адвокатуры, в последнее время был принят ряд важных нормативных правовых актов, усиливающих гарантии и эффективность адвокатской деятельности.

Так, в 2016 году разработан Минюстом России и принят Федеральный закон от 02.06.2016 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон). Внесенные изменения направлены на регламентацию полномочий адвоката по выполнению возложенных на него обязанностей по оказанию квалифицированной юридической помощи и обеспечению надлежащего механизма реализации конституционных прав граждан на получение этой помощи. Положения Федерального закона способствуют повышению статуса адвокатов, их профессионального уровня, а также роли адвокатских образований.

Федеральным законом предусмотрено создание Комиссии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации по этике и стандартам, в состав которой входят представители Минюста России, Государственной Думы, Совета Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. Одним из основных направлений деятельности данной комиссии является разработка стандартов оказания квалифицированной юридической помощи и иных стандартов адвокатской деятельности. На сегодняшний день указанная Комиссия сформирована и приступила к работе.

В развитие Федерального закона разработаны и приняты ряд приказов Министерства юстиции Российской Федерации, в том числе приказ Минюста России от 14.12.2016 № 288 «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса», которым определены основные правила работы с адвокатским запросом.

Указанные примеры демонстрируют, что институт адвокатуры находится в сфере особого внимания государства и уже претерпевает важные изменения, призванные повысить эффективность реализации конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, что также свидетельствует в пользу выбора адвокатуры в качестве наиболее перспективной площадки для объединения профессии.

5.1. Принципы реализации Концепции

Нормативное правовое регулирование должно базироваться на следующих принципах:

- этапность реализации Концепции;
- непрерывность оказания квалифицированной юридической помощи;

- установление максимально комфортного переходного периода для вступления в адвокатуру юристов, не обладающих статусом адвоката, а также для транзита существующих юридических фирм в адвокатские образования;

- усиление роли органов адвокатского самоуправления по введению и обеспечению исполнения единых стандартов адвокатской деятельности, методической работы, выработки принципов единообразия адвокатской практики;

- создание организационных и правовых условий для разработки и утверждения стандартов предоставления юридических услуг.

В связи с этим следует осуществить разработку нормативных правовых актов в целях совершенствования законодательства об адвокатской деятельности для создания и реализации механизмов, соответствующих требованиям современного рынка, а также в целях увеличения привлекательности института адвокатуры и постепенной интеграции в него высококвалифицированных юристов.

Принимая во внимание, что ведение дел в судах требует наивысшей квалификации юристов, в том числе с точки зрения рисков наступления для получателей юридических услуг процессуально оформленных негативных последствий деятельности их представителей, следует установить правило, в соответствии с которым с определенного момента правом судебного представительства будут наделены только лица, обладающие статусом адвоката, с учетом изъятий, предусмотренных Концепцией. Правом оказания юридических услуг на возмездной основе в целом в перспективе следует наделить только адвокатов и адвокатские образования.

Актуализацию законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности целесообразно осуществлять по нескольким направлениям.

5.2. Обеспечение возможности работы адвоката по трудовому договору с адвокатским образованием и найма адвокатом адвоката

При реализации Концепции необходимо обеспечить возможность работы адвоката по трудовому договору с адвокатским образованием, а также найма адвокатом адвоката при общем соблюдении гарантий независимости и самостоятельности деятельности адвокатов. Данная модель успешно функционирует в це-

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

лом ряде стран, в том числе в государствах, в которых, как и в Российской Федерации, закреплён непредпринимательский характер деятельности адвокатуры (Германия, Франция).

Основной сложностью при реализации указанного решения является установленное Законом об адвокатуре правило, в соответствии с которым адвокат, являясь независимым профессиональным советником по правовым вопросам, не вправе вступать в трудовые отношения в качестве работника, за исключением научной, преподавательской и иной творческой деятельности.

Вместе с тем преодоление данной правовой коллизии возможно путем внесения изменений в Закон об адвокатуре и Трудовой кодекс Российской Федерации. Целесообразно введение дополнительной главы в часть четвертую раздела XII Трудового кодекса Российской Федерации «Особенности регулирования труда отдельных категорий работников», определяющей особенности труда адвокатов.

К таким особенностям следует отнести: обязанность соблюдения адвокатом требований адвокатской этики и адвокатской тайны; обязанность информирования адвокатом своего работодателя о возможном конфликте интересов, связанном с работой по трудовому договору и адвокатской этикой; обязанность адвоката по передаче дел в случае прекращения с ним (или по его инициативе) трудовых отношений. Необходимо предусмотреть специальные положения трудового договора между адвокатом и работодателем с установлением обязанности работодателя не поручать адвокату ведения дел, которые могут привести к конфликту интересов, и правом адвоката не исполнять поручения при нарушении работодателем указанной обязанности. При этом адвокат будет обязан уведомлять адвокатскую палату о заключении трудового договора и о его расторжении.

Одновременно необходимо дополнить Закон об адвокатуре нормами о заключении трудового договора с адвокатом, а также скорректировать положение, ограничивающее право адвоката на вступление в трудовые отношения.

Кроме того, потребуется создание особого режима деятельности для адвокатов, намеренных работать по трудовому договору. В соответствии с пунктом 6 статьи 15 Закона об адвокатуре адвокат со дня присвоения ему статуса, либо внесения сведений о нем в региональный реестр после изменения им членства в адвокатской палате, либо возобновления статуса адвоката обязан уведомить совет адвокатской палаты об избранной им форме адвокатского образования в трехмесячный срок со дня наступления указанных обстоятельств. В случае нарушения адвокатом указанного требования его статус может быть прекращен на основании подпункта 5 пункта 2 статьи 17 Закона об адвокатуре.

При введении возможности работы адвоката по трудовому договору необходимо предусмотреть положение, согласно которому адвокат вправе не избирать форму адвокатского образования, а обязан вместо этого в установленные законом сроки уведомить адвокатскую палату о заключении трудового договора. При этом после окончания срока действия трудового

договора адвокат также в течение трех месяцев обязан уведомить адвокатскую палату об избрании формы адвокатского образования или о заключении нового трудового договора.

5.3. Обеспечение условий для создания коммерческих корпоративных форм ведения адвокатской деятельности

Реализация Концепции предполагает единое регулирование профессии с одновременным расширением организационно-правовых форм адвокатских образований. Совершенствование законодательства будет направлено на разработку комплекса правовых норм, которые обеспечат возникновение коммерческих корпоративных форм ведения адвокатской деятельности. Это позволит, с одной стороны, обеспечить реализацию адвокатом публично-правового компонента в качестве особого субъекта, осуществляющего функцию по защите прав, свобод и интересов физических и юридических лиц, и, с другой стороны, предоставит оптимальные возможности для ведения деятельности с использованием организационно-правовых форм, отражающих современные реалии и запросы разных категорий потенциальных клиентов (граждан, бизнеса, органов государственной власти и местного самоуправления). Зарубежный опыт демонстрирует, что в большинстве иностранных юрисдикций допускается совместное ведение адвокатской деятельности в предпринимательских целях (Франция, Германия, Великобритания, США, Дания, Швейцария, Нидерланды, Армения).

В качестве препятствия для подготовки соответствующих изменений может рассматриваться существующая конфигурация законодательства, определяющего виды юридических лиц по критерию коммерческого или некоммерческого характера их деятельности в совокупности с нормами Закона об адвокатуре, устанавливающими непредпринимательский характер деятельности адвокатов. Вместе с тем, как демонстрирует проанализированный зарубежный опыт, данный правовой конфликт в большей степени носит терминологический, нежели содержательный характер, и может быть устранен через установление специальной правоспособности коммерческой формы адвокатского образования и ограничений ее правового положения (основная цель деятельности – оказание юридических услуг, ограничение круга участников по субъектному составу, описание других особенностей правового положения для осуществления основного вида деятельности с учетом допущения, предусмотренного пунктом 4 статьи 49 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При этом непредпринимательский характер деятельности адвоката в качестве лица, обладающего специальным статусом и обеспечивающим реализацию конституционного права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, в текущей редакции Закона об адвокатуре не запрещает ему осуществлять деятельность, приносящую доход, объединяясь с другими адвокатами, что предопределяет его право на участие в коллективном ведении дел.

Фактически сложившаяся на рынке юридических услуг ситуация свидетельствует о необходимости допустить применение коммерческих форм организации

адвокатской деятельности, что подтверждается мировым опытом (раздел 3 Концепции).

В связи с этим предлагается внести изменения, в соответствии с которыми адвокатская деятельность сохранит непредпринимательский характер, но при этом адвокатам разрешается для целей коллективного осуществления деятельности создавать не только адвокатские образования, являющиеся некоммерческими организациями, но также и адвокатские образования в организационно-правовых формах коммерческих корпоративных организаций, предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, таких как общество с ограниченной ответственностью (ООО), непубличное акционерное общество (АО), полное товарищество, производственный кооператив. Во втором случае необходимо установить специальный статус таких организаций путем включения ограничительных положений в Закон об адвокатуре (по использованию наименований, составу учредителей, предмету деятельности), что допускается пунктом 4 статьи 49 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Для консолидации юридической профессии и создания впоследствии единых стандартов регулирования процесса оказания юридической помощи обновленная адвокатура должна стать привлекательной для самых разных участников юридического рынка, в том числе с точки зрения выбора организационно-правовых форм юридических лиц – адвокатских образований. Законодательство об адвокатской деятельности в этой части должно быть основано на праве выбора адвокатами, объединяющимися в адвокатское образование, той или иной модели коллективного ведения деятельности, при этом такой выбор должен включать как право выбора между некоммерческой и коммерческой моделью адвокатского образования, так и между несколькими организационно-правовыми формами внутри каждой модели.

Закон об адвокатуре позволяет адвокатам на сегодняшний день выбирать одну из форм адвокатских образований, являющихся некоммерческими организациями. Среди организационно-правовых форм коммерческих организаций проектируемое законодательство должно позволять выбирать форму ООО, непубличного АО, полного товарищества (для адвокатских фирм, участники которых готовы нести неограниченную ответственность по обязательствам фирмы), производственного кооператива. Кроме того, должны быть созданы условия для перехода существующих ООО, АО, полных товариществ и производственных кооперативов, осуществляющих деятельность по оказанию юридических услуг, в статус соответствующих адвокатских образований, что позволит обеспечить комфортный транзит применяемых сегодня форм коллективного оказания адвокатами и не адвокатами правовой помощи в формы, которые станут доступны по новому законодательству. При этом для адвокатских образований, созданных в форме коллегии адвокатов, адвокатского бюро или юридической консультации, будет сохранен действующий в настоящее время правовой режим. Также требует решения вопрос о том, в какие организационно-правовые формы адвокатских образований может

быть преобразовано адвокатское образование той или иной формы.

Предлагаемый подход не создаст системных юридических конфликтов в действующем законодательстве. При этом итоговая конфигурация таких изменений и перечень допустимых организационно-правовых форм могут быть определены на этапе подготовки проектов нормативных правовых актов с учетом обсуждения с представителями профессионального сообщества и заинтересованными федеральными органами исполнительной власти.

Новый способ организации коллективной деятельности адвокатов позволит решить следующие задачи:

- обеспечить возможность надлежащего оформления договоренностей относительно распределения финансовых результатов совместной деятельности адвокатов. Фактически на сегодняшний день в адвокатских образованиях распределение гонораров осуществляется соразмерно личному профессиональному вкладу адвоката при работе по конкретному делу. Вместе с тем такое распределение не может быть оформлено и производится в нарушение правового режима, установленного для некоммерческих организаций. В этом смысле проектируемые изменения лишь нормативно оформят де-факто существующий порядок;

- закрепить возможность заключения соглашения об оказании юридической помощи между адвокатским образованием и доверителем. Во многих случаях сложные проекты требуют привлечения значительного количества юристов, специализирующихся в отдельных отраслях права. Существующая на сегодняшний день модель заключения соглашения с каждым из привлеченных для реализации проекта адвокатом (в случае с адвокатским бюро – со всеми адвокатами, в том числе с теми, чье участие в проекте не предполагается) не отражает фактических взаимоотношений между клиентом и адвокатом. Реализация Концепции должна позволить использовать различные варианты оформления отношений с доверителями, наиболее подходящие для конкретных практических ситуаций, а именно: заключение соглашения об оказании юридической помощи между доверителем и (1) адвокатским образованием как юридическим лицом; (2) отдельным или некоторыми (всеми) адвокатами, состоящими в адвокатском образовании, если соглашением адвокатов внутри адвокатского образования заключение соглашения для отдельных адвокатов напрямую с доверителем не запрещено; (3) совмещение первой и второй модели, когда по отдельным вопросам соглашение может заключаться с адвокатским образованием как с юридическим лицом, а по другим – напрямую с адвокатом, состоящим в таком адвокатском образовании. Возможность заключать соглашения с адвокатским образованием как юридическим лицом позволит создать дополнительные гарантии для доверителя при наступлении для него неблагоприятных последствий в результате действий юристов, поскольку имущественную ответственность по соглашению в таком случае будет нести адвокатское образование;

- предоставить возможность официального структурирования трудовых функций в адвокатском образовании между адвокатами-партнерами, принимающими

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

участие в управлении адвокатским образованием, и адвокатами, не выполняющими управленческих функций. При этом выполнению данной задачи будет способствовать разрешение адвокатам работать по трудовым договорам с адвокатскими образованиями;

– позволить адвокатским образованиям использовать средства индивидуализации;

– позволить адвокатским образованиям участвовать в государственных закупках.

Не менее важным является то обстоятельство, что действующая редакция Закона об адвокатуре технически ограничивает адвокатские образования в праве участвовать в закупках юридических услуг частными, государственными и муниципальными организациями, так как в большинстве случаев в качестве участника тендера и стороны контракта, оформляемого по результатам проведения конкурса, может выступать только организация. Вместе с тем Закон об адвокатуре не допускает возможности заключения соглашения об оказании юридической помощи с адвокатским образованием. Участниками дискуссий, проведенных в ходе подготовки Концепции, данный вопрос неоднократно обсуждался как проблемный.

Отмечалось, что государственная политика в области развития адвокатуры не находит своего отражения в такой важной сфере рынка как осуществление государственных закупок у субъектов малого предпринимательства ввиду того, что оказание услуг адвокатскими образованиями невозможно, поскольку они являются некоммерческими организациями. При этом адвокатские образования, являясь профессиональными участниками рынка юридических услуг и соответствуя остальным критериям субъектов малого предпринимательства⁶, не могут воспользоваться преимуществами, предоставляемыми законодательством в сфере закупок таким субъектам. Фактически создается ситуация, при которой одни организации, оказывающие юридические услуги, находятся в завидомо привилегированном положении по отношению к другим, что является недопустимым, в том числе с точки зрения развития конкуренции. Таким образом, в некоторых случаях адвокатские образования вынуждены в целях обеспечения соответствия формальным требованиям создавать де-факто аффилированные коммерческие организации для участия в закупках.

Предлагаемые Концепцией решения в части расширения возможностей совместной организации адвокатской деятельности позволят решить указанную проблему.

При разработке нормативных правовых актов должен быть обеспечен комфортный транзит коммерческих организаций, оказывающих юридические услуги, в соответствующие формы адвокатских образований. При этом переход в статус адвокатского образования не повлияет на текущую деятельность таких компаний и не создаст препятствий для получения юридической помощи их клиентами.

Согласно подпункту 5 пункта 1 статьи 7 Закона об адвокатуре адвокат обязан ежемесячно отчислять сред-

ства на общие нужды адвокатской палаты в порядке и в размерах, которые определяются собранием (конференцией) адвокатов адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации, а также отчислять средства на содержание соответствующего адвокатского кабинета, коллегии адвокатов или адвокатского бюро в порядке и в размерах, которые установлены адвокатским образованием. При введении правила, в соответствии с которым адвокаты смогут создавать коммерческие корпоративные организации, необходимо предусмотреть освобождение адвокатов, являющихся участниками таких организаций, и адвокатов, с которыми заключены трудовые договоры, от отчислений на содержание этих организаций.

5.4. Основные направления нормативной актуализации других положений законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре

В целях обеспечения высокого качества оказания квалифицированной юридической помощи необходимо установить обязанность адвоката с определенной периодичностью проходить повышение квалификации с предоставлением подтверждающих документов в органы адвокатского самоуправления. На сегодняшний день Законом об адвокатуре закреплена обязанность адвоката по совершенствованию знаний, однако отсутствует корреспондирующая ей норма, устанавливающая ответственность адвоката за нарушение этого правила. В качестве механизма ответственности следует предусмотреть возможность адвокатской палаты субъекта приостановить статус адвоката, а в случае неоднократности нарушения – прекратить. Необходимо отметить, что подобная обязанность является распространенной во многих иностранных юрисдикциях. Стандарт повышения квалификации должен быть разработан Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, согласован с Министерством юстиции Российской Федерации и утвержден Всероссийским съездом адвокатов.

Наличие специализации на рынке юридической помощи и потребность многих юристов в избрании определенной отрасли права в качестве основной (возможно, и единственной) профессиональной практики являются предпосылками для постановки вопроса о специализации адвокатов и формировании специализированных секций по конкретной практике (отрасли права) в целях обмена профессиональным опытом, углубленного изучения вопросов, относящихся к избранной сфере специализации, в рамках повышения квалификации адвокатов, методической деятельности, научной работы, участия в правовой экспертизе законопроектов и иных формах правотворческой деятельности при обеспечении организационного единства адвокатуры и общих этических стандартов адвокатского сообщества. Специализация учитывалась бы при исполнении адвокатом своих обязанностей, в том числе по систематическому повышению своего профессионального уровня.

Адвокату, получившему звание специализированного, адвокатская палата выдавала бы соответствующий сертификат, и при этом такой адвокат сохранял бы

⁶ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации».

в полном объеме право практиковать в качестве адвоката общего профиля. Начать внедрение специализации целесообразно с ограниченного числа направлений (например, в сфере недвижимости, корпоративного, налогового, семейного и наследственного права, трудового права и права социального обеспечения), а затем, по мере накопления опыта и заявок адвокатов, число сфер специализации можно было бы расширять.

Сертификат специализированного адвоката будет являться подтверждением того, что качество работы адвоката в соответствующей сфере действительно соответствует заявленной специализации и, по сути, является дополнительным знаком качества, выданным и подтвержденным адвокатской палатой.

Адвокат, желающий получить сертификат специализированного адвоката в соответствующей сфере, должен подтвердить уровень знаний в этой сфере доказательствами повышения квалификации на специализированных курсах, наличием практического опыта в выбранной области права, а также успешно сдать экзамен специальной комиссии. Программы обучения, правила сдачи и приема экзаменов, а также состав оценочных комиссий могли бы определяться адвокатской палатой субъекта Российской Федерации по согласованию с Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации.

Специализированный адвокат должен в рамках выполнения обязанностей по повышению квалификации, установленных для адвокатов общего профиля, регулярно проходить повышение квалификации в области избранной специализации, а невыполнение этого требования влечет отзыв звания специализированного адвоката.

Вызывают критику положения Закона об адвокатуре, в соответствии с которыми статус адвоката могут приобрести лица, ранее судимые за совершение умышленных преступлений (имеющие погашенную или снятую судимость). Данные положения в целом несовместимы с адвокатской этикой, целями и задачами адвокатуры как института гражданского общества, выполняющего публичную функцию по защите прав, свобод и интересов физических и юридических лиц и обеспечению доступа к правосудию, в ряде случаев не соответствуют традиционным международным практикам и требуют обсуждения в ходе подготовки нормотворческих решений.

При подготовке изменений следует обеспечить условия и установить сроки для разработки и утверждения стандартов оказания квалифицированной юридической помощи и других стандартов адвокатской деятельности. Введение стандартов должно быть обеспечено нормами, обязывающими адвокатов к их соблюдению, и синхронизацией таких норм с инструментами дисциплинарной ответственности адвокатов за их нарушение.

Необходимо возобновить работу, связанную с рассмотрением вопроса о введении обязательного страхования рисков профессиональной ответственности адвокатов и адвокатских образований как в целях защиты интересов самих адвокатов (адвокатских образований), так и их доверителей. В настоящий момент действие подпункта б пункта 1 статьи 7 Закона об ад-

вокатуры приостановлено Федеральным законом от 03.12.2007 № 320-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» до дня вступления в силу федерального закона, регулирующего вопросы обязательного страхования профессиональной ответственности адвокатов. Как было отмечено ранее, во многих государствах наличие договора страхования является обязательным условием ведения адвокатской деятельности (Германия, Франция, Великобритания, Япония).

Результатом разработки и внедрения решений по совершенствованию законодательства в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности с учетом предоставления исключительного права судебного представительства адвокатам (с изъятиями, предусмотренными Концепцией) должен стать переход значительной части практикующих юристов в модернизированную адвокатуру. Существенное пополнение адвокатского корпуса высокопрофессиональными консультантами с одновременной модернизацией адвокатуры по всем обозначенным направлениям приведет к отложенному эффекту постепенного увеличения общего объема юридических услуг, предоставляемых адвокатурой, и значительным снижением объема услуг, предоставляемых другими лицами, с одновременным повышением качества оказания юридических услуг адвокатским сообществом.

5.5. Предложения по оптимизации налогового режима

При реализации положений Концепции и подготовке проектов нормативных правовых актов следует совместно с Министерством финансов Российской Федерации проработать вопросы, связанные с возможными вариантами оптимизации величины налоговой нагрузки для адвокатов и адвокатских образований, исходя из следующего.

В соответствии с действующими положениями главы 21 «Налог на добавленную стоимость» Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) услуги адвокатов не облагаются налогом на добавленную стоимость (далее – НДС), поскольку адвокаты, не являясь организациями или индивидуальными предпринимателями, не признаются налогоплательщиками НДС. С введением возможности для адвокатского образования оказывать услуги от своего имени, по общему праву, такие услуги будут облагаться НДС как услуги организаций, что приведет к увеличению их стоимости для клиентов. В этой связи следует рассмотреть вопрос о внесении в НК РФ изменений, предусматривающих освобождение от налогообложения НДС услуг адвокатских образований. Указанное освобождение может быть предоставлено либо в отношении всего объема профессиональных услуг, оказываемых юридическими фирмами, либо только в отношении услуг, которые оказываются физическим лицам.

При заключении соглашения об оказании юридических услуг от имени адвокатского образования сумма вознаграждения за оказание юридической помощи будет признаваться доходом, учитываемым также в целях налогообложения прибыли организации. В этой

Концепция регулирования рынка профессиональной юридической помощи (проект)

связи НК РФ следует дополнить нормой, предусматривающей в качестве расходов, уменьшающих налогооблагаемую прибыль, распределение адвокатским образованием вознаграждения между адвокатами согласно заключенному между ними соглашению, а также выплату вознаграждения адвокатам, которые работают по трудовым договорам и не являются партнерами (участниками) такого адвокатского образования.

Установленный в НК РФ перечень расходов, учитываемых в целях уменьшения налогооблагаемой прибыли, следует дополнить также расходами, обусловленными спецификой осуществляемой адвокатскими образованиями деятельности (например, расходы на уплату обязательных взносов в адвокатские палаты).

Режим налогообложения самих адвокатов также не должен зависеть от выбора ими формы адвокатского образования и закрепления с ним юридических отношений: соглашения об участии (о партнерстве), гражданско-правового договора оказания услуг (соглашения об оказании юридической помощи) или трудового договора.

Внесение каких-либо изменений в налоговое законодательство в части порядка удержания и перечисления налога на доходы физических лиц не требуется.

В части уплаты страховых взносов предлагается сохранить действующий в настоящее время режим обложения страховыми взносами вознаграждения адвокатов, независимо от того, какую форму адвокатского образования выбирает адвокат. Данный режим предусматривает ежегодный фиксированный размер страховых взносов, который существенно ниже суммы страховых взносов, подлежащих уплате в бюджет при применении общего режима обложения страховыми взносами оплаты труда наемных работников. Для применения указанного режима обложения страховыми взносами в отношении адвокатов, заключивших трудовые договоры, необходимо внести соответствующие изменения в главу 34 НК РФ «Страховые взносы». В ином случае в условиях отсутствия в НК РФ специальных положений оплата труда адвокатов, заключивших трудовые договоры, будет подлежать обложению страховыми взносами в общем порядке, предусмотренном для наемных работников, что фактически приведет к ухудшению положения адвокатов в сравнении с действующим порядком. Указанное может стать препятствием на пути реализации настоящей Концепции, поскольку увеличивает расходы и ухудшает финансовое положение адвоката, а также может привести к росту стоимости его услуг.

Принимая во внимание, что на сегодняшний день значительное число коммерческих корпоративных организаций, предоставляющих юридические услуги, применяют упрощенную систему налогообложения, при проектировании положений о возможности создания адвокатами адвокатских образований в организационно-правовых формах коммерческих организаций следует учесть необходимость сохранения указанного налогового режима.

Выбор конкретных способов корректировки налогового законодательства с учетом решений, предусмотренных настоящей Концепцией, будет осуществлен на первом этапе ее реализации совместно с Министерством финансов Российской Федерации, и должен

быть, прежде всего, ориентирован на максимально допустимое сближение налоговой нагрузки для всех адвокатов и адвокатских образований. Проектируемые изменения налогового законодательства должны соответствовать общей цели формирования нового профессионального статуса адвоката при сохранении уже имеющихся и эффективно зарекомендовавших себя решений с одновременной разработкой дополнительных механизмов, гарантирующих финансовую стабильность адвокатской деятельности, в том числе через установление прогнозируемых, адекватных и понятных режимов налогообложения.

5.6. Нормативно-правовое обеспечение реализации Концепции

В связи с тем, что достижение целей Концепции предполагается за счет объединения всех лиц, оказывающих юридические услуги, на площадке существующей адвокатуры с одновременным изменением законодательного регулирования данного института по направлениям, указанным в Концепции, в качестве базового закона для ее реализации целесообразно определить Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Изменения и дополнения в Закон об адвокатуре должны включать:

- уточнение понятия адвокатской деятельности путем расширения ее субъектов за счет новых форм адвокатских образований;
- реализацию концептуальных положений, связанных с возможностью осуществления адвокатами коллективной деятельности в рамках адвокатских образований в форме коммерческих организаций, в том числе определение объема их правоспособности;
- положения, устанавливающие право адвоката осуществлять деятельность по трудовому договору с адвокатским образованием и обязательные требования к такой деятельности, а также право осуществлять наем адвоката адвокатом;
- уточнение положений об обязательном характере систематического повышения квалификации адвокатов и дисциплинарных последствий нарушения такого правила;
- конкретизация норм, регламентирующих порядок заключения соглашения об оказании юридической помощи, в том числе введение правила о возможности заключения такого соглашения между доверителем и адвокатским образованием;
- уточнение требований к претендентам на приобретение статуса адвоката.

В части регулирования трудовых отношений адвокатов в случае заключения ими трудового договора с адвокатским образованием необходимо также дополнение Трудового кодекса Российской Федерации специальными положениями, устанавливающими особенности труда адвокатов. Распространение на адвокатов социальных гарантий, предусмотренных для работников, также может быть решено путем внесения изменений в трудовое и социальное законодательство.

В связи с введением исключительного права адвокатов на судебное представительство необходимо

внесение изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Внесение данных изменений является одним из принципиальных положений Концепции, обеспечивающих достижение задач повышения качества оказания квалифицированной юридической помощи гражданам и организациям, а также соблюдения публичных интересов при отправлении правосудия. Одновременно необходимо внесение изменений в процессуальное законодательство по вопросу допуска к судебному представительству корпоративных юристов, а равно иных категорий лиц, на которых в этой части не будут распространяться положения Концепции.

Законодательное закрепление правила, в соответствии с которым правом предоставления юридических услуг будут наделены только адвокаты (с учетом изъятий, предусмотренных Концепцией), потребует разработки норм, устанавливающих ответственность за его нарушение. При этом санкционные механизмы должны предусматривать ответственность как физических, так и юридических лиц. Виды и объем ответственности будут определены на этапе разработки проектов нормативных правовых актов.

Необходимо отметить, что оказанием юридических услуг на территории Российской Федерации в настоящий момент занимаются также международные юридические фирмы, большинство из которых действуют на территории России через созданные ими филиалы. Некоторая часть указанных компаний оформляет свое присутствие на российском рынке путем создания дочерних хозяйственных обществ. При этом владельцем 100 процентов долей участия в уставном капитале выступает, как правило, иностранная компания.

Такая ситуация привела к тому, что в России, несмотря на новые вызовы и угрозы национальной безопасности, продолжается доминирование иностранных юридических фирм.

При создании новых стандартов регулирования профессии не предлагается запрещать или ограничивать право российских клиентов заключить договор с иностранной юридической фирмой об оказании юридических услуг за границей для целей получения юридической помощи по вопросам иностранного права. Речь идет лишь об упорядочении их деятельности в России – о создании единого профессионального стандарта для оказания юридической помощи, причем на принципах взаимности и без нарушения обязательств Российской Федерации перед Всемирной торговой организацией.

Необходимо отметить, что в настоящее время в соответствии с пунктами 5 и 6 статьи 2 Закона об адвокатуре адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства. При этом адвокаты иностранных государств, осуществляющие адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации, регистрируются Минюстом России в специальном реестре.осу-

ществление адвокатской деятельности адвокатами иностранных государств на территории Российской Федерации без регистрации в указанном реестре запрещается.

Для обеспечения защиты национальных интересов следует предусмотреть, что осуществление не только адвокатской деятельности, но и деятельности по оказанию юридической помощи в любой другой форме лицами, являющимися адвокатами или юристами иностранных государств, допускается при условии их регистрации в специальном реестре, который ведется Минюстом России, и лишь по вопросам права данного иностранного государства, при соблюдении принципа взаимности (то есть иностранное государство, в котором данное лицо является адвокатом или юристом, предоставляет российским адвокатам на своей территории статус, позволяющий оказывать юридическую помощь).

Указанный порядок не исключает возможности иностранных граждан получить статус адвоката в Российской Федерации и право оказывать юридическую помощь по вопросам российского права, если они имеют высшее юридическое образование, полученное в Российской Федерации или Союзе ССР, либо высшее юридическое образование, полученное в иностранном государстве и признаваемое в Российской Федерации, при условии соблюдения принципа взаимности (то есть, если в соответствии с законодательством данного иностранного государства гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование, вправе получить в данном государстве на тех же условиях статус адвоката или иной аналогичный статус, позволяющий оказывать юридическую помощь по вопросам права этого государства).

Также необходимо установить, что с определенного момента юридические услуги по вопросам российского права (в том числе судебное представительство) на территории Российской Федерации смогут предоставлять только те организации, которые зарегистрированы в соответствии с российским законодательством в качестве юридических лиц, являющихся адвокатскими образованиями. При этом следует предусмотреть ряд мер, исключающих прямую или косвенную подконтрольность таких адвокатских образований иностранным лицам, в частности, путем установления ограничений по субъектному составу участников адвокатских образований и т.д.

Решения, предусмотренные Концепцией, не нарушают обязательств Российской Федерации, принятых при вступлении во Всемирную торговую организацию. В соответствии с пунктом II (1) (А) (а) Перечня специфических обязательств Российской Федерации по услугам, входящим в Приложение 1 к протоколу от 16.12.2011 «О присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 года», «только лица, получившие статус адвоката в соответствии с российским законодательством, вправе осуществлять представительство в уголовных судах и российских арбитражных судах, а также выступать в качестве представителя организаций в гражданском и административном судопроизводстве и судопро-

производстве по делам об административных правонарушениях».

VI. Этапы реализации реформы и переходные положения

Одним из базовых принципов реализации Концепции является этапность внедрения предусмотренных ей решений. Учитывая, что Концепция предполагает предоставление права на судебное представительство только адвокатам, а равно введение запрета на оказание юридических услуг лицами, не являющимися адвокатами или адвокатскими образованиями, соблюдение указанного принципа призвано обеспечить непрерывность оказания квалифицированной юридической помощи гражданам и организациям.

Следует предусмотреть длительный период для перехода лиц, оказывающих юридические услуги, в адвокатуру. При этом переходными положениями нормативных правовых актов, разрабатываемых во исполнение Концепции, должно быть предусмотрено поэтапное вступление в силу отдельных положений, касающихся, в том числе, судебного представительства и ограничений по оказанию юридических услуг.

Реализация Концепции будет осуществляться в три этапа.

6.1. Первый этап реализации Концепции (2018 г.)

На первом этапе реализации Концепции предусматривается разработка нормативных правовых актов по следующим направлениям:

- создание возможностей для выбора адвокатами существующих организационно-правовых форм коммерческих корпоративных организаций для ведения адвокатской деятельности (объединения в адвокатские образования), при этом создание новых организационно-правовых форм коммерческих организаций, не предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации, не предполагается;

- обеспечение возможности работы адвокатов по трудовому договору с адвокатскими образованиями;

- детализация режима налогообложения адвокатов и адвокатских образований в зависимости от избранной формы адвокатского образования и условий соглашения об оказании юридической помощи;

- обеспечение возможности использования адвокатскими образованиями, в том числе являющимися некоммерческими организациями, средств индивидуализации;

- обеспечение возможности участия адвокатских образований в государственных закупках;

- введение правила о том, что оказание юридической помощи лицами, являющимися адвокатами или юристами иностранных государств и не имеющими статуса адвоката на территории Российской Федерации, допускается при условии их регистрации в специальном реестре, который ведется федеральным органом юстиции, и только по вопросам права данного иностранного государства, при соблюдении принципа взаимности (то есть иностранное государство, в котором данное лицо является адвокатом или юристом,

предоставляет российским адвокатам на своей территории статус, позволяющий оказывать юридическую помощь);

- введение правила о том, что иностранные граждане вправе получить статус адвоката в Российской Федерации, если они имеют высшее юридическое образование, полученное в Российской Федерации или Союзе ССР, либо высшее юридическое образование, полученное в иностранном государстве и признаваемое в Российской Федерации, при условии соблюдения принципа взаимности (то есть, если в соответствии законодательством данного иностранного государства гражданин Российской Федерации, имеющий высшее юридическое образование, вправе получить в данном государстве на тех же условиях статус адвоката или иной аналогичный статус, позволяющий оказывать юридическую помощь по вопросам права этого государства);

- введение требований к адвокатским образованиям, устанавливающих запрет на прямой или косвенный контроль иностранных лиц над ними.

Для достижения указанных результатов требуется внесение изменений в Закон об адвокатуре, Гражданский кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Налоговый кодекс Российской Федерации, а также внесение изменений в процессуальное законодательство и законодательство о государственных закупках.

Также на первом этапе реализации Концепции в целях укрепления статуса адвоката необходимо при участии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации разработать предложения, которые будут обеспечивать повышение эффективности адвокатской деятельности: дальнейшее развитие института адвокатского запроса, защиты адвокатской тайны, упрощение процедур подтверждения оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в целях оплаты их труда в рамках Закона о бесплатной юридической помощи.

6.2. Второй этап реализации Концепции (2019 г.)

В рамках второго этапа предусматривается разработка нормативных правовых актов, обеспечивающих временный упрощенный порядок перехода лиц, оказывающих юридическую помощь, в адвокатуру, а также осуществление оценки реализации первого этапа Концепции в целях прогнозирования готовности перехода к третьему этапу.

Упрощенный порядок приема в адвокатуру предполагает проверку знаний только законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, осуществляемую в форме тестирования. При этом упрощенный порядок будет действовать в переходный период до 1 января 2023 года для лиц, соответствующих общим требованиям Закона об адвокатуре и одновременно отвечающих ряду дополнительных критериев. Лицам, не отвечающим установленным критериям, необходимо будет сдавать квалификационный экзамен на получение статуса адвоката в общем порядке.

Квалификационные экзамены в упрощенном порядке могут быть предусмотрены для всех лиц, имеющих высшее юридическое образование, полученное

в Российской Федерации или Союзе ССР, либо ученую степень в области юриспруденции, и стаж работы по юридической специальности не менее пяти лет в организациях (либо в качестве индивидуальных предпринимателей по этому виду деятельности), оказывающих юридические услуги на территории Российской Федерации. При этом должна допускаться возможность сдачи повторного экзамена для претендентов, не сдавших его в первый раз, в течение всего переходного периода реализации Концепции.

Необходимо предусмотреть максимально удобную и технологичную процедуру сдачи такого экзамена с использованием технологии удаленного доступа посредством сети Интернет, разработка и функционирование которой будут обеспечены Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации. Правила предоставления статуса адвоката в упрощенном порядке и порядок сдачи соответствующего квалификационного экзамена должны быть унифицированными, максимально прозрачными и публичными и будут утверждены совместно Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации и Министерством юстиции Российской Федерации.

На лиц, получивших статус адвоката в упрощенном порядке, в переходный период не должно распространяться требование, предусмотренное пунктом 1 статьи 21 и пунктом 1 статьи 22 Закона об адвокатуре, о необходимости наличия стажа адвокатской деятельности не менее пяти лет у адвоката, учреждающего адвокатский кабинет, либо не менее чем у двух адвокатов, учреждающих коллегия адвокатов.

Кроме того, при предоставлении статуса адвоката в упрощенном порядке должны быть отменены взносы (или установлен их необременительный единый размер), уплачиваемые претендентами целевым образом при вступлении в адвокатуру. В настоящий момент размер таких отчислений устанавливается решениями собраний (конференций) адвокатов адвокатских палат субъектов Российской Федерации и существенным образом отличается в различных регионах. Установление упрощенного порядка вступления в адвокатуру должно предполагать единообразие в решении данного вопроса. Сохранение существующего порядка определения размера взносов в переходном периоде создаст значительные препятствия при реализации Концепции.

Одновременно могут быть рассмотрены вопросы, касающиеся создания нормативных предпосылок для развития практики пробопо в адвокатской среде. В перспективе для адвокатских образований, оказывающих помощь пробопо, могут быть предусмотрены дополнительные преференции. В частности, оказание такой помощи адвокатским образованием может быть обязательным условием при размещении заказов на оказание юридических услуг для государственных нужд.

В связи с прогнозируемым увеличением числа адвокатов Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации в рамках второго этапа должны быть созданы необходимые условия для эффективной и системной работы квалификационных комиссий адвокатских палат субъектов Российской Федерации.

6.3. Третий этап реализации Концепции (2020-2022 гг.)

На третьем этапе реализации Концепции будет осуществляться прием в адвокатуру лиц, оказывающих юридическую помощь, в том числе в упрощенном порядке в соответствии с переходными правилами, разработанными и принятыми в рамках второго этапа. К моменту окончания третьего этапа реализации Концепции должен быть обеспечен переход в адвокатуру всех заинтересованных представителей юридического сообщества.

С 1 января 2023 года представительство во всех судебных инстанциях вправе будут осуществлять только адвокаты, а также лица, указанные в разделе IV Концепции.

Одновременно предусматривается, что с 1 января 2023 года юридическую помощь в Российской Федерации на возмездной основе вправе будут оказывать только адвокаты и адвокатские образования.

Коммерческие организации, осуществлявшие деятельность по оказанию юридических услуг и намеренные продолжить ее в дальнейшем, до 1 января 2023 года должны привести свои фирменные наименования, учредительные документы, партнерские соглашения, трудовые договоры, а также соглашения с доверителями в соответствие с новыми правилами Закона об адвокатуре, и при соблюдении необходимых требований получить статус адвокатского образования.

Также на третьем этапе реализации Концепции должен осуществляться регулярный мониторинг правоприменения разработанных и принятых в ходе первого и второго этапов нормативных правовых актов по следующим направлениям:

- число лиц, которым был присвоен статус адвоката в упрощенном порядке; динамика увеличения численности адвокатского сообщества;
- стоимость оказываемых адвокатами услуг с точки зрения их доступности для всех категорий граждан, нуждающихся в квалифицированной юридической помощи;
- количество вновь зарегистрированных адвокатских образований и их организационно-правовые формы;
- число адвокатов, заключивших трудовые договоры с адвокатскими образованиями;
- проблемы правоприменения, возникающие при реализации Концепции.

Мониторинг должен осуществляться совместно Министерством юстиции Российской Федерации (в рамках установленных полномочий по контролю и надзору в сфере адвокатуры) и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации.

В случае если в ходе мониторинга будет сделан вывод о том, что к 1 января 2023 года численность адвокатского сообщества не обеспечивает потребностей граждан и организаций в получении квалифицированной юридической помощи, либо имеются иные обстоятельства, препятствующие удовлетворению этих потребностей в полном объеме, возможна корректировка продолжительности третьего этапа реализации Концепции.